

Натали
Синегорская
Колдовской
отведай
плод

Annotation

Если жизнь твоя размерена и ты не ждешь потрясений, не думай, что так будет всегда. Лучшая подруга может отправить тебя в замок, чтобы навести там порядок с наследством и защитить его от кучи оголтелых родственников. Твоим спутником становится странный парень, а в замке полно магии и загадок. Сможешь ли ты их разгадать?

Глава 1. Музей магии. Архив и совещание у начальника

Глава 1. Музей магии. Архив и совещание у начальника

— Я тебя решительно не понимаю.

— Ну, пойми как-нибудь по-другому. Робко, что ли.

(Из трактата «Два веселых мага»)

Ранняя осень, вступив в Ойлин, столицу Данетии, осыпала деревья легкой позолотой, затянула небо синевато-серыми тучками и спрятала жаркие солнечные лучи в природную кладовую до следующего лета.

Ночью прошел дождик, и на мостовой то тут, то там темнели лужи, в которые я, топя рано утром на работу, то и дело наступала, чертыхалась, после чего долго трясла ногой, пытаюсь минимизировать болотце, образовавшееся в туфле. Из палаток одноотцовцев, раскинутых в подворотнях и прямо на мостовых, выглядывали заспанные физиономии. Я запнулась о палатку, и та чуть не рухнула, обдав меня брызгами и приглушенной руганью.

— Извините, — раздраженно гаркнула я.

В голосе моем не было ни нотки раскаяния, ведь просить прощения надо было как раз одноотцовцам — я зацепилась за колышек палатки и чуть не взвыла, так как обнаружила на чулке очередную затяжку. Никакой зарплаты не хватит на чулки, честное слово! Может, и правда, послушаться маму и уехать к ней в далекую Антистру, где она живет уже три года? Познакомиться там с хорошим парнем, одним из тех, что она без конца сватает, и не думать больше о нехватке средств на квартплату, одежду и еду.

Музей магии, где я работала, расположен почти в центре Ойлина, в престижном старинном районе. Здесь живут магическая знать и богатые безмаги, лояльные к нынешнему правительству. Пышные особняки своим экстерьером напоминают о прежних временах, когда в почете были магические искусства. Проходя тут ежедневно, я неизменно любовалась расписными стенами, ажурными наличниками, величавыми шпилями — всем, что чудом сохранилось после многочисленных стычек магов с безмагами. Особым удовольствием я считала находить каждый раз какую-нибудь новую деталь в росписи стен. Порой казалось, будто детали подрисовываются ежедневно. Хотя, конечно, это не так. Росписям, украшавшим фасады, исполнилось, как говорила мама, в обед триста лет.

Вот и сейчас я остановилась, чтобы как следует рассмотреть привлекающую внимание картину. Высокий красивый маг, нарисованный на глухой стене одного из богатых домов, протягивал мне яблоко с воткнутым в него серебристым кинжалом.

Мага мы с моей подругой Данни называли яблокожором, строили ему рожи и глазки, и, кажется, были немного влюблены. Неловко вспоминать, как однажды из дверей дома вышел пожилой мужчина и, увидев меня, дразнящую нарисованного мага, принялся громко и сердито отчитывать. В детстве я постоянно робела и всего стеснялась, поэтому вместо того, чтобы ответить «сам такой», покраснела и бросилась прочь, а потом несколько дней ожидала, что меня арестует патруль безмагов. Долго еще после того случая я обходила дом яблокожора стороной, пока, не переборов однажды страх, приблизилась к нему почти

вплотную. Маг все также улыбался мне со стены — как мне казалось, чуть укоризненно. Наверное, он обижался на мое долгое отсутствие...

Непонятно, что привлекло мое внимание сейчас. Но, едва глянув на картину, я посмотрела пристальней и уже не смогла отвести взгляд. Притягивала к себе одна деталь — рукоять кинжала. Ее изобразили не гладкой, а с инкрустацией. Тонкие линии складывались в какой-то рисунок, и я пыталась понять, в какой именно. Поэтому не сразу заметила быстроходку, несущуюся по дороге. А когда заметила, не поверила глазам. Машина мало того, что неслась с огромной скоростью, подпрыгивая на булыжниках мостовой, так еще и виляла из стороны в сторону, словно мчалась по горному серпантину. Водитель что, с ума сошел? Разве можно садиться за руль пьяным или с похмелья?

Я едва успела отпрыгнуть в сторону, почти впечатавшись в резную ограду одного из особняков и, конечно, зацепила второй чулок.

— Разуй глаза, ненормальный! — громко посоветовала я белобрысому затылку.

Впрочем, хозяин затылка меня даже не заметил. Так же, как и палатку одноотцовцев. Оппозиционерам повезло меньше — быстроходка выдрала из мостовой ближайший к ее траектории колышек и потащила за собой. Палатка смялась, увлекаемая за колышком, а трое одноотцовцев в одночасье лишились жилища. Магический патруль вывернул из-за угла и бодро направился к нарушителям порядка. Последние нарушителями признавать себя не желали, громко возмущались и указывали в сторону, куда скрылась вихляющая быстроходка. Патруль не поверил бастующим на слово, и троица потерпевших принялась оглядываться в поисках свидетелей. Я сочла за благо как можно быстрее смыться. Куранты отбили без четверти девять. До начала работы осталось всего ничего, а опоздать я никак не могла — штраф за нарушение трудовой дисциплины бросил бы меня в очередную финансовую яму.

В принципе, я уже почти пришла. Музей магии находился рядом с государственными курантами — монументальной старинной башней, которая настраивала работу часов во всей стране. Изобретенные на заре магических времен, куранты с тех пор не претерпели больших изменений. Все тот же серый камень и деревянные ворота. Все та же винтовая лестница вела к верхней обзорной площадке. Говорят, к изобретению курантов приложил руку сам святой Улия. Так ли это на самом деле — неизвестно. Многие факты истории в темные времена безмагии были перевернаны и искажены. Взять хотя бы находящийся здесь же, на площади рядом с музеем и курантами, фонтан Великих Подпор, к которому я неизменно подходила каждое утро, чтобы безмолвно поприветствовать шестерку.

Во времена безмагии фигуры Великой шестерки не раз хотели переделать и даже переплавить, но скульптурная группа оказалась укрыта таким плотным магическим пологом, что снять его можно было только разрушив куранты. Тогда фонтан объявили памятником шести ремеслам и оставили в покое. Но, несмотря на жалкие потуги безмагов похоронить память о Подпорах, каждый житель Данетии знал, кто эти четверо мужчин и две женщины.

Вот Инея, великая целительница и травница, с букетом цветов в одной руке и с книгой — в другой. Ее заговоры до сих пор считаются одними из самых действенных.

Вот Кайнан со свирелью, прижатой к губам — бывший пастух. Он первым уверовал в чудесный порошок, а затем воспел его в многочисленных песнях и балладах.

Рнав со свитком, хронист, записывающий сперва все, что придется, а позже — песни Кайнана, кои лились из пастушка рекой, да житие Святого Улии. Именно благодаря его неустанному труду сохранились некоторые эпизоды из жизни Улии и Подпор.

Пышнотелая Биаска, финансовая Подпора, без которой Улия погряз бы в нищете и безвестности, изваяна с денежным мешочком в левой руке и монеткой — в правой.

Лепарь, как понятно из его имени, был лекарем. Он неустанно пользовал больных, применяя могуллий, и экспериментальным путем выводил дозу порошка для лечения той или иной хвори. Неизвестно, впрочем, все ли его эксперименты закончились успехом.

Замыкал шестерку Подпор кузнец О-Фрари, опирающийся на огромный молот, изготовитель несметного количества артефактов. Он придумал технологию сплава волшебного порошка могуллия с металлом, в результате чего последний приобретал магические свойства.

Я не страдала религиозным фанатизмом. Однако каждый из этой шестерки внес значительный вклад в жизнь страны, поддерживая Улию и творя магию, без которой немислима жизнь Данетии вот уже почти тысячу лет. Впервые о Подпорах мне поведал один маг, самый первый маг, с которым я познакомилась. Когда-то, будучи ребенком, я спасла его от преследования. И с тех пор его образ жил в отдаленном уголке моего сердца...

А вот и наш музей. Высоченное шестиэтажное здание с узкими окнами и ажурными ставнями, оно так же плотно опутано сетью магического контура, как плененная муха — паутиной. Контур играет роль и сторожа, и надзирателя — в случае опоздания начальник тут же получает весь компромат на нарушителя.

Во времена безмагии здесь располагался антимагический комитет, состоящий, впрочем, из тех же самых колдунов, хотя и лояльных к власти. Три года назад, когда правительство сменилось, комитет выдворили, а на месте его обитания решили организовать музей магии — для наглядной демонстрации, чего лишилось население страны, находившейся под гнетом безмагов. И, как только архив музея объявил набор сотрудников, я пришла туда, не раздумывая, хоть и на самую мизерную зарплату. Потому что работать с артефактами мечтала с момента получения маго-взора.

Я вбежала в музей в девять часов пять минут — охранники при этом неодобрительно покачали головами — проскакала вниз по лестнице в архив, плюхнулась на стул, отдышалась и принялась за работу. Машинально ворошила рукописи на столе, откладывала в сторону те, что требовали расшифровки или перевода с домагического языка на современный данетский. Отбирала экспонаты, предназначенные для детального описания свойств. Подходящие для экспозиции складывала в специальный ящик — его потом заберут и отнесут в зал.

Дверь распахнулась, и передо мной появилась слегка оплывшая фигура моего начальника, миста Банкин-тонса. Ко всегдашнему унылому недовольству на его физиономии прибавилось возмущение.

— Мирохарда, — сердито произнес он, дергая мочку правого уха. — Сколько можно? Я предупреждал или нет, чтобы вы прекратили таскать сюда своего поклонника?

— Какого поклонника? — изумилась я, так как, во-первых, ожидала взбучку за опоздание, а во-вторых, припоминала, был ли у нас с начальником разговор о каких-либо поклонниках. Но так и не вспомнила.

— Того самого. Он снова явился. Только теперь почему-то ко мне. Убедительно прошу оставить свою личную жизнь за порогом музея!

— С этой стороны или с той? — невинно спросила я.

Начальник погрозил пальцем.

— Бросьте свои шуточки. И передайте ему, чтобы больше сюда не являлся!

Мне стало безумно интересно, кого он принимает за моего ухажера.

— Нашли место для свиданий! И ведь какой предлог придумали, не подкопаешься! Он, видите ли, то одну штучку принесет, то другую. Хоть бы что-то оказалось магическим! А сегодня приволокся с грудой задрипанных книжек.

Я, наконец, поняла, кого он имеет в виду. Заявилось мое личное наказание в лице Ербин-тонса.

— Я, его, конечно, впущу. Но не сегодня, а завтра. И чтобы это было в последний раз, понятно?

— Понятно.

— Как только разберетесь со срочными делами, поднимитесь в мой кабинет на совещание. Я сделаю важное заявление. Кстати, чем вы занимаетесь сегодня вечером?

Это был его дежурный вопрос. Мне так и не удалось определить — то ли он пытается за мной ухаживать, то ли выпытывает, сколько времени я провожу в архиве сверхурочно. Он ни разу не предложил прогуляться или вместе поужинать. Впрочем, ведь и я всегда отвечала, что занята.

— Ну-ну. Кстати, за опоздание я лишаю вас полугодовой премии.

Начальник раздраженно подергал за ухо, развернулся и вышел.

Я показала его спине язык. Вот интересно, если бы вечером я была свободна, премия осталась бы при мне или нет? Лишиться ее в моем теперешнем положении — просто катастрофа. Каждый фрар — да что там фрар, каждый биас был теперь на счету.

Закончив разбирать экспонаты, я побежала наверх, в кабинет Банка. Совещание было в самом разгаре: подчиненные мирно дремали, начальник что-то бубнил, глядя в бумажку. Увидев меня, встрепенулся:

— Наконец-то. Садитесь, Мирохарда. Вы как раз вовремя. У Истан-тонса есть к вам пара вопросов.

— У меня? — пробудившийся заместитель похлопал глазами и недоуменно воззрился на начальника.

— У вас, — с нажимом повторил тот.

— А, да-да. Мирохарда, доложите готовность к открытию первой экспозиции.

Я доложила. Перечислила экспонаты, исследованные на прошлой неделе, отметила особо ценные, прикинула затраты.

— Это все замечательно, — сказал Банкин. — Однако мы до сих пор не имеем ни одного экспоната, изготовленного собственноручно Святым Улием или одной из Великих Подпор. Вчера, как вы знаете, меня вызывали в министерство магической культуры. Я имел очень неприятный разговор с заместителем по Святому наследию. Мы, дескать, засиделись на местах, закопались в архивах (сердитый взгляд в мою сторону), превратились в подвальных крыс. Мне рекомендовано усилить работу в этом направлении.

— Каким образом? — подал голос Истан.

— Организовать изыскательские экспедиции. Работать с населением в глубинке. Наверняка в пыльных чуланах и на чердаках сельских домов валяются артефакты под видом ненужного хлама. Скупать их, не выдавая истинной ценности.

— Может быть, стоит проводить среди населения разъяснительную работу? — спросил начальник отдела магической литературы, мист Граникл-тонс. — На тему «Поможем музею, возродим магическую культуру». Или «Безвозмездное пожертвование на культурные нужды

— долг каждого культурного человека».

— Можно и так, — согласился начальник. — Напишите предложения, составьте тексты докладов и укажите, сколько сотрудников готовы поехать по стране с агитационными мероприятиями.

— Каких сотрудников? Моих? — изумился Граникл.

— Ваших, ваших. Будет от них хоть какая-то польза. А то взяли моду чай гонять да перевернуть жития святых. Вчера зашел в ваш отдел и что я там увидел?

— Призрак Святого Улии? — шепотом предположил Истан.

— Не смешно! — гаркнул Банкин. — Я увидел последний «Вестник магии» в жирных пятнах и чайных брызгах! Теперь я уже сильно сомневаюсь, что отметины на «Заговорах против перхоти» Святой Подпоры Инеи — это следы зелий и отваров.

— Есть необходимость предотвращения заговоров? — очнулся доселе дремавший начальник охраны мист Брасш.

Истан с серьезным видом кивнул.

— Тогда такое предложение, — откашлявшись, сказал Брасш суровым тоном. — Мы собираем всех дееспособных... нет, способных держать оружие... нет, достаточно, если они будут просто держаться на ногах... сотрудников и оцепляем здание музея.

— Когда? — деловито поинтересовался Граникл.

— Немедленно! — воскликнул Брасш.

— Давайте не сегодня, — предложил Истан.

— Нет, именно сегодня! Как только появляется эта... Э-э-э... простите, против кого устраивают заговор?

— Против перхоти, — объяснил Граникл.

— Против перхоти?! — изумился Брасш и повернулся к начальнику. — А что сделала перхоть?

— Хватит устраивать балаган! — Банкин хлопнул ладонью по столу. — Вы издеваетесь или насмехаетесь? Хотите порезвиться — топайте к одноотцовцам! А у нас серьезное заведение, между прочим. Сегодня после обеда я желаю видеть на своем столе списки сотрудников, готовых отправиться в экспедицию! По пять человек от каждой службы!

Все зароптали. Истан привычно сказал «давайте не сегодня», Граникл поднял руку:

— Идея! Почему бы не выдать какой-нибудь современный артефакт за старинный? Хотя бы временно. Пока не найдем настоящий. Все равно все эксперты работают у нас. Поэтому никто ничего не узнает.

— Мы не будем заниматься фальсификацией истории, — сказал Банкин таким тоном, что стало ясно — еще как будем. И, наверняка, уже занимаемся. — Ну, хорошо, по четыре.

— Еще вопрос, — руку поднял Истан. — Дело в том, что далеко не у всех сотрудников есть маго-зрение. А таскать с собой определители магической энергии — накладно.

— Вам никто не разрешит не то что тащить в экспедиции, но и выносить за пределы института хотя бы один определитель! Все, что выкупите у селян, везите сюда. Мирохарда определит ценность на глаз.

Ну конечно, опять Мирохарда. Меня-то эксплуатировать намного дешевле.

— И вообще, — продолжал Банкин. — Сколько раз я вам говорил: ищите людей с маго-зрением! Нашли — приводите сюда, устроим на работу.

— Давайте не сегодня, — это, конечно, Истан.

— Я троих уже приводил, — вздохнул Граникл. — Никто не согласился работать за

такую зарплату. Мы, говорят, не сумасшедшие.

Все с подозрением уставились на меня. Я пожала плечами. Ну да, сумасшедшая, и не скрываю.

— Приходили еще несколько, и даже были согласны на зарплату, но оказались шарлатанами.

— А за что я вам должен платить много? — взвизгнул начальник. — Чай пьете, сплетничаете. Спите даже на совещаниях! Разбудите уже завхоза!

Граникл, рядом с которым сидел завхоз, поколебался, потом легонько толкнул его в бок. Тот, не просыпаясь, медленно сполз со стула на пол.

— Он с ночного дежурства, — пояснил Истан.

— Тогда какого демона пришел на собрание?

— Вы же просили, чтобы пришли все, — подсказала я. — Хотели сделать важное заявление.

— Гм, — сказал Банкин. — Дело в том, что сообщение хотел сделать директор, но почему-то до сих пор от него нет...

Банкин не договорил. Переговорный шар, стоящий на его столе, запереливался всеми цветами радуги, и нашего начальника пригласили к директору.

— Никому не расходиться, — велел Банкин и выскочил за дверь.

— Интересно, чего до сих пор нет от директора? — глядя на закрывшуюся дверь, спросил Брасш.

— Никакого толка? — подсказал Истан.

— Повышения зарплаты сотрудникам, — предположила я.

Мы еще немного поразвлекались, придумывая невероятные и остроумные варианты. Потом зашел Банкин.

Сразу стало понятно: что-то случилось. Видимо, какой-то вариант мы все-таки упустили, и именно он сейчас и сработал. Лично я никогда не видела вечно унылого Банкаина таким мрачным. Он тяжело опустился в кресло и тусклым голосом произнес:

— Директор только что из министерства. Ему сообщили очень секретную информацию. Прошу слушать и запоминать. Ничего не записываем! Никому не рассказываем! Слышите, Мирохарда? Даже вашей матери!

Я прониклась серьезностью момента и важно кивнула.

— Итак, — Банкин обвел притихших подчиненных тяжелым взглядом. — Новость эта весьма и весьма неприятна, для нас — особенно. Информация, как я сказал, секретна и не должна быть распространена дальше этого кабинета. Мне бы никогда ее не доверили, если бы она косвенно не касалась всех нас и дальнейшей судьбы музея.

— Не тяните уже, начинайте пугать, — сказал Истан.

— Начинаю, — ничуть не рассердился Банкин. — В ближайшее время мы все — я подчеркиваю: все, а не только я и директор, как кое-кто мечтает — можем оказаться без работы.

— Музей закрывают? — деловито спросил Брасш, видимо, соображая, куда можно свинтить, пока не закрыли окончательно.

— Могут закрыть, Брасш, могут.

— Как они закроют-то? Мы ж еще даже не открылись! — удивился Истан.

— И зачем? — спросила я. — Неужели древние артефакты никому не интересны?

— Как экспонаты — разве что туристам, — сказал Банкин. — Но сейчас складывается ситуация, когда маго-штучки понадобятся по своему прямому назначению, а именно — как источник магии.

— Поясните, — попросил Истан.

— Все вы знаете, — сказал Банкин, — что наше государство держится на волшебном порошке могуллии вот уже почти тысячу лет. Как думаете, что произойдет, если могуллий исчезнет? Правильно, очередной переворот, так как магам невозможно будет удержать власть. Кроме того, мы лишимся источников энергии, а, значит, голод и холод придут в дома...

— Это ж прописные истины, — сказал Граникл. — Можно сказать, с детства знакомые.

— Эти истины в детстве были изложены вам в качестве сказочки, — сердито зыркнул на Граникла Банкин, — которые теперь запросто могут стать былью!

— Да ну, — не очень уверенно протянул Истан. — Как это могут? А если и могут, то не сегодня же.

— Именно что сегодня. Все потому, что исчез источник волшебного порошка.

Пауза. Мы словно онемели. Исчез источник могуллии? В это невозможно поверить!

— Поясните, — снова попросил Истан.

— Да чего там пояснять, — с досадой сказал Банкин. — Святоулианцы, это сборище старых маразматиков, так законспирировали добычу порошка, что окончательно запутались и попали в грандиознейший тупик, из которого сами выбраться не могут. Хорошо, догадались возопить и позвать на помощь. Хотел бы я знать, кто из первых мудрецов додумался до безумно сверхсекретной комбинации получения могуллия. В свое время святоулианцы разработали схему доставки порошка правительству таким образом, чтобы никто не догадался, где находится источник, то бишь Блуждающая пещера, и кто является ее Открывашкой... пардон, Привратником. Назначили двадцать семь Магистров, каждый из которых мог в равной степени иметь доступ к Блуждающей. Построили каждому небольшое поместье в разных концах Данентии. И обязали каждого из двадцати семи один раз в месяц выкатывать бочку, которую забирал присланный из столицы гонец и доставлял Верховному Магистру. Тот вскрывал бочки в специальном помещении, куда не имел доступ никто, кроме самого Верховного, и через некоторое время магический (или антимагический во времена безмагии) комитет получал двадцать шесть бочонков превосходного вина и один — отборного могуллия, столь необходимого для жизни всей страны.

— Зачем же так сложно-то? — удивился Граникл. — Нагородили двадцать семь бочек арестантов... А просто поставить на пещеру защитный купол сложно?

— Так она ведь Блуждающая, — пояснил Истан. — В прямом смысле слова. Никто не знает, где находится и как отыскать. Она примерно как черный странник — сегодня здесь, завтра там. Ну, поставишь ты купол, а пещера бац — и переместится. Непонятно одно — как ее находит сам Орден.

— А для этого, — сказал Банкин, — у каждого из Магистров есть специальный ключ, который не только открывает пещеру, но и каким-то образом показывает ее расположение. Неизвестно, впрочем, каждый ли ключ ее открывает, или только один из двадцати семи. Но не это главное. Дело в том, что во всех доставленных пару дней назад бочках оказалось вино. Я подчеркиваю — во всех. Ни в одной не было могуллия! И такой казус происходит уже третий раз!

— И... что? — не понял Брасш.

— Это означает, что Привратник по каким-то причинам не смог извлечь из пещеры могуллий и наполнить им бочку. Верховный Магистр не дает никаких пояснений и вообще, кажется, хочет дать деру. Кто из двадцати семи является Открываш... Привратником, неизвестно. Это, видите ли, тайна. Чтобы, значит, на него не вздумали покушаться. Вот, прости Улия, идиоты. Лучше бы установили возле поместья охрану. Которая перемещалась бы вместе с Блуждающей. Не пришлось бы сейчас кричать караул и взывать о помощи. Если, как они утверждают, подобный механизм за многие сотни лет не давал сбоев, то что могло произойти на этот раз? Никто не знает, видите ли. А тем временем запасы могуллия подходят к концу. И если в ближайшее время ситуация не изменится, то наш музей прикроют, а все экспонаты заберут для пополнения магического резерва.

— Их хватит ненадолго, — сказала я. — Многие артефакты пусты и представляют исключительно историческую ценность, а кое-какие можно применять лишь по прямому назначению.

— Это не наша забота! — рявкнул Банкин. — И уж тем более, не ваша, Мирохарда! Я не спрашиваю мнения, я информирую. Если в ближайшее время порошок не будет доставлен, то музей закроют, артефакты заберут, мы останемся без работы, а страна погрузится в первобытный мрак. Да и просто во мрак!

Судя по вытянувшимся лицам, погружаться во мрак — еще туда-сюда, но оставаться без работы? Невозможно!

— А что же делать? — спросил Истан.

— Я пообещал директору приложить все силы к поиску Блуждающей, ключа и Привратника, — сказал Банкин. — Равно как и к разрешению загадки с пропажей могуллия. Подключайтесь.

— Как подключаться? — недоуменно спросил окончательно проснувшийся Граникл.

— Очень просто, — сказал Банкин. — Мы, никому ничего не объясняя, продолжаем изыскательские работы. Как и планировали, разъезжаем по стране и ищем артефакты для музея. Но первостепенная задача — найти пещеру и понять, что вообще происходит. Поэтому маршруты ваших поездок будут пролегать мимо поместий Магистров Ордена, и вы по мере возможности станете разнюхивать все, что там происходит. Итак. До завтра сформируйте группы, утром списки ко мне на стол для утверждения.

— А перечень поместий имеется? — уточнил Истан.

— Имеется, — Банкин потряс какой-то бумажкой. — И поместий, и Магистров. Но поскольку документ сверхсекретный, я выдам пароли и явки только командировочным. Понятно? Да, и еще. Так как дело крайне важное, то министр пообещал за любую информацию об интересующих его предметах весьма недурную премию.

— У-у-у... — загудели все.

В премию никто не верил. Хоть бы командировочные дали.

— А когда ехать? — спросил Истан.

— Не сегодня, — успокоил его Брасш.

— Очень большое денежное вознаграждение, — внушительно сказал Банкин.

— Да хоть какое, — сказал Граникл. — Вы считаете, население нам вот так запросто выдаст секретную информацию? Оно, поди, даже и не подозревает, что рядом живет один из двадцати семи Привратников.

— Дельное замечание, — одобрил Банкин. — Мне доподлинно неизвестно, что на уме у населения. Вот вы, Граникл, и составите подробный план предстоящих поездок с

предложениями, как извлечь из аборигенов нужную информацию. Все, свободны.

Мы уныло разбрелись по рабочим местам.

Чуть позже Истан, Граникл и Брасш спустились ко мне в архив, якобы для обсуждения экспозиции. На самом же деле им не терпелось потрепаться о последних новостях.

— По-моему, — сказал Истан, — министр что-то недоговаривает. Или сам не в курсе происходящего. Вот вы мне скажите, как такое может быть: имеются двадцать семь Магистров. У каждого есть ключ, не только открывающий пещеру, но также на нее указующий. Даже если один ключ или Магистр пропадет, то что? Остается еще двадцать шесть работающих! И почему, спрашивается, никто из них не может найти пещеру и извлечь могущий? Для чего понадобилось привлекать нас? Есть ведь магический сход, Орден, патруль. Они что же, сидят сложив лапки и ничего не предпринимают?

— Предприняли уже, — сказала я. — Нас вот припахали.

— Это у них юмор такой? — спросил Брасш. — Припахивать абы кого.

— Может, ты не абы кто, — ехидно предположил Истан. — Может, ты и есть очередной Открывашка.

— Угу, а ключ мой — гаечный мой ключ.

— Кстати, никто не знает, как этот ключ выглядит? — спросил Истан и почему-то посмотрел на меня.

— Не знаю, — сказала я.

— А я, кстати, слышал, — сказал Граникл. — Ребята недавно читали вслух какую-то брошюрку. Он называется то ли вертец, то ли светец. Вроде бы вертится, пока на Блуждающую не покажет.

— Брошюра-то, поди, из серии «Юмор в магической лавке»? — ехидно спросил Истан.

— Вовсе нет, — Граникл, кажется, обиделся. — Серия называется «Магия — сила».

— Так это ж фактически одно и то же, — пожал плечами Брасш. — А про светец я тоже слышал.

Тут ко мне явилась парочка горожан с несколькими артефактами, и я с облегчением выпроводила троицу. Им-то хорошо, можно хоть целый день языками чесать. А мне работать надо!

В надвигающуюся тьму не верилось ни минуты. Неужели маги такие дураки, что не создали никакой резерв на подобный случай? Резерв, конечно, рано или поздно израсходуется, но за это время вполне можно что-то предпринять. Полагаться в жизни, политике и экономике только на чудесный порошок, как бы чудесен он ни был — верх недалевидности.

Глава 2. Дорога домой. Явление Данни. Воспоминание о яблочном замке

Глава 2. Дорога домой. Явление Данни. Воспоминание о яблочном замке

— Я увеличиваю свое состояние.

— А я преувеличиваю.

(Из трактата «Два веселых мага»)

Домой я шла уставшая, голодная и в дурном расположении духа. Угнетало лишение премии. Я угодила в финансовую яму, причем весьма надолго. Тревожили командировки сотрудников. На деле это означало, что мне привалит работа, но, увы, не премия. И если кто-то теоретически может получить прибавку за сведения о треклятых Ключе, Привратнике и Пещере, то мне ничего подобного не грозит. Что угнетало еще больше.

К тому же начал накрапывать дождик, а я, как на грех, не взяла с собой плащ, и мокла, бредя по почти пустынным улицам. Совершенно упав духом и, чтобы немного его поднять, зашла в «Румяный блинчик» и накупила пончиков на ужин.

И, только выйдя из магазинчика, заметила двух мужиков. На первый взгляд ничего особенного — прохожие как прохожие, идут себе по своим делам. Но отчего-то они мне сразу не понравились. Глянула мага-взором и обомлела. Вокруг шеи одного из них явно просматривался черный провал, признак запретного артефакта. Точно такая же чернота струилась из кармана второго. Чем конкретно обладала эта парочка, неважно — в любом случае от них надо держаться подальше. Запретники разряжались в самый неподходящий момент, и под раздачу могли попасть случайные прохожие. В данный момент на улице из случайных находилась только я.

Нырнув обратно в «Румяный блинчик», я немало озадачила продавца, долго ковыряясь в пончиках и блинчиках, разложенных на прилавке. В конце концов купила три блина — талии все равно нет, как и денег — и решила высунуться наружу.

Мужики крутились неподалеку. Надеюсь, что караулят не меня, я осторожно двинулась по направлению к дому. На углу оглянулась. Парочка неторопливо шла следом.

Завернув за угол, я побежала. И через некоторое время с ужасом услышала топот за спиной. Они гнались за мной, уже не особо скрываясь. Я задыхалась от быстрого бега, мысли металась, словно вспугнутые птицы. Что делать? До дома еще далеко, они меня обязательно нагонят. Кто они такие? Грабители? Насильники? Убийцы? Откуда у них запретники?

Отчего на улицах пустынно? Где хотя бы один прохожий, где, наконец, палатки одноотцовцев, это городское бедствие? Ох, как бы я сейчас им обрадовалась!

Топот раздавался совсем близко, мои колени подгибались, и я уже готова была принять свое поражение, как вдруг из-за ближайшего поворота, тархтя, вылетела быстроходка. Я почувствовала невероятное облегчение и, ни минуты не раздумывая, бросилась прямо на нее.

Водитель, видимо, не ожидал ничего подобного. Я успела заметить его перекошенное от ужаса лицо, потом ощутила толчок в грудь и повалилась на мостовую, потеряв сознание. Последнее, что я увидела, были злющие светло-голубые глаза и белобрысая челка, гневно торчащая надо лбом.

...Лодка покачивалась, баюкая, словно люлька. Волна обдавала брызгами. Я держала

весло, пытаюсь выгрести на сушу. Оно вырывалось и ворчалось:

— Да отпусти, чего вцепилась! И так тяжело! Если уж бросаешься под колеса, будь добра перед этим похудеть хотя бы вполовину!

Последняя фраза заставила открыть глаза и прийти в себя.

Конечно, никакой лодки не было и в помине. Сверху все так же сыпал мелкий надоедливый дождик. Меня куда-то волокли, а я цеплялась за одну из тащивших меня рук.

К тому же кто-то весьма нелестно отзывался о моей внешности!

Внезапно все вспомнила: два типа с запретниками, гнавщиеся за мной, вывернувшая из-за угла быстроходка, толчок, падение.

Я дернулась, локтем врезала тащившему меня типу по ноге. Он взвыл, выругался и разжал руки. Кряхтя и ойкая, я поднялась.

Тип оказался сердит, голубоглаз, белобрыс, невысок и тучноват. Нет, ну кто бы говорил о похудании!

А вот эти глаза я определенно уже видела. Но где и когда? А, ну конечно! Перед падением в обморок. Так это, значит, водитель быстроходки?

Сейчас он потирал ушибленное мной колено:

— Ты что, идиотка?

— Нет, — сказала я, уверенная в своей правоте.

— А, по-моему, да. Я ее спасаю, а она лупит изо всех сил!

— Неправда, я тихонько. Приняла вас за разбойника.

— Ну, точно идиотка. Приняла за разбойника, а сама под машину бросилась.

Я оглянулась по сторонам:

— Кстати, а где двое, что за мной бежали?

— Не было тут никого, — пожал плечами белобрысый. — А вот ты, по-моему, меня преследуешь.

— Что-о-о?

Я удивленно посмотрела на парня. И узнала его еще раз. Ну, конечно, это был тот самый лихач, что утром несся зигзагами и подскоками.

— Я не преследую, — честно сказала я. — Твой стиль вождения не в моем вкусе.

— Нормальный стиль, — возразил парень. — Слушай, кончай трепаться. Давай садись, подвезу. А то еще кого-нибудь сшибешь, приняв за разбойника.

— Спасибо, — сквозь зубы проговорила я. — Никогда и ни за что не сяду в твою машину. Пройдусь пешком.

— Ну и топай.

Он сел за руль и, подпрыгивая, укатил.

Я тут же пожалела, что не согласилась поехать. Потому что чулки оказались разодранными окончательно, колени — исцарапанными, пальто — запачканным грязью. Болел затылок, которым я приложилась к мостовой. Я прислонилась к резному заборчику и закусила губу.

Единственное, что поддерживало во мне жажду жизни — пакет с пончиками и блинами, чудом уцелевший при столкновении с быстроходкой.

Два типа больше не появлялись, и я довольно быстро доковыляла домой. Переделась, вскипятила воду, заварила душистый травяной сбор. Съела пару пончиков. И только тогда душевное равновесие начало постепенно восстанавливаться.

Только я принялась за третий пончик, как входной сторож принял вид петуха и закукарекал.

Я полетела открывать дверь.

Полетела — это, конечно, не совсем верное слово. При моей комплекции, да еще с ободранными коленями, вряд ли взлетишь, даже на ковре-летуне. Пошла быстро, как только могла — ближе к истине.

По дороге к двери, огибая рояль, как обычно, стукнулась об угол и тихо ругнулась. Давно бы избавилась от треногого монстра, не будь он подарком.

Сторож заливался во всю свою медную глотку.

Кукареканье означало, что за порогом стоит моя лучшая подруга Данни Макер-тот.

Я долбанула сторожа по кумполу, и он, наконец, заткнулся. Щелчок замка — и подруга влетела (применительно к ней определение «влетела» как нельзя более кстати), обняла, чмокнула в щеку и покружилась на месте.

— Счастья тебе, Мирочка! — воскликнула Данни.

— И тебе, дорогая, — ответила я.

Следом за подругой впорхнул ковер-летун, немного потолкался над головами, сбрасывая скорость, свернулся и прислонился к стене, помахивая уголком, как хвостиком. Сторож неодобрительно кукарекнул в его сторону, получил от меня щелбан и обиженно затих.

Подруга, судя по внешнему виду, пребывала в отличном настроении. Кружевная блузка, меховая безрукавка и многослойная юбка в пол из легкого полотна — все в красно-оранжевых тонах. На голове — писк сезона, прическа «Корабль-летун», созданная по мотивам нашумевшего спектакля «Нового Колдовского Театра». Как она умудрилась добраться в дождь, абсолютно не намокнув? Видимо, выставляла защитный полог. Что ж, в нашей стране счастлив тот, у кого есть доступ к артефактам на все случаи жизни.

Данни прошла в комнату, с неодобрением покосилась на недоеденный блинчик и уже собиралась сделать очередной выговор по поводу неумности в питании, как внезапно замерла и к чему-то прислушалась, скосив глаза влево-вверх. Я уже привыкла к ее привычке прислушиваться непонятно к чему в любое время и в любом месте. Именно из-за этой странности у Данни были большие проблемы с преподавателями специальной ступени, которую она так и не закончила.

Я терпеливо ждала. Наконец подруга тряхнула головой:

— Есть дело. Даже не вздумай отказаться.

У нее всегда были ко мне дела, от которых я неизменно, но безуспешно пыталась отбрыкаться. Пробежка по магазинам, поход в театр, вылазка за город на праздник поминовения Святого Улии. Однажды она даже попыталась вытащить меня на закрытый просмотр экспозиции в наш музей магии.

Публичные мероприятия не числились в списке моих увлечений. Угнетала сама мысль о походе в цирюльню и демонстрации своей расплывшейся фигуры рядом со стройной Данни. «Отбрось все комплексы! — советовала подруга. — Будь выше и мудрее!» Я считала, что мудрее всего тихо сидеть дома и не отвечивать.

Кроме того, давно известны скрытые мотивы выволакивания меня на люди. Данни, как и мама, желала найти мне достойную пару. Ну, или какую-нибудь. Смерти они моей хотят, что ли? Кое-кому не живется спокойно, когда у других все в порядке. Вслух я такого, конечно, не говорила. Обидятся еще.

— Я про наследство, — пояснила она.

— Помочь в оценке? — поинтересовалась я, мысленно переводя дух. — Разобрать рухлядь и привести в порядок замок для продажи?

— Нет, это после. Есть более важное и весьма неотложное дело.

Оказывается, вчера с Данни связался поверенный миста Макер-тота, ее третьего отца (папы шесть-девять), ныне покойного, от которого ей досталось в наследство поместье за пределами столицы. Однако завещание не зафиксировано поверенным, а, значит, пока не вступило в силу. Поверенные, как правило, не торопятся с фиксацией, ожидая появления откуда ни возьмись других наследников. Так произошло и в этом случае. Объявилась поправка, в которой оговариваются несколько дополнительных условий, а именно, упоминаются трое детей усопшего. Им достается по одной вещи на выбор. В память, значит, о трех незабываемых годах, проведенных в замке Макер-тота. В течение месяца, начиная с завтрашнего дня, эта троица обязана явиться в замок и обозначить приглянувшуюся вещичку. После чего приедет поверенный, зафиксирует завещание вместе с поправками, и только после этого яблочный дом со всем его содержимым окончательно перейдет в собственность Данни.

— Представления не имею, откуда взялась эта поправка, — пожаловалась девушка. — Но поскольку все документы в порядке, я не могу считать их фальшивкой, сварганенной обделенными наследниками.

— Такое редко, но случается, — успокоила я подругу. — Поправки к завещаниям всплывают даже через несколько лет. Представь, получила ты в наследство магический замок, продала его или, хуже того, разобрала на артефакты. И вот, когда последний камушек ушел к новому владельцу, приезжает очередной наследник и требует свою долю. Сама понимаешь, такое дело не может закончиться мирно. И хорошо, если никто никого не убьет. Именно поэтому поверенные и не советуют быстро расставаться с только что полученным от предыдущего владельца имуществом.

— Да я не против, пусть приезжают и забирают, в моих интересах закончить дело как можно быстрее и желательно без крови, скандалов и дрызг. Дело в другом. Поверенный настаивает на моем присутствии. Либо на присутствии доверенного лица. Чтобы не было потом претензий с моей стороны.

— Не вижу ничего страшного, — сказала я. — Договорись с наследниками. Согласуй дату приезда, в тот же день поезжай в замок и все уладь.

— Ты не поняла, Мира. Нужно торчать в замке, пока мои братишки и сестренки не определяться со своей долей. По закону, срок, в течение которого это можно сделать — не больше месяца. Мы договорились так: мое доверенное лицо приедет завтра и пробудет в замке столько, сколько нужно.

Я смутно начала понимать, чего хочет новоявленная наследница. И решительно заявила:

— Милая Данни. Улия свидетель, как сильно я к тебе привязана. Но...

— Никаких «но»! — Данни выставила вперед руку ладонью ко мне, прерывая возражения. — Ты меня любишь? Значит, сделаешь. Я не могу поехать именно сейчас, понимаешь? Не могу! Магазин требует постоянного внимания.

Вот уже три года, с тех самых пор, как запрещенную магию объявили разрешенной, Данни держала магазин колдовских штучек. Вернее, он принадлежал ей лет пять, но два первых — под видом антикварной лавки. Колдовские штучки, артефакты и книги по магии она продавала в ту пору нелегально и только проверенным покупателям. Естественно, ни

одна из подруг не осталась без пары-тройки маго-штучек. Мне перепали сторож и старинная медная лампа. Последняя не работала вовсе, а сторожа без конца заедало. Был еще и третий подарок, такой же бестолковый, как лампа. Про себя я называла его черным монстром. Он имел три ноги и не имел ни капли совести, поскольку занимал почти половину одной из двух комнат в моей и без того небольшой квартире. Я использовала его в качестве полочки для клубков, недовязанных ковриков и всевозможных мелочей. Данни подарила мне рояль, поскольку, во-первых, была уверена в моих музыкальных способностях, а во-вторых, монстр не вписывался в интерьер гостиной замка, принадлежавшего третьему отцу подруги, Макер-тоту. Замок еще не перешел к ней по наследству окончательно, но Данни уже всю там хозяйничала и пыталась установить свои порядки.

— Когда я отлучилась на первое чтение завещания, — продолжала подруга, — то оставила «Маго-штучки» моей помощнице. Как думаешь, что учудила эта дуреха?

— Страшусь предположить, — призналась я.

— Страхись, — согласилась подруга. — Ибо она три часа подряд возилась с Ербин-тонсом. Слушала бредни, поила чаем, а под конец купила у этого зануды вазу, набор открыток и грабли.

— Надеюсь, для себя?

— Если бы, — горестно вздохнула Данни. — Для продажи. Почти всю дневную выручку выложила.

Помощницу Данни я пару раз видела. Та, в отличие от хозяйки, напрочь лишена маго-зрения, и поэтому совершенно не в состоянии опознать настоящий товар. Ербин-тонс же наделен таким талантом убеждения, что я удивилась, как он не всучил девушке еще кучу хлама с ближайшей помойки.

— Я не могу оставить магазин, — продолжала подруга. — Боюсь разориться.

— Найди другое доверенное лицо, — предложила я. — Да вот хоть ту же помощницу.

— Она уволена, — мрачно сказала Данни. — Подыскать замену за такое короткое время не удастся. Послушай, Мира, я уверена, поездка пойдет тебе на пользу. Развеешься, отвлечешься, наберешься новых впечатлений. Ты совсем засиделась в своем музее. Сколько лет работаешь без отпуска? Два?

— Три, — поправила я. — Со дня ухода из редакции.

— Три года! — ахнула девушка. — И я ее уговариваю! В общем, так. Завтра с утра пойдешь к начальнику и возьми отпуск.

— Он не даст, — неуверенно возразила я. — Работы много.

— Еще как даст. Хочешь, я пойду с тобой?

— О нет, не надо.

Представив явление Данни моему начальнику, я не на шутку испугалась. Он и так был порядком сердит за мамины вызовы по переговорнику.

— Ну, не хочешь, как хочешь, — казалось, подруга примирилась с отказом. — Но учти, в замке полным-полно артефактов. Да-да, тех самых, древних, сохранившихся с дозапретных времен. Вот, гляди.

Она покачала висевшим на шнурочке медальоном. Я сощурила глаза, глянула маго-взором. Медальон запылал пурпуром. Ого! Довольно мощный защитный контур. Подобных штучек я за всю жизнь видела две-три, не больше. Сила защиты, судя по яркости контура, максимальная; то есть, по прямому назначению — отведению порчи, сглаза или иного воздействия — артефакт не использовался не разу.

— Папа шесть-девять говорил, его собственноручно изготовила сама Великая Подпора Инея, — в голосе подруги звучала гордость. — Если бы ты поехала, нашла бы, чем заняться, правда? И еще. В кабинете — огромная библиотека старинных книг. Я слышала, вы разыскиваете древние манускрипты?

— Данни, — сказала я по возможности твердо, — прекрати меня искушать.

Сама Инея! Наиболее близкая по духу к святому Улии! Если бы наш музей получил в свою экспозицию хотя бы парочку подобных вещичек, министр магии лично поцеловал бы каждого сотрудника. Нет, пусть лучше премию выпишет. Да, я бы так ему и сказала: дорогой министр магии, я терпеть не могу целоваться с посторонними мужчинами, лучше дайте премию, потому что одежда моя совсем истрепалась, а купить новую не на что...

— Скажи начальнику, пусть оформит тебе командировку, — прервала подруга мои мечтания. — И — вперед с желанием победы! Я дам тебе ключи от всех комнат. Будешь полноправной хозяйкой. Хочешь, книги читай, хочешь, артефакты изучай. Ну, подумай, с твоим-то мага-взором тебе там самое место.

— Но я не могу!

— Да почему?!

Тут я чуть не проболталась о секретном сообщении Банкаина, но вовремя прикусила язык. Я доверяла Данни, как себе, и это касалось всех вопросов. Всех, кроме служебных. При поступлении на работу мы подписывали договор о неразглашении, составленный с помощью магических технологий. Нарушение договора тут же становилось известно начальству и влекло за собой разнообразные «приятности» — от увольнения до полной чистки памяти.

— Начальник не отпустит, — сказала я, потому что он ведь и впрямь мог не отпустить.

— Отпустит-отпустит! Напомни ему, сколько он тебе платит, и все.

М-да. Зарплата — мое больное место. Если бы не работа с артефактами, я бы ни за что не ушла из редакции. Дело, которому я служу, мне очень-очень нравится, чего не скажешь о вечной финансовой яме. Вот если бы премия...

Внезапно мне в голову пришла гениальная мысль. А что, если в замке удастся узнать что-то про ключ, пещеру и Привратника? Литературы там полно, Макер-тот был магом, значит, книги по магии среди упомянутых Данни манускриптов наверняка. Глядишь, какие-то сведения и всплывут. Некоторая сумма в качестве вознаграждения мне точно не помешает!

Я соображала, что скажу Банкаину и как обосную необходимость поездки, а Данни уже вовсю командовала:

— Едешь завтра. Не забудь собрать самое необходимое. Что еще? Ага. Как ни прискорбно, именно тебе придется встречать моих родственников. Ты, хоть и была один раз в яблочном доме, вряд ли знакома именно с этой троицей. Сейчас расскажу, погоди.

Во все время разговора Данни ходила туда-сюда по комнате. Она всегда была холериком, а после несчастья с последними родителями импульсивность ее только усилилась. Впрочем, ей очень шли и вспышки энергии, и стремительность движений — все то, чего мне так отчаянно не хватало.

— Как я уже говорила, за право урвать кусок от папиного замка борются трое претендентов. Крадиф, Танти и Ариенна. Встречалась я с ними не очень часто, однако кое-что поведать могу. Начнем с братишки. Итак, в детстве Крадиф был несносный и вредный.

Глаза Данни сердито сверкнули. Да, они с братцем определенно не ладили.

— Нет, ты представляешь? Сколько помню, он всегда баловался мага-штучками. И,

думаешь, где их брал? Тырил у папаши Макера! Понимаешь, какой наглец? Пойти против мага! Против всесильного и влиятельного папочки! Сколько детишек мечтает о таком предке! Да другой бы вел себя тише воды, ниже травы, а этот...

Данни махнула рукой, показывая, насколько безнадежен был Крадиф.

— Предок, конечно, и отчитывал мальчика, и наказывал. Но, сама понимаешь, попечительский совет не поощряет подобного отношения к детям, так что в итоге, я думаю, победа оставалась за Крадифом. Короче, вороватый и ушлый малый, и вряд ли с той поры очень изменился. Слышала я кое-что не очень хорошее...

— Что слышала?

— Ну... Например, однажды Крадифа поймали в коридоре министерства магии, где ему совершенно нечего делать. Представь, он каким-то образом проник туда без пропуска! Магический контур на постороннего не сработал. Возможно, кто-то из сотрудников его провел. Возникает вопрос — кто и зачем? Увы, дознаться не удалось. Внятного объяснения проникновению в МинМаг парень дать не сумел. Лопотал что-то о служащем тут родственнике, с которым хотел встретиться. Нет, никто его не проводил, он сам прошел. Как миновал защитный контур? Понятня не имеет ни про какие контуры, просто прошел, и все. Крадифа долго допрашивали, за неимением улики отпустили, но, как говорится, пятно с репутации не смоешь... По поводу наследства папочки Макера могу сказать, у Крадифа наверняка есть на примете вещица, которую он хотел бы получить, поскольку с магическим наследием парень знаком получше других. Надеюсь, у тебя с ним проблем не возникнет. Он, хоть и оторва, в последнее время поутих и в обществе ведет себя крайне прилично. Буду молить Святого Улию, чтобы вы с ним нашли общий язык.

— Спасибо, — сказала я.

— Ну что ты, не за что. Кстати, о наследстве. Как и полагается в спорных случаях, у нас есть список вещей, предназначенных к штучному наследству. Его составил все тот же поверенный еще при жизни Макер-тота. Список пылится где-то в папочкинском кабинете. Найдешь список, вручишь наследникам, пусть выбирают. Нет, они могут, конечно, пошляться по замку в поисках чего-нибудь экзотического, но вряд ли отыщут то, чего нет в списке. Сварт, наш садовник, выдаст ключи и покажет, где что лежит. Если вспомнит, конечно. Он, хоть и старательный работник, но страдает забывчивостью. Кажется, в детстве упал с лошади и ударился головой. Поэтому не обращай внимания, если будет говорить что-то типа: «Да неужели, а я не знал». И не удивляйся, что Сварт, хоть фактически и дворецкий, называется садовником. Так повелось у Макеров, не знаю, почему. Пока я там жила, все представлялось естественным и правильным. Это уже потом многие вещи стали казаться странными...

Данни снова задумалась, к чему-то прислушиваясь, глядя в левый верхний угол комнаты. Я терпеливо ждала. Вскоре подруга хлопнула глазами, будто проснулась, виновато улыбнулась и продолжила:

— Что там еще, за горизонтом? Ага. Следующий наследник. Точнее, наследница. Танти. В детстве была забитой тютей и боялась собственной тени. Да такой и осталась. Кажется, ей попался не очень хороший папочка три-шесть. Порол, наказывал, давил психологически. Мамаша ноль-три не раз пыталась протестовать против жестокого обращения и подавала жалобы в попечительский совет, но тщетно. Три-шесть оказался весьма влиятельной особой.

Я удивленно вскинула брови. Кем надо быть, чтобы подмять под себя попечительский совет?

Данни усмехнулась:

— Он член Высшего Магического Схода. Так что сама понимаешь... Мне жаль девчонку, что и говорить, но я бы на ее месте...

Я знала — Данни что-нибудь придумала бы. Несмотря на весь Магический Сход. Наплевав на чины и звания. Боевой у нее характер. В отличие от меня. Я вздохнула.

— С Танти я почти не встречалась, — продолжала подруга. — В яблочный дом она при мне навевалась всего один раз, целый день просидела в углу на диванчике в каминном зале. В общем, нелюдимка и интравертка. А что еще хотеть от жертвы насилия? Сейчас Танти вместе с первой мамашей, к которой переехала в пятнадцать лет, живут далеко от столицы. Уверена — за наследством они явятся вдвоем... И, наконец, Ариенна.

Тут Данни сделала глубокий вдох и закатила глаза:

— Ариенна — это нечто. Мы с ней иногда пересекаемся на различных мероприятиях для высших магов. Ну, меня-то приглашают больше как сувенирную лавку — знать очень любит редкие маго-штучки. Зато Ариенна присутствует на сборищах по праву. И каждый раз с новым кавалером! Внешность у нее весьма и весьма. Жаль, нельзя того же сказать про мозги... Тупая курица — вот самое подходящее для нее определение. Живет у пятых родителей, занимающих весьма высокое положение в высшем Сходе. Достаточно сказать, что папаша ее — секретарь Верховного Мага. Естественно, девица пользуется всеми благами такого родства. Не представляю, зачем ей наследство Макер-тота, разве что на память о безоблачном детстве. Впрочем, не уверена, что оно так уж безоблачно. Я как-то пыталась поговорить с ней о нашем общем папочке, но девица на контакт не пошла. То ли неприятные воспоминания, то ли великосветские замашки. И если первое я еще как-то оправдываю, то второе глубоко неприятно. Сама убедишься.

— М-да, — сказала я. — Семейка еще та. Вороватый пройдоха, тупая курица и великосветская задавака.

— А что ты хотела с таким папашей? — хмыкнула Данни.

— А что мы все хотим от института пятиотцовства? — грустно спросила я. — Я иногда думаю, не присоединиться ли мне к палаточникам...

— Не говори ерунды, — отрезала подруга. — У тебя другое предназначение. И мы оба знаем, какое — работать с артефактами. Ты любишь их, они любят тебя. А взаимная любовь — самая крепкая, не находишь?

Я рассмеялась:

— Вот в этом ты права.

— Так что, едешь?

— Постараюсь.

— Отлично. Значит, не забудь: найди первым делом список — он, по моим предположениям, хранится в кабинете — и отдай наследникам. Когда все выберут свою часть наследства, вызови поверенного. Хотя нет, постой. Как ты его вызовешь? В замке нет переговорника.

— Возьму с собой.

Я показала на медную лампу, еще один подарок Данни.

Переговорники устанавливались, в принципе, на любой предмет домашнего обихода — чайник, кастрюлю, кружку, цветочное кашпо. Однажды я видела переговорник, установленный на ночной горшок, но это, по-моему, чересчур экстравагантно. Кое-кто приобретал специальные устройства в виде магического шара, переливающегося в момент

вызова всеми цветами радуги, однако это довольно дорогое удовольствие и мне не по карману. Прошерстив свой немудреный скарб, я остановила выбор на медной лампе. Пусть и она приносит пользу, что ли.

— Ты настроила ее на переговоры? Ах, Мира, какая ты умница! Вызывай меня по любому вопросу! Не бойся побеспокоить, докладывай обо всем происходящем. Мне важно знать, что и у тебя, и вообще в замке все в ажуре.

— Договорились. Но... как я туда доберусь?

— Да очень просто. Завтра, когда вернешься с работы домой — ты ведь в восемнадцать часов приходишь, верно? — за тобой заедет один человек, он и довезет. Я тебе еще не говорила? Этот тип нанялся в магазин дня три назад. Грузчиком, водителем, согласен делать все, что прикажут. Он совсем недавно приехал в Ойлин, денег нет, жилья в столице тоже. Работы в магазине пока немного, вот я и решила отправить его в яблочный дом. И хотя там живет супружеская чета — тот самый Сварт, садовник-дворецкий, и его супруга, но они уже в возрасте, так что помощь будет нелишней.

Я расслабилась, красочно представляя себя, запускающую жадные дрожащие ручонки в сундук с артефактами, и не сразу поняла, что именно насторожило меня в словах подруги. Потом потрясла головой, изгоняя из мыслей свитки с вожделенными заклинаниями, и спросила:

— Кто-кто меня отвезет?

— Мой работник.

— Надеюсь, он стар, лыс, одноглаз, прихрамывает при ходьбе и пришепetyвает при разговоре?

— Мира! Неужели ты думаешь, я приму на работу ветерана магических сражений? Конечно, не красавец, но вполне ничего, довольно молод и, кажется, недурно воспитан. Правда, иногда выдает очень странные фразы и непонятные слова. Думаю, сам их и сочиняет. А потом развлекается тем, что шокирует окружающих. Знаешь, есть такие чудики. Напридумывают всякой чепухи и выдают за действительность. Я отношусь к ним с пониманием и где-то даже с симпатией.

Все ясно. Разговоры про магические штучки и занятость подруги в лавке оказались лишь дымовой завесой, развеяв которую, я поняла суть поездки: свести меня с очередным претендентом. Чудаковатость претендента слегка смущала, однако ее-то вполне можно стерпеть. А вот сводничество порядком утомило.

— Каким-то другим способом добраться можно? — спросила я.

— Это еще почему? — озадачилась Данни.

— Потому что тебе не очень идет роль свахи, — прямо ответила я.

— Да ты с ума сошла! — Данни округлила глаза — Какая сваха? И в мыслях не было.

Вся она в этот миг казалась олицетворением праведного гнева, поэтому я отбросила последние сомнения: сводничество имеет место быть. Я не обижалась на Данни. Она действительно хотела меня пристроить. Скоро вернется ее жених, они сыграют свадьбу, и ей станет совсем не до меня. А я останусь в полном одиночестве и умру от тоски.

Как же. Умру. Не дождетесь. Я сама о себе прекрасно позабочусь. Развлеку, выгуляю, почитаю вслух на сон грядущий. В конце концов, у меня служебный роман с артефактами!

Вот только ни маме, ни Данни этого не объяснишь. Им надо сбегать меня в хорошие руки, тогда они будут спокойны. Иногда я подозреваю об их тайном сговоре против беззащитной меня.

— Можешь, конечно, нанять экипаж, — Данни все еще сердилась, — но потом не жалуйся на полное отсутствие денег. А я, имей в виду, твою поездку оплачивать не собираюсь. Предлагала тебе быстროходку с водителем? Предлагала. Ты отказалась? Отказалась.

— Согласилась, — покорно сказала я, сознавая: никаким другим способом до вожделенных сокровищ не добраться. — Присылай своего молодого вполне ничего некрасавца.

В конце концов, от меня не убудет.

— Прекрасно! — возликовала Данни. — Ну, все, я убегаю! Дел полно, извини. Ах, вот еще что. В яблочном доме я оставила одну свою вещичку. Так, безделушка, но очень мне дорогая. Коробочка из дерева с зеленым яблоком на крышке. При последнем визите в замок я где-то ее оставила. Если найдешь...

— Спрячу от наследников, — кивнула я, — а по приезде в город передам тебе.

— Ты как всегда понимаешь меня с полуслова! — восхитилась Данни. — Люблю тебя, Мирочка!

— Взаимно.

Весь остаток дня я в панике металась по квартире и собирала вещи. В процессе сбора пришла к неутешительному выводу: брать с собой решительно нечего. Из старых брюк я выросла (причем вширь), рабочие платья, блузки и юбки для загородных вылазок не годились, так как казались слишком вычурными. Денег на обновки не было. В старом комодке отыскала два маминых джемпера, ее же сарафан, теплую куртку и легкий дорожный плащ, сложила их в большую дорожную сумку. Туда же отправила тапочки, спортивный костюм и халат. Аккуратно смотала клубки и тоже затолкала в сумку; на досуге я предавалась тихому помешательству, а именно — вязала коврики.

И все же легкое беспокойство не оставляло. Два типа, гнавшиеся за мной по улице — кто это такие?

Зачем преследовали?

С этой мыслью я легла спать, но уснула, слава Улии, почти сразу.

Мелодичная трель вкралась в дрему. Что, уже вставать на работу? О, нет, я ведь только что легла, еще и часа не прошло!

И вообще, что это за звуки? Не часовик же, в самом деле — тот грохочет подобно камнепаду; ничем иным разбудить меня невозможно. А тут — прекрасная мелодия. Заблудший музыкант прокрался в дом и услаждает мой слух приятной музыкой?

Дрема в одну минуту слетела, и я подпрыгнула на диване.

Какой еще музыкант?!

Переливы издавала лампа, которая к тому же неярко светилась.

Первая мысль: она сошла с ума. Вторая: нет, это я сбрендила.

Потрясла головой. Закрыла и открыла глаза.

Наконец сообразила: никто ни с чего не сошел. Меня вызывали на разговор.

Аж дух перехватило от радости. Это ведь мой первый разговор через переговорник!

Так. Я подскочила с дивана, сделала два быстрых шага по холодному полу к комоду, на котором стояла лампа, и лихорадочно потеряла ее поверхность. На ней высветился номер вызывающего и почему-то тут же погас. Странно. Обычно он не пропадает до конца разговора.

— Да, — выдохнула я в волнении. Хотя особо волноваться не из-за чего. Я же пока свой

код никому не сообщала. Скорее всего, просто контрольный вызов из переговорной компании для проверки связи.

Но почему ночью-то?

— Слушай меня внимательно, — произнес незнакомый хриплый голос. — Сиди тихо и никуда не вздумай уезжать. Будет хуже.

— Кому? — тупо спросила я.

— Тебе, глупая корова! Ты меня поняла?

Я ничего не поняла. Уезжать? Разве я куда-то собираюсь?

И тут вспомнила про приход подруги.

Ну да, собираюсь. В яблочный дом.

А зачем?

Да какая разница! Это вообще никого не касается, кроме меня и Данни.

— Ты кто? — спросила я у лампы.

— Твоя погибель, жирная свинья!

Раздался гнусный смешок, вслед за чем лампа погасла. Говоривший отключился.

От неожиданности я даже не испугалась. Что за шутки ночью? Почему я не должна никуда ехать? И вообще, кто это был? Я не давала никому своего кода. Или это в переговорной компании так развлекаются? Но откуда они узнали о предстоящей поездке?

Стоя на холодном полу в крошечной тьме, я решила потереть лампу — вдруг да высветится номер. Но, к сожалению, немного промахнулась, задела какой-то предмет, он с грохотом свалился на пол. Сразу же в стену забарабанила соседка. Ладно, утром разберусь, что там упало. Прошлепав к дивану, нырнула под одеяло.

Все-таки, кто же это был? Я еще некоторое время поразмышляла, потом пришла к выводу: кто-то наверняка ошибся при произнесении кода. А про поездку — простое совпадение.

И все же... он назвал меня жирной свиньей.

— Хам, — громко сказала я неизвестному типу. — Хам, грубиян и козел. Еще посмотрим, кто чья погибель.

Резко захотелось пончиков. Мне всегда хотелось пончиков, когда я начинала нервничать.

Прекрати, Мира, цыкнула я на себя.

В животе заурчало. Я повернулась на другой бок.

Чтобы заглушить урчание возмущенного желудка, я предалась воспоминаниям о яблочном доме.

В замке Макер-тота я была всего один раз. Данни как-то вытащила меня на пару дней. Мы были подростками, мне — 12 лет, ей — 14. Не сказать, чтобы замок оставил о себе яркие впечатления. Очень старое, очень каменное и очень-очень холодное здание на высоком-высоком холме. Мне, городской девчонке, сие строение показалось неудобным, хотя в нем безусловно чувствовался дух старины и древней магии, который я полюбила много позже. Хозяин показался противным желчным стариком. Заставлял нас есть яблоки, уверяя, что они полезны для здоровья. Я споткнулась на первом же, когда, надкусив, обнаружила внутри зеленого червяка. Он, кажется, остался недоволен непрошеным вторжением и принялся поспешно закапываться внутрь. Не в силах больше съесть ни кусочка, я выкинула огрызок и не прикасалась к еде, которую подавали в замке, будь то яблоки, запеченные в сметане,

яблоки фаршированные цукатами или гусь в яблоках. Изрядно похудев за два дня, по возвращении домой с удвоенной силой набросилась на калорийные булочки.

Мист Макер-тот был третьим отцом Данни, или папой девять-двенадцать, то есть, воспитывал ее три года, начиная с девятилетнего возраста. Как попечительский совет разрешил воспитание девочки одинокому мужчине, остается только удивляться. Впрочем, на момент первого приезда Данни в замок у него, кажется, имелась жена. Которая вскоре то ли скончалась, то ли куда-то уехала. Я полагаю, и то, и другое вполне могло являться итогом мужниного увлечения яблоками. Данни же вспоминала те годы, как лучшие в жизни. По ее рассказам, папа учил девочку читать, ежедневно гулял с ней в лесу, катал на лошадах, привозил из города множество игрушек. Нанятая им воспитательница оказалась милой и душевной женщиной, с которой Данни спустя три года никак не желала расстаться и ревела несколько дней подряд.

Потом девочку определили к четвертым родителям, в Ойлин. А через два года и отец, и мать погибли.

Данни посещала тогда наш второй учебный комплекс, но, поскольку была на два года старше, мы могли никогда не познакомиться, если бы я не наткнулась однажды на красивую девочку, в одночасье лишившуюся родителей и жилья, что сидела возле нашего дома и безутешно плакала. Ни минуты не медля, отвела ее домой, в маленькую трехкомнатную квартиру, и объявила маме: это моя подруга, она будет жить со мной. Почему девочкой не заинтересовался попечительский совет, было не совсем понятно, но тогда я об этом не думала. Позже Данни объяснила: совет не знал о гибели ее папы и мамы. Собственно, она тоже о ней не знала. Просто однажды родители не вернулись домой. Девочка ждала несколько дней, но особого беспокойства не проявляла. Ее частенько оставляли одну, и она привыкла заботиться о себе сама. Но вот пришло письмо. Точного содержания Данни не запомнила, в памяти сохранились лишь обрывки: погибли во время испытания ползуна — нового универсального средства передвижения; произошел мощный взрыв, останки не могут быть идентифицированы; примите наши самые искренние соболезнования.

Письмо пришло из компании, которая конструировала ползуны — новый транспорт, что должен соединять большие города и перевозить сразу по несколько сот человек — именно там работали родители. Данни никак не могла поверить в их гибель. Она каждый день бегала к дому, где жила раньше. Стояла под окнами и ждала темноты. Проверяла — не загорится ли свет. А вдруг загорится. Мы с мамой очень хорошо понимали девочку.

От погибших родителей у нее остался сувенир — маленькая куколка на витом шнурке. Днем Данни цепляла ее к сумке или надевала на шею и прятала под платье — в учебном комплексе не очень приветствовали украшения. Дома, перед сном, клала рядом с собой на подушку. Мечтала увидеть родителей хотя бы во сне.

Именно тогда у нее появилась привычка постоянно к чему-то прислушиваться. Может быть, она хотела услышать голос мамы или отца? Или ей чудилось эхо того взрыва, что погубил родителей? Или ждала сообщения о том, что родители живы, просто потеряли память или находятся на лечении в другой стране? Не знаю. Мы никогда не спрашивали, а она не рассказывала.

Целый год мы делили одну комнату, пока Данни не закончила второй общий комплекс и не уехала в небольшой городок Айданк, к своей второй маме, чтобы поступить на специализированную ступень и выучиться на преподавателя математики. Снова встретились мы здесь, в Ойлине, куда Данни пару лет назад переехала вслед за своим женихом.

Преподавательская карьера осталась в Айданке, сменившись столичной жизнью богатой и успешной маго-лавочки.

Уже засыпая, я подумала: а ведь теперь придется вернуть рояль. Подарок подарком, но вдруг кто-то из наследников позарится именно на него, конечно, при условии, что он имеется в том самом списке. Ох, как я буду мечтать, чтобы монстра забрали.

Эта мысль окончательно примирила меня с поездкой.

Глава 3. Музей. Явление Ербина. Разговор с мамой.

Архив и поисковик

Глава 3. Музей. Явление Ербина. Разговор с мамой. Архив и поисковик

«Музейный работник — это не профессия. Это разновидность нищеты».

(Из просьбы Истан-тонса о выделении ему материальной помощи)

Утром я катастрофически проспала. Не сработали часы, не затрезвонили в нужное время. Почему? Сие объяснилось просто — они валялись на полу, разбитые вдребезги.

Так вот что грохнулось ночью с комода!

По ощущениям, сейчас около девяти часов утра, а, следовательно, я опаздываю минимум на час. Кошмар, кошмар! Магический контур музея фиксирует время входа и выхода. Вчера за пару минут я лишилась полугодовой премии. А сегодня что? Лишит зарплаты?

Эта жуткая мысль заставила меня летать по квартире быстрой птичкой.

Так, завтракать некогда. Пришлось побросать в пакет вчерашние пончики и еще кое-какую провизию на обед, натянуть платье и плащ, с трудом отыскать не очень рваные чулки, впрыгнуть в туфли и помчаться в музей. Когда я закрывала дверь, из соседней квартиры высунулась пожилая соседка, миста Зофа Галгер-тонс. Это она стучала ночью в стену. У Зофы была одна вредная привычка — ей очень нравилось следить за моей личной жизнью и периодически в нее вмешиваться. А поскольку упомянутая личная жизнь не блистала разнообразием, то бабушка томилась, радуясь каждому моему появлению на лестнице.

— Чтоб я больше не слышала ночью ни звука! — закричала она мне в самое ухо, чуть при этом не оглушив. — А не то позову магический патруль!

Я не ответила и сбежала вниз по ступенькам. Миста Зофа озадачилась. Подозреваю, она жаждала услышать «заткнись, старая карга», после чего, конечно, не заткнулась бы, зато имела моральное право оскорбить меня или действительно вызвать патруль, что дежурил на нашей улице практически круглосуточно.

Вот и сейчас трое патрульных магов прохаживались вдоль тротуара, дабы пресечь, буде такая необходимость, выступления одноотцовцев. Одноотцовцы же, как обычно, терпеливо ждали, пока патруль завернет за угол, чтобы вылезти из палаток и натянуть транспарант с призывами покончить с пятиотцовством. Потом, конечно, патруль возвращался, срывал транспарант, происходила небольшая перепалка между противоборствующими сторонами, и вновь на некоторое время воцарялось спокойствие. Видимо, стороны заключили своеобразное соглашение, мол, мы хоть и будем друг другу мешать, но не очень часто и без особого вреда.

Миста Галгер-тонс выскочила вслед за мной на улицу. При ее появлении маги как по команде развернулись и зашагали в сторону от нашего дома.

— Эй, мисты маги! — закричала им вслед старушка. — Не поможете одинокой женщине?

Троица ускорила шаги и почти бегом свернула за угол.

— Все равно я до тебя доберусь! — закричала мне раздосадованная соседка.

Из палатки, разбуженный громким голосом, высунулся заспанный одноотцовец.

— И до вас доберусь! — миста Зофа устави́ла на него указательный палец.

Палаточник икнул и поспешно нырнул обратно.

Я убеждена: если кто и сумеет совладать с одноотцовцами и магическим патрулем, то только вот такие боевые старушки.

Я глянула на стрелку курантов и ахнула. Половина десятого! Банкин-тонс меня убьет.

— Тоже опаздываете, миста Мира? — участливо спросил охранник на входе.

— В смысле — тоже? — удивившись, я невольно притормозила.

— Так сегодня же это... все опаздывают.

— Все?

— Ага.

— Правда?

Во мне затеплилась надежда, что наказывать не станут.

— Точно. Кто на две минуты, кто на двадцать. А некоторые до сих пор где-то шляются.

— Просто сонная эпидемия какая-то, — радостно воскликнула я: надежда переросла в уверенность.

Мимо нас прогарцевали две сотрудницы отдела магической литературы.

— Да какая там эпидемия, — провожая их взглядом, сказал охранник. — Куранты же ночью сломались.

— Что-о-о-о?! —

— Ну да. Я-то на ночном дежурстве был. Сижу себе тихонько, значит. Тихо все, спокойно. И вдруг — что такое. С площади, где фонтан шести Подпор, крики, вопли, топот. Ну, думаю, драку кто-то замутил или выполз демон полностью заряженный. Тут хоть и потише, чем на окраинах, все же одноотцовцы иногда нет-нет, да и побузят. В общем, сплю... э-э-э... дежурю дальше. Потом слышу — вроде как шум сюда движется. Ну, точно. Надвигается на музей неорганизованная толпа. Ага. Я, значит, проснул... вскочил, проверил, хорошо ли заперты двери и позвонил начальнику охраны. А чуть погодя он и сам явился. Ну, тут все и разъяснилось. В курантах, значит, могуллий закончился. Они, значит, хотели у нас его позаимствовать, хе-хе. Как будто у нас самих его завались. Потом чего-то долго переговаривались, решали, кричали и разошлись. А к утру гляжу — они уже и того... заработали. Видать, нашли где-то волшебный порошок, ага.

Ничего себе! Я слушала рассказ охранника и внутренне холодела. Так значит, все, что рассказывал вчера Банкин, не выдумка, не пустая угроза. Опасность остаться без магии действительно существует, более того — подобралась совсем близко!

То, что до сих пор казалось пустым трепом — предстоящие командировки, пропажа Привратника и ключа, отсутствие в одной из бочек могуллия — на поверку оказалось мечом, нависшим над всей Данетией и ее жителями.

В такмо случае поездка в яблочный дом становилась для меня не столько развлечением и отпуском, сколько возможностью почерпнуть информацию из книг по магии, коих, по словам Данни, в замке видимо-невидимо.

В задумчивости я спустилась в архив и села за стол. Принялась листать журнал поступлений и одновременно обдумывала предстоящий разговор с начальником. «Мне нужен отпуск», — скажу я. А он мне: ты ведь понимаешь, какая сейчас тяжелая обстановка, с твоим маго-взором ты нужна именно здесь. Или, нет, вот так: не раньше чем через полгода, после открытия музея, или сразу после закрытия, если нас разгонят. Или так: хочешь уехать — увольняйся, подберем на твое место нового сотрудника.

Оторвавшись от журнала, вспомнила вчерашнее утро. Тьфу ты, а ведь Банкин обещал сегодня пропустить моего лже-жениха! Вот ведь некстати! Ербин каждый раз вытягивал кучу энергии, а выдворить его с полпинка невозможно. Знаете таких приторных липучек? Ну, так он из них.

И тут «женишок» нарисовался собственной персоной.

Нет, ну как Банкин-тонс мог подумать про свидания с этим... гм... красавцем? Взгляд бегающий, на губах застыла неестественная улыбочка, сам весь какой-то скользкий и приторный.

— Радости вам, дорогая миста! — прогнусавил Ербин. — Вот, принес несколько старинных фолиантов.

— И вам радости, — сказала я не очень приветливо; хотелось пожелать ему массу горя и несчастий, чтобы он исчез отныне и навсегда. — К сожалению, мы пока не принимаем книги. Вот, заполните заявку, перечислите названия и авторов, я передам экспертам отдела магической литературы. Если что-то заинтересует, вас вызовут.

— Нет, вы все-таки посмотрите, — он грохнул на стол пачку книг и придвинул ко мне.

— Извините, не могу, — я быстро отодвинула их обратно, мысленно произнеся «пошел вон».

— Ну, я вас очень прошу.

Пачка медленно поползла в мою сторону. Я задержала ее движение рукой, но Ербин был сильнее, поэтому книги понемногу отвоевывали пространство.

— Ну, хорошо, — сдалась я, поняв, что так просто отвязаться не выйдет, и книжки, почуяв победу, милостиво остановились. — Я посмотрю.

Приклеенная улыбка Ербина стала еще шире:

— Смотрите, я подожду.

Он огляделся, нашел взглядом кресло и шагнул к нему, намереваясь усесться. Этого еще не хватало!

— Извините, прямо сейчас не могу. Начальник ждет.

— Да вы быстренько.

Ербин все-таки плюхнулся в кресло и улыбнулся так широко, как только возможно. Мысленно застонав, я принялась перебирать пачку.

Меня давно интересовало, где он берет всю эту рухлядь. На городской свалке? Ворует у соседей? Выпрашивает у старьевщика? В предыдущие визиты он пытался выдать за артефакты огромное множество вышедших из употребления предметов, как-то: дырявое ведро (в котором якобы хранился могуллий), рваные ботинки (знавшие ступни святого Улия), веник (обгрызенный собакой, жившей в святом монастыре) и прочую дрянь. Ни в одном предмете не было и намека на магическую ауру. Однако Ербин с завидным постоянством являлся в музей через день, непостижимым образом просачиваясь через охрану и отвлекая меня от работы.

Я принялась рассматривать принесенные книги. Похоже, на этот раз он ограбил публичную библиотеку. «Особенности разведения кошек в винных бутылках. Пособие для начинающих», «Летун своими руками — это просто», «Житие святой Аненады», «Зачем нам магия?», «Долой пятиотцовство! Одна семья — вот норма жизни!», «Яблоко Света: все, что вы хотели о нем знать».

Отрезвил меня опус «Пришествие Святого Улии — это не миф!»

Конечно, не миф. Это полная чушь. Сей опус авторства монаха-схимника Чурменя есть,

по моему мнению, развлекательное чтение, наваянное с целью прославить упомянутого монаха в веках и не претендующее ни на откровение, ни тем более на истину. Мне довольно часто и в огромных количествах притаскивали подобные брошюры, долженствующие увековечить уникальность автора, его богоизбранность и прикосновение к великому таинству. Однажды попалась, к примеру, книжонка «Мироточащие сапоги Святого Улии, их свойства и применение в быту». Я бы не удивилась, встретив пособие «Как обманывать доверчивых сотрудников музея и втюхивать им всевозможную дребедень».

Чего я сижу здесь с полоумным Ербиным и перебираю макулатуру, когда мне надо идти и просить у начальства отпуск? Если все получится, сегодня же уеду, и пусть «жених» делает все, что хочет. Достает Банкинса, таскает ему хлам, просит денег.

Я решительно поднялась. Глядя в глаза посетителю, похлопала по стопке и твердо сказала:

— Оставьте, мы все это изучим. Здесь требуется большая научно-исследовательская работа. Приходите завтра... нет, лучше дня через три, мы постараемся дать вам заключение.

— Прекрасно, — этот гад не просто улыбался, он хихикал. — Тогда, дорогая миста, не могли бы вы... Небольшой аванс. Меня устроит по три биаса за книжку.

— Вас устроит, а меня — нет.

Биас — самая мелкая монета, и музей при всей своей бедности не разорится от запрашиваемой Ербиным суммы, но с какого-такого демона мы должны потакать всяким проходимцам?

Я хлопнула рукой по столу, отчего пачка накренилась, и часть книг полетела на пол.

— Но, — улыбка сползла с его губ, — не могу же я оставить вам ценные экземпляры просто так, задаром?

— Не можете — забирайте!

Похоже, вид у меня был грозный, потому что Ербин встал с кресла. Улыбка из приторно-ласковой превратилась в ехидную, а голос стал на несколько тонов ниже:

— Не много ли ты себе позволяешь? Вот я пойду сейчас к твоему идиоту начальнику да пожалуюсь, что ты в своем архиве вертеп устроила, клиентов принимаешь за деньги. Как думаешь, сколько ты тут еще продержишься?

Я оторопела от такого неприкрытого хамства. Да он не так прост, как кажется, этот тихоня Ербин. Обычно я возилась с ним довольно долго, уговаривала, слушала какие-то дурацкие истории из жизни его многочисленной родни. И только сейчас на меня снизошло откровение. ЗАЧЕМ я все это делала? Нельзя допускать бездельников и вымогателей ни на свое рабочее место, ни в свою душу.

— Продержусь сколько надо, не волнуйтесь, — ответила я, взяв себя в руки.

— Не так долго, как тебе кажется.

Улыбка Ербина стала еще гадостней. Теперь взгляд его не бегал, из заискивающего он стал жестким и колючим. Холодная волна страха окатила меня с ног до головы. Я попыталась вызвать маго-взор, хотя в подобном состоянии это практически невозможно. Однако на краткий миг мне это удалось, и я чуть не вскрикнула — то, что стояло сейчас передо мной, не было ни дурачком, ни безобидным продавцом рухляди, ни площадным хамом. Личность, скрывавшаяся под маской Ербина, имела огромную силу и несомненную власть. Шевельни он рукой, и раздавит меня без особого труда. И я ничего, ничего не смогу с этим поделать. Я, неуклюжая толстая дуреха, не смогу постоять за себя, если он сейчас кинется. Потому что не умею драться, не знаю приемов самообороны, и даже заклинания ни

одного наизусть не помню. А пользоваться в личных целях экспонатами не стану. И не потому, что боюсь остаться без зарплаты за должностное нарушение. Просто я, как ни странно, очень люблю маго-штучки и не намерена тратить их на таких гадов, как Ербин. Даже если мне грозит что-то очень нехорошее.

А оно, без сомнения, грозило. Ербин надвигался на меня, как нечто жуткое и неотвратимое. Меня затошнило. От ужаса я почти перестала воспринимать действительность.

«Не бойся бояться, — папины слова всплыли откуда-то из подсознания. — Страх — это нормальная реакция организма, и в нем нет ничего особенного. Герой, идущий сражаться с врагом, боится. Мышь, убегающая от кошки, боится. Главное — не бояться своего страха. Вот тогда можно надеяться на победу в бою, а то и, развернувшись, вцепиться кошке по морде».

Только благодаря этому воспоминанию, огромным усилием воли я сумела перебороть себя и поднялась со стула, хотя ноги все еще дрожали. Пришлось опереться кулаками о стол, чтобы не плюхнуться обратно.

— Убирайтесь, — сказала я сквозь зубы, которые так и норовили выбить дробь. — Немедленно.

Он не убрался, но, по крайней мере, остановился, и, кажется, слегка удивился. Голос его стал ласковым, почти нежным:

— Глупышка. Ежедневно через твои руки проходит множество колдовских предметов. Ты их видишь, трогаешь, смотришь на них своим уникальным зрением. Но, увы, не можешь ни обладать, ни применить по назначению. Не обидно так использовать свой талант? Не мучает желание оставить хотя бы один артефакт себе, утащить домой, как следует изучить? Мертвым грузом лежат здесь бесценные сокровища. А подобные тебе глупцы сидят на них, как сторожевые псы.

— Я сказала, убирайтесь, — повторила я, внутренне трясась от страха, так как осознавала — кинься он на меня сей же миг, и я ничего не успею. Ни врезать в ответ, ни позвать охрану.

Запустить бы чем-нибудь в его ухмыляющуюся физиономию.

Вот только чем?

Да какая разница? Что есть под рукой, тем и запущу.

Под рукой были, естественно, особо ценные фолианты.

От первого Ербин уклонился. Второй поймал на лету. Третий отбил головой. При каждом моем броске он восхищенно-издевательски цокал языком и восклицал «Ух ты!», чем злил меня неимоверно.

И вдруг мою руку, потянувшуюся за очередным ценным опусом, что-то обожгло холодом.

На столе лежал небольшой кинжал из серебристого металла.

Откуда он здесь? Выпал из какой-нибудь книги? Вероятнее всего.

В любом случае, появился он очень кстати. Конечно, Ербина им не зарежешь, да у меня и не выйдет, хоть и очень хочется, и даже не напугаешь, но появление кинжала отогнало страх и придало мне уверенности. Я крепко стиснула в правой руке маленькую рукоятку. Острие направила на лже-женишка.

— Это еще что... — начал было он.

И осекся, увидев кинжал.

Физиономия его из глумливой стала удивленной. Кажется, на ней даже промелькнул

испуг. Он пробормотал что-то типа «не может быть», потом внимательно посмотрел на меня. И уже без издевки и ерничанья спокойно сказал:

— Мы еще встретимся, Мира. Возможно, я в чем-то ошибался. Но и ты тоже. Полагаю ты пожалеешь, что относилась ко мне столь... гм... небрежно.

И вышел из подвала.

Только тут я поняла, что меня до сих пор трясет. От омерзения, от унижения. Оттого, что он заставил меня бояться.

Попыталась взять себя в руки. Осознать, что произошло.

Как он это сделал? Как сумел запугать меня до дрожи в коленях, до почти полной потери сознания? Быть может, мне всего лишь померещился тот, второй Ербин, страшный и огромный, скрывающийся за масляно-противным первым?

А ведь точно! Судя по последней фразе, он является вполне нормальным и даже неглупым человеком.

Тогда почему так странно вел себя раньше?

И главное — для чего приходил? Не для того ведь, чтобы я испугалась, и уж тем более, не с целью продать никому не нужные книжонки. Что-то вынюхивал, высматривал, искал? А вдруг потихоньку подворовывал экспонаты? Нет, на входе стоит защитный контур, он бы ничего не смог вынести. Тогда зачем?

Я положила кинжал на стол и вышла из архива. Поднялась наверх, подошла к охранникам. Два здоровенных молодца несли вахту, подремывая в креслах.

— А, Мира, — один из них, увидев меня, слегка приподнялся. — Что-то быстро ваш жених ушел. Недовольный такой. Вы поссорились?

— Какой жених? — произнесла я сквозь зубы, по горло сытая женихами.

— Ну, как какой. Ербин-тонс, естественно.

— С чего вы решили, что это мой жених?

— Так это... он сам сказал.

— И поэтому вы его пропускали?

— Ну да. У вас ведь матушка строгая, запрещает с ним встречаться... А что, разве нет?

В глазах охранника появился испуг. Он понял, что делал что-то не так и не то.

— Нет, — отрезала я. — Моя матушка уехала давно, далеко и надолго. У меня нет никакого жениха. Зачем вы пускали сюда Ербина?

— Он очень просил, — сказал второй. — Мы же не знали...

— Сколько он вам платил? — спросила я наугад и поняла, что попала в точку.

Второй охранник заерзал, нервно оглядываясь по сторонам, не слышит ли кто. Первый проникновенно сказал:

— Мы больше не пустим. Ну, мы правда думали, он ваш жених. Только вы директору не того...

— Не скажу, — пообещала я. В конце концов, я тоже виновата. Надо было давным-давно гнать Ербина взашей, пусть это и противоречит моим обязанностям. Каждого, кто принесет маго-штучки, мы должны были принять, выслушать и осмотреть принесенное, дабы не сгинул ни один ценный экспонат.

По мне, пусть бы сгинул, лишь бы не выслушивать ежедневно кучу идиотов.

Я развернулась и пошла в кабинет к Банкину.

— Что вам, Мирохарда? — недовольно сказал он, пряча какие-то бумаги в ящик

стола. — Я вас не вызывал.

— У меня к вам просьба и предложение, — бодро сказала я, перехватывая инициативу.

— О борьбе с опозданиями?

— Не совсем, но...

Начальник открыл было рот, однако сказать ничего не успел.

Переговорник на столе заискрился, запереливался всеми цветами радуги, вслед за чем раздалась бодрая мелодия.

— Да! — рывкнул начальник, потирая прибор.

— Я бы хотела поговорить с Мирочкой, — заявил мамин голос.

Я закрыла глаза и мысленно застонала.

Мамины вызовы на музейный переговорник одно время входили в тройку самых обсуждаемых музейных тем (первые две, когда мы откроемся и повысят ли в ближайшие полгода зарплату, были актуальными, но не столь многовариантными). Конечно, в архиве, где составлялась опись экспонатов и их сортировка, я большей частью находилась одна. Но порой туда забредали посетители, а иногда заявлялся Банкин. Перебивать маму, сватавшую дочурке очередного идеального жениха, — дело безнадежное, и я была вынуждена терпеть ее монологи под ухмылками посторонних или гневным взглядом начальства. В конце концов, начальство стукнуло кулаком по столу и забрало у меня казенный аппарат. После чего имело несколько разговоров с мамой, требующей немедленно позвать ее драгоценное дитя, иначе она решит, что доченьку сгноили в подвалах музея, где, по слухам, все еще хранились пыточные инструменты времен безмагии.

Мист Банкин-тонс пригрозил лишить меня премиальных, и я решилась. Вызвала на дом настройщика переговорной компании «Маг Улия» и установила-таки вождеденный аппарат. Правда, стоимость переговорника равнялась двухсот восьмидесяти шести фврамам, а это чуть больше моей полугодовой премии. Которой меня, впрочем, и так лишили.

— Желая радоваться, — мрачно сказал начальник. — Простите, у нас совещание.

— Ваши совещания длятся по три часа, — отрезала мама. — А мне надо сказать Мирочке всего пару слов.

Банкин помрачнел еще больше и, посмотрев на меня, подергал мочку уха.

— Мамочка, — вмешалась я. — Давай я поговорю с тобой потом, после работы.

— Как ты поговоришь после работы, если начальник смывается ровно в пять и закрывает кабинет на ключ?

Банкин глухо зарычал. Я сделала несчастное лицо и выпалила:

— Мама, я поговорю из дома. Я купила переговорник.

— Ты купила переговорник?! Но он же жутко дорогой! Мира, солнышко, немедленно попроси увеличить тебе жалованье. Нынешнего тебе хватит разве что на прокорм дворовому коту!

Я начала сползать под стол. Банкин-тонс покраснел от гнева и отключил прибор.

— Простите, пожалуйста, — затараторила я, покаянно прижимая руки к груди. — Я не могла предвидеть мамин вызов!

— Вызов — это, конечно, полное безобразие. Но гораздо хуже то, что ваша мама почему-то очень хорошо осведомлена о подробностях жизни... гм... отдельных сотрудников музея.

— Понятия не имею, почему, — сказала я, усиленно придавая лицу глуповатое выражение. — Я ей ничего никогда не рассказываю. А поскольку переговорник теперь стоит

в вашем кабинете...

— Вы намекаете, что это я?! Я беседую с вашей мамой и выбалтываю ей... э-э-э... секретную информацию о режиме работы?!

Я поняла, что брякнула, не подумав.

— Нет-нет, не намекаю. То есть, не намекаю на вас. Это мог быть любой другой сотрудник. Уборщица, к примеру.

— Знаю я, какая это уборщица, — проворчал он, уже сбавив тон. — Кажется, у вас было предложение? Предлагайте, я слушаю.

Вкратце я поведала о визите Данни, о замке, доставшемся ей в наследство, и хранящихся в нем несметных (по словам подруги) богатствах.

Начальник подумал немного, пошевелил густыми бровями. Сказал:

— Не очень-то я верю в подобныеклады. Нас уже несколько раз пытались обмануть аналогичным образом. Но в нынешнем положении, особенно после ночного бардака с курантами — вы ведь в курсе, что они внезапно остановились, да? — мы должны использовать любой самый незначительный шанс. Музею будет не хватать вашего маговзора, но, в конце концов, вы ведь рано или поздно вернетесь. Хорошо, езжайте в замок... кстати, как он называется?

Я наморщила лоб. А действительно, как? Официального наименования не имелось, или я его не знала. Мы с Данни называли его между собой яблочным домом.

— Понятия не имею, — призналась я.

— Не имеете понятия, куда едете? — его брови поползли вверх. — Это весьма странно.

— Ну... меня вообще-то отвезут. У дочки покойного Макер-тота есть быстроходка, которую она выделила мне.

— Макер-тота? — густые брови начальника взметнулись вверх. — Отца вашей подруги звали Макер-тот?

— Третьего отца, — уточнила я.

И зачем-то горячо добавила, закатив глаза в приступе фальшивой экзальтации:

— Они очень, очень любили друг друга!

— Пожалуйста, — сказал начальник проникновенно и подергал мочку уха. — Пожалуйста, свяжитесь со мной оттуда в любом случае. Если там действительно несметные залежи колдовских книг и артефактов, я должен знать, на что рассчитывать. Надеюсь, ваша подруга не откажется продать музею кое-что для экспозиции.

— Не знаю, — пожала я плечами. — Но тоже надеюсь.

— Да, и не забывайте про поиски пещеры, ключа и Привратника.

— Так вы отпускаете меня в командировку?

— В отпуск, Мирохарда. В от-пуск.

Начальник снова подергал ухо, давая понять, что разговор окончен.

Что ж, в отпуск, так в отпуск. Командировочные накрылись, зато я свободна на целый месяц.

В принципе, можно топтать домой и ждать, когда за мной заедут. Но что-то беспокоило, не давало уйти. Осталось какое-то незавершенное дело.

Поняла. Мне надо спуститься еще раз в архив и посмотреть, на месте ли все экспонаты. Сверить наличие со списками. Частые явления Ербина заставляли задуматься о пропаже —

как артефактов, так и ценных книг. Отпуск отпуском, но ответственность за артефакты, хранящиеся в подвале, никто с меня не снимал.

Легко сказать — проверить наличие. А если этого наличия в архиве десятки стеллажей, каждый из которых уходит в неведомые недра подвала? Да-да, я побывала далеко не во всех потайных уголках хранилища. Мое дело вообще-то лишь описывать экспонаты, систематизировать, складывать в короба, которые после расставляют по полкам другие работники.

Я решила проверить ближайшие полки, укомплектованные относительно недавно. Вытащила из сумки несъеденный завтрак и обед — десять блинчиков, два пирожных и пять пончиков — и принялась за работу.

Когда в дверь забарабанили, непроверенными оставались примерно девяносто девять сотых архива, зато съеденными оказались все пончики, блинчики и пирожные. Вот так всегда — провиант, деньги и свободное время заканчиваются раньше, чем работа.

— Что? — я приоткрыла дверь и выглянула в щелку.

— Миста Мирохарда, к вам пришли, — робко сказал охранник

— Гоните в шею, — я представила Ербина, явившегося за макулатурой, деньгами или помотать нервы, и содрогнулась. Видеть его сегодня еще раз было выше моих сил. Могу ведь не выдержать и... Нет, при всей моей неприязни к этому типу применять против него холодное оружие не стану.

— Вы шутите? — детинушка недоуменно похлопал глазами. — Такую красивую девушку — и в шею?

— Что?!

Я отодвинула охранника и побежала наверх.

Красивой девушкой, естественно, была Данни. Она стояла перед входом в музей, притопывая стройной ножкой в моднейшем сапоге. Такая же красивая, как и всегда. В который раз я спросила себя — почему, ну почему вот эта умная, замечательная, прекрасная и богатая девушка поддерживает дружеские отношения с неказистой толстой мной?

— Мира! — закричала она возмущенно и шагнула навстречу. — Ты вообще думаешь о чем-нибудь? Рабочий день закончился пять часов назад! Четыре из них мы с Гвейнардом тщетно пытаемся тебя отыскать. Наверное, психика твоего сторожа не выдержала нашей настойчивости, и он окончательно сбрендил, потому что кукует и кукует без умолку. Кстати, твоя соседка откуда-то точно знает, дома ты или нет. Не терплю любопытных соседей, но в двух случаях их помощь может быть неоценимой — если пропала подруга или муж привел любовницу... Скажи, что ты до сих пор тут делаешь?

— Э-э-э... работаю.

— Начальник тебя отпустил? В смысле, отпуск дал или нет?

— Д-да.

— Тогда почему ты все еще здесь? Переделать все дела нереально, сама знаешь. Собирайся и пошли.

— Не могу.

Я как можно короче обрисовала ситуацию, стараясь при этом не упускать основные детали.

Данни возвела глаза к небу и вздохнула:

— Ну, ты даешь, подруга. Забыла, где работаешь? У вас в подвале в какой-нибудь из коробок наверняка есть поисковик. Он в два счета найдет расхождение между списками и

наличием экспонатов.

— Ты что, — ужаснулась я, отводя Данни подальше от прислушивающихся к разговору охранников и переходя на шепот. — Это вообще-то преступление. Пользоваться ценными экспонатами строжайше запрещено.

— А сидеть в подвале до утра разрешено? Работать круглосуточно никто не запрещает?

— Никто. У меня даже надувной матрас припасен на случай незапланированной ночевки.

— Ты маньячка, — констатировала Данни. — Сейчас же запускай поисковик. Я устала и проголодалась.

Последнее слово подействовало на меня, как холодный душ. Желудок напомнил, что он тоже проголодался, несмотря на все, поглощенное ранее.

— Давай зайдем в «Румяный блин» и перекусим, — робко предложила я, — а потом я вернусь и все быстренько закончу.

— Нет, — отрезала подруга. — Мы никуда не пойдем. Если мы поедем и ты потом вернешься в подвал, то нам с Гвейнардом придется ждать до утра. Среди палаточников, магических патрулей, демонов и аналогичного сброда. Ты этого хочешь?

Вообще-то как раз сейчас мне было все равно, где проведет ночь Данни. Но сказать так — значит, спровоцировать новую вспышку гнева подруги. А уж если она рассердится по-настоящему, то — туши свечу, ныряй в подвал.

Однако по инерции я продолжала сопротивляться, хотя делала это больше для проформы, понимая, что Данни права: вручную, без магических средств мне не обследовать архивные полки даже за месяц непрерывной работы.

— А если кто-нибудь заметит утечку магии в поисковике?

Это прозвучало настолько неуверенно, что даже я не поверил самой себе.

— Да кто заметит-то кроме тебя? — Данни поняла, что я сдаю позиции и перешла на командный тон. — В ваши катакомбы спускаешься только ты. А ты, моя милая, завтра... нет, сегодня... Да. Сегодня уезжаешь! Когда вернешься из отпуска посвежевшая и похорошевшая, да еще с кучей новых знаний и артефактов, про разрядившийся поисковик уже забудут.

Я укоризненно покачала головой — на что ты меня толкаешь, дорогая, на должностное преступление? Данни насупила брови и кивнула на дверь — иди, мол.

В архиве хранилось несколько поисковиков. Я вытащила нужную коробку, открыла и осмотрела содержимое. Та-а-ак, что у нас тут имеется? Вот этот лимонно-желтый шарик чуть крупнее моего кулака ищет беглых преступников, но уже почти пуст — еще бы, за годы службы нашел одиннадцать грабителей, трех убийц, восемнадцать магов и тридцать шесть еретиков-безмагов. Следующие три — помельче, желтые с оранжевыми прожилками, — хозяйственники, помогают отыскать потерянную или засунутую в дальний угол домашнюю утварь. Пятый, желтый в голубую крапинку как и первый, оказался практически разряжен; у него очень-очень узкая и, на мой взгляд, забавная специализация: предназначен для отыскания гулящих мужей. Ага, вот то, что нужно — небольшой шар, в пассивном состоянии бледно-желтый, ярко светится при активизации, отыскивает краденое. Так, главное, правильно составить программу поиска. Я раскрыла прилагаемую к поисковику МБК, так называемую маленькую белую книжечку с шаблонами стандартных программ, и быстро нашла нужную.

Увы, не ко всем артефактам имелись МБК — за триста лет многие инструкции потерялись. А для некоторых маго-штучек их не существовало вовсе. Колдуны в старые

времена не особо заботились о потомках и создавали артефакты не для продажи, а исключительно для собственного пользования.

К счастью, в нашем архиве МБК были более чем у половины артефактов.

Итак, чтобы заставить поисковик работать, надо обрисовать ему район поиска — устно либо на бумаге, задать приметы краденого или любые другие условия, по которым искомое определяется однозначно. А также определить итог поиска: сам предмет, его местонахождение, либо, если ни то, ни другое не определимо (например, предмет уничтожен и найти его невозможно) приметы вора. И произнести фразу активизации.

— Район поиска: подвал архива, — громко произнесла я, держа шарик перед собой на вытянутой руке. — Условия: наличие предмета в списках, но фактическое отсутствие. Итог: список украденных предметов.

Подумала и добавила:

— И приметы вора. По окончании работы занести на лист. Ареа канта манипус!

В принципе, для поисковика имели значения не сами слова, а эманации, передаваемые моей рукой. Но, увы, без вербализации активировать артефакты не удавалось.

Поисковик сделал работу быстро, хотя и разрядился почти полностью. Пока он метался среди стеллажей по заданной программе, я терзалась муками совести, но когда на чистый лист, который я ему подсунула, легли ровные строки, содержавшие перечень пропавшего, только ахнула. Двадцать два предмета! Ну, ничего себе! Тут были и защитные амулеты, и увеличители энергетического поля, и мелкие бытовые вещи типа чашки-непроливайки и скалки-самокатки. Самое неприятное, что в этот список попал еще один предмет, довольно ценный — изменитель внешности. Но что поразило больше всего, к пропаже приложил руку не только Ербин, а еще как минимум двое — шарик выдал приметы аж трех человек! Я быстро пробежала глазами описания и убедилась, что клептоманией страдаю — все трое были мужиками. Но кто они? Так, первый: высокий, худой, лысеющий... Ербин или кто-то очень на него похожий. Украл единственный предмет — красный негниющий помидор, вызывающий женскую страсть при совместном поедании. Гм. Уж не со мной ли совместно он собирался его поедать? Второй: среднего роста, плотный, темноволосый, особых примет нет. Что ж, это мог быть кто-то из работников музея. Украл двадцать предметов. Ого! Значит, ворует постоянно. Третий. Тоже мужчина, и тоже без особых примет. Украл всего лишь расческу, делающую шевелюру пышнее. Наверняка спер на подарок для своей возлюбленной.

Осталось понять одну простую вещь. Если все эти двадцать два предмета вынесли из музея, то... каким образом? Магический контур непременно уловит и зафиксирует факт выноса маго-штучки, после чего передаст информацию дежурному начальнику, а тот — охранникам на входе.

И — уверяю вас — мало никому не покажется. До меня тут работал один старичок. Чтобы порадовать свою половину, он решил стащить поющий горшочек. Не успел сделать и двух шагов, как охранник ласково взял его за плечо и отобрал сумку с горшочком. Старичка уволили на следующий же день. Впрочем, дедушка, когда передавал мне дела, клялся, что его подставили, а, может, даже подсадили. При этом он так подозрительно смотрел на меня, что я готова была провалиться от стыда сквозь землю. Наверное, он и сам понимал абсурдность своих обвинений — подвал музея не такое уж козырное место, а должность архивариуса — не мечта владеющих маго-взором, чтобы подсидивать кого бы то ни было. Тем не менее, перед старичком мне было крайне неудобно. Но одно я запомнила

хорошо: выносить из музея что-либо — гиблое дело, причем в прямом смысле слова.

Однако, вот же двадцать два предмета, исчезнувшие из подвала. Возможно, они все еще находятся в стенах музея. Очень не хотелось думать на своих коллег, но... Жаль, я не задала поисковику параметр «местонахождение украденного». Но теперь ничего не поделаешь.

Я поблагодарила поисковик за помощь, погладила слабо светящийся желтый шарик и бережно уложила в коробку. Он едва заметно мигнул, будто ответил на мою ласку. По моим наблюдениям, маго-штучки — самые отзывчивые и милые... э-э-э... вещи... нет, все-таки существа. Почти как живые. Если найти с ними общий язык и научиться понимать, то проблема отсутствия близкого человека отступит далеко на задний план... Собственно, ради общения с маго-штучками я и оставила карьеру журналистки, придя в музей архивариусом. Зря Данни удивляется, что я забываю здесь про все на свете. Время на службе течет незаметно. Хотя, наверное, моя увлеченность работой — это лишь возможность забыть про все остальные проблемы.

Написав начальнику сопроводительное письмо с просьбой уличить трех воров и не пускать «жениха» в музей ни под каким видом, я вдруг вспомнила про кинжал. Тот самый, небольшого размера, предположительно выпавший из какой-то книги.

На столе его не было. Под столом тоже. Но ведь я отчетливо помнила, что оставила его вот здесь перед тем, как уйти к Банкину!

Хорошо, будем рассуждать логически. Уйдя, я заперла дверь. Значит, пока мы беседовали с начальником, войти сюда никто не мог. Замечательно.

Потом я спустилась вниз и принялась проверять полки и короба на предмет пропажи. Был ножик на столе? Не помню.

Потом пришла Данни. Я вышла к ней и...

Идиотка! Как можно было оставить дверь открытой! Сюда мог забраться кто угодно. Я сразу представила — вот он спускается по ступеням, озирается, берет нож, после чего крадется в дальний угол подвала, где затаивается. Чтобы позже выйти и прирезать меня.

Еще раз идиотка. Что за дурацкие мысли лезут в голову?

И тотчас же, будто отвечая мыслям, в глубине архива послышался какой-то звук. То ли что-то упало, то ли кто-то споткнулся.

Неприятный холодок пробежался вдоль позвоночника.

Спокойно, сказала я себе; наверное, какой-нибудь короб стоял неровно, вот и рухнул, задетый летящим поисковиком.

Однако короб, даже рухнувший с высоты, вряд ли станет вполголоса ругаться.

Где, спрашивается, были мои мозги, куда подевалась осторожность, когда я подскочила и кинулась на звук брани, как собачка, в любимую конуру которой забрался наглый котяра?

Увы, в отличие от собачки, быстрота — не мой конек. За то время, пока я металась среди стеллажей, отыскивая источник звука, любой приличный вор мог бы смыться как минимум раза три (на что я подсознательно надеялась). Но то ли злодей заплутал, то ли оказался еще менее проворен, чем я, и мне удалось, вывернув из-за очередного поворота, весьма удачно налететь на черную фигуру в длинном плаще с капюшоном, из-под которого злобно сверкнули глаза. В следующую секунду фигура развернулась и резво поскакала от меня по проходу в дальний угол архива. Я ринулась за ней.

Надо сказать, бежал черный плащ если и быстрее, чем я, то ненамного. Тем не менее, расстояние между нами неуклонно увеличивалось. Не-е-ет, не уйдешь! Я разозлилась, и, бросив вперед свою тушку в немислимом рывке... рухнула на каменный пол.

Однако, падая, мне удалось ухватить конец мантии. Почти одновременно раздалось: треск разрываемой материи, глухое рычание обезмантенного беглеца, стук моего тела о камни, пару ругательств, отпущенных мной в адрес жесткого пола, топот убегающего злодея.

Раздался еще один звук, который тут же примирил меня и с падением, и с очередными разодранными колготками. Это было тихое звяканье упавшего на каменный пол кинжала.

Видимо, ворюга прятал его в складках мантии и впопыхах не заметил потерю. Потирая ушибленные колени, я с трудом поднялась и сделала пару шагов. Протянула руку, чтобы поднять серебристый клинок.

И тут случилось совершенно невероятное. Прямо на моих глазах кинжал... растворился! Исчез, будто его и не было. Я пошарила руками по полу в надежде, что он просто стал невидимым. Ничего подобного. Кинжал пропал, будто его и не было.

Я задумалась. Никогда не слышала, чтобы предметы, пусть и магические, вот так запросто исчезали. Хорошо бы спросить кого-нибудь из отдела магической литературы, может, встречались какие-то книги или статьи на эту тему, но ведь рабочий день давно закончился. А завтра... нет, уже сегодня я уезжаю. Ладно, оставим решение этой загадки на потом.

Преследовать вора дальше, дабы установить его личность я, конечно, не стала. Во-первых, он уже исчез за ближайшим поворотом, а во-вторых, коридоры музея до конца не изучены, и некоторые из них ведут демон знает куда. Очень надеюсь, что злоумышленник туда и попадет. Ну, и в третьих, очень сомневаюсь в своей победе, если нам с ворюгой придется схлестнуться врукопашную.

И вообще, с меня на сегодня хватит! Присовокупив к записке для начальника трофеей — кусок плаща, я поднялась наверх к Данни, оживленно болтающей с охранниками.

— Все в порядке? — спросила подруга. — Можно ехать?

В порядке, конечно, было далеко не все — колени отчетливо болели, но я вдруг почувствовала, как безмерно устала — и от работы, и от подвала, и от начальства. Оказалось, я очень-очень хочу уехать немедленно и как можно дальше. Поэтому лишь кивнула, схватила Данни за руку и потащила прочь.

Глава 4. Сборы. Отъезд

Глава 4. Сборы. Отъезд

«Привлекательный начинающий маг-экспериментатор желает познакомиться с нищей уродиной, готовой попытаться стать красивой и доброй, для приятного времяпровождения. Положительный результат эксперимента не гарантирован!

Убедительная просьба повторно не обращаться и демонов не насылать!».

Из объявлений в газете «Магия-сила»

Быстроходка ждала за углом.

— Нашла беглянку! — радостно объявила подруга водителю. — Спасла от неминуемой гибели в застенках пыточного каземата, который почему-то называется учреждением культуры. Ее потеря была бы большой утратой для магической общности, потому что другой такой сумасше... э-э-э... тругоголички в Данентии просто не существует. За спасение мне полагается поставить памятник. Или хотя бы накормить и напоить.

Человек в темной рубашке с высоким воротом и белом жилете повернулся и кивнул, с интересом рассматривая тругоголичку.

Наши взгляды встретились, и его лицо тут же вытянулось. Мое, видимо, тоже. По крайней мере, я замерла на несколько секунд, а потом отступила на пару шагов назад и мысленно выругалась.

Это был тот самый тип. Который вчера сначала чуть на меня не наехал, виляя и подпрыгивая, а потом заявил, что мне не мешало бы похудеть как минимум вдвое. А я за это пообещала ни за что и никогда не садиться в его быстроходку.

Я заметила, что тип насмешливо рассматривает мои ноги в разодранных чулках, вспыхнула и принялась одергивать юбку. Парень искривил губы в ухмылке.

— Прыгай, — сказала Данни и распахнула заднюю дверцу. — И поехали. Мы по твоей милости потеряли уйму времени. Завтра начнут прибывать наследники, поэтому выехать надо сего...

Она вдруг запнулась и внимательно посмотрела сперва на меня, потом на парня:

— Что? Что такое? Мира? Гвейн?

— Ничего, — ответила я и отвернулась. — Я не поеду.

— Снова здорово! — всплеснула руками Данни. — Послушай, Мира. Мы ведь уже всем договорились. Ты согласилась стать моим представителем в замке, и я не стала больше никого искать. Ну что произошло? В подвале ты увидела призрака? Испугалась и теперь боишься ехать в темноте?

Подумаешь, призрак. Как раз их-то я и не боялась. На случай появления в подвале призраков у меня под рукой находился ловец — устройство, преобразующие неживые магические объекты в чистую энергию.

Зато я очень боялась ехать с этим типом. Его манеру вождения я видела, и она мне жутко не понравилась. Мне и так не внушали доверие все эти новомодные магомеханические агрегаты, до конца не исследованные и не изученные. А если к тому же водитель неопытный...

Но признаваться в трусости мне, как дочери испытателя летунов, не хотелось.

— Нет, не призрака, — ответила я, с трудом отводя взгляд от белобрысого Гвейна. — У нас в музее, как я и опасалась, завелся вор. И даже не один, а сразу трое. Я очень боюсь, что в мое отсутствие они разграбят пол-архива.

— Да и пусть разграбят, тебе-то что? — фыркнула Данни. — Поиск воров — дело твоего начальства и службы безопасности, а вовсе не твое.

Я с укором посмотрела на Данни. Конечно, подруга права, но мне от этого не легче.

— Данни, пойми, мы с таким трудом собираем артефакты. Те, что есть в наличии — мелочь, не стоящая особого внимания. Но если пропадет и она, музей закроется, даже не открывшись.

— Мира! — закричала Данни так громко, что какой-то прохожий шарахнулся от нас, едва не впечатавшись в ограду. — Мира, ты что, плохо меня слушала, да? Я даю тебе прекрасный шанс пополнить вашу экспозицию! У папочки в замке есть замечательные старинные артефакты! Бери — не хочу! Я не возьму за них с вашего нищего музея ни одного биаса!

Она перевела дух и уже тихо добавила:

— Ну, пожалуйста. Сделай это ради меня, ради нашей дружбы. Мне на самом деле очень, очень нужно, чтобы поехала именно ты.

Это был запрещенный прием. Ради Данни и нашей дружбы я готова пожертвовать всем, и она это знала. Значит, ей действительно необходимо видеть своим представителем именно меня.

— Хорошо, — сдалась я села в быстροходку.

Со стороны водительского сидения послышался ехидный смешок. Я только сжала покрепче зубы — во-первых, чтобы не зарычать, во-вторых, представляя, какими зигзагами мы сейчас понесемся по улицам.

Сама не понимая зачем, решила осмотреть все вокруг маго-взором, хотя в этом не было никакой нужды — нападать на нас в центре города, да еще рядом с музеем, где полно охраны, никто не станет. И верно, ничего особенного я не увидела. Серая паутина защиты, оплетающая музей, яркие лучи, исходящие от курантов, защитный кулон Данни...

Я перевела взор на Гвейна и вздрогнула.

На миг, на один крошечный миг показалось, будто под черной рубахой блеснула цепь раба. Которая являлась совсем не украшением, а запрещенным артефактом, подлежащим немедленному уничтожению или, как минимум, разрядке. Я тряхнула головой. Наваждение исчезло.

Быстροходка подпрыгнула и рванула с места. От стены отделился ковер-летун и последовал за нами.

Всю дорогу наш водитель молчал, а Данни давала мне наставления и советы, которые я слушала вполуха, так как раздумывала, в самом ли деле видела на шее Гвейна цепочку или мне померещилось. Ничего не придумала и решила — действительно, заработалась до светящихся шариков в глазах.

Как я уже успела убедиться, водителем парень был не ахти каким. Машина то резко тормозила, то дергалась на поворотах. Недостаточное мастерство водителя усугубляли разбитые по всему центру палатки одноотцовцев и магические патрули, которые не давали простора для маневров. Однажды нам попалась группа детей, с ликующими криками гоняющих демона. Последний выглядел до того зашуганным, что я от души ему

посочувствовала. Он было увязался за быстроходной, ища спасения. Но тут ребяташки подняли истошный крик, и наш водитель — я вспомнила, что Данни называла его Гвейнардом — прибавил ходу, отчего быстроходка рванула как укушенная бешеным котом. Несчастный демон вынужденно отстал.

Повернув за угол, мы чуть притормозили. Где-то тут, рядом, самоходка, ведомая нашим лихачом, налетела на меня в первый раз.

Ну да, точно. Вот и дом с яблокожором. Он все так же улыбается мне со стены — чуть укоризненно, но все-таки обоятельно.

К двери дома с яблокожором подходил человек. Вот он вставил в замочную скважину ключ и повернул. Я равнодушно смотрела на его спину. Вот интересно, похож он на изображенного на стене предка? Человек, будто прочтя мои мысли, неспешно повернулся. Я увидела его лицо и ахнула.

Перед открытой дверью стоял никто иной, как Ербин собственной персоной.

— Что он тут делает? — растерянно спросила я, не отрывая взгляда от лже-жениха.

— Кто? — спросила Данни. — Куда ты смотришь? На яблокожора? Так он тут всегда, ты что, забыла?

— Нет, я про Ербина.

Мы уже проехали заветный дом, поэтому нам с подругой, оглядываясь назад, пришлось вывернуть шеи.

— Ербина? — Данни недоуменно посмотрела на меня. — Ты заработалась, что ли? Какого еще Ербина?

— Того самого, Данни, того самого. Да посмотри же внимательней! Вон же он.

Лже-жених все так же стоял у двери и глядел на нас, чуть улыбаясь. Впрочем, может, улыбка мне померещилась, на улице темнело, и черты лица скрадывались.

— Это не он, — уверенно сказала Данни. — Какой же это Ербин? Ему совсем нечего тут делать. И потом, хозяйина дома я знаю. Правда, очень шапочно, и даже имя не вспомню, но этот тип на Ербина даже близко не похож.

Я не стала спорить. Не возвращаться же, чтобы доказать свою правоту.

То, что это был Ербин, я готова была поклясться.

Вот только что он тут делал?

По дороге мы с Данни все-таки решили перекусить в «Румяном блине». Оставили Гвейнарда в машине и зашли в уютный трактирчик.

— Мне пять блинчиков, — сказала я подошедшей девушке. — Два стакана сока и...

— Три салата из огурцов, — закончила Данни. — Блинчики — не лучший выбор для ужина.

— Наголодаться всегда успею, — отмахнулась я.

Если бы только знала, насколько пророческими оказались эти слова!

— Как он тебе? — спросила подруга, когда принесли заказ.

— Блинчик? Очень вкусный! Здесь их готовят — пальчики оближешь! Попробуй!

Подруга отвернулась и поморщилась.

— Все талию экономишь? — сочувственно спросила я. — Тебя же с ковра-летуна скоро сдувать будет.

— Не будет, не надейся, — отпарировала Данни. — Я прекрасно чувствую себя без мучного и сладкого. А у тебя, похоже, разыгрался аппетит. Уж не на нервной ли почве? Очень понравился мой водитель?

Угу. Особенно когда прошелся о моей комплекции. Самое верное средство понравится девушке — наговорить гадостей о ее фигуре.

— Про нервную почву — это ты в точку, — я сменила тему, не желая обсуждать, кто кому нравится. — Знаешь, вчера вечером... Уже довольно поздно было... кто-то вызвал меня по переговорнику.

— Да ты что? — жадно спросила подруга, предвкушая сенсацию. — И кто же? Нет, не говори, дай я угадаю. Нетерпеливый поклонник?

— Какой еще поклонник! Данни! Ты о чем? Мне ведь только позавчера его настроили.

— Тогда... Наверняка это был рекламный вызов. Переговорщики кому только не сливают коды. Не бесплатно, естественно.

— Рекламный? А грубый и наглый не хочешь? — я пересказала ночной разговор.

Подруга нахмурилась:

— Код запомнила?

— Данни! Как считаешь, стоя в ночной рубаше на холодном полу, можно запомнить какой-то там код? Да и как бы я запомнила, если он сразу исчез?

— Исчез? — Данни чуть не подавилась куском огурца, закашлялась. — Код исчез с поверхности переговорника? Мира! Такого не бывает. Не может быть, понимаешь? Он гаснет только когда закончен разговор!

— Я и сама так думала. И тем не менее код пропал!

— Ладно. Про код я думаю вот что: специалисты из компании «Маг Улия» применили какое-то новшество... Чтобы скрывать номер вызывающего. А что? Почему нет? Или переговорник настроили криво. Я уверена, объяснение есть, но сейчас важно другое: кто звонил. Какой был голос? Мужской? Женский?

— Хриплый. Как будто простуженный. Либо мужик, либо женщина с низким тембром. Думаю, голос изменили, чтобы я не узнала.

— Кто мог знать про твою поездку?

— Ты, — просто ответила я. — После тебя никто не приходил. И я никуда не выходила.

— Колдовство какое-то, — задумчиво произнесла Данни. — Я абсолютно точно никому не говорила.

— Абсолютно точно? — спросила я, и тут меня осенила догадка. — А водителю своему ты когда сказала?

Данни замерла, вытаращив глаза.

— Ну и? — я прищурила глаза.

— Буквально два слова, Мира! Я сказала ему буквально два слова!

— Какие именно?

— Что ему предстоит дальняя поездка. С моей подругой... Слушай, ну неужели ты подозреваешь его? Да у него даже переговорника нет!

— Мог воспользоваться твоим.

— А номер твой он как узнал?

Я призадумалась. Номера он знать, конечно, не мог.

— Вот и я о том же, — убежденно сказала Данни. — Мира! Это смешно, честное слово — подозревать моего шофера!

— А вот мне как-то не очень, — произнесла я вкрадчиво. — Меня будят ночью, обзывают, дают дурацкие советы. Короче, пытаются запугать. Зачем?

— Понятия не имею, — пожалала плечами Данни. — И зачем же?

— Я тоже не имею понятия. Но кто-то почему-то не хочет, чтобы я поехала. Почему? Данни, или ты говоришь, в чем дело, или...

— Или ты не едешь? — упавшим голосом сказала подруга. — Впрочем, ты права. Так будет лучше. Правда, дело с наследством затянется на неопределенный срок... И магические фолианты могут растащить...

— Данни, я же не отказываюсь, — пришлось пойти на попятный. — Но, согласись, звонок действительно странный.

— Станный, — кивнула подруга. — Но все же... Если ты подозреваешь Гвейна, то совершенно напрасно.

Я решила не отвечать, потому что действительно подозревала. И звонок странный, и Гвейн этот, по словам самой же Данни — странный... Нет, он, конечно, не вызвал меня сам. Скорее, передал кому-то информацию.

Но кому и зачем?

А вот поеду и все выясню!

Я с удивлением посмотрела на пустые тарелки — и когда только успела все съесть? Решительно встала:

— А не заскучал ли твой работник?

— Пусть немного, ему полезно, — улыбнулась подруга. — Так что, едешь?

— Данни, я долго колеблюсь прежде чем что-то решить. Но уж решив, не отступаю от намеченного.

— Тогда поехали.

Данни шагнула было к двери, но я ее задержала:

— погоди еще минуточку. Слушай, а его эти... странности водителя, о которых ты вчера говорила... ну, помнишь, что он то ли заговаривается, то ли подозрительно себя ведет — они очень странные? Или терпеть можно?

Она рассмеялась:

— Терпеть можно. Если честно, Мира, мужики — они все немного странные. Вот взять моего жениха. Опять уехал! Все дела, дела. Которые, видите ли, важнее наших с ним отношений. Сколько раз я хотела тебя с ним познакомить. Но попробуй его поймай! Ничего, скоро он вернется навсегда. И мы наконец-то поженимся.

Я действительно не была знакома с женихом своей лучшей подруги. Удивительно, но факт. То он куда-то уезжал, то я была занята по уши, то Данни вплотную занималась своим магазинчиком. Но только теперь меня вдруг посетила странная мысль. А что, если она по какой-то причине просто не хочет нас знакомить? Полная ерунда, конечно, но вдруг?

Сторож — на сей раз он принял вид кукушки — все еще куковал.

Привычно шлепнув сторожа по башке, я повернулась к подруге, которая зашла в квартиру вместе в Гвейном вслед за мной:

— Данни, стучала в квартиру ты?

Она уставилась недоуменно:

— А какая разница?

— Сначала ответь.

— Ну, я. И что?

Странно. На Данни сторож должен не куковать, а кукарекать, приняв вид бравого петуха, а не серой невзрачной птички.

— Не пойму, что произошло со сторожем, — пробормотала я.

— Да он у тебя всегда заедает.

Заедает — да, но еще ни разу он не спутал Данни ни с кем другим.

— Вы едете или нет? — подруга начала сердиться. — Мира, бери вещи!

Когда Данни сердится, она разговаривает рублеными фразами и чаще всего глаголами в повелительном наклонении.

Я схватила приготовленную сумку, приподняла и тут же уронила обратно. Интересно, почему она такая тяжелая?

— Сдвинься, — буркнул Гвейнард.

Он оттер меня плечом, легко подхватил сумку и понес к выходу.

— А правда Гвейн немножко волшебник? — подмигнула мне Данни.

— Угу, — буркнула я.

— Это не он, — с нажимом прошептала подруга, косясь на дверь. — Это не он вызывал тебя ночью.

— Да, я уже почти поверила. Вызывал не он. Зато машину водит поистине волшебю, ты права.

— Нормально он водит, — начала заводиться Данни. — Что ты хочешь от человека, который сел за руль совсем недавно? Ты бы, наверное, сама не лучше ездила!

Она попытала немного, остывая, потом порылась в карманах, вытащила из одного здоровенную связку и протянула мне:

— Держи. Кажется, здесь ключи от всех комнат. У Сварта с женой тоже есть почти ото всех — ей ведь приходится делать уборку. А это папочкин экземпляр. Я говорила, что настроила ключи на тебя?

— Кажется, да, — неуверенно ответила я.

Связка оказалась не только здоровенной, но еще и увесистой. Хо-хо, значит, я стала полновластной хозяйкой замка, хоть и временной! Могу стащить несколько артефактов. Или, наоборот, подкинуть что-нибудь лишнее.

Тут у меня появилась сумасшедшая идея, и я решила ее озвучить:

— Может, твой волшебник сможет утрамбовать рояль и запихнуть его в быстроходку? Вдруг кто-нибудь из наследников его захочет?

Данни обалдело уставилась на меня. Спросила:

— Кого захочет? Волшебника?

— Я вообще-то имела в виду рояль, — спокойно пояснила я. — Что, если кто-то из наследников захочет его в качестве доли?

Данни уставилась на меня изумленно:

— Мира, ты шутишь? Во-первых, это подарок. Не только от меня, но и от покойного папочки. Помню, он однажды обмолвился: никогда не забуду, с какой страстью и обожанием Мира смотрела на инструмент.

Я внутренне содрогнулась и не стала уточнять, что это была вовсе не страсть, и уж тем более не обожание, а самый настоящий ужас. Упомянутый папочка заставлял меня разучивать песенку «Три мага раннею порой». Ее считали не то, чтобы запретной, но весьма неприличной. И не только из-за упоминания магии и волшебного порошка — содержание песенки определенно нуждалось в цензуре. Я не посмела послушаться и, хоть и без большого удовольствия, по полдня сидела за роялем и стучала по клавишам, в то время как Данни со

своей старой нянькой и садовником Свартом гуляла по окрестностям замка. А я томилась в компании старого угрюмого Макер-тота, который под мое бречание бормотал слова песенки:

— Три мага раннею порой
Отправились на луг.

Сожрал могуллия второй,
А третий сгинул вдруг.

— А где первый? — наконец не выдержала я.

— Что? — нахмурился старик.

— Почему в песне поется про второго и третьего магов, а про первого — нет.

Он ухмыльнулся:

— Первый в уме.

— Где?! — я испугалась не на шутку. Не съехал ли старина Макер-тот с катушек? Как целый маг может поместиться **в уме**? И вообще — каким образом там оказался?

— Эх, вы, поколение безмагов, — вздохнул хозяин замка. — Не знаете элементарных вещей. Не помните заветы предков. Первый маг — это всегда Улия. Он находится с нами, в нас, направляет наши действия, следит мудрым взором.

— Маго-взором? — спросила я.

— Что? — брови Макер-тота полезли на лоб — Что ты знаешь о маго-взоре?

Тут я очень испугалась. Не надо было этого говорить, ох, не надо. Поэтому усиленно замотала головой:

— Ничего, совсем ничего.

Он принялся меня разглядывать, и я, сама не знаю как, поняла — смотрит маго-взором. Голова заболела. Представился Улия в уме. Любопытно, что он там забыл? Хоть он и первый, но в моей голове ему делать нечего.

Много позже стало ясно — это всего лишь фигура речи. Но в тот миг я отчетливо представила невысокого худощавого человечка, сидящего среди мозговых извилин и читающего книгу.

— Надо же, — произнес наконец Макер-тот странно изменившимся голосом, хрипловатым и немного севшим, — никогда бы не подумал, что ты... нормальная. А скажи-ка мне вот что... Про маго-взор тебя ведь предупреждали?

Я машинально кивнула, и только после этого сообразила, что выдала себя окончательно и бесповоротно. И когда только я научусь сначала думать, а уже потом мотать головой?

— Не стану допытываться, кто одарил тебя столь драгоценным даром, но поступил правильно. А я, гм, нет. Увы, прошедшего не воротишь. Играй. Песня дурацкая, но иногда и дурацкие песенки могут в жизни пригодиться.

Мы прозанимались еще немного, а потом пришло сообщение от мамы. Она тяжело заболела, и мы с Данни вернулись в город. Я так и не доучила песенку «Три мага раннею порой», о чем, впрочем, несколько не жалею.

Все это я вспоминала, глядя на рояль, черного монстра, занимающего половину гостиной.

— Во-вторых, — продолжила Данни, — как ты себе представляешь перевозку этой громадины? Я его и сюда-то еле доставила.

— Можно прицепить сзади к быстроходке, — предложила я. — Для чего-то же у рояля

есть колесики.

— Тогда она превратится в медленноползушку, — отпарировала подруга. — И вы доедете до яблочного дома в лучшем случае через три дня. Нет-нет, этот вопрос решенный, обжалованию не подлежит. Ну, все, постоим на дорожку, и в путь.

Мы постояли.

— Захвати лампу, — напомнила Данни.

Лампу! Действительно, я ведь чуть не оставила переговорник!

Более того — я совершенно забыла про мамин вызов в кабинете Банкин-тонса! И про свое обещание поговорить с ней, как только вернусь домой. Хороша дочка!

— Данни, — сказала я, — давай задержимся еще хотя бы на полчаса. Мне очень-очень надо поговорить с мамой.

— Ты с ума сошла! — подруга всплеснула руками. — Поговорить! Да ведь за окном уже темнеет! А вам еще ехать и ехать!

— Может, мы поедем завтра? — спросила я. Ехать в темноте, да еще с таким водителем, как Гвейн...

— Никаких завтра! — отрезала Данни. — Я тебя знаю, найдешь еще кучу неотложных дел. Все, топай.

— Мама очень ждет, — я постаралась сделать свой голос как можно более жалобным. — Я обещала с ней связаться.

— Ничего, подождет, — категорично велела подруга, выпихивая меня из квартиры. — У мамы новая счастливая жизнь, а у тебя пока нет. Мира, не тормози, шевели ногами! Машина ждет! В конце концов, поговорить можно и в быстроходке!

Согласна, вариант. Однако какое-то неясное чувство, что уезжать никуда не стоит, не хотело меня покидать. Именно оно заставляло тянуть время, находить неотложные дела, топтаться на пороге...

Машина действительно ждала. Моя сумка стояла на заднем сиденье. Я с кряхтением перегнулась через дверцу и сунула в сумку связку замковых ключей.

Гвейн занял водительское место и, застыв на нем ледяной глыбой, смотрел вперед, всем видом выражая терпение, которое вот-вот подойдет к концу. Данни посмотрела на его белобрысый затылок, хлопнула себя по лбу и воскликнула:

— Мира! Чуть не забыла одну важную вещь! Ведь у меня для тебя подарок! Вот, держи. Подбирала тщательно, поэтому тебе обязательно понравится.

Она протянула мне колечко. Постое, незатейливое, из серебристого металла, с небольшим камушком. Я взглянула на хитрющее выражение лица Данни и включила маговзор.

Ну, так и есть. Камушек светился бледно-голубым. Магия очарования. Значит, она все-таки не оставила коварных намерений сосватать меня своему помощнику. Ну уж нет.

Не желая обижать подругу, я взяла кольцо, но на палец не надела. Просто сунула в нагрудный кармашек. Данни не одобрила такое обращение с ценным подарком, но возражать не стала. Только спросила, подергав полу плаща:

— Ты собираешься ехать в этом недоразумении? В быстроходке, конечно, есть обогрев, но напрочь отсутствует крыша. Поэтому ветерок, особенно ночной, не прибавит дивных ощущений. Меня, например, во время дальних переездов постоянно бодрит.

— Но... у меня ничего более подходящего нет, — призналась я. — Разве что в одеяло закутаться.

— Мира, фу, — поморщилась подруга. — Фу, одеяло. Ты едешь в быстроходке, а не в телеге! Подожди.

Она нырнула под заднее сидение и вытащила объемный сверток:

— Держи и облачайся!

В свертке оказался дорожный набор высокосветской дамы: брюки, куртка, плащ, сапоги на шнуровке и перчатки с высокими раструбами. Все — из тонкой, отлично выделанной кожи золотисто-коричневого цвета. В довершении всего я достала из свертка большие круглые очки с толстыми стеклами.

Ноги ослабли.

У папы были точно такие же.

И тут же тугой волной нахлынули воспоминания.

Папа приходит домой, счастливый, протягивает мне очки:

— Глянь, Мира! Как тебе? Красивые, правда?

Я заморожено смотрю на это чудо. Толстые стекла, кожаная оправа, плотно прилегающая к голове — будто в руках у папы огромные стрекозиные глазищи. Мама смотрит настороженно и почему-то испуганно.

— Очки пилота, — с гордостью говорит папа. — Меня выбрали для испытаний нового летуна...

На маминых глазах наворачиваются слезы, а я не могу понять, что случилось. Она боится стрекозиных глаз?

Очень отчетливо, в одно мгновение, я понимаю: как только папа наденет глаза стрекозы, он перестанет быть папой, потому что сам превратится в стрекозу и улетит от нас далеко-далеко, чтобы уже никогда не вернуться...

— Эй! — потрясла меня Данни. — Ты что, уснула, дорогая? Облачайся и вперед! В дороге поспишь.

Пришлось вернуться домой и переодеться.

М-да. Одежда действительно шикарная. И мне в самый раз. Вот только выгляжу я в ней не как светская дама, а как ее прислуга, невеста зачем все это напялившая.

Впрочем, я же не ради красоты все это надела. Путешествовать ночью — это вам не сладкие пончики.

И все-таки не удержалась — прихватила с собой и мамин плащ и простенькие ботинки.

— Прелестно, — одобрила Данни мой вид. — Вот что значит удачно подобранный наряд, сразу делает человека из...

— Коровы? — подсказала я.

— Из девушки, не озабоченной внешностью, — грозно поправила Данни. — Зато теперь вы с Гвейном смотрите очень гармонично.

Оказывается, пока я ходила, Гвейnard тоже переоделся — почти в такой же дорожный костюм, как у меня, только темно-коричневого цвета.

— Ну, все, садитесь и езжайте, — сказала Данни. — Да и мне пора. Мира, не забудь поискать коробочку, ладно?

Она свистом подозвала ковер-летун, грациозно на него вспорхнула, махнула нам рукой и улетела.

Из соседней двери выглянула миста Зофа Галгер-тонс, только и ждавшая, когда отбудет

моя шикарная подруга, которую, насколько я успела заметить, бабушка слегка побаивалась:

— Мирохарда Юргрия! Почему вы снова нарушаете покой? Вчера ночью творилось невесть что, а сегодня весь вечер в квартире орал петух!

— Не петух, — сказала я. — Сегодня была кукушка. Это мой сторож. Он больше не будет.

— Какая еще кукушка! — старушка перешла на визг. — Я что, выжила из ума? Не могу отличить ку-ку от кукареку?

Ничего не понимаю. Петух? Но ведь я сама слышала... И видела...

Может быть, после Данни ко мне приходил еще кто-то?

Или бабушка все-таки ошиблась?

— Я очень надеюсь! — продолжила соседка. — И что кукарекать никто не станет, и ночью из вашей квартиры не будут раздаваться мужские голоса и звуки потасовок!

Ну вот почему у подобных ей бабушек отличный слух, никакой личной жизни и необузданная фантазия? Бесполезно объяснять, что никакой мужчина ко мне не приходил, а слышала она всего лишь голос из переговорника; потасовка — не что иное, как ночной вызов и моя неуклюжесть.

— Вы, милочка, мешаете спать пожилому человеку!

Странно, что ей не мешали ни пикетчики движения одноотцовцев с плакатами «Пятиотцовству — нет!», раскинувшие палатки прямо под окнами, ни магические патрули, что печатали шаги по каменной мостовой весь день и всю ночь без передышку.

— В следующий раз буду жаловаться! И не магическому патрулю, а прямо в министерство магии!

Ну да, только им и делов, что разбирать жалобы всяких старых гримз, которые от скуки придумывают врагов в лице ближайших соседей.

— И очень правильно сделаете! — неожиданно сказал Гвейнард.

Я аж рот разинула от такой подставы. Нет, вы видели наглеца?

Зато миста Зофа, кажется, только этого и ждала. Расплылась в улыбке и замурлыкала:

— Вы меня понимаете, мист, правда? Никто не понимает, а вы, я вижу, — да.

— Очень хорошо понимаю.

Вот же зараза! Он что, вздумал строить глазки старой карге?

Бабка и без того раздражала безмерно. То утверждала, будто я специально ношу домой всякие сладости (которые ей противопоказаны), чтобы вызвать завить или приступ голода. То кричала на всю улицу, будто я подглядываю за ней в окно. И, наконец, однажды я якобы натравила на нее дворового кота! Я же не виновата, что она стояла прямо на пути у механической мыши, которую я подарила коту в честь дня святого Улии. После этого бедному животному невозможно было выйти из подвала, чтобы не услышать в свой адрес пары-тройки проклятий.

Я хотела сказать бабке на прощание что-нибудь язвительное, но прикусила язык. Потому что услышала голос Гвейнарда:

— Мы давно наблюдаем за неблагонадежными гражданами. И в этом нужном и опасном деле очень надеемся на вас. Я оставлю вам свой номер, и вы, если увидите и услышите что-то подозрительно, сразу меня вызывайте.

Старушка ахнула, прикрыла рот рукой, попялилась на парня округлившимися глазами и благоговейно прошептала:

— Так вы оттуда... из этих?

Гвейнард широко улыбнулся, вытащил из кармана картонку и засунул в карман бабушкиного платья, грязного и засаленного. Соседка раздулась от гордости, окинула меня презрительным взглядом и удалилась в свою квартиру.

Глава 5. Ночная дорога

Глава 5. Ночная дорога

«Государство вам дарит пятерку отцов,
Пятерых умудренных отцов-мудрецов.
Окружи их заботой, теплом и вниманьем
И мечтать прекрати о пятерке дворцов!»
Из наставлений Магического Схода
юным гражданам Данетии

Я в последний раз окинула взглядом родной квартал. Ох, как же давно я отсюда не уезжала. Здесь прошли первые три года моей жизни, тут я прожила свои последние десять лет.

Фонари уже зажглись, освещая трехэтажные кирпичные дома, стоящие друг к другу вплотную, двумя шеренгами уходили в темноту. Невысокие кусты, цветочные клумбы с золотыми огоньками — обычными цветами городских улочек — вызывали картины далекого детства. Я трянула головой, мысленно простилась с городом и решительно шагнула к быстроходке.

— Надеюсь, эта старая калоша не станет злоупотреблять твоей добротой и не примется названивать по десять раз на дню, — сквозь зубы процедила я, усаживаясь рядом с водительским сиденьем. Я все еще не могла простить ему кокектство с соседкой.

— Пусть злоупотребляет, — пожал плечами парень. — Мне не жалко.

Мне стало очень интересно, каким образом старушка станет собственно злоупотреблять. Данни говорила, в яблочном замке нет переговорника. Тем не менее, «немножко волшебник» дал бабуле карточку с кодом. У парня есть персональная машинка, о котором не знает даже его хозяйка? Поэтому я не утерпела:

— И... каким образом она станет злоупотреблять?

Гвейн удивленно на меня взглянул, что чуть не стоило старинному особняку резной ограды — я вовремя взвизгнула, и лихач успел резко свернуть.

— То есть как, каким образом? — невозмутимо ответил водитель. — Естественно, вызовет меня по переговорнику.

— Чтобы вызвать, надо этот самый переговорник иметь! — отпарировала я. — А Данни утверждает, что в замке его нет!

— В замке нет, — спокойно ответил парень. — Он со мной.

— И Данни про него знает?

Я удивлялась все больше и больше. Гвейн кивнул.

— Странно все это, — раздраженно заявила я. — Она знает про твой аппарат. Но... пока я ей не сказала про свой переговорник, не представляла, как мне с ней связаться. К тому же она сама призналась, что у тебя переговорника нет!

— Все правильно, — снова кивнул Гвейн. — Это не совсем переговорник. Скорее, однонаправленный агрегат.

— Однонаправленный агрегат? — недоуменно переспросила я. — Что за демон такой?

— Никакой не демон. Переговорник с односторонней функцией. Позволяет другим вызывать меня, а меня таких возможностей лишает.

Что-то царапнуло. Что-то не сходилось. Знай Данни про такой полупереговорник, она бы про него сказала. Однако точно помню ее слова: у Гвейна переговорника нет. Тем не менее, он утверждает, что какой-то урезанный аппарат все-таки имеет.

Определенно, кто-то врет.

И что вообще это за агрегат такой, скажите на милость?

— Такие бывают? — спросила я.

— Чего только не бывает, — туманно ответил Гвейн. — Взять хотя бы вас с моей хозяйкой. Вы такие разные, однако как-то дружите.

Вот уж его нисколько не касалось наша дружба! Пока я пыталась придумать язвительный ответ, быстроходка подпрыгнула и нервно рванула вперед, словно лошадь, подстегнутая кнутом и острыми шпорами. Какой-то поздний пешеход в ужасе шарахнулся в сторону.

— А ты ничего, — неожиданно сказал Гвейnard.

Я закашлялась. Ничего так признание! С чего бы вдруг он его сделал? Настоячивые советы Данни обрабатывать меня на полную катушку? Или он пытается загладить предыдущее высказывание?

И только сейчас я почувствовала: на пальце что-то мешается.

Ну, конечно! Кольцо непостижимым образом выбралось из кармашка плаща, куда я его засунула, и умудрилось нацепиться на средний палец правой руки. Наверное, это произошло, когда я отправилась переодеваться.

Я попыталась стащить кольцо. Куда там! Видимо, артефакт заговорен на меня. Ну, Данни, ну, погоди! Ладно, приеду, сниму с помощью мыла.

— Спасибо, — холодно сказала я и решила сменить тему. — Давно водишь быстроходку?

Машина вильнула и чуть не снесла фонарный столб.

— Второй день, — ответил Гвейnard, уворачиваясь от невесть откуда выскочившей торговой будочки. — По-моему, получается неплохо. И, знаешь, удовольствий масса.

Магический патруль, только что вывернувший из-за угла, поспешил скрыться за палатку одноотцовцев. Пикетчики в это время натягивали очередной плакат, но, заметив летящую на них машину, бросили работу и присоединились к патрульным.

Увернуться от палатки в нашем случае было практически нереально. И все же ему это удалось. Ну, почти удалось.

Кажется, в рухнувшей палатке кто-то был. Потому что ругань и гневные крики долго еще не стихали. Причем орали как маги, так и пикетчики. Увы, родной город прощался со мной если и со слезами на глазах, то слезы эти не были признаком огорчения. Утешало одно — быть может, обрушенная нами палатка примирит магов и одноотцовцев.

Через четверть часа забылись и палатка, и гневные крики, поскольку мы почти выехали из столицы, а Гвейnard и не думал сбавлять скорость. Лучше бы Данни подарила мне вместо кольца что-нибудь от морской болезни, поскольку очень скоро каменная мостовая кончилась, и начались рытвины и ухабы. Я, с трудом переносившая качку, уцепилась руками за переднюю панель. Вот лихач.

— Кто? — неожиданно спросил водитель.

— Что — кто? — не поняла я.

— А, нет, ничего. Мне показалось, ты что-то сказала.

— Неужели?

— Я же говорю, показалось. Все, проехали.

Я оглянулась по сторонам:

— Что проехали?

Он усмехнулся:

— Так говорится: проехали — значит, тема закрыта.

Я вспомнила рассказ Данни о Гвейнарде и о его странных словечках. Спросила:

— Никогда не слышала. Где так говорят?

— Ну... — он замялся. — На моей родине.

— Так ты не местный? — удивилась я. — Невероятно! Я ни разу не встречала иностранцев. У нас они, как ты сам понимаешь, редкость. А откуда приехал? Из Ещечегойта или Нудании?

— Ну да, — кивнул он.

— Что — ну да?

— Из Ещечегойта.

— Ясно.

На самом деле, ничего не ясно. Подруга услужливо подсунула мне... кого? Недотепучеготянина? Она хоть проверила, ориентируется ли он на местности, да еще и в темноте?

— Слушай, э-э-э... Гвейнард, а ты уверен, что сможешь найти дорогу к яблочному дому?

— К чему? — озадаченно спросил он.

Ну вот, началось!

— Яблочный дом — очень четко, будто для маленького ребенка, сказала я, — это конечная цель нашей поездки. Поэтому, представь себе, мне очень-очень интересно, сумеем ли мы туда добраться.

— Хм-м-м, — задумчиво протянул Гвейн, — а мне казалось, мы едем в какой-то замок.

Он издевается, что ли? Спокойно, Мира, спокойно.

— Это и есть замок. Раньше он принадлежал третьему отцу Данни, моей подруги и твоей хозяйки.

— Так бы сразу и говорила. Дорогу я найти смогу, не сомневайся, — сказал Гвейнард очень уверенно, и эта его уверенность вселила в меня еще большее сомнение в правильности выбора водителя. — А почему третьему отцу? Ты, наверное, хотела сказать — отчиму?

Да что ж это такое, в самом деле? Я еще могу понять Данни, у которой элементарно не хватило времени, и она не успела поведать своему новому работнику, из-за чего замок Макер-тота мы назвали яблочным домом. Но назвать папу шесть-девять отчимом! Это переходит всякие границы!

— Я сказала именно то, что хотела. При чем тут отчим? Макер-тот был ее третьим отцом. Отцом, понятно? А не отчимом.

— То есть, у твоей подруги было три отца? — каким-то очень странным голосом спросил Гвейнард. — Интересно девки пляшут.

— Три?! Гвейн, ты откуда такой взялся, а? У Данни, как и у всех нормальных данетян, пять отцов! И при чем тут танцующие девушки?

— Сколько-сколько? Пять?!

Гвейнард, кажется, был поражен до глубины души. Некоторое время он молчал. Потом

спросил осторожно:

— А мама? Надеюсь, мама у нее одна?

— Да почему одна-то? Тоже пять.

— Пять мам, — проговорил он тихо. — Пять мам. Интересно, как такое возможно с точки зрения биологии, а? Или это местная идиома?

— Какая еще идиома? — нет, ну откуда взялся этот остолоп? — Слушай, ты, наверное, жил в глухомани? Или в горах? Еще чего-то ведь горная страна. Нигде не учился, про пятиотцовство слыхом не слыхивал, так?

— Примерно, — кивнул парень, завернув такой вираж, что я едва не прикусила язык. — Хотя лучше было бы сказать — знал, да забыл.

— Ударился головой, получил частичную амнезию? — высказала я догадку.

— Не совсем, но что-то типа того.

Я крикнула. Вот это да. Кажется, у него не все в порядке с головой. Контуженых мне только не хватало.

Будто прочитав мои мысли, водитель поспешно добавил:

— Мира, тебя не должно это смущать. Моя... э-э-э... забывчивость абсолютно не сказывается ни на поведении, ни на других людях.

— Ни на ведении машины, — добавила я. — Заметно.

— Я просто второй день за рулем! — Гвейн повысил голос. Кажется, начала злиться. — Уверяю, я вполне адекватен.

Хм-м-м-м... Хоть ты и уверяешь, да вот я почему-то не уверена. Возможно, обладатель хриплого голоса не так уж и неправ... И мне следовало остаться дома...

— А что с тобой случилось? — спросила я.

— Да в принципе ничего особенного, — слегка остыв, ответил он. — Это что-то вроде болезни, которая давно прошла, но дала определенные осложнения. Физическое самочувствие превосходное, не беспокойся.

— Постараюсь, — хмыкнула я.

— К сожалению, — продолжал Гвейnard, — некоторые реалии вашего... гм... нашего мира совершенно стерлись из памяти. Вот, например, пятиотцовство. Весь город заставлен палатками против этого самого пятиотцовства. Значит, это плохо? Или хорошо? Ничего не помню. Просветишь неграмотного?

— Да без проблем. Если скорость сбавишь.

Я хотела добавить — а то вдруг ударишься головой и растеряешь последние мозги, но промолчала. Если честно, Гвейнарда было жалко. А себя еще жальче.

Он покорно снизил скорость.

И я принялась просвещать.

Пятиотцовство объявили основной политикой государства в деле воспитания детей примерно пятьсот лет назад, в самый расцвет диктатуры магии. Именно тогда власть, состоявая из Схода Высших магических чинов, вынесла указ, гласивший: каждый родившийся ребенок с целью наилучшей интеграции в общество обязан воспитываться поочередно в пяти семьях, а по достижении пятнадцатилетнего возраста волен сам выбирать, где ему жить дальше.

Конечно, интеграция и прочие благие порывы тут ни при чем. Просто к тому моменту население страны сократилось почти вдвое. Очень многие семьи были бездетны. Самое

ужасное, что, несмотря на все старания, у них вообще не могло быть детей.

Сей феномен тщательно исследовали. Прорицатели, лекари и ясновидящие — все привлеклись к работе. Причину бесплодия искали в ухудшающемся климате, некачественных продуктах, образе жизни, оторванности от природы... Однако истинная причина заключалась совершенно в другом.

А именно. В ходе исследований выяснилась вот какая штука: активное занятие магией действует на организм человека не лучшим образом. Мужчины становились импотентами, женщины — бесплодными. Проще говоря, маги и магини не могли иметь детей. Но природный родительский инстинкт упорно требовал выхода. И такой выход был найден.

Конечно, пятиотцовство было объявлено государственной политикой далеко не сразу. Более того, Сход Высших и слышать сперва о нем не желал, а мага Литуса, предложившего пятиотцовство как единственный выход из создавшейся ситуации, чуть было не вывели из состава Схода. Протестовали довольно долго. С какой стати маги должны воспитывать чужих детей? А вдруг — плохая наследственность, болезни, порча и тому подобное? Нет уж, давайте искать кардинальные методы.

Увы, ничего более кардинального, чем уже предложенное, найти не удалось. Более того, в Сход больше не поступило ни одного предложения. Смирившись с единственным возможным выходом, пятиотцовство все-таки приняли.

— Это был единственный выход? — не поверил Гвейnard. — Неужели не возникла простая мысль: договориться с соседними странами и забирать у них на воспитание сирот?

— Возникла, конечно. Но, видишь ли, все не так просто. Вот ты где жил, в Нудании? Ах, да, не помнишь... Ну, ладно, объясняю. В соседних странах нет ни магов, ни магии. Совершенно. Абсолютно. Как думаешь, обидно им? Вот то-то же. И когда зашла речь об усыновлении детей, они потребовали за это... могуллий. Волшебный порошок.

— И что? Ваши маги оказались такими жмотами?

— Вовсе нет. Просто могуллий, будучи вынесенным за пределы Данетии, теряет свои свойства.

— О... — казалось, Гвейnard потерял дар речи. — Трудно поверить, если честно. Надо же. Теряет свойства. И почему так?

— Понятия не имею. Но факт остается фактом — все маги в других странах становятся безмагами, а маго-штучки превращаются в никому не нужные безделушки. Такой вот феномен.

Увы, сей феномен, как нетрудно догадаться, не делал отношения с соседними государствами добрососедскими. Собственно, война магов и безмагов развязалась — и это теперь уже доказанный факт — не без вмешательства и помощи соседних стран, для которых Данетия всегда была и остается бельмом на глазу.

Но мы отвлеклись, кажется... Итак, первые дети, кочевавшие из семьи в семью, были избалованы и заласканы до невозможности. Как следствие, резко возросла детская преступность. Тогда Сход Высоких магов срочно создал институт попечительских советов, которые следили за воспитанием, устраивали занятия для родителей и подыскивали детям подходящие семьи. Одновременно было введено ограничение на занятия магией для женщин, не родивших как минимум двоих наследников.

После начала войны с безмагами и запрета на колдовство кривая рождаемости хоть и медленно, но все же поползла вверх, однако пятиотцовство и не подумали отменить. Еще оставались довольно зажиточные бездетные семьи, которые не прочь были стать вторыми,

третьими, четвертыми и пятыми родителями. Увы, за благими порывами пряталась обычная корысть. Никто не обязывал взрослых детей помогать престарелым родителям, но ведь среди отпрысков наверняка найдется тот, кто не откажется поухаживать за больным отцом или немощной матерью.

— Ошеломительно, — медленно произнес Гвейнард. — Крайне ошеломительно. Неужели все это я знал раньше и не удивлялся?

— Чему тут удивляться-то?

— Ну, как чему? А кровное родство? Родные родители, я имею в виду. Неужели они вот так просто соглашаются отпускать свое дитя к незнакомым людям?

— И что в этом особенного? Когда-то родные папа и мама тоже было совершенно незнакомы со своим ребенком, разве нет? И потом, они не расстаются со своим отпрыском навсегда. Никто не может запретить им навещать ребенка. Дарить подарки, гулять, забирать в гости.

Гвейнард помолчал, переваривая услышанное. Потом протянул:

— Да-а-а. Мне очень, очень трудно все это осознать... Женщина, выносившая и родившая в муках, обязана отдать свою родную кровиночку, плоть от плоти своей, в чужой дом. Всегда и везде подобное считалось насилием. Ведь это... дико. Мира, тебе так не кажется?

— Дико? Чего ж тут дикого? Вся страна живет подобным образом, единой, можно сказать, большой и дружной семьей. По-твоему, выходит, ребенку было бы лучше расти в одной, но очень-очень бедной семье? Там, где не могут дать нормального образования и воспитания, нет приличной еды, одежды, обстановки? Гвейн, мне кажется, у нас все делается в интересах не только магов, но и детей, разве нет?

— М-да. Чувствую, дискуссия тут неуместна. Поэтому оставим скользкую тему «Что лучше для ребенка», хотя я все-таки на стороне палаточников... Давай ты лучше продолжишь меня просвещать. Поговорим о наследстве. Я ведь так понимаю, миста Данни поручила тебе заниматься именно этим вопросом? Кому из детей переходит имущество родителей в случае смерти последних?

— К тому, кто указан в завещании. Если такового нет, делится поровну между всеми, кто предъявит права и подтвердит их документами, выдаваемыми попечительским советом. Но иногда отец составляет несколько завещаний — все в пользу разных детей, и, увы, одно не отменяет другого. Именно поэтому процесс дележа бывает долгий и запутанный.

— Разве последующее завещание не отменяет предыдущее?

— Конечно, нет. С какой стати? Дополнить может, отменить — ни в коем случае.

— Вот это да! А если, к примеру, один и тот же замок будет завещан сразу двоим? Или троим?

— Дом разделят на количество наследников.

— То есть как разделят?

— Как договорятся. Могут жить в родительском доме все вместе. Иногда один наследник выплачивает остальным их долю в денежном выражении. Или делят в прямом смысле.

— В прямом?! — изумился Гвейн. — Топором и ломом?

— Ну да. Ломают дом, и каждый забирает свою часть.

— Наследники — идиоты? Что они будут делать со строительным мусором?

— Ничуть не идиоты. То, что ты назвал строительным мусором, на самом деле имеет

большую ценность. Замки, возводимые во времена диктатуры магии, строились абсолютно неуязвимыми. В их толстые каменные стены вмонтировано столько защитных и прочих артефактов, что нынешним магам и не снилось.

— Почему же их не снесли во времена безмагии? Насколько я знаю от Данни, все артефакты тогда уничтожались.

— Да, некоторые дома и замки действительно снесли, особенно те, что с защитными амулетами в контуре. Но большинство остались целыми, поскольку артефакты активируются лишь во время реальной угрозы. Их невозможно выявить и найти, если непосредственной опасности для обитателей замка нет. Поэтому большинство старинных замков безмагии не тронули, обходили стороной — их считали немагическими, потому что определители магической энергии не диагностировали ни единого всплеска. Но, с другой стороны, этот факт вызвал множество провокаций со стороны безмагов. Толпы вооруженных людей нападали на поместья невзирая на принадлежность хозяев к магам. Тем не менее, такие конфликты обычно вызывали поражение нападавших. Яблочный дом, насколько я знаю, подвергся атакам безмагов два раза. В первый раз тогдашний хозяин, прапрадед Данни, не позволил бунтовщикам даже приблизиться к замку. Он просто обстрелял их яблоками.

— Он сделал... что?!

— Обстрелял спелыми, ароматными яблоками. Представь себе, сей плод, выпущенный с большой силой, способен нанести ощутимый урон в стане врага. Весьма вероятно, прапрадедущка прибавил к обстрелу немного магии. Но именно с тех пор яблоки так почитаемы хозяевами замка.

— Весьма оригинально. А второй налет?

— А во время второго налета произошла накладка. Один из безмагов оказался родственником хозяина — кто-то из его предков был то ли вторым, то ли третьим ребенком все того же прапрадедущки. После переговоров и выяснения родословной было решено покончить дело миром.

Мы уже давно покинули пределы города и ехали по почти пустынной проселочной дороге. Вокруг сгустился мрак, и лишь впереди бежало пятно света от переднего фонаря машины. Изредка попадались телеги и всадники. И, если сначала мы их бодро обгоняли, то через некоторое время они начали обгонять нас, презрительно фыркая и поливая грязью, летящей из-под копыт.

Потому что быстроходка, вопреки названию, плелась все медленнее и медленнее, и, наконец, остановилась вовсе.

Глава 6. Непредвиденная остановка. Черный всадник и черный путник

Глава 6. Непредвиденная остановка. Черный всадник и черный путник

— Для чего тебе конь, человеке?

Он ведь мясо грызет человечесь!

— Он не съел ни единого члена —

Лошадь кушает травку и сено!

Вел. Под. Кайнан. Из детских стишков

— Коник сдох? — поинтересовалась я.

— Не коник, а двигательный элемент, — угрюмо возразил Гвейнард. — На освещение салона энергии хватает, но и оно скоро погаснет. Отопление, кстати, тоже отрубится.

— И мир погрузится в полный мрак и леденящий холод. Только этого и не хватало. Ты хоть можешь сказать, долго еще ехать?

Я была уверена — во тьме Гвейн давно потерял ориентацию. Однако он самодовольно хмыкнул и гордо ответил:

— Мы проделали больше половины пути.

— Это прелестно, — язвительно сказала я, — и, несомненно, заслуживает всяческих похвал. Но скажи мне, отчаянный водитель, что мы будем делать дальше?

Он озадаченно покосился на меня. Сказал:

— Понятня не имею.

— Что-о-о-о?

— Ну... можно подождать попутку и воззвать о помощи. Или заночевать в поле.

— Сам ночуй, — огрызнулась я.

— А сама-то что предлагаешь? Толкать машину?

Увы, толкать быстроходку неимело смысла. Но и ночевать в чистом поле тоже не хотелось.

— Разведем костер? — спросила я.

Гвейн привстал и, козырьком приложив ладонь ко лбу, оглядел местность, внимательно вглядываясь во тьму. Сел обратно:

— Ни дров, ни хвороста не вижу. Еще предожения?

— Не имею, — буркнула я и отвернулась.

Наконец сдох последний луч света. Мы оказались в темноте, которая, впрочем, не была крошечной благодаря ярко светившей луне. К тому же, резко похолодало. Я куталась в кожаный плащ, но согревал чисто номинально, и я мерзла все больше и больше. К несчастью, наша быстроходка, как и предупреждала Данни, не была оснащена крышей, поэтому холодный ночной ветер пробирал меня до костей.

— Ты случайно не захватил одеяла? — спросила я, дрожа от холода и ругая себя, отчего сама не сделала этого, послушавшись Данни.

— Случайно нет. Если бы выехали днем, как планировали, нам не пришлось бы тратить магическую силу элемента ни на освещение, ни на обогрев. И, возможно, сейчас мирно

посапывали бы в теплой постельке замка.

— В разных постельках, — уточнила я. — Так ты хочешь свалить всю вину на меня? Вот это, я понимаю, по-мужски. А подумать, как выйти из положения, желания не возникает?

— Да думаю я, думаю, — прорычал он и надолго умолк. Видимо, задумался очень глубоко.

Я же стала вспоминать особенности езды на быстроходках, их управлении и обслуживании. И поняла, как мало знаю об этом средстве передвижения.

Изобрели их относительно недавно, поэтому они были большой редкостью. Работали на специальных магических элементах, приводивших в движения колеса. Значит, нам надо либо подзарядить элемент самостоятельно, либо вызвать представителя фирмы «Маг Улия», который привезет новый.

— У тебя есть номер фирмы, обслуживающей быстроходку? — спросила я.

— Есть-то есть, но в темноте разве найдешь? Кстати. Я вот чего вспомнил. Миста Данни буквально вчера обмолвилась, что в быстроходку вместо стандартного элемента можно попробовать поставить другой артефакт.

— А раньше вспомнить не мог? — взвилась я.

— Вообще-то я и не забывал, — отпарировал Гвейн. — Просто если вместо фирменного элемента сунуть что попало, то результат может оказаться самым непредсказуемым. Вплоть до взрыва машины.

— Ну, взрыв могут вызвать разве что запретники, — не очень уверенно сказала я.

— Запретники? — недоуменно произнес Гвейн. — Это что еще за штуки?

— О, ты и этого не знаешь... Запретные артефакты, конечно. Но, боюсь, у нас не то, что запретников — вообще никаких нет. Разве твой односторонний переговорник...

— Нет, — резко ответил Гвейн. — Извини, Мира, но это невозможно.

— Понимаю, — миролюбиво отозвалась я. — Дорогая, поди, штука. Мне моя лампа тоже недешево обошлась. Поэтому на нее можешь даже не рассчитывать.

Вообще-то у меня было еще кольцо. Но признаваться в его магических свойствах не стану, пусть даже просидим тут до утра.

— Ищи номер, — проворчала я. — Хоть взглядом себе подсвечивай.

Взглядом! Ну, конечно! Никто не мешал мне активизировать маго-взор. А ну как дорогая подруга оставила на заднем сиденье какой-нибудь артефактный презент.

Вылезать не хотелось, но как иначе я проверю предположение? Открыла дверцу, спрыгнула на землю и, держась за борта, маленькими шажками осторожно, стараясь выпачкаться поменьше, двинулась вдоль быстроходки. На заднем сиденье, увы, лежали только моя сумка и лампа, испускавшая едва заметный свет. Разочарованная, я все же решила обойти кругом, и радостно вскрикнула, заметив зеленовато-желтый отблеск в районе правого заднего колеса. Наклонилась, потрогала продолговатый цилиндр и с усилием его оторвала.

— Чего делаешь? — поинтересовался Гвейнارد. Похоже, его глаза привыкли к темноте, он подошел и теперь стоял рядом. — Решила с горя разобрать машину?

— Не угадал. Нашла лишнюю запчасть.

Он заинтересованно посмотрел на цилиндр:

— Что за жупел?

— Сам ты жупел. Это следак. Посылает хозяину сигналы о своем местоположении.

— Какому хозяину?

Хороший вопрос. Я тоже хотела бы знать его имя и местоположение. Снова вспомнился ночной звонок. И если раньше, успокоенная подругой, я о нем почти забыла, то теперь хриплый голос всплыл в моем сознании. Я поежилась. Уж не он ли, хозяин голоса, позаботился о слежке за нами?

— К сожалению, выяснить, кто прицепил артефакт, невозможно, — ответила я. — Ясно одно. Кто-то очень сильно хочет выяснить, куда мы направились.

Гвейн подумал, потом хмыкнул и резонно спросил:

— И почему он за нами следит?

— Понятия не имею. Возможно, соседская бабулька, которую ты очаровал, решила выследить, далеко ли мы собрались. Пока поднимались за вещичками, старушка выскочила и прицепила следак к машине.

Я представила соседку, как она, воровато оглядываясь, подбирается к быстроходке, подмигивает магическому патрулю и прилепляет следак. А что, с нее станется.

Хотя — откуда у старушки такой мощный и редкий артефакт? В музейном хранилище, насколько я знаю, их всего две штуки.

— Ну, это вряд ли, — Гвейн словно прочел мои мысли. — Вероятнее всего, хотели устроить слежку за Данни. Машина-то ее.

— Что ж, возможно. Все зависит от того, когда прицепили артефакт. Если вчера или еще раньше, то внимания удостоилась Данни. А если сегодня...

— Д, сегодня. Точнее — сегодня днем. Утром я осматривал машину. Ничего похожего не заметил.

— Прекрасно. Теперь вспомни, видел ли ты постороннего, подходившего к быстроходке ближе, чем на пару шагов.

— Да сколько угодно. Хотя бы эти... Которые «Нет пятиотцовству». Через дом на них наткнулся, даже три палатки снес.

При его мастерском вождении это неудивительно.

— И что, не побили? — ехидно поинтересовалась я.

— Не успели, — не без хвастовства ответил Гвейнард. — Машина едет быстрее, чем они бегают. Думаешь, они прицепили артефакт, чтобы отследить мое местопребывание, изловить и побить?

— Отдать следак за три палатки? Очень сомневаюсь. Артефакт в любом случае намного дороже, если только материя палаток не пропитана могуллием. Вспоминай дальше.

— Еще... — он подумал. — Еще возле музея крутился какой-то тип. Сначала просто так, потом начал спрашивать, где я приобрел такую замечательную быстроходку. Я объяснил, что не приобретал, машина хозяйкина. Он принялся восхищаться, рассматривать, несколько раз обошел, даже похлопал по дверцам и колесам... Вполне мог прицепить что-нибудь.

— Что-нибудь, — проворчала я. — А если бы он приляпал разрывной артефакт? Гнать надо таких типов.

— Слушай, — разозлился Гвейнард. — С какой стати я должен конфликтовать с каждым, кто подойдет к машине? Мне трех палаток во как хватило. Я полгорода потом по улицам гонял, чтобы оторваться от пятиотцовцев. И с чего они такие нервные?

Со стороны города послышался конский топот. Вскоре мы увидели черный силуэт приближающегося всадника. Вот он поравнялся с нами. Всадник осадил коня. Я поспешно

сжала цилиндрик в кулаке и спрятала за спину.

— Терпите бедствие? — спросил низкий голос. Ни самого мужчины, ни тем более лица разглядеть не удавалось. Мне он сперва показался чуть ли не гигантом, жутким великаном, страшилкой для маленьких детей. Впрочем, как утверждает народная мудрость, в темноте все собаки серы, а все люди — великаны.

— Просто терпим, — не слишком вежливо отозвалась я.

— Так темно же, чего терпеть? — хохотнул подъехавший. — Вон у дороги и кустики имеются.

Очень хотелось послать всадника вместе с его дурацкими шутками как можно дальше. Я бы так и сделала, не измени он тон с издевательского на участливый:

— А если серьезно, помощь нужна?

— Спасибо, нет, — отрезал Гвейнард.

— Гордые, значит, — мужчина хмыкнул. — Гордость гордостью, однако ночью она легко может трансформироваться в глупость. После наступления сумерек куковать на дороге не советую. Здесь орудуют беспризорники и воры. Впрочем, их-то как раз бояться нечего.

Он помолчал. Потом добавил задумчиво:

— Говаривают, иногда по ночам на дороге появляется черный странник. Слышали про такого?

— Ерунда все это, — фыркнула я. — Сказки детские.

— Отнюдь. Те, кто видел странника и остался в живых, либо сошли с ума, либо сделались нелюдимы. Черный странник, изгнанный из своего мира за непомерную гордыню, ходит по чужим мирам и питается человеческими душами. На поиски пропитания выходит по ночам, когда люди наиболее уязвимы. Именно поэтому передвигаться по дороге лучше днем.

— Вы всегда даете советы, которыми нельзя воспользоваться? — спросила я.

Ни в каких черных странников, я, разумеется, не верила. Если кто и бродит тут по ночам, черный и внушающий ужас, то лишь бесхозные демоны.

Созданы они были во времена диктатуры магии и являлись результатами неудачных экспериментов, эдакими недоделками, или, как их чаще называли, недодемонами. Имели весьма жуткую внешность и совершенно не имели мозгов, пугая путников своим внезапным появлением. Однако со временем недодемоны теряли свою магическую составляющую и постепенно развеивались даже без постороннего вмешательства. Маги-экспериментаторы время от времени охотились на демонов с помощью специальных демоно-ловушек, надеясь использовать безхозную энергию в своих опытах или хотя бы для охраны, а то и в качестве послания через переговорник, дабы отвадить любителей вызывать кого попало ради развлечения. Изредка охота даже увенчивалась успехом.

Был и в нашем музее один выловленный демон, заточенный в специальную антидемонову клетку. Периодически он громко и довольно жутко выл. Назначение его так и не определили — то ли охранник, то ли страшилка для непослушных детей. Иногда нами овладевала жалость, и мы размышляли, не отпустить ли бедолагу на волю. Потом представляли, как он будет выскакивать на нас из темных углов, и жалость тут же проходила.

И все же, когда всадник обмолвился о черном страннике, по спине пробежали мурашки. Одно дело — встретиться с порождением магов в городе, где, как мы неоднократно наблюдали, несчастных демонов гоняют даже дети. И совсем другое — в чистом поле.

— Не хотите советов, могу помочь делом, — не обиделся всадник. — Например, довести девушку до пункта назначения. Рыцарю, однако, придется терпеть дальше. Ибо Ливар не вынесет троих.

— Спасибо, нет, — ответил за меня мой спутник.

Вот же самоуверенный тип. А вдруг бы я согласилась?

— На нет и коня нет, — благодушно отозвался пришелец. — Далеко вам ехать? Может, прислать помощь?

— Не надо, — ответили мы хором.

— Ну, тогда, если не встретите черного странника или он по какой-то случайности не выпьет ваши души, заезжайте в гости. Даш Меднель, к вашим услугам. Мой замок недалеко, в полчасе езды отсюда. Счастливо терпеть, — всадник коротко рассмеялся и прищипорил коня.

Мы помолчали.

— Может, стоило согласиться? — спросил наконец Гвейнард.

— Может, — я не стала спорить. — Но тебе все равно придется оживлять быстроходку.

— Оживлять? Каким образом? — неподдельно изумился парень.

— То есть как — каким? Вот этим самым следаком. Сам же сказал — вместо элемента можно поставить любой артефакт. Как думаешь, следак достаточно любой?

Я протянула парню цилиндрок. И добавила:

— Ремонтируй и поехали. И даже не надейся на интимную ночь вдвоем.

Гвейнард хмыкнул, буркнул себе под нос «ну вот, взяла и обломала» и приступил к работе.

Я смотрела туда, где скрылся всадник, и уже всерьез начала жалеть, что не ускакала вместе с ним. Через полчаса я сидела бы в теплой комнате у камина, пила горячий чай с булочками, а потом слуга принес бы нам поднос, уставленный едой — жаркое, пироги, салаты... Я почувствовала жуткий голод и приказала себе не думать о съестном. Чтобы отвлечься, а заодно и согреться, принялась крутить головой и конечностями.

Да так и застыла с растопыренными руками.

Потому что прямо по полю по направлению к нам шел черный странник.

Этого никак не могло быть, и я сперва решила — Даш Меднель по какой-то причине решил нас напугать, оставил где-нибудь коня, а сам прикинулся странником и вернулся обратно.

Потом отвергла эту мысль.

Поскольку фигура,двигающаяся по полю, не могла быть Дашем Меднелем.

Да и вообще человеком.

Почему я так решила — не могу объяснить. Лишь много после поняла — как бы я на него ни смотрела, маго-взором или обычным, он все равно оставался сгустком черноты. Маг, обвешанный амулетами, светился бы довольно ярко; безмаг — тоже светился, но едва-едва; все-таки во всем Ойлине, да и в Данетии тоже, не нашлось бы человека, так или иначе не соприкоснувшегося с могуллием. Этот же человек (человек ли?) был черен абсолютно.

Кроме того, от него исходил прямо-таки замогильный холод. Я чувствовала потоки ледяного воздуха, проникавшего в мое нутро, в самую душу, и крупная дрожь сотрясала все тело. Попыталась окликнуть Гвейнарда. Тщетно. Губы будто бы свело судорогой — не разлепить.

Тем временем черный странник приблизился ко мне почти вплотную. Как ни

вспоминала я потом, так и не могла вспомнить, во что он был одет, и вообще, была ли на нем одежда. Единственное, на что я смотрела — на лицо. Вернее, на черную дыру вместо лица. Порыв ледяного ветра, вырвавшийся из этой дыры, на мгновение лишил меня сознания.

А когда я очнулась, рядом не было никакого черного странника.

Я огляделась. Никого и ничего. Ни странника, ни Даша, ни коня. Лишь быstroходка да присевший возле нее парень. Должно быть, черный человек мне почудился. Усталый мозг вырубился на какое-то короткое время, вот и увидела я странный и жутковатый сон. Потому что очень-очень проголодалась и замерзла.

Гвейн все еще возился. Однако вскоре раздалось бодрое «готово», и он завел машину. Я запрыгнула на свое место и не без радости почувствовала поток теплого воздуха, направленного на ступни — Гвейнард включил обогрев. Над приборной панелью зажегся небольшой фонарик.

— Хорошо-то как, — счастливо выдохнула я.

— Жить можно. Вызывай ремонтника, — Гвейнард протянул мне карточку с номером.

— Зачем? Для моральной поддержки? Тогда не надо было отпускать всадника... как его — Даша.

— А вдруг именно этот Даш двигался по сигналу следака?

— Даш?

А почему бы и нет? Кто он такой, этот любезный мист? Что делать одинокому всаднику ночью на пустой дороге? Он ведь и сам сказал, мол, ехали бы лучше днем. Так почему сам поперся в темноту?

— Ну вот, теперь я стану думать, что Меднель притаился возле яблочного дома за каким-нибудь валуном, а когда мы приблизимся, выскочит, да ка-а-ак...

— Это «ка-а-ак» он мог сделать и сразу, — успокоил парень. — А раз не сделал, значит, не станет притаиваться за валуном. Не отвлекайся, Мира. Вот тебе лампа, вызывай. У следака остался совсем небольшой заряд, ты, наверное, тоже заметила. Можем не доехать.

Мне бы поразмыслить над странностью последней фразы. Но усталость и желание преодолеть путь как можно быстрее вытеснили все остальные мысли и лишили меня способности думать логически. Я взяла картонку и принялась вызывать. Тщетно. Никто не отзывался.

Быstroходка совершила свой фирменный скачок, я вцепилась в панель одной рукой, второй каким-то непостижимым образом умудряясь держать лампу. Мы, конечно, торопились, но не настолько, чтобы вылететь из машины и закончить путь, в том числе и земной, в ближайшей канаве.

И тут я снова вспомнила, что так и не поговорила с мамой.

Глава 7. Разговоры во время движения и их вред.

Теплый прием

Глава 7. Разговоры во время движения и их вред. Теплый прием

«При неверном наборе кода просто извинитесь. Если успеете».

(Из наставлений настройщика
переговорной компании «Маг Улия»)

— Мож-но е-хать помед-ой! — леннее? — спросила я, болтаясь как щепка на волнах во время шторма. — Я дол-жна сде-ай! — лать еще один вызо-о-в!

— Мы можем вообще остановиться, — рывкнул водитель, но так как я не возопила «стой!», хотя очень хотелось, то скорость все-таки немного сбросил. Быстроходка напоминала теперь не щепку в бурю, а лодку, попавшую в быстрое течение. Слегка мутило, однако мое тело уже не стремилось выбрасываться за борт.

Мама, должно быть, давно спит. Но я ведь обещала! Поэтому отлепила дрожащую руку от панели и нарисовала мамин код на поверхности лампы.

— Кто? — рывкнул мужской голос.

— Это Мира, — тоном «кто же еще» отозвалась я. — А ты кто такой?

— Чего? — взревел мужик. — Слышь, ты, Мира. Ты вообще соображаешь, сколько времени?

— Ну-у-у, — неопределенно протянула я, — при такой тряске... э-э-э... разве чего сообразишь?

— Так закончи тряску, а потом думай! — заорали еще громче. — Скажи там своему, пусть остановится!

Гвейн громко ответил «ни за что, иначе до утра не успеем».

Я покраснела.

— Я не злопамятный, — продолжал мужик, — но номерок твой в памяти все же сохраню. И даю слово разбудить в самый пикантный момент. Как ты меня сейчас.

Кажется, я промахнулась и неверно изобразила код. Еще бы, при такой-то тряске.

— Интересно, что делал этот мужик? — не скрывая ехидства, произнес Гвейnard. — То, что я подумал или еще более пикантное?

Я засопела, буркнула «конечно, спал, пошляк» и предприняла попытку номер два.

На этот раз голос был детским:

— Мама, мама, тут опять переговорные хулиганы балуются!

— Вот я сейчас этим хулиганам! — взревела женщина. — Разговаривай с ними, сыночек, держи связь, я сейчас стражу вызову.

Стражу я дожидаться не стала и, чтобы сыночек или его мама не запомнили номер, выветившийся на их аппарате, отключилась.

— Смотри, не вызови демона, — посоветовал Гвейnard. — Они, говорят, за любое беспокойство сворачивают шею, а уж если их разбудить...

— То что? — холодея, спросила я, в принципе зная, чем заканчиваются подобные вызовы.

— Вообще убьют, — спокойно закончил он. — Данни вчера как раз поведала пару

любопытных историй. Рассказать? Нет? Тогда, может, перестанешь мучить лампу и дождешься, когда приедем?

— Но ведь я обещала. Вдруг мама не спит и переживает.

— Это которая мама?

— Первая и последняя, — со вздохом сказала я.

— То есть, ты жила в одной семье? Несмотря на пятисемейственность?

— Пятиотцовство, — поправила я. — Нет, я не жила в одной семье. Но в моем случае мама ноль-три стала мамой двенадцать-пятнадцать. Такое иногда разрешается в виде исключения.

...Наверное, все члены попечительского совета несказанно удивились, когда в кабинет ворвалась девочка лет двенадцати и с порога заявила, что сама желает выбрать родителей двенадцать-пятнадцать.

— Не положено, — оправившись от изумления, заявил лысый мужчина в черном сюртуке. — У нас огромное количество заявлений.

Девочка знала, что не положено. Но ей во что бы то ни стало нужно убедить этих чопорных людей.

— Моя мама ноль-три осталась одна, — сказала она, волнуясь.

— Тогда тем более не положено, — сказала тучная миста с тремя подбородками. — Одиноким не разрешается воспитывать детей. Пусть выйдет замуж.

— Она не может, — сказала девочка.

Мама никогда не выйдет замуж еще раз. Потому что никак не смирится с мыслью о гибели папы. Да ведь и нет никаких доказательств его смерти. Папа был испытателем машин-летунов. Конечно, профессия опасная, зато работа хорошо оплачивалась. Они мечтали купить новую квартиру и взять к себе Миру — уже после того, как ей исполнится пятнадцать и она сама сможет выбирать, с кем жить.

Девочка плакала, кричала, топала ногами. Ее вывели из здания совета, но назавтра она пришла опять. Потому что маме было очень плохо. Мира не знала, как мама проводит время на службе, но дома она ничем не занималась, ничего не ела. Просто сидела и смотрела в одну точку. Или в окно. Ждала, когда придет папа. Мира приходила к ней каждый день, убиралась, готовила, ставила рядом с мамой тарелку с едой, но та оставалась нетронутой.

Папа, молила девочка, папа, если ты жив, отзовись, пожалуйста. Я знаю, ты не пропал, ведь машину нашли, и даже не разбитую, вот только тебя в ней почему-то не оказалось. Почему? Где ты, папа? Потерял память? Живешь под другим именем? Нет, ты не мог покинуть нас вот так, запросто. Ты же всегда нас любил.

Ей пришлось собирать много документов. В летной части, где служил отец, в комиссии, занимавшейся делом об его исчезновении нужны справки хоть и со скрипом, но дали. Недолго же они его искали, думала Мира. Эх, если бы маго-взор помог его найти! Увы, Мира была бессильна. Единственное, что она могла, жить вместе с мамой, чтобы та не угасла окончательно.

Строгий совет велел, чтобы мама пришла и написала заявление. Мира буквально за ручку притащила ничего не понимающую женщину к строгим людям. Мама бессмысленно смотрела на них — кто это, зачем я здесь?

— Может, ее лучше поместить в лечебницу? — спросил кто-то.

— Нет! — закричала Мира. — Нет! Ее нельзя в лечебницу! Она там умрет! Папа!

вернется, а ее уже не будет! Тогда и он тоже умрет!

— Вернется? — вдруг спросила мама и взгляд ее стал осмысленным. — Мирочка, ты уверена, он вернется?

— Я знаю, — твердо сказала девочка. — Папа закончит свои испытания и прилетит домой. Мама, не отвлекайся. Пиши.

Это был первый шаг на пути к маминому выздоровлению. Потом она нет-нет, да и впадала в депрессию, особенно когда натыкалась на вещи отца, хотя Мира старалась убирать их в дальний угол. Много позже — Мира как раз начала работать — мама вдруг ожила, сообщила, что ей сделали интересное предложение, и уехала. Далеко-далеко. Там, в неведомой дали, мама ухаживала за животными и содержала небольшой огородик и сад. Замуж она так и не вышла, но, судя по всему, постоянно пребывала в хорошем настроении. И каждый день разговаривала с дочерью. Эти разговоры были необходимы ей, как воздух. Она должна быть уверена, что с Мирой все в порядке. И, конечно, надеялась услышать то, что ждала все эти годы. Мира сразу бы ей об этом сказала. Сразу. Но пока обрадовать маму было нечем.

— Тогда понятно. Вызывай, — великодушно разрешил Гвейнард.

Третья попытка увенчалась успехом.

— Мира! — закричала мама. — Что случилось, деточка?

— Ничего, мама.

— Как — ничего? Почему долго не выходила на связь? Я вторую ночь не сплю!

— Прости, пожалуйста! Тут много всего произошло... Задержалась на работе, потом пришлось уехать.

— Уехать? Куда? Ты сейчас где?

— На пустынной ночной дороге, — брякнула я, не подумав.

— В компании подозрительного типа, — тихо добавил Гвейнард. Но мама услышала.

— Кто это с тобой?! Мира, не молчи, немедленно отвечай! Чем ты занимаешься на ночной дороге с посторонним мужчиной?

— Мама, не волнуйся, все в порядке. Мы на пути в яблочный дом. Помнишь, я туда ездила? В детстве. С Данни. К ее папе в гости.

— Но сейчас-то ты не с Данни! Мира, я чувствую, с тобой что-то случилось. Ох, не надо было оставлять тебя одну. Сколько раз я звала тебя к себе. Давно бы приехала, вышла замуж. У меня тут, кстати, появился один новый сосед. Очень приятный молодой человек. Тебе бы понравился. Он, кстати, тобой очарован.

— То есть?

— Видел тебя на рисунке. Помнишь, папа рисовал?

— Мама! — возмутилась я. — Неужели ты показывала ТОТ рисунок посторонним людям? Но ведь я на нем... э-э-э... без одежды.

— Ого! — сказал Гвейнард.

— Мне тогда было три месяца, — прошипела я.

— Ты была очаровательным младенцем! — воскликнула мама. — И, если прекратишь лопать пончики, будешь неотразима и сейчас.

Я почувствовала, что безумно голодна и вздохнула.

— Немедленно перестань ехать куда бы то ни было! — категорично заявила мама. — Брось этого подозрительного типа и возвращайся!

— Поздно, — ответила я.

Воцарилось молчание.

— Что значит поздно? — наконец спросила мама хриплым от волнения голосом. — То, что я подумала или еще хуже?

Куда уж хуже!

— Поздно — это значит, здесь уже ночь. Мы проехали больше половины дороги, и назад ехать смысла нет. Меня сопровождает работник Данни. Он же ведет быстроходку.

— Этот работник случайно не сектант?

Я вопросительно посмотрела на Гвейнарда. Тот округлил глаза и усердно замотал головой из стороны в сторону.

— Говорит, что нет.

— А вдруг он беглый преступник?

Парень закивал головой. Машина вильнула будто в подтверждение сказанного.

— Мам, он не преступник.

— Это хорошо, — облегченно выдохнула она. — А не из-за этого ли водителя ты никак не хочешь приехать ко мне?

— Чего? — завопили мы с Гвейнардом хором.

— Тебе надо выйти за него замуж, — категорично сказала мама. — В конце концов, он тебя скомпрометировал.

— Скомпрометировал? — изумился парень. — Когда бы я успел?

— Мама, он еще не успел.

— Но вы наедине. Ночью. Вдвоем. Ты и он.

— Мама! Все, давай простимся до завтра...

— погоди, — мамин голос стал тихим. — Больше никаких новостей?

— Нет, — так же тихо ответила я.

— Но ведь ты уехала... А вдруг...

— Мамочка, не беспокойся, если что, мне сразу сообщат.

— Я надеюсь. Спокойной ночи, дочка.

— Спокойной, мама. Не тревожься, все хорошо.

Я локтем потеряла лампу и отсоединилась.

— Значит, я тебя компрометирую, — через некоторое время заметил мой спутник.

Мне и так было не по себе. Что он вообще про меня подумал? Что я — старая толстая нескладеха, любым путем старающаяся затащить мужика в постель, да еще маму для этого привлекаю?

— На дорогу смотри, — огрызнулась я. — Не то проедем, а ты не заметишь.

Кстати, мы и впрямь едва не проехали мимо. К счастью, я вовремя углядела слева от тракта одинокий огонек, пробивающийся сквозь туман. Гвейнард возразил, что это не может быть замок, потому что огонь светил довольно высоко. Я только ухмыльнулась.

Яблочный дом располагался на вершине крутого холма. Надо сказать, почти все замки строились на возвышенностях. Как утверждали хозяева, для защиты от врагов. Ну да, чтобы было удобно обстреливать их спелыми яблоками. Но почему из-за этого должны страдать гости, вынужденные карабкаться в гору, прежде чем припасть к груди радушного хозяина, я не понимала.

Некоторое время мы искали узкую дорогу, ведущую к замку. Наконец, убедившись, что

это именно она, свернули, и быстроходка, вновь опровергая свое название, принялась еле-еле карабкаться вверх.

Огонек на холме неуклонно приближался. Вернее, это мы подъезжали к нему.

При ближайшем рассмотрении он оказался освещенным окошком в одной из четырех замковых башен.

— Не спят, — бодро сказала я. — Нас поджидают.

— Сомневаюсь, — отозвался Гвейн. — Скорее, предаются нехорошим излишествам.

— Чему предаются?

— Ну, излишествам. Оргиям, питию крепких напитков, поеданию блинчиков.

У меня предательски заурчало в животе. Надо же было этому недодемону несчастному напомнить про еду!

— Оргиями и напитками пусть подавятся. Но как они смеют поедать блинчики, когда за воротами мерзнут двое голодных путников?! — возмутилась я.

— Не переживай, сейчас мы к ним присоединимся, — проворчал парень.

Быстроходка уже стояла возле самых ворот.

— Эй! — прокричал Гвейн, выбравшись из машины. — Открывайте!

Большие деревянные ворота были заперты. Он постучал в них кулаком. Потом погремел кольцом, служившим ручкой. Никакого движения внутри. Перелезть через забор не представлялось возможным. Во-первых, он был довольно высок, примерно в два человеческих роста, во-вторых, утыкан по верху острыми шипами.

— Погоди, — сказала я. — Надо искать слева и вверху.

— Что искать? Таран?

— Нет, звонок.

Пришлось вылезать и долго обшаривать рукой левый верхний угол ворот. Не может же он быть слишком высоко. Наконец моя рука нащупала кнопку. Я надавила на нее, и некоторое время держала, не отпуская.

— Может, все-таки таран? — предложил Гвейнард.

— Не надо, — мстительно сказала я. — Думаю, сейчас они забудут и про оргии, и про блинчики. Ага, вот, уже забыли.

Внутри двора послышался звук отворяемой двери, потом шаги, приближающиеся к нам. Вслед за этим прозвучал громкий, слегка хрипловатый голос:

— Тебя ведь предупреждали, чтобы больше сюда не являлся! А ну, пошел отсюда вон, гадина!

Я озадачилась. Гвейнард, наверное, тоже, потому что спросил:

— Это он тебе?

— Скорее, тебе, — отпарировала я. — Обращался-то он к мужчине.

— Но я-то точно тут ни разу не был. А вот ты, насколько я знаю, была. Эй-эй! — громко закричал он, обращаясь к воротам. — Впустите нас! Мы очень устали и хотим отдохнуть!

— В гробу отдохнешь, скотина! — прогромыхал голос уже ближе.

Послышался чпокающий странный звук, и мой спутник дернул меня за руку. И вовремя — на то место, где я только что стояла, шлепнулся камень. Нет, кажется не камень, потому что от удара о землю разлетелся на несколько частей.

— Прекратите немедленно! — закричала я. — Вы нас угробить, что ли, вздумали?

— А, еще и девку с собой приволок? — злорадно закричали изнутри. — Давай, веди сюда своих подонков и шлюх, у меня яблок на всех хватит!

Так вот чем в нас запустили! Яблоком!

В подтверждение последних слов на нас посыпался град спелых плодов. Мне прилетело в плечо, и я рванула за машину. Присела. Тут же ко мне присоединился Гвейндар.

Теперь яблоки барабанили по правому боку быстроходки.

— Боюсь, Данни может лишиться машины по вине своих слуг, — мрачно произнес парень.

— А это что еще такое? — недоуменно спросила я.

Мы на какое-то время забыли про обстрел, потому что оба в изумлении уставились на шесть кинжалов, по рукоятку вонзенных в заднюю дверцу машины. Они протыкали дверь насквозь и образовывали перевернутый треугольник — три отмечали вершины, и еще три — середины сторон.

— Ничего себе, — выдохнула я. — Ой!

Одно из яблок мазнуло меня по плечу.

— Присядь ниже, — Гвейндар надавил на мою макушку и вновь сосредоточился на кинжалах. — Мне очень интересно, когда они здесь появились.

— А мне — кто их воткнул. И зачем.

— Покушались на нас?

— Тогда уж скорее на машину. Да прекратится это когда-нибудь или нет?

Мне порядком надоело прятаться от обстрела, и я громко крикнула:

— Послушайте вы там! Немедленно перестаньте!

Ответом мне послужил хохот и новый залп.

— Может, вызвать Данни? — предложил парень.

— Для этого надо как минимум взять лампу. Но она лежит на заднем сиденье, под ворохом вещей, и я не полезу ее вытаскивать. И вообще, боюсь, это ничего не даст. Ну, разбужу я ее, ну, пожалуюсь на горячий яблочный прием. И что? Она прилетит сюда на крыльях, чтобы нас спасти?

— Почему? Вызовет кого-нибудь в замке, он остановит сумасшедшего стрелка.

— Увы, не прокатит. В доме нет переговорника.

Некстати подумалось — как же так, в доме, где много лет проживал маг, нет элементарного переговорного устройства? Очень, очень странно...

Гвейн попытался было высунуться, но тут же присел снова.

— Как думаешь, когда закончится стратегический яблочный запас?

— Боюсь, не скоро, — уныло ответила я. — Яблонь в саду хоть косою коси.

— Хорошо, попробую докричаться.

Мой спутник снова приподнялся и гаркнул:

— Не знаю, за кого вы нас приняли, но мы прибыли по приглашению мисты Данни! Ее подруга Мирохарда и помощник Гвейнард!

Снова раздался хохот и хриплый голос сообщил:

— Давайте, давайте, плетите больше, демоны. Так я вам и поверил.

Я присела на землю и привалилась к дверце. Сил больше не осталось. Длинный день в музее, тряска в машине, неприветливый прием — все это вымотало до предела. А, гори оно все ярким пламенем.

Я повернулась к Гвейну. Опять на миг почудилась цепь раба на шее под кожаной курткой. Наваждение тут же прошло, но на лице спутника я заметила перемену. Выражение стало жестким, глаза сузились, губы сжались. Он выдернул из дверцы один из кинжалов,

потом второй и поднялся во весь рост. Я с открытым ртом наблюдала за его действиями. Кинжалом, зажатым в левой руке, он отразил несколько летевших на него снарядов, правую же отбросил назад и быстрым движением послал второй кинжал в ворота. Потом пригнулся, выдернул еще один кинжал, выпрямился и повторил действия. И еще. И еще. Запустив все шесть кинжалов, он устало присел рядом со мной и закрыл глаза.

— Ничего не вышло, — сказал грустно.

— А что должно было выйти?

Ответить он не успел, потому что раздался сначала долгий, протяжный скрип, а вслед за этим оглушительный треск. Наступила тишина. Яблочный обстрел прекратился. Я подскочила и в недоумении уставилась на ворота.

Впрочем, смотреть было уже не на что. Ворота отсутствовали как таковые. Вместо того, чтобы защищать собой замок от злобных и коварных нас, они почему-то вывалились наружу, сорвавшись с петель.

Обалдела, кажется, не только я, но и мужик, столбом стоявший по ту сторону забора. Он таращил глаза то на упавшие ворота, то на нас с Гвейнардом. Наконец с трудом выдавил:

— Это вы чего тут безобразничаете?

— Кто безобразничает-то? — не осталась я в долгу. — Вы зачем нас яблоками обстреливали?

— Указание такое было дано, — объяснил дядька. — Мы люди маленькие, что приказывают, то исполняем. А вы, значит, кто будете?

— Мы, значит, будем твоя головная боль, — сказал Гвейн. — А ты кто?

Мужик почесал подбородок:

— Дык я это... Брат тутошнего садовника. Вы садовника знаете, Сварт его зовут? Так я брат его, значит. Пока он спит, стерегу ворота. Кроме нас тут нету же никого. Мы с ним по очереди, то он, то я.

— Брата позови, — велел Гвейнард.

— Не могу, спит он.

— Так разбуди, идиот!

Глава 8. Замок ночной и замок утренний. Легенда о треугольной башне

Глава 8. Замок ночной и замок утренний. Легенда о треугольной башне

«Примета «Лежу на новом месте, приснишь жених невесте»

оказывается верна, если приснившийся мужчина — это тот, кто спит сейчас рядом с тобой»

Из трактата святой Аненады

«Народные приметы и борьба с суевериями»

В это время дверь замка открылась, и в проеме показалась мужская фигура с фонарем в руках.

— Ага, вот и он, — облегченно выдохнул брат. — Тогда я, того... пошел.

И бочком-бочком двинулся вдоль забора.

— Как ты это сделал? — спросила я у своего спутника.

— Что именно?

— Свалил ворота.

— Сам удивляюсь, — он пожал плечами. — Я, конечно, не особо рассчитывал на успех, метая ножи в петли ворот, но...

— Успех превзошел все ожидания, — отозвалась я, точно так же озадаченная. По всем законам, ножи просто не могли ни расколоть металлические петли, ни выбить гвозди и болты, ни повредить твердому и крепкому дереву ворот.

Тем временем второй мужик подошел к нам, обозрел поле битвы нас с воротами, потрогал их ногой и осветил фонарем в наши лица:

— Что здесь произошло, позвольте узнать?

— Спросите лучше своего брата, — огрызнулся Гвейн. — Вы ведь садовник?

— Какого брата? — изумился подошедший. — Да, я садовник, но брата у меня нет. И не было никогда.

Мы тоже удивились. Потом, перебивая друг друга, рассказали все, как было. Сварт качал головой, глядя то на нас, то на яблоки, во множестве валяющиеся под ногами. Наконец промолвил:

— Приношу свои извинения как лицо, отвечающее за все, творящееся в замке в отсутствии хозяина. Не могу найти ни одного факта, оправдывающего такую встречу долгожданных гостей. А по поводу обстрела... Гм...

Сварт слегка задумался, пожевал губами, затем как бы нехотя произнес:

— Даже и не знаю, как это объяснить. Но сразу предупреждаю: не пугайтесь того, что можете увидеть в замке и его окрестностях. Сейчас здесь более-менее тихо, а вот при жизни Макер-тота, упокой его душу Святой Улия... Вы, должно быть, знаете: он был магом, наш хозяин. Магом-экспериментатором. Представляете, что это такое? То взорвет что-нибудь, то, наоборот, сотворит... я бы даже сказал — натворит. И по сию пору тут нет-нет, да и возникают из воздуха... гм... непотребства всякие. Так что, скорее всего, мой так называемый братец — это проделки покойного хозяина, а то и батюшки его. Или деда. Они, надо сказать, большими шутниками были. Вот и сотворили морок для встречи ночных визитеров. Чтоб, значит, неповадно было долбиться в ворота, когда все спят. У нас тут,

знаете ли, по ночам мало кто гуляет, а уж тем более на вершине холма.

— Ну, это вы хватили, — хмыкнула я. — Какой же он морок? Братец ваш очень даже живым выглядел.

Я вспомнила рассказ Данни про садовника. Он же страдает забывчивостью. Хотя... Где лежит какая-нибудь вещь, забыть еще можно, но чтобы собственного брата...

— Яблоки хорошие такие, увесистые, — продолжила я в надежде, что Сварт вспомнит о родственнике. — Мне в плечо прилетело, а у Гвейнарда синяки вообще по всему телу останутся...

Я посмотрела себе под ноги и ахнула: спелые плоды, в большинстве своем разбитые, исчезали прямо на глазах.

— Ну, я сейчас этого стрелка найду, морок он или нет, — сердито заявил Гвейн, отодвигая Сварта с дороги и направляясь в ту сторону, куда ушел лже-братец.

— Не найдет, — вслед ему сказал садовник и перевел взгляд на валявшиеся в пыли створы. — Ворота жалко. Теперь ремонтировать придется, вызывать плотника из Тукумука. Знали бы вы, какая с ним канитель... Кстати, это тоже хулиганская выходка моего... гм... братца?

— Скорее, наша, — смущенно ответила я и принялась искать кинжалы. К счастью, они не исчезли, и вскоре я держала все шесть. Протянула садовнику.

— Вот это да, — пробормотал Сварт, принимая у меня оружие. — Откуда они у вас?

Я объяснила.

— Невероятно. В виде треугольника, говорите? Это напоминает одну легенду... Сейчас не время и не место, но утром обязательно расскажу. Если к тому времени не забуду. Вы мне напомните, ладно? А теперь прошу следовать в дом — он слегка поклонился. — Вся эта суета с воротами совершенно сбила меня с толку. Пойдемте. Вы ведь устали с дороги. Мы ждем приезда наследников ежедневно. Я готовлю ужин, прогреваю комнаты. А вы все не едете и не едете.

— Произошла непредвиденная остановка в пути, — вздохнула я. — Но почему вы сразу не вышли, когда я позвонила?

— Вы про ту кнопку на воротах? На бывших воротах, я имею в виду? Так она уже давным-давно не работает.

Не работает? М-да, тут и вправду что-то нечисто.

Я вернулась к быстроходке, взяла лампу и отправилась в замок вслед за садовником.

Показался запыхавшийся Гвейн, успевший обежать вокруг замка, и признался, что никого не нашел.

— Ничего, я его хорошо запомнил. Пусть только попадетсЯ!

— Не попадетсЯ, — покачала я головой. — Кажется, он и правда испарился.

— Как испарился?

— Видишь ли... По-моему, это был ушач.

— Кто?!

Ушачи, они же гримзики, выведены в эпоху дозапретного колдовства магами-отступниками. Созданные в качестве помощников по хозяйству, эти существа, лишённые души, в конце концов сделались настоящими монстрами. Могли проходить через стены, исполняли приказы хозяина, занимались воровством, а отдельные нападали на людей. Лишённые магической подпитки со стороны владельца, постепенно угасали и испарялись.

Во времена безмагии ушачи повсеместно вылавливались и уничтожались; по крайней

мере, в столице регулярно проводились облавы на бесхозную нечисть. Магов, занимавшихся выведением гримзиков, преследовали и осуждали на каторжные работы. Но нет-нет то здесь, то там объявлялась новая нечисть, о чем регулярно предупреждала столичная газета «Магия — сила».

Видимо, и нам «посчастливилось» столкнуться с подобным монстром. Однако сами по себе они в большинстве своем безобидны и не проявляют агрессии. Но, судя по всему, тот, кто на нас напал, имел четкие указания хозяина. Знать бы еще, кому понадобилось обстреливать гостей и зачем. Неизвестный маг просто развлекается? Очень сомнительно. Магической энергии тут потребовалось довольно много, и ни один колдун не станет разбрасываться ею без определенной цели.

Все эти соображения я изложила Гвейнарду, пока мы шли от ворот к замку.

— Чушь полная, — заявил он. — Я еще могу понять, что кому-то из деток бывшего хозяина пришло в голову запугивать Данни как основную наследницу. Но мы-то с тобой никакого отношения к завещанию не имеем. Поэтому нападать на нас нет никакого смысла.

— И все же бессмыслица вот она, налицо. Что, например, скажешь про шесть кинжалов?

— Давай я выскажу свои соображения утром, — сказал Гвейн, когда мы уже были в замке. — сейчас, если честно, голова не соображает.

Только тут, при свете факелов, я внимательно поглядела на его лицо и поняла, насколько он устал. Собственно, я тоже еле держалась на ногах.

Полутемный каминный зал, через который мы шли, не выглядел приветливо. Напротив, было что-то зловещее в отблесках факела, пляшущих на стенах. Мнилось, из углов вот-вот выскочит привидение, что после знакомства с лже-братом садовника не казалось невероятным.

Надо сказать, в старых замках частенько обитали призраки. Это вовсе не души умерших и неупокоенных хозяев или их невинных жертв. Конечно, для острастки прислуги хозяева плели небылицы про коварных предков, что ночью бродят по замку с целью если не придушить, то напугать нерадивых работников. На самом же деле появление призрака означало одно: хозяин при жизни был активным магом-экспериментатором.

Во времена разгула магии, когда могоулий, как говорится, лился рекой, некоторые маги додумались натирать волшебным порошком тело, уверенные, что в результате такого надругательства над собой обретут бессмертие. Ну, или хотя бы обессмертят имя. Как ни странно, некоторые положительные результаты они получали. В трактатах описывались то вылетающие изо рта магов птицы и молнии, разящие противника, то предметы, возникающие в руках колдунов прямо из воздуха. Побочных явлений, кстати, тоже было немало. Это и бесплодие, и быстрое старение организма, и неисчислимы болячки. Еще бы! Могоулий, нанесенный на кожу, вытягивал из тела уйму энергии на молнии, птичек и прочую дребедень. Впрочем, подобной дребеденью маги положили массу народу во время маго-войны, превратившись в живые орудия.

Никому не удалось объяснить, каким образом после смерти мага его, так сказать, магическая составляющая обретала самостоятельную жизнь. Разреженная полупрозрачная структура отделялась от тела и бродила неподалеку от последнего пристанища мага неприкаянной тенью. Ничего плохого или хорошего она не делала, да и не могла сделать. Просто могоулий, обильно нанесенный на тело, а иногда и съеденный, вырабатывал свой ресурс.

Безмаги, изучив природу призраков, сконструировали прибор для поглощения избыточной магии, и при необходимости выезжали в места скопления привидений, дабы упокоить их навсегда. И если в крупных городах почти все призраки были изобличены и отловлены, то на периферии, в старинных замках, их буквально холили и лелеяли. Ими даже умудрялись гордиться. А странноприимные дома с призраками котировались намного выше, нежели без таковых...

Сварт проводил меня в предоставленную мне комнату на втором этаже, и я наконец-то смогла растянуться на кровати. За прошедшие сутки случилось много всего, что требовало обдумывания, но это завтра, все завтра...

Быстро скинув одежду, я забралась под одеяло и мгновенно вырубилась.

Проснувшись я от странных звуков. Кто-то чистил котел прямо под дверью моей спальни. Потом раздался дикий вопль, и я, подскочив на кровати, заорала в унисон с неизвестным чудищем. Вопль тут же оборвался. Чистка котла прекратилась. Послышалось сдавленное мяуканье.

Я сообразила — в комнату пытался вломиться какой-то котяра. Наверное, местный мышелов. Первой мыслью было: догнать и выпороть мерзавца. Второй: всегда успею.

В окно уже всюду светило солнце. Я потянулась, встала и осмотрелась.

Комната была большая и светлая. Широкая кровать, комод, шкаф, старинный стол с витыми ножками, кресло-качалка и даже маленький камин. Под ногами — мягкий ковер, на стене — пейзаж: яблоневый сад в цвету. Из окна виднелся кусочек сада все с теми же яблонями, усеянными спелыми плодами. Вспомнился вчерашний обстрел, и я поежилась.

Тут же, в комнате, находилась дверь в ванную комнату. Я наскоро умылась, привела себя в порядок, натянула спортивный костюм и вышла из спальни.

Сразу нахлынули воспоминания детства. Темный коридор не стал с тех пор светлее — все те же мрачно-синие гобелены на стенах, бронзовые светильники, ряд темно-коричневых дверей и такой же темный паркет на полу.

Спустившись по скрипучей лестнице, я оказалась в большом зале с камином. Ну да, и портреты на стене те же самые. Предки бывшего хозяина, суровые, надменные. А в центре стены — фамильное древо в виде яблони. Имена, годы жизни... Одно яблочко — один человек. В большинстве своем — неподвижны, строго смотрят поверх моей головы. Да, я помнила особенность древа: чем старше предок, тем менее склонен его портрет на яблоне к общению. Зато недавно почившие родичи не прочь погримасничать. Кто-то строил неприличные рожи, кто-то приторно улыбался, кто-то презрительно оглядывал меня с ног до головы. Я покраснела. Что ж, их реакция на мою внешность вполне адекватна. Толстой девице в полинялом спортивном костюме впору прибираться в замке, а не спать в шикарных постельках... Интересно, где последний хозяин яблочного дома? Я поймала себя на мысли, что очень хочу увидеть именно его реакцию на появление в его замке замурзанной гостьи. Нашла глазами Макер-тота. Его взгляд удивил. Не насмешливый, не презрительный. Внимательный и оценивающий, будто говорящий — посмотрим, на что ты способна. Я сморщила нос — чего, мол, тут смотреть, вот она я, безо всяких прикрас...

— Пожалуйста завтракать, — сказали за спиной.

Я вздрогнула и обернулась. Сзади стоял Сварт, сдержанно, но вполне доброжелательно улыбаясь. Только тут я поняла, насколько голодна. Ну, где тут у них обеденный зал? Съем, пожалуй, целого быка.

Возле длинного стола в обеденном зале стояло несколько стульев с высокими спинками, однако накрыто было на одну персону.

— Вы не знаете, где Гвейн? — спросила я. — Я полагала, он составит мне компанию.

— Он уже, — сказал Сварт. — Позавтракал и отправился ворота чинить.

Мне вдруг сделалось неловко:

— Вы нас извините за такое... бурное вторжение. Честное слово, мы не нарочно.

— Понимаю, — кивнул он.

Я присела за стол и подняла блестящую крышку, закрывающую тарелку. Недоуменно уставилась на содержимое. Перевела взгляд на Сварта:

— Что это?

— Яблоки, — невозмутимо пояснил он. — Печеные.

Сразу вспомнился червяк из моего первого здешнего яблока. Меня передернуло. Не то что есть — я смотреть на них не могла.

— А... ничего другого нет?

Я постаралась вложить в голос как можно больше жалобных интонаций. Увы, то ли садовник был черств, как корка батона пятилетней выдержки, то ли мои актерские способности оставляли желать лучшего.

— Миста Миохарда, — высокопарно изрек садовник. — Ничего другого мы не подаем на завтрак. Вот уже много лет как. Такова воля хозяина.

— Бывшего, — заметила я.

— Бывшего, — согласно кивнул он. — Однако он считал, и я полностью с ним согласен, что яблоки — самая здоровая пища. И так будет продолжаться, пока новый хозяин или хозяйка не займет свое законное место и не поселится тут навсегда.

— Тогда вряд ли это будет Данни, — засмеялась я. — С трудом представляю ее среди диких холмов, очень уж она городская. Да и яблоки она... хм... любит, конечно, но...

— Вот видите, — вежливо сказал Сварт, — никогда не знаешь наперед, что через годок произойдет. Вы ешьте, ешьте. Пять яблок на завтрак — поправишься завтра.

— Сами придумали? — мрачно спросила я.

— Одно из любимых изречений хозяина, — с гордостью произнес он.

«Скушай яблочек пяток — станешь мертвеньким чуток». Так, по-моему, правильнее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я потыкала вилкой в один из плодов. Желудок недовольно заурчал.

— Слушайте, я согласна съесть что угодно, — перевела я возмущение нутра. — Но только не это! Булка у вас есть какая-нибудь? Ломоть мяса? Я согласна даже на капусту, брюкву и морковь!

— Увы, — развел руками мой мучитель.

Я честно попыталась проглотить кусочек яблока. Хоть бы сахара добавили, что ли. Печеный плод по вкусу и консистенции походил на вату, и я прекратила попытки. Выпила стакан компоту и нахально попросила принести мне вчерашние кинжалы. Садовник не стал возражать и принес.

— Не игрались бы вы с ними, — заметил он, отдавая их мне. — Вдруг отравленные.

— Тогда бы мы с Гвейнардом сегодня не проснулись, — весело ответила я, но приняла их все же с некоторой опаской. — Кстати, вы хотели рассказать какую-то легенду, не забыли?

— Почти забыл, — улыбнулся садовник. — Хорошо, что напомнили. Итак, легенда. Давным-давно, во времена Святого Улии, когда не было ни нашего замка, ни окрестных деревень... Хотя, нет, деревни, пожалуй, были. Не так много, как нынче, но пара-тройка определенно наличествовала. Если вы помните, они все как одна назывались Тумутук, что означало «под холмом». Чтобы хоть как-то их различать, к названию обычно присобачивали уточняющий термин. Таким образом появились: Нижний Тумутук (в отсутствии, заметьте, верхнего), Свободный Тумутук (хотя никто никогда не видел занятого), Красный Тумутук (ну, тут понятно — у них заборы и избы были вымазаны глиной аналогичного цвета) и даже Задний Тумутук (гхм). А неподалеку от Тумутуков, аккуратно под холмом, на котором мы сейчас находимся вместе с замком, проистекал целебный источник. Немного так проистекал. Брал начало под одним валуном и успешно затекал под другой, и дальше где-то там по подземному руслу. Надо сказать, имел он чрезвычайно полезные свойства. Восстанавливал силы, исцелял болезни, возрождал к жизни. Неудивительно, что к нему шли паломники со всех концов страны, и не только нашей. Подтягивались нунифиганцы, каквыможцы, ахтакваминады. И многие другие. Со всех концов света топали. Иные вообще босиком. А что? Идешь так, идешь, чувяки стаптываешь, а запасных нет! В общем, для нашей страны паломничество было делом выгодным, а, главное, прибыльным. Чувяками торговали, снедью всяческой. Сувенирами, амулетами заряженными. Построили странноприимный дом силами монастыря. А чтобы быстрее находили торговые ряды... я, конечно, хотел сказать, родник... установили повсюду указатели, вот такие треугольники, но не перевернутые, как в вашем случае, а ведущие на нужную тропинку в правильном направлении.

Но я отвлекся.

И вот поселился в лесном шалашике неподалеку от целебного родничка монах-схимник Уустеен, как он сам себя называл. Впрочем, может, его звали Устен и он был зайкой, тянущим гласные звуки, мне сие неведомо. Но в легенде он проходит под именем Уустеен. Поселился, да и повадился каждый день в родничок нырять, чтобы излечится себя от лепры. Нырнет и сидит, а то и лежит. Сильно интересующимся даже язвы на теле показывал. Так-то он схиму носил, но если просили, задирали или снимал... Вы когда-нибудь видели прокаженного? Зрелище, я вам скажу, неаппетитное, не за столом будет сказано... Ну, народ, ясное дело, давай роптать — чего это, мол, всякая зараза воду чистую мутит. Пожаловались монастырским. Те попеняли схимнику: полечился, дай другим. Он им — не ваш родник, не купленный, не имеете права указывать, а ежели кому сильно надо, пусть себе другой ищет. Слово за слово, выгнали монашка взашей, да еще и тумачков навесили. Шалаш развалили. Тот ушел, конечно, кто ж останется, когда такое отношение. Но напоследок взял и проклял и родник, и монастырь, и всех паломников до кучи. Хотя это он зря, ведь не все его гнали, некоторые заступались, жалели, мол, каждый человек — божье создание, а это и так обиженное донельзя, в том числе и на голову, значит, тумачки для него — совершенно лишнее. Большинство, правда, вздохнуло с облегчением. Но, пожалуй, это был их последний облегченный вздох. Потому что проклятие возьми да и сбудься.

В один далеко не прекрасный день, когда паломников набежало несколько сотен — кто воду пьет, кто умывается, кто ноги моет... Да, я понимаю, и пить, и мыть одновременно — не очень, но если и те, и другие не сильно заразные, то можно... Вот только не надо делать поспешных выводов, от паломников никаких эпидемий возникнуть не может. Паломники — они тоже в какой-то степени святые... Это не мое мнение, а монастырских деятелей. Так вот, в один прекрасный... нет, не совсем прекрасный день паломники заметили, как среди

бела дня резко потемнело небо, а потом, напротив, так ослепило, будто солнце близко-близко к земле придвинулось. Все это произошло в краткое мгновение, никто и понять ничего не успел, только глядь — стоит перед ними молодец. Не кривой, не косою, на первый взгляд даже как будто не больной вовсе. Симпатичный, между прочим.

Ну, дальше пошла полная чехарда. Парень этот ну просто утнездилился возле родника. Но его-то в отличие от прокаженного монаха и не думают гнать. Да он и сам старается вовсе — одному поможет наклониться, другому подняться. Девушек до странноприимного дома провожает. Ухаживать вроде не ухаживает, но внимание оказывает.

Только стали монахи замечать за парнем всякие, как бы это сказать, нехорошести. То ссору он спровоцирует, то у одного какую-нибудь вещичку стащит, а другому подсунет, то девушку соблазнит. Нет, девушка-то вроде и согласная, однако не по совести это — больных да убогих склонять к тому-этому... Что там говорить, скоро и монахи подозрительными стали, и паломники нет-нет, да и перегрызутся между собой.

А через некоторое время произошло и вовсе из ряда вон выходящее. Рано утром группа страждущих подошла к роднику. И каково же было их удивление, когда родника-то они и не увидели! То место, где он был еще вчера, оказалось огорожено. Рядом стоял наш молодец, который объявил — отныне, мол, за посещения источника будете мне платить.

Ну, тут опять шум, гам, кто-то побежал за братьями, кто-то в драку полез. И это понятно, отдельные товарищи к роднику без денег приходили, так как не имели таковых вовсе. Выходит, зря чувяки стаптывали? Напрасно на избавление от болезней надеялись? Ага, смеется парень, напрасно.

И тут напал на подбежавших монахов страх. А ну как это и есть проклятье, прокаженным тем насланное? Кое-то, как я уже сказал, полез в драку. А дальше... Драчуны и сами не поняли, как откатились от родника. Вроде бы сейчас вот тут стояли, а уже летят кубарем, хорошо так летят, хотя и не толкал их вроде никто, да что там толкал — пальцем не трогал.

Испугались не только они, но и все, кто был рядом — а в это время народ начал подтягиваться активнее. Глядят они на парня, а тот прямо у них на глазах расти стал. Все выше и выше, и смеется при этом, сначала негромко, а потом некоторые уши зажимать принялись, чтобы не оглохнуть. Парень же росту громадного стал, волосы дыбом стоят, глаза горят, сущий демон.

Это, между прочим, и был демон. Слышали когда-нибудь про бледного демона Апукнутута? Да, тот самый, что совращал Святого Улию, прикинувшись сперва кроткой овечкой и даже попытавшись пробраться в стан улиан. Потерпев неудачу со Светлейшим, он поклялся доказать: все остальные монахи как один — законченные грешники. Первым местом эксперимента был избран тумутукский монастырь.

Естественно, абсолютно безгрешных людей нет даже среди братьев, и Апукнутут за небольшое время сумел выявить значительную часть монашеских грехов. Чем был весьма доволен. Следующей частью представления, по его замыслу, было окунание монашков в грех стяжательства. Проколов не предвиделось, и демон уже потирал руки.

Но тут взмолился настоятель. Он воззвал ко всем святым, которых помнил. И так страстны и горячи были его мольбы, что святые откликнулись.

Сначала сверху раздался трубный глас. Будто кто-то сидит на облаке и играет сигнал «Подъем». Громко так играет, душевно.

Может, там сидел Светлейший, кто знает.

Сразу же за трубным гласом по всему небу разлилось сияние, а потом все узрели его источник — крылья шестерки ангелов, спускавшихся сверху. Вы, наверное, знаете, что и один ангел светом своих крыльев может затмить солнце. А тут сразу шесть! Не солнц, конечно, а... Хотя, чем они хуже?

Струхнул демон, присел, начал съеживаться и уменьшался до тех пор, пока не принял первоначальные размеры. Вот вы можете возразить — а какие размеры вообще могут быть у демона? Да обычные, человеческие. Демон — он ведь кто? Падший человек, дошедший до черты, где заканчивается все человеческое, и эту черту перешедший. В такого... гм... уже не человека вселяется дух из потустороннего мира... Но я опять отвлекся.

Ангелы тем временем спустились еще ниже, и паломники увидели, что каждый держит в руке по сверкающему кинжалу. Потом кинжалы полетели вниз. Кто-то из людей завопил, кто-то упал. Но оружие предназначалось не для них. Все шесть вонзились остриями в землю, образовав вокруг демона и источника треугольник: три кинжала в вершинах, три — в центре сторон. Демон страшно, дико закричал, заметался, но, увы, вырваться из треугольника не мог.

А дальше на месте кинжалов выросли высокие белые столбы, которые охватило пламя. Крики демона стали еще громче, еще страшнее, но постепенно стихали, а сам он растворялся, сгорал в пламени. Между столбами же стали сами собой подниматься стены из серого камня, образуя башню. Сверху она, кстати, тоже камнями закрыта. Ангелы постарались, чтобы зло никоим образом не выбралось наружу.

Вот так и оказался дух Апукнутута заточен в треугольной башне. Говорят, он до сих пор там обитает. Некоторые слышат его стоны и зловещие проклятия. Но, по-моему, это просто ветер гудит, гуляя между камнями.

В общем, целебный источник накрылся башней. Поток паломников иссяк, монастырь свернул свою деятельность. Лишь башня до сих пор возвышается под холмом как напоминание о демоне, попытавшемся осквернить все лучшее, что есть в людях.

Это, конечно, легенда. Кто построил башню — неизвестно, скорее всего, какой-нибудь темный маг для своих темных делишек. Он же и легенду придумал, чтобы никто ему не мешал. Вроде бы даже иногда видят кого-то, там обитающего. Однако я сам к башне не хожу и вам не советую.

Рассказ Сварта показался мне очень занимательным, но к ночному происшествию он, пожалуй, никакого отношения не имел. А вот то, что под него я умяла все пять положенных на мою тарелку яблок, да еще взяла три в качестве добавки, делало садовнику честь как замечательному рассказчику. Не могу утверждать, что до обеда моя душенька будет довольна, но за полчаса смело ручаюсь.

Завтрак можно было считать условно завершенным, однако у меня к Сварту остался еще один вопрос:

— Сварт, как вы объясните появление ночью в вашем... гм... в хозяйском дворе гримзика?

— Кого, простите? — недоуменно спросил садовник.

— Ту нечисть, что обстреляла нас несуществующими яблоками. Вашего псевдо-брата. Вас не смущает, что вокруг творится невесть что?

— А, это, — садовник понимающе кивнул. — Смущает, конечно. Но не очень. Мы с женой привычные. Когда был жив хозяин, тут еще не такое творилось. Все вокруг ходуном

ходило. Как запрется он в своем кабинете да как начнет ставить эксперименты — хоть в погребу запирайся. Что мы и делали. Все боялись, вдруг замок рухнет. Сами посудите: то громыхнет, будто гроза началась, то пламень из окна вырвется, то завывания не пойми откуда раздаются. Вас разве не предупредили? Ну и хорошо, а то бы не приехали сюда нипочем.

Как же, не приехала бы. Все, что рассказал Сварт, только разожгло мой интерес.

— Так что сдается мне, — продолжал Сварт, — ночной стрелок — всего-навсего какой-нибудь страж, давным-давно созданный хозяином на случай явления незваных гостей.

— Но мы же званые, — резонно возразила я.

— Ему-то откуда это знать? Грымзика-то не вчера, поди, создавали.

Я очень сомневалась, что энергии для поддержания ушача в работоспособном состоянии хватило бы надолго, а, значит, почивший хозяин замка вряд ли был причастен к его созданию. Кстати, почему бы мне прямо сегодня не навестить кабинет папаши Макера?

— Скажите, Сварт, где находится рабочий кабинет? — спросила я.

— Где? А в одной из башен. Правда, не скажу, в какой. Эта дьявольская комната имеет дурную привычку блуждать по всем четырем, — ответил садовник и нахмурился. — Уж не собираетесь ли вы туда наведаться? Решительно не советую.

— Ну, не сейчас, конечно... А почему не советуете? Сами-то ведь заходите.

— Я?! Да упаси меня Святой Улия!

Я удивилась:

— Но... кто же тогда зажег ночью свет?

— Свет? Какой свет?

Если он и притворялся, то делал это очень искусно.

— Видите ли, вчера мы бы точно проехали мимо, если бы не заметили огонек на холме. И горел он в окне одной из башен. Мы решили, что вы таким образом указываете нам путь. Разве нет?

— Нет, — твердо сказал садовник. — Уверяю, ни я, ни моя жена к огням на башне не имеем никакого отношения. Полагаю, там обитает еще какая-нибудь нечисть... Уж не собираетесь ли вы идти в кабинет?

— Собираюсь.

— Не бойтесь?

— Боюсь, не боюсь, все равно придется, — вздохнула я, втайне предвкушая встречу с тайнами старого мага. — Там, в кабинете, по словам мисты Данни, находится список вещей для предъявления наследникам. Так что пойду, никуда не денусь.

— Тогда возьмите с собой кого-нибудь. Хотя бы вашего водителя... Гвейнарда, кажется.

— Он не мой, а мисты Данни.

Показалось мне или нет, что при упоминании Гвейна Сварт слегка улыбнулся и подмигнул?

Я решила сменить тему:

— Скажите, Сварт, как умер ваш хозяин?

Этот простой казался бы вопрос заставил садовника впасть в подобие ступора.

Я подождала. Сказала:

— Ну, если это тайна...

Сварт отмер. Поморгал глазами, кашлянул. Наконец ответил:

— Извините. Уход Макера-тота для нас с женой — большая трагедия... Это случилось

внезапно, а главное — совершенно неожиданно... Ничто не предвещало его кончины. Просто однажды утром мы нашли его без сознания. Пока жена пыталась привести его в чувство, я спустился в Тукумук и нашел лекаря. С большим трудом удалось уговорить его подняться на холм. Деревенские лекари не жалуют магов. А других колдунов, кроме Макер-тота во всей округе, почитай, уж лет десять нет... В общем, пока я его уговаривал, пока мы поднимались — приехали, а жена рыдает над бездыханным телом хозяина. Лекарь сказал, что его помощь уже не требуется и смылся, аж пятки засверкали... Поместили мы усопшего туда, где покоятся его предки — в подвал. Не хотите, кстати, отдать дань памяти?

Я не хотела. Сказала, что, может быть как-нибудь после... Поблагодарила Сварта за содержательный рассказ, вернулась в залу, села за невысокий столик и разложила на нем кинжалы.

Принялась рассматривать.

Все они были разные, однако, хоть я и не разбираюсь в холодном оружии, могла поклясться — изготовил их один и тот же мастер. Похоже, что старинные. Впрочем, тут утверждать наверняка не берусь.

Клинки ничем особо не выделялись: короткие, обоюдоострые, не длиннее ладони. Однако ни одна рукоять не повторялась. Первую обвивала тонкая змейка с малюсенькими глазками-камушками. На второй примостилась черепаха, хищно открывшая рот. Третью обхватывала лапами блестящая ящерица. Четвертая представляла собой нахохлившуюся сова. В пятую вгрызалась острыми зубками маленькая мышка. И, наконец, с шестой на меня смотрела выпученными глазами позеленевшая лягушка.

Итак. Змея, черепаха, ящерица, сова, мышь и лягушка. Перевернутый треугольник. Что-то мне все это напоминало... Ну конечно! Шесть великих Подпор Святого Улии!

Эх, ну почему я не в своем музее или хотя бы не в городе. Как мне не хватает богатейшего собрания нашей библиотеки! Сейчас до зарезу нужно найти какую-нибудь книгу с описанием жития великих Подпор. Содержатся ли в них сведения о кинжалах, неизвестно, однако, житиё — первое, с чего следовало начать. Плюс хотелось освежить в памяти знания про гримзиков — кто, когда и зачем их использует, как долго они могут существовать, методы борьбы и развеивания. В конце концов, жизнь у меня одна, а за последние сутки на нее покушались как минимум дважды — кинжалами и яблоками; и это не считая прилепленного к быстроходке следака.

Можно, конечно, вызвать Данни и спросить, нет ли в замке книг о Подпорах...

Что значит «можно»? Не проснулась я до сих пор, что ли? Нужно! Я ведь обещала сообщить ей о нашем приезде.

Собрав кинжалы, я побежала в спальню. Сгрузила их в верхний ящик комода и принялась искать лампу-переговорник. Кажется, вчера я поставила ее на комод. Или на пол? Увы, ее нигде не было. Ну, ничего себе.

Снова спустившись в столовую, обратилась к Сварту, неторопливо составляющему тарелки на большой блестящий поднос:

— Вы случайно не заходили в мою комнату?

— Заходил. Но это было до вашего приезда.

— А после?

— После — случайно нет.

Я растерялась. Куда она могла пропасть? Без лампы мне придется совсем туго. Во-первых, надо связаться с Данни. Во-вторых, мама. Она совсем сойдет с ума.

— Я не заходил, — продолжал садовник. — Но заходила моя жена, Лания.

— Где она? — нетерпеливо спросила я, озираясь по сторонам.

Свартова супруга, насколько я знаю, выполняла в замке функции горничной, кухарки, прачки — в общем, делала всю женскую работу. Не представляю, как бедная женщина справлялась с обязанностями при жизни хозяина, требовательного к чистоте и порядку, но имевшего дурную привычку загаживать дом отходами магических экспериментов.

— Она...

Тут же раздался женский вопль, и из двери, ведущей в кухню, выбежала женщина с перекошенным лицом. В дрожащей вытянутой руке она, словно ядовитую змею, держала (о счастье!) мою лампу. Последняя издавала мелодичный звон и переливалась сине-зеленым. Женщина в ужасе смотрела на это светопреставление. Я облегченно вздохнула.

Оказывается, Лания зашла в мою комнату спросить, не надо ли чего постирать. Увидела старую мятую лампу и решила ее почистить. Отнесла на кухню, принялась надраивать. Каково же было ее изумление, когда лампа, потертая мягкой тряпочкой, заголосила.

Я успокоила женщину и ответила на вызов, поскольку переговорник все еще звенел. Меня желала услышать Данни.

— Как доехали, дорогая? — спросила подруга.

Ужасно, хотелось ответить мне, но, естественно, я не стала ее пугать. Зачем? По-моему, наши приключения только начались, и рассказать страшную историю я еще успею.

— Все в порядке — заверила я ее и, пройдя в каминную, поставила лампу на столик, а сама опустилась на диванчик. — Приехали затемно. Сварт нас встретил, проводил в комнаты. Спала как убитая.

Это, кстати, была истинная правда.

— Как Гвейнард?

— Нормально, он сейчас ворота...

Чуть не брякнула «ставит на место».

— Что ворота? — насторожилась Данни.

— Ворота закрывает, — нашлась я. — Ездил куда-то утром, только что приехал.

— Прекрасно! Отдыхай, дорогая! Я же говорила, отдых на природе очень полезен для здоровья!

— А я говорила, что собираюсь не только и не столько отдыхать, сколько работать. В связи с этим такой вопрос. Можно воспользоваться вашей библиотекой?

— Ну конечно! Второй этаж, третья дверь направо. Ключи у тебя есть. Только я не уверена, найдешь ли ты там что-нибудь по магии. Наверное, лучше поискать в папином кабинете.

— Спасибо, непременно! Ты не знаешь, есть ли в библиотеке описание жития великих Подпор?

— Великих Подпор? — изумилась Данни. — Это тебе надо по работе?

— Ага, — соврала я.

— Вот чем никогда не интересовалась, так это святыми писаниями... Поищи в каталоге, он там же, в библиотеке, сразу как войдешь, налево. Удачи, Мира! И — вперед, с желанием победы! Кстати, надеюсь, мое колечко ты все-таки одела?

Данни захихикала. Я глухо зарычала. Ну да, кольцо очарования было все еще на пальце. Я просто про него забыла.

Увы, есть у некоторых магических штучек такое свойство — с ними срастаешься и

перестает замечать. И это не есть хорошо, потому что маги-отступники использовали эту особенность для откачки жизненной энергии из носителя артефакта. Не уверена, что кольцо очарования занимается подобной диверсионной деятельностью, но снять его необходимо.

Хотя бы для того, чтобы не вводить в заблуждение ни Гвейна, ни Сварта.

— Кольцо наделось само, — пробурчала я. — Хотя не понимаю, как. Признавайся, Данни, ты все-таки хочешь нас свести!

— С ума? — невинно спросила Данни.

— В том числе, — продолжала я бурчать.

— И в мыслях не держу, — заявила подруга, хотя я слышала, как она давится от смеха. — Просто я подумала, тебе очень пригодятся несколько украшений!

— Вот в этом миста Данни права, — раздался сзади тихий голос Сварта. — А спортивный костюм лучше сменить на платье.

— В платье неудобно лазать по книжным шкапам и гоняться за кабинетом, — ответила я, попрощалась с Данни, отключила переговорник и отправилась за ключами.

В своей комнате я первым делом прошла в ванную, мстительно намылила руки и стянула-таки кольцо. Потом сунула его в верхний ящик комода к шести кинжалам. И только после этого вытащила из сумки ключи и отправилась в книгохранилище.

Библиотека оказалась огромной мрачной комнатой с высокими окнами, задернутыми темно-зелеными шторами. Шкафы, достающие до потолка, сплошь заставлены книгами. Тут же лежала стремянка, будто кто-то толкнул ее, уронил а поднять забыл или не захотел. Я провела пальцем по шкафчику с каталогом. На поверхности остался темный след, на пальце — пыль. М-да, похоже, сюда давненько никто не заходил. Я раздвинула шторы, пару раз чихнула и принялась искать нужную книгу. К счастью, в каталоге царил идеальный порядок. И кое-что удалось обнаружить довольно быстро.

Жития великих Подпор, старинной книги времен Святого Улия, к моему большому сожалению, в библиотеке не нашлось. Однако я обнаружила их краткий пересказ в изложении некого мага Утряма. Что ж, для первого раза сойдет и он.

Далее я принялась искать литературу по нечисти. Та-а-ак... «Классификация искусственно выведенных существ» под руководством святой Аненады. Пойдет. «Кто есть кто в мире призраков» — хм... Ладно, тоже беру.

Я забрала книги с собой, поскольку читать в пыльном помещении не хотелось. Оставила их в своей комнате и решила проведать Гвейнарда. Если он уже закончил с воротами, утащу его куда-нибудь перекусить. Все-таки яблоки, пусть и в количестве восьми штук, хороши не сами по себе, а в дополнение к куску мяса или птицы с овощами в качестве гарнира.

Глава 9. Приезд наследников. Тукумук как источник ВОЗМОЖНОГО ПИТАНИЯ

Глава 9. Приезд наследников. Тукумук как источник возможного питания

Глава 9. Приезд наследников. Тукумук как источник возможного питания

«Проклинаю тот день, когда стал магом.

До этого у меня были друзья.

Сейчас — только враги».

Из трактата неизвестного мага

«Как завоевывать друзей, отбирать

имущество и получать власть»

Гвейн заканчивал ставить ворота. Как он управился с ними в одиночку, оставалось загадкой. Я мысленно приравнивала его работу к подвигу.

— Желаю радоваться! — крикнул он, заметив меня, вытер пот со лба тыльной стороной ладони и пригладил взъерошенные волосы, которые, впрочем, тут же снова встали торчком.

— Взаимно, — ответила я. — У меня появилась идея.

— Думаю, она посетила тебя во время завтрака, — ухмыльнулся парень.

— Точно! Хотя, нет, немного позднее. Потому что пока я расправлялась с печеным ужасом, мне рассказывали одну очень занятную легенду.

— Поделишься?

— Непременно. Давай прокатимся, по дороге расскажу.

— Цель прогулки? — уточнил Гвейн.

— Поискать пункт нормального питания, — вздохнула я.

— Наши цели сходятся. Жди меня здесь. Я переоденусь и поедем.

Гвейnard покачал створку ворот, проверяя, крепко ли держится, и быстро пошел в замок. Я проводила его взглядом. А он ничего, в этом Данни была права.

Тут до моего слуха донеслось сдавленное ржание, потом скрип колес, и я не без изумления воззрилась на подъехавший экипаж.

Заморенная лошаденка дышала тяжело — видно, подъем дался ей не без труда. Открытая коляска с худосочным мужичком на козлах, казалось, вот-вот развалится, настолько старой и обшарпанной она выглядела. Наконец сия древность, скрипя всеми суставами, замедлила ход, остановилась, и из нее выбралась высокая сухопарая дама в длинном плюшевом платье бордового цвета. Платье болталось на даме, как на вешалке, а плюш, по виду ровесник коляски, кое-где был потерт, точнее, кое-где потерт не был. За дамой последовала такая же тощая девица, тоже в плюше, но голубом. Точная копия дамы, хотя и менее потрепанная.

— Эй, позови кого-нибудь, — сказала дама.

Я оглянулась недоуменно — к кому она обращается? Никого не увидела и сообразила: ко мне. Уточнила:

— Кого конкретно?

— Понаберут же бестолочей, — дама пришла в раздражение. — Кого положено, того и позови. Хозяина, хозяйку. Да пошевеливайся, толстуха.

Следовало, конечно, отправить тетеньку туда, откуда она приехала, но я сообразила:

начали съезжаться наследники. Сдержанно ответила:

— Хозяин умер.

— Без тебя знаем. Ты-то кто? Кухарка?

— Может, сами представитесь? — начала заводиться я.

Вспомнила рассказ Данни и сообразила — это, должно быть, Ариенна с мамашей, не помню ее имени. Забитое дитя и ее родительница, что везде и всегда отстаивает дочкины права.

Дама от такой наглости на миг окаменела, потом будто что-то вспомнила, отмерла и поморщилась, будто хлебнула уксуса. Оглядела меня с ног до головы и высокомерно изрекла:

— Кажется, поняла. Ты ведь всегда такая была. Нахальная выскочка. Ну и разнесло тебя на хозяйских-то харчах. А в остальном ничуть не изменилась, хотя столько лет прошло. Ходячая неприятность.

Теперь удивилась я:

— Мы знакомы?

— Знакомы? Еще чего! — фыркнула дама. — Много чести знакомиться с такой... такой...

Она аж запыхтела, пытаясь подобрать определение. Наконец продолжила:

— Не видела тебя раньше и никогда от этого не страдала! Откуда ты взялась? Мы думали, ты сгинула в своих катакомбах и больше не появишься. Все окрестности стонали, пока хозяин от тебя не избавился.

Стонали окрестности? Хозяин избавился? Про кого она говорит? Я хотела спросить, но не успела — лицо дамы озарилось улыбкой, а девица и вовсе зарделась. Я обернулась.

Ну конечно, к нам подошел Гвейnard.

— Молодой человек, будьте так добры, проводите нас в дом, — проворковала дама. — С вашей стороны очень мило оказать нам такую...

— По тропинке прямо, — отрезал парень. — Мира, поехали.

— Мира? — недоуменно спросила мамаша. — Тебя зовут Мира?

— Мирохарда Сольгон-тонс, — ответила я.

— Вот бедняжка, — искренне посочувствовала она. — Как же ты живешь-то с таким имечком и с такой... хм... нестандартной внешностью?

Хотелось сказать «Прекрасно жила, пока вы не появились», но, дабы не выглядеть законченной хамкой, пришлось ограничиться первым словом.

— Но ты же не наследница, правда? — с надеждой спросила плюшевая дама.

— К счастью, нет. Всего лишь доверенное лицо хозяйки, — пояснила я и пошла за Гвейном к быстроходке.

Когда мы отъезжали, они все еще пялились нам вслед. Кажется, старшая дама сказала что-то типа «но как похожа, практически одно лицо, особенно если похудеет».

— С кем это у тебя одно лицо? — спросил Гвейн.

— Понятия не имею. С какой-то ходячей неприятностью.

— Надеюсь, все, кроме лица, у вас разное?

— Вернемся, сам спросишь у тетки. Ты, как я вижу, пользуешься у дам успехом, — съязвила я. — Даже у побитых молью.

— Ты не поверишь — с рождения, — серьезно ответил Гвейн. — Матушка была от меня без ума. Я много ел, крепко спал, подпевал, когда мне исполняли колыбельную и писал в

горшок, а не в пеленки.

— А как с этим в настоящее время? — живо поинтересовалась я.

— Представь себе, тоже много ем и крепко сплю. И обязательно подпою, когда ты исполнишь мне колыбельную.

— Исполню, если не намочишь пеленки, — пообещала я.

— Договорились. Но прежде давай решим, куда едем.

— Ну... последний раз я была здесь давно, поэтому не очень хорошо осведомлена обо всех значных местах. Думаю, в каждой деревушке найдется по приличному трактиру. Поэтому едем во-он туда.

Быстроходка неспешно ползла по холму вниз, и панорама менялась с каждой минутой. Вид отсюда открывался великолепный! Несколько деревушек, между ними — поля и рощицы. Чуть дальше — лес. За ним мелькает гладь озера. Простор! Нет, не зря замок построили на возвышенности!

Деревушка, в которую мы направлялись, называлась Старый Тукумук, опять же, про полном отсутствии Нового. Я была солидарна со Свартом: воображение вряд ли дружило с сельскими жителями. Это ж надо, все деревушки отукумучить. Наверное, вопрос «Как проехать в Тукумук?» ставил в тупик не одного путника.

Я разглядела дорогу, по которой мы двигались ночью. Сверху она походила на извивающуюся змею.

Змею! Я вспомнила про кинжалы и поежилась. Кто, когда и зачем воткнул их в дверцу быстроходки? Если нас хотели убить, то по какой причине? Некстати вспомнился и ночной вызов с предупреждением, и те два типа, что гнались за мной по вечерней улице. Почему-то в памяти всплыл Ербин и его очень странное поведение при нашей последней встрече. И еще — кинжал.

Тот самый серебристый кинжал, что я обнаружила на рабочем столе во время явления Ербина. Тот самый, который пытались украсть. Тот самый, растаявший на полу архива.

Кинжал был внешне очень похож на шестерку, лежащую сейчас в верхнем ящике комода. Точной такой же серебристый металл. Аналогичное обоюдоострое лезвие. Различия имелись лишь в рукояти. На том не было никаких фигурок. А вот инкрустация, кажется была.

Совсем такая же, как у кинжала, что держал яблокожор. Изображенный на стене дома, где жил Ербин.

Тьфу ты, опять Ербин!

Сейчас, при свете дня, я только диву давалась: зачем поддалась уговорам подруги пуститься в эту авантюру. Тем не менее, многие я бы очень хотела узнать ответы на некоторые вопросы. И для начала решила поделиться в Гвейном тем, что узнала сама.

Пересказ легенды занял все время, пока мы спускались. Гвейnard слушал внимательно, изредка кивал, хмыкал и даже хихикал. Когда я завершила повествование, сказал:

— Очень интересно и познавательно. Снова шесть кинжалов, образующие треугольник.

— По легенде, они олицетворяют возмездие за грехи, если я правильно разбираюсь в мифологии, — сказала я.

— За грехи? — хохотнул Гвейн. — А ну скажи, грешна ли ты, девица? И если да, то в чем твой грех?

— Я-то тут при чем?

— А разве не на тебя покушались ночью, испортив прекрасную дверцу не менее

прекрасной быстроходки шестью ужасными дырами?

— Вот еще! Конечно, нет!

— Хочешь сказать, на меня?! — притворно-грозно спросил Гвейн.

— Понятия не имею. Вот ты смеешься, а дело-то серьезное. Надо бы сперва разобраться, что это вообще за кинжалы. На рукоятях изображены священные животные Великих Подпор, первопомощников Святого Улии. Я нашла в библиотеке книгу о Великих Подпорах. Надеюсь, в ней найдется что-нибудь про кинжалы, треугольную башню и Апукнутута.

— Да ну, брось, — снисходительно сказал Гвейн. — Сварт наверняка сам придумал историю с проклятым магом просто для того, чтобы тебя повеселить.

— Делать ему больше нечего, — фыркнула я.

— В том-то и дело, что нечего, — задумчиво протянул Гвейн. — Скучно ему в замке. Какой-то он... странный, этот садовник. Который и не садовник вовсе.

— Почему странный?

— Как — почему? Во-первых, если он нас ждал, то как допустил обстрел яблоками? Если не ждал, то с какого перепугу выполз ночью во двор? Ведь по его словам, он не слышал ни звонка, ни стука. И потом. Кто, если не он, сидел в башне замка? Кроме него и жены некому. Значит, все-таки видел наш приезд. И глюка этого...

— Кого-кого?

— Ну, морока твоего, лже-садовника. Тоже видел. Не мог не видеть. Однако, заметь — отрицает сей очевидный факт.

— Отрицает, — согласилась я. — Это не он сидел в башне. И не его жена. Он не знает, почему там горел свет.

Гвейн поморщился:

— Все равно этот садовник какой-то мутный. Того не знает, этого не видел, хотя по логике просто не может не знать и не видеть. То ли врет, то ли... Да нет же, определенно врет. А зачем? Непонятно. Ладно, вернемся к нашим кинжалам. С какой стати их вlepили в машину? А, главное, кто?

— Сначала надо выяснить время э-э-э... вlepления, хотя бы примерно, — предложила я. — Когда мы выехали из города, их еще не было. Значит, на дороге?

— Безусловно, — кивнул парень. — Может быть, ты слышала характерный звук? Или заметила, как машину качнуло или дернуло?

— Ее постоянно качало и дергало, — ответила я не без ехидства. — По-другому она очень редко ездит. Но это вряд ли произошло на ходу. Потому что треугольник-то вышел идеальный. Видимо, кинжалы воткнули во время стоянки.

— Помнишь, к нам подъехал всадник. Как его? Дащ, кажется. Кстати, неплохо было бы узнать, кто это вообще такой. Вполне вероятно, именно он нас преследовал.

— Вероятно, — кивнула я. — Он или черный странник. Ты, кстати, его заметил?

— Кого — его?

— Черного странника.

— Когда?

— Когда ты менял элемент в быстроходке. Он шел прямо на нас...

Я снова вспомнила ужас, нахлынувший при приближении черной фигуры, и поежилась.

— Если честно, никого не видел, — сказал Гвейн с некоторым раздражением. — И тебе наверняка показалось.

— Ничего мне не показалось, — возмутилась я. — Там точно был странник.

— Черный? — ехидно уточнил парень.

— Абсолютно черный. Страшный. Он шел прямо на меня, а от него шел могильный холод... Говорят, он бродит по мирам и выпивает души.

— А твою тоже выпил?

В голосе Гвейна сквозило любопытство.

Вот они, сверременные мужчины. Никакой заботы, никакого сочувствия.

— Не веришь, не надо, — огрызнулась я.

— Да верю, верю... С вами тут в кого угодно поверишь. Просто напасть какая-то. Преследователи, кинжалы, мороки...

— Да еще этот вчерашний вызов, — добавила я. — Точнее, уже позавчерашний.

— Что за вызов? — нахмурился мой спутник.

Пришлось рассказать.

— Действительно, все очень странно... А знаешь, мне кажется, нас просто хотят запугать.

— Но для чего?

— Понятия не имею. И еще обстрел яблоками. Как ты его назвала, этого стрелка? Ушан?

— Ушач, — поправила я. — Здесь наверняка живет или совсем недавно жил очень сильный маг. Хозяин замка, он же отец Данни, или кто-то другой. Может быть, обитал или до сих пор обитает в той самой треугольной башне, о которой говорится в легенде. Кто-то же ее построил.

— Да какая еще башня! — воскликнул Гвейн с раздражением. — Нет тут никакой башни! Мира, это все байки. Или, если хочешь — легенда. Вот ты раньше эту башню видела? А ведь должна была, правда? По уверению Саврта, она где-то под холмом, да? Ну, и где? Где, я тебя спрашиваю? Мы едем, едем, а ее все нет и...

Гвейн замолчал, потому что в это время дорога сделала поворот, и мы ее увидели.

У меня аж дыхание перехватило.

Она выглядела точно так, как описал садовник. Три столба по углам, три — в середине каждой стороны. Белые, гладкие, вытесанные из цельного куска камня. Стены между столбами — черные, каменные, снизу покрытые мхом.

И ни единого окна, даже самого маленького. Двери тоже не было.

Гвейн не зря негодовал — мне тоже показалось странным, что с холма башня совсем не видна. Впрочем, при ближайшем рассмотрении сей парадокс легко объяснялся: она слегка вдавалась в возвышенность и находилась в мервой зоне обзора. Я точно помнила, что в прошлый приезд не видела никакой башни.

— Не хотелось бы мне в ней жить, — мрачно сказал Гвейн. — Зловещее местечко.

Мне же, напротив, было интересно посмотреть на башню вблизи, погладить столбы, потрогать камни. Древние предметы, в том числе и здания, манили меня, сколько я себя помнила. Я не разделяла магию на белую и темную. Ее делали таковыми сами люди, а могулий, как и амулеты с артефактами, казались мне дружелюбными.

— Давай остановимся, — заканючила я. — Только немного посмотрим, и все.

— Нет, — отрезал он. — Сначала дело. То есть, трактир. И вообще, я бы очень не советовал подходить к башне ближе, чем на сто шагов. По крайней мере, в одиночку.

Пришлось признать, что по первому пункту он прав, и отклоняться от выбранного

маршрута не стоило.

Все еще разглядывая башню, я активировала маго-взор. И вздрогнула. Башня оказалась окружена коричневым свечением. Ни разу такого не встречала и понятия не имела, что он означал.

— Что? — спросил Гвейн, заметив мое замешательство.

Я пояснила.

— Маго-взор? — недоуменно переспросил парень. — Что это такое?

— Ну... как бы тебе объяснить... Способность видеть свечение артефактов.

— И что, все это могут?

— Нет, далеко не все.

— А ты? То есть, понятно, можешь. Я хотел спросить, у тебя это врожденное?

— Нет, приобретенное. Причем довольно любопытным образом.

— Расскажешь?

— Расскажу. Произошло это незадолго до знакомства с Данни...

Однажды я возвращалась домой с учебы и застала на лестнице возле нашей квартиры незнакомого мужчину. Худой, изможденный, он сидел на ступеньках, привалившись к перилам. Длинные волосы прятали лицо, он тяжело, хрипло дышал, словно тяжелобольной. Я тронула его плечо. Он вскинул голову, посмотрел на меня и слабо улыбнулся.

На улице послышался топот тяжелых сапог. Лицо человека исказила гримаса ужаса.

— Вас ищут? — шепотом спросила я.

Он едва заметно кивнул. Я, ни минуты не раздумывая, взяла его за руку, заставила подняться и повела в квартиру.

Это оказался скрывающийся от преследования маг. В те времена на магов периодически проводили облавы: обыскивали чердаки и подвалы, врывались в дома и переворачивали все вверх дном. К нам, к счастью, никто ни разу не ворвался — у мамы имелась охранная грамота, как у вдовы погибшего при исполнении важного задания исследователя. Поэтому я была уверена: мага здесь искать не станут.

Человек, зайдя в квартиру, прямо у порога опустился на пол. Кажется, у него закончились последние силы. Я заставила его подняться, отвела в комнату и усадила на диванчик. Он кивком поблагодарил меня и закрыл глаза. Я оставила его отдыхать, а сама отправилась в кухню приготовить что-нибудь на обед.

Чуть позже, когда маг очнулся и все съел, то рассказал свою историю. Родился далеко от столицы, в маленьком селе, где и обучился магии — по счастью, на окраинах Данетии безмаги не так сильно бесчинствовали, и семьи потомственных магов там сохранились до сих пор. Правда, запасы могуллия у них таяли, а то и кончались вовсе. Поэтому время от времени магам приходилось покидать родные края и отправляться в столицу, где можно было за большие деньги раздобыть немного волшебного порошка или каких-нибудь зелий. Некоторые пробовали искать Орден Святого Улии, но либо не находили, либо не возвращались совсем. В Ойлине, правда, тоже многие пропадали, но некоторые все-таки добирались до дому, а кое-кто даже привозил драгоценный товар. Поэтому считалось — ехать в столицу все-таки безопаснее, хотя и накладно.

Кассур, так звали спасенного молодого человека, скопил немного денег и подался в город. Конечно, его семья могла обойтись и без могуллия, но для магов такая жизнь была равносильна медленной смерти. У него было несколько адресов, где бы мог продаваться

порошок, одно в трех квартирах никого не оказалось, а в четвертой ждала засада. Что стало бы с Кассуром, попадись он в лапы безмагов? Скорая смерть или долгие пытки в подвалах безмагии. В любом случае, исход ужасен.

Он бежал очень быстро, но скоро выдохся. Собрав последние силы, нырнул в первый попавшийся подъезд, где я его и нашла.

В то время любой человек старше двадцати казался мне взрослым и умудренным жизнью, и хотя Кассуру едва исполнилось двадцать три, я смотрела на него с почтением и благоговением. Еще бы! За ним охотились, он бежал! В моих глазах он был героем. Поэтому когда он сказал: «Хочу отблагодарить тебя за мое спасение», у меня перехватило дыхание от счастья. Все, связанное с магией было для меня подобно сказке, и в то же время чем-то очень родным. Я не понимала, зачем уничтожают артефакты и могуллий, почему преследуют прекрасных волшебников и почему властвуют безмаги, эти безжалостные и страшные убийцы. Конечно, вслух я ничего подобного не говорила, иначе бедная моя мамочка не пережила бы таких взглядов родной дочери. Однако никогда не обсуждала со сверстниками поимку очередного преступника, отчего была лишена друзей совершенно.

Надо ли говорить, что видеть рядом с собой живого мага стало для меня величайшим счастьем? Я как замороженная следила за его манипуляциями. Вот он достал из кармана малюсенький пузырек, вот открыл, вот капнул из него на указательный палец. Затем поднял руку и приложил палец к моему лбу.

— Этого, возможно, недостаточно, — сказал он. — Увы, у меня больше нет могуллия, но у тебя такой большой потенциал, что оставить его без внимания — все равно как закопать в землю сверкающий драгоценный камень. Ты что-нибудь чувствуешь?

Ровным счетом ничего не чувствую. Ну, то есть, вообще. Неужели меня обманули? Посулили какой-то особо ценный дар, а потом передумали?

— Сосредоточься на том месте, где я коснулся твоего лба, — велел Кассур.

Я сосредоточилась. Напряглась. Точка соприкосновения с пальцем Кассура отчаянно зачесалась, словно меня укусила мошка. Я замотала головой, наморщила лоб, пытаюсь стряхнуть насекомое. Оно не стряхивалось, наоборот — кусало еще сильнее.

Внезапно жжение прекратилось, в голове наступила ясность и пустота.

Я с удивлением огляделась.

И только тут ощутила произошедшее изменение. Вокруг вдруг добавилось красок. Все стало ярче и объемней. Предметы, окружавшие меня, знакомые с раннего детства предметы обстановки стали выпуклыми, потянулись ко мне углами, боками, полками, валиками, ножками...

— Не бойся, — шепнул Кассур. — Все в порядке.

— Что это? — тоже шепотом спросила я в потрясении.

— Маго-взор. Ну, все, все, переходи на обычный.

Переходить на обычный не хотелось. Да что там «не хотелось» — открыв в себе способность видеть мир по-другому, я была просто не в состоянии вернуться к обычному, серому, невзрачному окружению. Вот, например, папин портрет, висящий на стене. Почему он окружен сине-зеленым сиянием? Раньше ничего подобного не замечалось. Так было всегда или...

— Эй!

Маг потряс меня за плечо. Я моргнула. Очарование сразу же пропало.

— Не увлекайся, — строго сказал Кассур. — Маго-взор вытягивает силы. Из тебя.

Понимаешь?

Я кивнула.

Но усмехнулся:

— Пока еще не понимаешь. Не расходишься понапрасну, девочка. Используй маго-взор только в крайних случаях. Иначе можешь истощиться полностью.

Про что он говорит? Я слабо понимала. И вообще, у меня было к нему столько вопросов. Но главный — только один.

— Почему светится папин портрет?

Он нахмурился. Посмотрел на рисунок.

— Это твой отец? — спросил недоуменно.

— Конечно, — уверенно ответила я. — А что?

— Не знаю, могу только предполагать... Возможно, его написал маг. Или в краски добавили могуллия. Ты, кстати, знаешь, кто автор?

— Кажется, кто-то из папиных друзей. Точно не знаю.

Он облегченно вздохнул:

— Ну, скорее всего, он рисовал не совсем необычными красками. Мог и сам, кстати, не знать об их свойствах. Спроси у папы, кто автор, возможно, все сразу объяснится.

— Не могу, — я покачала головой. — Папа пропал.

Внезапно для себя я рассказала незнакомому человеку про папу, про его работу — испытание летунов, про то, как он однажды улетел и не вернулся, а мама ждет его до сих пор...

Он погладил меня по голове и посмотрел так сочувственно, что я поняла — вот мой мужской идеал.

И сразу же в него влюбилась.

Да-да, Кассур стал моей первой любовью. Еще долго потом я грезила о нем в своих девичьих мечтах. Но никому про это не рассказывала. Даже Данни, хотя с ней-то делилась всеми своими секретами. Кассур был только мой.

К большому сожалению, он очень скоро ушел. Я очень хотела пойти с ним, но он категорически отказался:

— Сейчас очень беспокойные времена, девочка.

— А мы еще встретимся? — спросила я, сдерживая слезы.

— Обязательно, — он щелкнул меня по носу.

Я сморщила нос и улыбнулась:

— Когда?

— Как только закончатся темные времена безмагии. Я тебя найду. Постараюсь. Как-никак ты моя ини.

— Ини? — недоуменно спросила я.

— Ну да. Ведь я тебя инициировал... Поэтому просто обязан буду время от времени проверять, как ты поживаешь. А, значит, мы встретимся.

— Точно? Обещаешь? — я сомневалась, что проживу хоть час, если он сейчас же не скажет «да».

— Конечно, встретимся.

Он улыбнулся так светло и нежно, что у меня защемило в груди.

Когда закончились времена безмагии, я, конечно же, пыталась навести о нем справки. Но что толку искать иглу в стоге сена! Конечно, ни один знакомый маг ничего не слышал ни

о каком Кассуре. Я даже рискнула подать официальный запрос. И снова мимо.

Гвейнард выслушал мой рассказ, помолчал немного и спросил:

— А ты узнала, кто рисовал твоего отца?

Я удивленно посмотрела на приятеля.

— Нет, не узнала. Конечно, я спросила у мамы. Но мой вопрос почему-то очень ее напугал. Она ответила, что не знает, но по ее виду стало ясно — не договаривает. Видимо, художник действительно был магом. А в те времена, сам понимаешь, их имена не каждый решался произносить вслух...

На самом деле, мамино поведение меня сильно озадачило. Она прекрасно знала, что я никому не сболтну о рассказанном ею, однако свернула разговор и просила больше эту тему не поднимать. Почему — я не знала до сих пор.

В поисках трактирчика пришлось объехать почти весь Старый Тукумук. Поселок был небольшой, грязноватый и очень, очень пестрый. В том смысле, что низенькие покосившиеся развалюхи соседствовали с богатыми двухэтажными домами, отделанными серым гранитом или разрисованными во все цвета радуги. Единого стиля не наблюдалось, но, по-моему, именно в этом и состояла прелесть такого рода селений.

Еще с детства я находила удовольствие в разглядывании городских домов, отмечала особенности архитектуры и пыталась по внешнему виду угадать внутреннее убранство и, естественно, хозяев — их облик, привычки, характеры. Самое забавное, что после приобретения маго-взора угадывание стало почти безошибочным. По той простой причине, что под маго-взором стены домов становились прозрачными. Обнаружив в себе такой побочный дар, а это произошло еще во время учебы, я стала до вечера слоняться по улицам, сканируя дома один за другим. Передо мной разворачивалась тайная жизнь города, и это было настолько захватывающим, что остановиться я не могла. Маленькие квартирki с большим количеством жильцов показывали мне сценки одна забавнее другой. Конечно, маго-взор требовал огромного количества энергии, и я приходила домой буквально валять от усталости. Мама жалела меня, объясняя дрожь в руках и вечно сонное состояние трудностями переходного возраста.

Однажды, правда, произошло то, что и должно было произойти. Я увидела постельную сцену. Мужчина и женщина, оба абсолютно голые, предавались страсти, а я стояла и смотрела на них разинув рот. Вдруг мужчина замер, повернулся и внимательно посмотрел на меня. Усмехнулся, поманил пальцем.

Такого стыда я не испытывала больше никогда в жизни. Кровь бросилась в лицо. Я развернулась и побежала куда глаза глядят. Наверное, мужчина был магом, если сумел заметить мой взгляд.

Надеюсь, мы с ним больше никогда не встретимся.

После этого я прекратила сканирование домов особым взглядом, потому что получалось, будто подглядываю в замочную скважину. Маго-взгляд не просматривал лишь дома, защищенные магическим контуром. И это, в принципе, было хорошо — я могла совершенно точно определить, стоит на здании контур или нет. Конечно, воровство не входило в список моих пороков, но, даже если сильно припрет, ломиться в дом, который не поддается сканированию, я не стану.

Кстати, об этом моем таланте не знает никто. И, надеюсь, не узнает...

На улицах нам не встретилось ни одного старотукумука. Еще бы, самое начало осени, страда в разгаре. А те, кто побогаче, скорее всего, предпочитают отсиживаться в хоромах, нежели бродить по грязным кривым улочкам.

Наконец трактир был обнаружен. Мы опознали его по большой вывеске: сверху кривоватыми буквами написано «Трактир «У трех ослов»», а чуть ниже той же дрожащей рукой намалеваны два осла, сидящие словно люди за столом ногу на ногу. Они держали по кружке, из которых поднимался густой пар. Морды у животных были странно перекошены, и я засомневалась, стоит ли сюда заходить. Но печеные яблоки уже канули в вечность, и желудок требовал нормальной еды.

— Почему нарисованы только два? — резонно спросил Гвейнард, сразу узрев несоответствие между надписью и рисунком.

— Заходи, третьим будешь, — ответил мужичок, вывалившийся из дверей трактира.

По его неровной походке и слегка блуждающему взгляду заключила: он как раз освободил место третьего.

Еще одна версия данного несоответствия выглядела несколько богохульной, однако напрашивалась сама собой: третий осел, так же как и святой Улия в песенке «Три мага раннею порой», находится где-то в уме.

— Ну что, зайдем или нет? — задумчиво спросил Гвейн, глядя вслед мужичку.

— Отступление невозможно, — мужественно заявила я и открыла дверь.

Темный зал пустовал — два занятых столика в дальнем углу не в счет. Мы уселись за ближайший. Практически сразу подошел кругленький мужчина в некогда белой, а сейчас пятнистой рубаше и поставил перед нами по тарелке с чем-то очень ароматным. Вот это я понимаю, сервис, поднял бровь Гвейн. Я не разделял его оптимизма:

— Желаю радоваться, уважаемый. Спасибо, конечно, но ведь мы еще ничего не заказывали.

— А больше ничего и нет, — резонно отозвался мужик.

— Откуда тогда сие благоуханное яство? — спросил мой спутник.

— Да зашли тут какие-то, — охотно объяснил мужик. — Заказали, а сами ушли. Не пропадать же добру.

Тут он понял, что ляпнул лишнее, и бодрым тоном добавил:

— Но вы не сомневайтесь, ешьте, рагу совсем свежее. А я пока за пайрой схожу.

— Уже сомневаюсь, — мрачно сказала я.

— Может, вернемся и попросим у Сварта по яблочку? — невинно предложил Гвейн.

Меня передернуло. Ну уж нет. Что угодно, только не яблочки.

Оказалось, не что угодно. Совсем свежее рагу оказалось до того острым, что одного кусочка мне хватило с лихвой. Вдобавок я стала подозревать хозяина в неискренности — перец наверняка добавили, чтобы скрыть душок несвежести. Теперь я хорошо понимала, почему те двое ушли, оставив кушанье нетронутым. Не зря, ох не зря Гвейну предложили побыть третьим ослом.

Вернулся хозяин, поставил перед нами две кружки и гордо объявил:

— Лучшая пайра в Старом Тукумуке!

— А вот рагу далеко не лучшее, — мрачно сказал Гвейн.

— Что такое? — всполошился мужик. — Вам не нравится?

— Мира, — обратился ко мне парень. — Я сейчас его подержу, а ты будешь кормить.

Если он проглотит хоть ложечку, отпущу. А если заупрямится...

Хозяин побледнел и жалобно простонал:

— Но больше правда ничего... Лучше вечером приходите. Явится кухарка и приготовит. А сейчас все закончилось. Даже яйца.

Он наклонился к нам и шепотом продолжил:

— Один мист заказал яичницу из десяти яиц. Сидит с самого утра и не уходит.

Трактирщик кивнул вглубь зала, и я обратила внимание на два занятых столика. За одним сидели два мужичка и накачивались чем-то из кружек, второй занимал одинокий мужчина в дорогом пальто и шляпе. Наверняка не местный — состоятельные старотукумукцы не зашли бы к трем ослам даже под страхом телесного наказания.

Мне он определенно кого-то напоминал. Очень хотелось встать и подойти поближе. Но, поразмыслив, я решила, что, во-первых, это неудобно, а, во-вторых, сходство с кем бы то ни было еще не повод для знакомства. Окрестив про себя одинокого мужика яйцежором, я потеряла к нему интерес.

— Пожалуй, мы пойдем, — объявил Гвейн. — А этим рагу накормите кого-нибудь другого.

— Но как же пайра? — робко поинтересовался хозяин. — Лучшая в Старом Тумутуке.

— За нее я, так и быть, тоже не стану расплачиваться, — великодушно объявил Гвейнارد, и мы покинули трактир.

— Я умру с голода, — пожаловалась я, усаживаясь в быстходку.

— Не умрешь, — возразил Гвейн. — Яблок в замке, по-моему, бессчетное количество... Ну что, на холм или прокатимся до следующего села?

Очень сомнительно, чтобы в остальных Тумутуках заведения были намного лучше. Поэтому мы отправились в замок.

Там меня ждали записки мага Утряма, которые не терпелось прочесть. О чем я и сообщила Гвейну. Он поднял одну бровь:

— Что это за записки?

— Описания жизни шести Великих Подпор.

— Подпор? — изумился Гвейн. — Кому понадобилось описывать процессы гниения неких подпорок-переростков? И почему это интересует тебя?

Я аж задохнулась от возмущения. Нельзя же быть настолько темным! Неужели в других странах живут люди, слыхом не слыхавшие о шести великих?

— Не подпорок, а Подпор. Ближайших сподвижников, помощников и соратников святого Улии.

— Ясно. То есть, ничего не ясно. Это подпорки... Э-э-э... подпоры... нужны тебе по работе?

— Понимаешь, в чем дело. Сегодня утром я как тщательно изучила вчерашние кинжалы. Очень любопытные у них рукояти, скажу я тебе. На одной изображена змея, на второй — лягушка, на третьей — мышь. Еще — сова, ящерица и черепаха. Так вот. Каждое из этих животных является символом одной из Подпор.

— И что? — резонно спросил Гвейн.

Действительно, и что. Ну, изваял неизвестный мастер шестерых зверюшек на кинжалах. Где связь с Подпорами?

Нет, это не могло быть простым совпадением. И потом, такой ровный треугольник. Что за металель такой, обладающий идеальным глазомером? Ведь он послал кинжалы в опорные точки треугольника очень ровно. Да еще ночью.

Или это ножи полны магической энергии?

— Слушай, а как тебе удалось повалить ворота? — спросила я, чтобы подтвердить свою догадку.

— Если честно, сам не понимаю, — ответил Гвейн. — В тот момент я совершенно не осознавал, что творю. Словно это кто-то другой, а не я. Ну, вроде бы какая-то сила делает что-то твоей рукой помимо воли. Разум при этом не вмешивается. Тогда я списал это на экстремальную ситуацию. Знаешь такую поговорку — рука художника мудрее самого художника.

— И при этом каждый кинжал летел не только в нужную и единственно верную точку, но еще и с легкостью разбил металлические скобы. Тебе не показалось это странным?

— Еще бы, — ухмыльнулся он. — Сегодня утром, когда осматривал ворота, обратил внимание на срезы. Ровные, будто нож в масло вошел.

Угу. Значит, с кинжалами надо разобраться потщательнее. Я начала продумывать план разборок, как вдруг машина резко остановилась. Меня бросило вперед и практически впечатало в панель.

— Эй! — заорала я. — Ты что творишь?

Гвейн кивком указал вперед.

Глава 10. Приезд нахалки. Обед

«Обед! На первое-второе рассчитайсь!»

Стандартное заклинание, произносимое
после сервировки стола

Попрек дороги лежало толстенное бревно.

— Они совсем обалдели, — сказала я, плохо представляя себе, кто такие «они».

Пришлось нам выбираться из машины и освободить путь.

Когда бревно, хоть и не без труда, было спихано в сторону, я огляделась. Мы уже преодолели половину подъема. Внизу все так же простиралось поля, зеленели, а кое-где уже и желтели леса, озеро поблескивало синью. Свежий ветерок шевелил мои волосы. Пахло чабрецом и ромашкой. Хорошо!

— Садись, поехали, — сказал Гвейн, устраиваясь на водительском месте.

Я покорно уселась рядом.

— А знаешь, — он повернулся ко мне, — утром я снова попытался отыскать ушача. Думал при свете дня обнаружить его логово.

— И что?

Я посмотрела в его глаза. Голубые, как цветущий лен. Глубокие, затягивающие. И почему я решила, что он не красавец? Мне захотелось сию же минуту пригладить его торчащие светлые вихры...

— Эй! — закричал женский голос. — Может, хватит любезничать? Освободите дорогу!

Сзади стояла еще одна быстроходка. Странно, что мы не заметили, как она подъехала.

За рулем сидела девушка. Хорошенькая, с длинными светлыми волосами, она сердито смотрела на нас.

— Прошу прощения, миста, — вежливо произнес Гвейн. — Мы собирались проторчать здесь еще полдня, но ради вас — что угодно.

На слова Гвейна девица расплылась в улыбке, которая тут же погасла, едва она перевела взгляд на меня. Я ответила не менее холодным взглядом.

Мы покатали наверх.

Определенно, это была очередная наследница. Довольно богатая, надо сказать. Быстроходки являлись не столько средством передвижения, сколько предметом роскоши. Изобретенные относительно недавно, они жрали невероятно большое количество магической энергии, а значит, были по карману только самым состоятельным людям. Данни не в счет, ей машину подарил богатый жених.

Итак, судя по всему, за нами едет та самая Ариенна. Я вспоминала, что про нее говорила Данни — высокомерная, заносчивая, богатая. И, увы, — я вздохнула — стройная и симпатичная. Из тех, что нравятся мужчинам любого возраста и положения.

Зачем Ариенне понадобилось какое-то мизерное наследство — один предмет на выбор — я не представляла. По-моему, любая вещь в замке намного дешевле, чем стоимость элементов, промотанных в поездках туда-сюда. По предположению Данни, маго-штучка из яблочного дома нужна Ариенне лишь в качестве сувенира или памяти. А поездку сюда она наверняка считает легким забавным приключением, о котором непременно поведает на

очередном балу магической знати.

Ворота были распахнуты настежь. Во дворе уже торчала давешняя повозка. Мы припарковались рядом с ней, а девица, сделав лихой вираж, обогнула нашу быстроходку и встала впереди. Грейнард выскочил, открыл ее дверцу и, подав девице руку, помог выбраться.

Я с завистью посмотрела на нахалку. Стройная, в модном плаще ярко-синего цвета, она действительно выглядела эффектно. Неудивительно, что из двух представительниц женского пола Гвейн подал руку именно ей. Но мне это очень, очень не понравилось.

Впрочем, на что я надеялась? Из двух зол мужчины всегда выбирают меньшее, в том числе и по габаритам. Пришлось выбираться из быстроходки самой и, не обращая внимание на парочку, затеявшую непринужденную и очень содержательную беседу («Ой, а правда, тут много яблок?» — «Ага» — «А правда, тут много призраков?» — «Ага») отправиться в замок в гордом одиночестве.

В большом каминном зале обнаружили плюшевые дамы и садовник.

Кроме того, присутствовало новое действующее лицо — молодой человек, что полулежал в глубоком кресле, задрал ноги на подлокотник, и листал газету. Приглядевшись, я опознала еженедельник «Маг-инфо», сборник сплетен об интимной жизни магов. Одно время я проработала в нем почти две недели. Больше не выдержала, так как редактор обязывал журналистов не просто сочинять пошлятину о том, как маг такой-то охмуряет девушек по ночам с помощью запрет-амулетов, но и ставить под ней свою подпись. Надо сказать, в еженедельнике работают преимущественно девицы, уже охмуренные магами.

Сварт, сервировавший стол, увидел нас и кивнул. Дамы посмотрели на меня одинаково неприязненно. Меня это нимало не задело.

Зато молодой человек кинул газету на столик, помахал рукой, улыбнулся и сказал:

— Желаю радоваться! Мое имя Крадиф.

Мне понравилась его улыбка, открытая и доброжелательная. Да и вообще весь облик парня располагал к себе. Аккуратная прическа — темные волосы коротко подстрижены по последней столичной моде; зеленые глаза, окруженные густыми ресницами; слегка удлиненное лицо. Сам он был высокий и довольно стройный. Но окончательно покорила меня белоснежный костюм — узкие брюки и френч с золотыми пуговицами.

Я вспомнила рассказ Данни о Крадифе. Несносный и вредный любитель маго-штучек Вороватый пройдоха, поутихший в последнее время.

Мне почему-то не показалось, что его следует опасаться. Сама поймешь, сказала подруга. Ладно, поживем — увидим. Вдруг и правда за милой внешностью скрывается страшный и ужасный монстр.

— Радуйтесь, — ответила я, — Меня зовут Мира. Мирохарда.

— Давай сразу на ты, ладно?

Я кивнула.

— Ты тоже наследница?

— Еще чего, — вмешалась старшая дама. — Это так, приживалка.

— Не угадали, — я мило ей улыбнулась. — Я представительница мисты Данни, наследницы замка.

При этих словах Сварт удивленно поднял брови:

— О, так вы не... Ага, ага. Значит, представительница. Наследницы замка. Но разве

наследница — миста Данни?

Я кивнула. М-да. Забывчивостью он все-таки страдает. Немудрено в его-то возрасте. Да еще и с детской травмой. Бедный Сварт.

— Простите, — тихо сказал он, — я принял вас за... другую.

Гм. И он туда же. За кого они меня принимают, интересно узнать.

— Вот и я думала, что это... — начала была дама, но Сварт перебил:

— Нет, миста Аквинтия, вы ошиблись. Как и я.

— Представительница, значит? Представляю, что она напредставляет, — фыркнула Аквинтия. — Зачем она вообще тут нужна?

— А вы-то сами зачем тут нужны? — не очень вежливо спросил Крадиф. — Наследница, между прочим, не вы, а ваша дочка, э-э-э... как ее... Танти.

— Не твое дело, — отрезала дама, а лицо девицы пошло пятнами.

— Ну, тогда зачем здесь Мирохарда — не ваше.

Определенно, этот молодой человек нравился мне все больше и больше!

— Прошу к столу, — прервал Сварт их препирательства.

Обед, в отличие от завтрака, блистал разнообразием. На столе были: яблоки моченые, под соусом, яблочные дольки в сахаре, яблочная пастила и все те же печеные. В дальнем углу стола я углядела пирог из яблок и нацелилась на него.

Тут мое внимание отвлекли вошедшие Гвейн с давешней девицей. Нахалка буквально повисла на его руке и что-то мило щебетала, он же не менее мило улыбался. Нет, вы только гляньте на милую парочку! Они заняли места за столом, и он представил нам вновь прибывшую:

— Прошу любить и жаловать, это миста Ариенна.

— Всем радоваться! — сказала Ариенна таким тоном, будто не пожелала, а повелела.

Ну вот чего я так реагирую? Хочется Гвейну с ней любезничать — пусть его. А я лучше пообедаю.

Увы, когда я повернулась к пирогу, то увидела лишь пустую тарелку. Гости, сообразив, что только им и можно утолить голод, мигом расхватили все кусочки. Пришлось давиться мочениками.

— А что, любезный, мы так и будем сидеть на яблочной диете? — осведомилась Аквинтия.

— По завету бывшего хозяина — да, — невозмутимо ответил Сварт. — Десять яблок на обед, проживешь всю жизнь без бед!

Крадиф радостно заржал:

— О, да, помню, помню знаменитые папочкины вирши! Сумеете продолжить, Сварт? Нет? Жди еще хоть сотню лет, больше жрачки в замке нет! Кто автор, знаете? Между прочим, я! Всего две строчки, а сколько я за них получил!

Он принялся загибать пальцы:

— Хорошую порку, десять дней изоляции и лишение десерта до окончания отсидки... простите, до конца усыновления.

— Вы были очень талантливым ребенком, мист Крадиф, — сдержанно ответил садовник, глядя в сторону.

Крадиф, заметив внимание гостей к своей персоне, с воодушевлением подтвердил:

— Без вопросов! Весьма способным. Любил и уважал каждый, даже самый зряшный артефакт. Но папенька, увы, не оценил мои способности. Однажды, уже став взрослым, я

решил освежить, так сказать, детские воспоминания и приперся в гости. Дражайший родитель устроил мне теплый прием. На радостях закидал яблоками, едва блудный сын приблизился к воротам.

Мы с Гвейном обменялись быстрыми взглядами. Вот и еще один бедолага, пострадавший от гримзика. Значит, хозяин нечисти — все-таки Макер-тот. Не уверена, что создатель, но приказы отдавал, несомненно, бывший хозяин замка. Он же поддерживал стража в работоспособном состоянии.

Однако со смерти Макер-тота прошло довольно много времени. И ушач, не подкармливаемый магическим порошком, должен был давно развеяться. Значит, кто-то его подпитывает.

Но кто?

— Я аж прослезился от умиления, — продолжал Крадиф. — Наверное, мне надлежало слопать весь обрушившийся на мою голову урожай, а остатки распродать тукумукцам. Как вы считаете?

— Считаем, вы получили по заслугам, — проскрипела Аквинтия. — К человеку, посвятившему ребенку три года жизни, надлежит относиться с должным уважением.

— Кто посвятил три года ребенку? — захолопал глазами Крадиф. — О каком святом человеке вы говорите? Единственный контакт, который у нас был — это когда его хлыст охаживал мою задницу. А собственно воспитание он поручил пришедшей няньке. Папочка даже свою жену к детям не подпускал. Ну, подтвердите, Сварт!

— Я не вмешивался в отношения отцов и детей, — Сварт упорно смотрел в сторону. — И не имею права обсуждать и осуждать кого бы то ни было.

— А зря не вмешивались! — укоризненно сказала Аквинтия. — Если бы мальчишку пороли ежедневно, глядишь, он не вырос бы таким отщепенцем. Стыдитесь, юноша! Ведь вас включили в наследство!

— Лишь на правах младшего ребенка. Одна вещица на выбор. Неслыханная щедрость, не находите? Да я, глядишь, озолочусь.

— Смотря что выберете, — тихо произнес Сварт.

— Пусть выберет себе хлыст, — посоветовала дама. — И повесит над кроватью! Как напоминание о любимом папочке.

— Я найду ему более достойное применение, не сомневайтесь, — отрезал парень. — Я бы и замку нашел хорошее применение. Организовал бы здесь приют для сирых и убогих. Шучу, шучу, не смотрите, Сварт, так осуждающе. Я бы продолжил дело папочки в лучших традициях злобного колдуна. Интересно, как он дослужился до Магистра Ордена?

— Какого Ордена? — вскинулась Аквинтия.

— А что, тут еще кто-то не знает? — изумился Крадиф. — Ну, как же, как же. Орден Святого Улии, конечно.

— Во времена безмагии? — спросила Ариенна. — Неужели и тогда Магистром был мист Макер-тот?

— Вот, — сказал Крадиф, обводя присутствующих взглядом, — вот перед нами истинное папопочитание. Называть отца полным именем — верх воспитанности. Остальные-то детки иначе как тираном его не называли. Сколько раз он тебя порол, прежде чем ты перестала заикаться и выучила, как его зовут, а?

— Он никогда меня не порол, — торжественно произнесла Ариенна. — Даже пальцем не притронулся.

Сварт издал невнятный звук, что-то вроде хмыканья.

— Кого ты хочешь обмануть? — хохотнул Крадиф. — Это чудовище, да будет тебе известно, даже родного ребенка усало с глаз долой. Никто, кстати, не знает, что впоследствии случилось с бедным дитяtkом? Все, надеюсь, слышали, о поправке к закону о наследстве, принятом буквально на днях Сходом магов-придурков? Нет? Что ж, придется просветить. Да будет вам известно, родной ребенок, буде у покойника таковой имелся, может потребовать любую — вы слышите — любую долю наследства. Тем самым Сход удовлетворил хотя бы частично требования этих идиотов одноотцовцев. Чтобы те не так громко орали под окнами палаты Схода и не мешали магам спать на заседаниях.

— Безобразие! — возмутилась Ариенна. — То есть, родной ребенок может забрать себе все наследство, в том числе и нашу часть? Неслыханно!

— Еще как слышанно, — сказал Крадиф. — И мне бы не хотелось, чтобы родной отпрыск папаши заявился к шапочному разбору и потребовал свою долю.

— У него был ребенок? — изумленно воскликнула Ариенна. — Родной?

Крадиф скорчил презрительно-жалостливую гримасу:

— Ой, ой. Поглядите-ка на нее. А то она не знала. У тебя мозги отшибло, сестричка, да? Все об этом знали. Конечно, был.

— Но это невозможно, — сказал Гвейн. — Маги не способны иметь детей.

И вопросительно глянул на меня — хорошо ли, мол, понял ночную лекцию. Я кивнула — все правильно.

— А это еще что за знаток? — спросил Крадиф, кивая на Гвейна. — Тоже отпрыск нашего папеньки? Что-то я такого не припомню. Хотя... дайте-ка подумать. У папы, кажется, был один сыночек, не включенный в наследство. Это он? А если нет, почему он присутствует на семейном обеде, да еще вмешивается в приватные разговоры?

Если сказать, что Гвейн — простой шофер, то наверняка разразится скандал. Поэтому я ответила:

— Это Гвейнард, деловой партнер мисты Данни.

— А-а-а, партнер, — протянул Крадиф. — И наверняка будущий хозяин. Нет?

— Нет, я...

— Пожалуйста, — сказала я, стремясь замять тему, — пожалуйста, угоститесь десертом.

— Точно, давайте подналяжем. О, а вот и мои любименькие в сиропе. Кстати, Мира. Знаешь ли ты, что яблоки способствуют выводу из организма желчи, — ухмыльнулся Крадиф, глядя на Аквинтию. — Поэтому некоторым женщинам они особенно полезны.

— А мне такой обед очень нравится, — радостно объявила Ариенна. — Освежает! Обязательно устрою в своем особняке на Инейской площади яблочный прием!

Так и думала. Инейская площадь — квартал столицы, где проживают самые богатые и обеспеченные граждане страны.

— Слышь, сестричка, — обратился Крадиф к Ариенне, — за каким демоном тебя-то сюда принесло? Разве на Инейской площади чего-то не хватает?

Сестричка слегка поморщилась:

— Всего хватает, не беспокойся. Но свою долю наследства я все равно получу, будь уверен.

— Жадность — это порок, — назидательно сказал Крадиф. — Святой Улия, да будет тебе известно, порицал хапуг. Ты ведь тоже, поди, изучала заветы Великого Святого вместе с папенькой, да? Наверняка он вбивал в тебя знания тяжелым томиком по башке. Иначе как

еще объяснить твою частичную амнезию.

Скрип прекрасных ровных зубов Ариенны расслышала даже я, сидевшая от нее дальше всех. Мне даже показалось, девица сейчас запустит яблоком прямо в Крадифа, но она только сжала в кулаке моченое яблоко. Сок брызнул во все стороны, попав прямо в физиономию Аквинтии. Плюшевая дама закаркала что-то возмущенное. Тут я была с ней солидарна. Поведение девицы совершенно не тянуло на светское.

Крадиф громко заржал, обозначая новый виток обмена любезностями. Все-таки в чем-то Данни оказалась права. Бесцеремонность и нахальство перло из парня, как подошедшее тесто из кадушки.

Впрочем, во многом я была с ним солидарна.

Глава 11. Жития Великих Подпор

Глава 11. Жития Великих Подпор

— Вот это да!

— А вот это — нет!

Перепалка мне надоела, и я, стараясь перекричать всеобщий ор, громко извинилась, положила на тарелку яблочек пяток, чтоб покушать хоть чуток, и поднялась в свою комнату. Села в кресло и принялась читать жития Подпор в изложении мага Утряма.

Книга оказалась мало того, что рукописной, а почерк — убористым и плохочитаемым, так еще и строки скакали, налезая друг на друга. То ли Утрям создавал свой шедевр практически в полной темноте, то ли кто-то постоянно толкал его под руку. Но, поскольку в библиотеке про Подпор больше ничего не имелось, пришлось разбирать рукопись, ковыряясь в малопонятных загогулинах.

Первое житие повествовало про пастуха Кайнана.

Для начала, наверное, надо сказать про то, как неприязненно восприняли люди открытие Святым Улией магического порошка. Называли его и дьявольской солью, и бесовской отрыжкой, и нечистым песком. Улия ходил от дома к дому, предлагая помощь и демонстрируя силу могуллия, дабы облегчить простым труженикам их непосильный труд, но получал лишь комья в спину да добрую — точнее, злую — порцию ругательств. В принципе, в самом начале у Святого было лишь два действенных заговора, подкрепленных порошком: на хороший урожай и против немощи телесной. В первом случае следовало посыпать могуллий по периметру огорода, во втором принять малую толику внутрь либо втереть в немощный орган. Селяне, привыкшие полагаться на навоз в качестве удобрения и травки при хворях, скептически отнеслись к Улии с его нововведением. И лишь молодой пастух Кайнан ему поверил.

Был Кайнан, по словам Утряма, открыт душою и непосредственен сердцем. С утра до вечера пас овец на лугу, сочинял песенки да поигрывал на дудке. Радушно приветствовал всех, кого встречал. Поэтому появление путника в монашеской рясе с котомкой его несказанно обрадовало. Обменявшись приветствиями, они разговорились, и монах предложил юноше помощь в излечении. Тот ответил — не болею, мол. А овечки, не унимался монах. Кайнан смущенно ответил, занедужила, мол, одна, что есть, то есть, не углядел, как она в овраг свалилась да ногу повредила. Дальше юноша стал свидетелем чудесного исцеления своей подопечной и возликовал. Сей порошок, заявил он, достоин воспевания. И немедленно воспел его в одной из баллад. Эта баллада и легла впоследствии в основу мощного оздоровительного заклинания.

Дальше произошло вот что. Кайнан, уверовав в чудодейственные свойства могуллия, принялся денно и ночью его воспевать, не забывая упомянуть и о монахе. Песни его передавались из уст в уста, и недоверие к Улию постепенно сменилось если не на уважение, то как минимум на терпимость. Теперь, если он предлагал свои услуги, его преимущественно не гнали, а лишь снисходительно позволяли творить волшебство. Заметили, однако, что в присутствии играющего на дудке Кайнана проку от волшебства становилось больше. Вскоре пастух нашел себе замену, сбыв овец с рук на руки и отправился вместе с монахом нести людям истину о необыкновенном порошке.

Но забылись бы чудесные пастушьи песни, если бы им не повстречался писец по имени Рнав. Как сообщает Утрям, их встреча произошла в одном из придорожных трактиров, где Улия насыщался, а Кайнан услаждал слух едоков чудесной песней. Рнав по своему обыкновению методично изводил листы пергамента, записывая все, что видел и слышал — научившись однажды писать, он так пристрастился к этому делу, что занимался им практически постоянно. Улия обратил на него внимание и спросил, чем тот занят. Записываю песню, ответил Рнав, даже не подняв взгляда. Ты-то нам и нужен, обрадовался монах, а то Кайнан столько песен в день сочиняет, что даже со счета сбился, а уж чтобы запомнить слова — об этом даже речь не идет. Рнав только плечами пожал — отчего ж нет. Ему вообще было все равно, что записывать. Вот так его стараниями и были сохранены бесценные тексты пастушьих песен, из которых позже составили немало рабочих заклинаний.

Третьей Подпорой стала травница Инея. Именно она высчитала нужные пропорции для могуллия при добавлении порошка в отвары и настои. До сих пор не найден ее труд «Триста тридцать три добавки», где изложены основы зельеварения. Современные магические растворы — лишь крупица знаний Инеи, дошедшая до нас каким-то чудом. Третья Подпора — пожалуй, самая почитаемая из шестерки, мудрость ее несомненна и неоспорима.

Кстати, Утрям приводит тексты нескольких песен Кайнана, посвященных Инее. Из них можно заключить, что пастух был влюблен в травницу. Вот, например, начало одного из шедевров:

Приди ко мне под сень дерев,
Тебя я жду почти три дня,
Как серну ждет голодный лев,
Как мышь — крупу, седло — коня.

Под сладкий песенки напев
Приди ко мне под тень плетня.
О, ты, нежнейшая из дев,
Не мучь отсутствием меня.

Не уверена, что Инея, выслушав подобную песнь, рискнула прийти. Она вообще была человеком занятым и на глупости не отвлекалась. Хотя, по некоторым данным, использовала кайнановы вирши в работе над зельями. Наверное, пела в процессе варки.

Следующей идет Биаска. Утрям туманно намекает на некую связь между ней и Рнавом. Хотя по сути, четвертая Подпора всего лишь обеспечивала Улию и его соратникам безбедное существование. Во-первых, дама она была по тем временам довольно обеспеченная. Во-вторых, богатство ее с каждым днем росло как на дрожжах, к чему Биаска не прилагала никаких усилий. Ну, почти никаких. Разве что позволяла за небольшую плату пользоваться единственным на все селение колодезем, находившемся в ее дворе. В-третьих, она страдала падучей и была готова озолотить каждого, кто избавит ее от сей напасти. Но селяне довольствовались лишь колодезной водой. Улия оказался первым, кто попытался вылечить болезнь. Окончательно не вылечил, но приступы стали намного реже и менее утомительными как для Биаски, так и для окружающих. Возблагодарив небо, дама поклялась до конца дней своих обихаживать монаха и его друзей и снабжать всем необходимым —

едой, одеждой и кровом. От последнего Улия сотоварищи отказались, остальное же принимали с благодарностью.

Пятым в шестерке Подпор стал лекарь с очень созвучным профессии именем Лепарь. Он в сотрудничестве с травницей готовил на основе могуллия разнообразные снадобья, а позже принялся за изготовление артефактов. Он же составил основную классификацию последних, которой все маги пользуются до сего дня. А именно: артефакты лечебные, бытовые, защитные, оборонные и запрещенные.

Но самый главный вклад в создание артефактов внес кузнец О-Фрари, шестая Подпора Святого Улии. Маг Утрям перечисляет далее основные наработки кузнеца. Список занимает три страницы, и я начала задремывать на второй, когда наткнулась на знакомое Яблоко Света, по-другому именуемое «Ябло-ковчежец». Сей магический предмет служил для сохранности некой ценной вещицы, а именно — веретенца, назначение которого к большому моему сожалению Утрям не указал. В конце списка шли шесть кинжалов с символами Подпор. Как утверждалось в рукописи, жальца сии служат делу искоренения тьмы и привнесения в мир чистой магии и света.

Тут я решила немного прерваться и принять ванну. Ночью-то помыться не успела, срубилась, как подкошенная. Да и утром было не до того. Решив дочитать труд Утряма в процессе омовения, пошла в туалетную комнату.

Большая бледно-розовая ванная стояла в центре. Вокруг нее на мраморном с темно-розовыми прожилками полу лежали пушистые коврики всех оттенков розового. Стены до середины облицованы тем же мрамором, а выше украшены росписью по шпукатурке — розы, розы, розы... В общем, мечта девочки-подростка.

Халаты на вешалке в количестве трех штук — слава Святому Улии — оказались белыми.

Я потрогала круглый бок ванны. Теплая. Значит, все готово к купанию. Это радовало. Ванна в моей квартире частенько барахлила — не наполнялась водой или не прогревалась до нужной температуры.

Сняв с ванны большую легкую крышку, я порадовалась — небольшая шапка пены, приятный цветочный аромат, теплая, но не горячая вода. В общем, тут сделано все, чтобы сделать нашу жизнь чуточку приятней.

К слову сказать, в моей квартире ванна была намного, намного меньше. Сидячая. То есть, верхняя (и лучшая) половина меня во время помывки торчала из воды. Конечно, определенные плюсы в такой конструкции имелись. Например, небольшой объем воды на одну помывку. Количество могуллия для нагрева. Отсутствие необходимости посещать общественные бани и отдавать свое тело на обозрение и потеху публике.

Большая ванна была у маминой подруге, к которой мы ездили в гости на пару недель. Она — ванна, а не подруга — сразу покорила заставила... нет, не полюбить, но уважать. Любовь моя отдана родной, сидячей, а эта — словно праздник, который случается несколько раз в году.

Воду набирает, наверное, Сварт. Или его жена.

Но неужели кто-то из них рассыпает по поверхности воды лепестки роз? Я хмыкнула. Представила, как вылезая из ванны вся облепленная лепестками. Хмыкнула еще раз. Надо сказать, чтобы не делали этого впредь.

Однако едва я погрузилась в воду и вдохнула усилившийся розовый аромат, как из глубин памяти всплыла странная картина. Меня, лежащую на кровати, поднимают большие

сильные руки, опускают в воду, где плавают красные и розовые лепестки, и нежный голос говорит:

— Вот так, моя милая, вот так... Будешь купаться в розах, вырастешь нежной, как роза. Самой красивой вырастешь, самой умной...

Там, в видении, я не понимала, кто меня купает. Единственное, что знала — это самый близкий, самый родной человек...

Я моргнула. Видение пропало. Что это было? Ложное воспоминание? Нездоровые фантазии? Видимо, да. Странный замок, странная комната. Надо спросить у Сварта, кто здесь жил раньше.

Теплая вода расслабила уставшее тело, призывая к полноценному отдыху. Однако я пересилила себя и мужественно раскрыла Утрямов труд. Продолжила чтение и попыталась вникнуть в символьную систему, а именно: почему тому или иному соратнику соответствует определенное животное и откуда взялся тот самый перевернутый треугольник.

Возможно, на кинжалах изображены домашние животные Подпор. Или таким образом мастер подчеркивал их характер.

Впрочем, может быть, никакой связи зверюшек с подпорами не было.

Я не заметила, как задремала.

Очнулась, когда в дверь кто-то поскребся. Ойкнула и крикнула «Нельзя!»

В ответ раздалось истошное мяуканье. Я вспомнила, что в замке еще в мой первый приезд обитал огромный черный котик. Не это ли чудовище разбудило меня утром? Ну и что ему понадобилось на сей раз?

Выбравшись из ванной, я, не подумав накинуть на себя хотя бы халат, распахнула дверь.

И тут же снова захлопнула. Потому что в комнате, кроме кота, стоял Гвейnard. В короткое мгновение я успела заметить его изумленный взгляд.

Я быстро схватила полотенце и принялась лихорадочно вытираться. Ужас, ужас. Ну почему я не выгляжу, как та нахальная девица? И что теперь делать? Никогда больше не смогу посмотреть ему в глаза. Стыдно. Ни слова больше не скажу.

И тут же крикнула через дверь:

— Чего тебе?

— Мне или коту? — уточнили из-за двери.

— Стучаться надо, — я стала заводиться.

— Мы стучались, — не очень убедительно сказал Гвейн. — Но никто не ответил.

— Именно поэтому ты решил вломиться. Логично.

Гвейн полмолчал. Скзал глухо:

— Слушай, Мира, я вообще ничего не успел разглядеть. Честно. Поэтому давай выходи. Не люблю разговаривать через дверь.

Все еще злясь, я сняла с вешалки халат. Заметила несколько лепестков, прилипших-таки к моему телу. Представила, как Гвейн глядит на меня, голую, всю в розовых лепестках, и внезапно захохотала. Интересно все-таки, что он подумал, глядя на эдакую дурицу?

Я накинула халат и закусил губу, чтобы прекратить хихикать. Открыла дверь. Взгляд Гвейна был чист и незамутнен. Хорошо, не будем акцентироваться на скользких моментах. Чтобы скрыть смущение, схватила на руки кота, который тут же стал обтирать об меня башку. Сказала:

— Кстати, рукопись Утяма содержит много интересного. Я как раз дошла до кинжалов. Хочешь ознакомиться?

Гвейн кивнул. Я свалила недовольно мякнувшего кота на кровать и вернулась в ванную. И ахнула.

Вздremнув во время водной процедуры, я выпустила книгу из рук, и теперь она плавала среди лепестков на поверхности воды, которая почему-то становилась все чернее и чернее. Неужели я была настолько грязная? Выловив дрейфующую книгу, я снова ахнула. То, что я принимала за грязь, были чернила. Я умудрилась вымыть не только себя, но и почти все страницы рукописи. Последние — практически начисто.

Опустившись на пол ванной, я расправляла мокрые листочки. Дура набитая, идиотка. У себя в музее трясуь над каждым артефактом, а тут загубила такой ценный документ! Гвейн тихо постучал, потом приоткрыл дверь и, не заглядывая, спросил, можно ли ему зайти или я в таком виде, что лучше подождать.

— Лучше меня убить, — мрачно ответила я. — Я как раз в таком виде. Вернее, состоянии.

Дверь распахнулась рывком.

— Что случилось? — в его голосе слышалась тревога.

— Вот, — я потрясла выстиранной рукописью. Темные брызги полетели во все стороны, попав на мой светлый в цветочек халат и на его белую рубашу.

— Решила окропить меня святой водой? — озадаченно спросил Гвейн.

— Рукопись пропала! Я уронила ее в ванну!

Он взял у меня из рук книгу, поворошил страницы и недоуменно спросил:

— Уронила в ванну? И именно поэтому смеялась?

— Конечно, не поэтому, — прорычала я.

— Тогда я не понимаю... — он и вправду не понимал. — Зачем ты ее уронила?

— Что значит — зачем? Низачем. Случайно. Потому что спала! В ванной! Представляешь? Заснула как идиотка. И позволила книге вымыться. Смыть с себя все записи мага Утряма! — Я часто-часто заморгала, чтобы прогнать слезы. Шмыгнула носом. — Даже не представляю, как буду оправдываться перед Данни. И как теперь восстановить записи.

Гвейн уставился на меня, потом перевел взгляд на книгу:

— По-моему, они сами прекрасно восстанавливаются.

— Что?!

Подскочив, я уставилась на мокрые страницы. На них медленно, будто нехотя, проявлялись слова. Нет, сперва стали появляться отдельные буквы, символы, которые постепенно складывались в текст.

— Но... это совсем не то, что здесь было, — пробормотала я.

— Ты уверена? — Левая бровь Гвейна вопросительно поднялась. — Может, просто не дошла до этого места?

Лихорадочно пролистав уже прочитанные страницы и узрев на них незнакомые строки, я покачала головой:

— Нет, это что-то другое. Во-первых, те записи были сделаны черными чернилами, а эти почему-то красные. Во-вторых, тут какие-то формулы, а там не было ни одной. И вот эти строки мне тоже незнакомы: «Когда задремлет старый сад, под яблоней отыщешь клад».

— Интересно, — сказал Гвейн.

— По-моему, ничего интересного. Дурацкие стишки.

— Я не столько про стишки, сколько про способ подачи материала.

— Способ подачи? Ты вот про эти строки? И что тебе показалось интересным? Красные

чернила?

— И они тоже. По какой-то причине автор... как его?

— Маг Утрям, — подсказала я.

— Да, он. Написал жития Святых поддержек...

— Подпор! Неужели так трудно запомнить?

— Извини, если невольно оскорбит тебя в твоих лучших религиозных чувствах.

Конечно, Подпор. Итак, он запечатлел жития смываемыми чернилами, но перед этим те же самые листы исписал симпатическими.

— Какими?

— Ты не знаешь что такое симпатические чернила? Они как правило незаметны и проявляются под воздействием определенного вещества. В нашем случае — воды. Обычно ими записывали страшные тайны, предназначенные только для одного адресата. Или для узкого круга людей. Как полагаешь, зачем это сделал наш незнакомый маг? Что такого в этих стихах, если на них пришлось переводить драгоценные чернила?

— Понятия не имею.

— Тогда давай дадим книге высохнуть, а потом вместе ознакомимся с ее содержанием.

Может, появятся какие-то разъяснения.

Ничего другого не оставалось. Мы вернулись в комнату, где Гвейн положил книгу на подоконник.

Я выглянула наружу. Под окном росли яблони. Много яблонь. Стройными рядами они уходили вдаль, ветви их гнулись под тяжелыми плодами, некоторые почти касались земли.

Под яблоней отыщешь клад.

Дурацкие стихи.

Интересно, под какой именно? И почему лишь когда сад задремлет?

Кстати, а когда он задремлет?

— Возможно, зимой, — сказал Гвейн.

— Ты что, читаешь мои мысли? — недоуменно посмотрела я него.

— Да какое там чтение. Просто смотрю туда же, куда и ты. И сопоставляю с только что прочитанным. Со стихами. Когда задремлет старый сад? Кстати, он ведь достаточно стар, так? Ну, и когда? Скорее всего, зимой. Или осенью.

— Так сейчас и есть осень.

Я жадно вглядывалась в ряды деревьев, пытаюсь угадать, под какой именно яблоней следовало искать клад.

— Может, его уже давным-давно отыскали, — предположил Гвейн.

— Может — вздохнула я. — Но помечтать-то можно.

Глава 12. Неприятность с Ариенной. Ужин, стихи, вечерняя прогулка

Глава 12. Неприятность с Ариенной. Ужин, стихи, вечерняя прогулка

— Позолоти ручку, всю правду скажу!

А случится у тебя роман с человеком, которого ты никогда не увидишь!

— Это как?

— Ну... ослепнешь, например.

(Из сеанса гадания)

Стоящая на комодe лампа разразилась звонкими переливами. Я взглянула на высветившийся номер. Вызывала Данни.

— Клад под яблоней? — недоуменно спросила она. — Вы чем там вообще занимаетесь?

Я смущенно рассказала про выстиранную рукопись.

— Ничего себе! — воскликнула Данни. — И что, там появились какие-то строки? Вообще-то, это скорее всего проделки папеньки. Дело в том, что никакого мага Утряма не существовало. Папенька его просто-напросто придумал, когда рассказывал мне на ночь сказки. Уверена, он и был автором найденной рукописи. А вот то, что под ней скрывалась другая... Я этого не знала. Мира, по-моему, ты совершила открытие! Папенька, насколько мне известно, был мастером придумывать загадки. Он и меня подобным образом воспитывал. Спрячет что-нибудь, а ты попробуй отыщи. Пока не найдешь, не получишь сладкого. Я тебе не рассказывала, как однажды он спрятал мою туфлю? И куда! В воронье гнездо! Как сейчас помню, инструкция для поиска была такая: "Прокричи три раза — кар, получи прекрасный дар". Я из вредности не стала ничего кричать и два дня проходила босиком. А потом ворона выкинула "клад" из своего жилища. Помню, мне влетело еще и за то, что треклятая птица потрепала обувь... Так что, возможно, клад действительно существует. Но где, под какой именно яблоней — понятия не имею. Учти, кладом может оказаться какая-нибудь ерундовина типа старой калоши.

— Учту.

— Ты нашла что-нибудь про Великую шестерку? — спросила Данни.

— Только то, что писал Утрям, — вздохнула я. — То есть, твой папа.

— Ну, не думаю, что в его рукописи все выдумка, — утешила меня подруга. — Папенька обычно брал реальные факты и лишь слегка их приукрашивал. Кстати, я ведь тебе говорила, что особенно ценные книги он хранил в своем кабинете? Попробуй поискать там. А зачем тебе вообще понадобились Подпоры? Ах, да, я помню, по работе.

— Точно, — ответила я.

Огорчать подругу и рассказывать про шесть кинжалов не хотелось.

Мы еще немного поболтали. Данни рассказала про очередной визит Ербина, пытавшегося продать ей какой-то хлам. Я посоветовала превратить его в автомат по продаже газет. Мы посмеялись. Потом она спросила, ношу ли я ее подарок. Я бросила взгляд на

Гвейна и ответила, что да, конечно, хотя на самом деле кольцо покоилось там же, куда я его поместила — в нижнем ящике комода. Теперь же мне было слегка досадно — если бы я мылась с кольцом на пальце, то, возможно, выглядела бы немного лучше, чем без него. Данни посоветовала не снимать его ни на минуту. Я горячо пообещала, зная, что никогда, ни за что не надену сей артефакт. Потом она спросила, не находила ли я ее коробочку. Ругнувшись про себя — про коробочку я забыла напрочь — ответила, что пока поиски не увенчались успехом, и мы распрощались.

— Что за коробочка? — спросил Гвейн.

— Да так, ничего особенного. Какая-то безделушка. Деревянная, продолговатая и с яблоком на крышке. Если случайно ее обнаружишь, припрядь ее, чтобы потом передать Данни. Коробочка принадлежит ей.

— Хорошо. А теперь... покажи-ка мне кинжалы.

Они лежали там, куда я скинула их утром — в верхнем ящике комода. Разложив кинжалы на столике, я наконец-то догадалась подключить маго-взор.

Все шесть были не просто магическими. Они горели ярким белым светом, будто были выкованы из чистейшего могуллия безо всяких примесей. Аж глазам стало больно. Никогда прежде не видела ничего подобного. Теперь я почти уверена — как бы их не метали, они сами собой складывались в равносторонний перевернутый треугольник. Но почему именно в него? И вообще, откуда они взялись? Кто их кидал и почему в нас?

Гвейн, казалось, тоже ничего не понимал.

— Попробую поискать что-нибудь в кабинете хозяина, — сказала я. — Там, как мне кажется, есть нужная информация.

— А главное — нет ванной, в которой эту информацию можно утопить, — очень серьезно добавил Гвейн.

Мне захотелось треснуть его в лоб.

Должно быть, это намерение было написано на моей физиономии, потому что Гвейн сказал:

— Не бей, лучше искупай в ванне... Эй, погоди, я же пошутил!

Он перехватил мою руку и спешно попросил:

— Давай ты лучше расскажешь про шестерых клюшек и их животных...

— Подпор! — завопила я, пытаюсь вырваться из цепкой хватки.

— А, да, извини, конечно, Подпор. Так расскажешь?

Он похлопал невинными глазами.

Я еще немного посердилась и рассказала.

— Ничего ценного, — вздохнул Гвейн. — Теперь и мне жалко, что ты смыла записи. Там наверняка было что-то еще.

Я взяла один из кинжалов, тот, что с черепашкой. Почему-то именно он нравился мне больше остальных. Сказала Гвейну:

— Дай что-нибудь ненужное.

Тот покопался в карманах брюк, выудил гвоздь:

— Держи.

—носишь на случай самообороны? — я изогнула правую бровь.

— Не, случайно прихватил во время ремонта ворот.

Держа гвоздь одной рукой, я ударила по нему кинжалом. Полгвоздя упало на ковер.

— Ух ты! — восхитился Гвейн. — И сильна же ты, подруга!

— Я тут ни при чем. А вот кинжал действительно силен.

— Хороший был гвоздь, — Гвейnard поднял упавшую половинку и с удивлением поглядел на ровный срез. — Слушай, Сварт попросил наколоть дров для камина... Не возьмешься?

Я взяла у него обрубок гвоздя, приложила ко второму, провела по ним кинжалом.

Не знаю, почему я так сделала. Чисто интуитивно, наверное. И почти не удивилась, когда половинки стали одним целым.

— Ну вообще, — Гвейн прицокнул языком. — А давай на посуде потренируемся. Разобьем чашку и попробуем склеить. А?

Я не успела ответить. Дверь без стука распахнулась.

Похоже, запросто вваливаться в чужую комнату здесь считается доброй традицией.

На пороге нарисовалась нахалка. Как ее там? Ах, да, Ариенна. Выглядела она просто великолепно. Платье нежно-желтого цвета с золотистыми узорами очень ей шло. Тонкую талию обхватывал белый пояс. На ногах — туфли ни тонких каблук. Правда, мне показалось, что она ходит очень осторожно, будто не вышагивает в эдаких ходулях на приемах. Впрочем, возможно, туфли маловаты и давят ей на мозоли.

Девушка тряхнула головой, отчего ее светлые локоны красивой волной взлетели и рассыпались по плечам, и подошла к Гвейnardу, не обратив на меня никакого внимания:

— А я тебя искала! Гвейн, милый, ты не сможешь мне выбрать наследство? Тут так много всего, у меня просто голова кружится!

Голова у нее кружится. Надо же.

Черный кот зашипел на незваную гостью и выскочил в коридор. Я сразу зауважала котика и мысленно пообещала, что отныне он будет желанным гостем в моей комнате.

Внезапно Ариенна повернулась и, тронув меня за руку, заглянула в мне в глаза:

— Вы сердитесь, Мирохарда-Юргрия, милая? Не надо.

Я отдернула руку и потрясла ею, будто хотела сбросить прикосновение наглой девушки:

— Сержусь? С чего ты взяла?

Она неестественно засмеялась:

— Это видно. Я не могу всего сказать, но если бы мы были знакомы поближе... Впрочем, может быть, когда-нибудь и сблизимся. И тогда, уверяю, вы измените мнение обо мне.

Хм. Разве что в худшую сторону.

— Я бываю несносна, это верно. Но в душе я добра и мила. И никому никогда не желаю плохого. Правда-правда!

Она лукаво подмигнула, отчего меня слегка передернуло. Неужели мне одной кажется, что она неестественная и приторная? И больше никто ничего не замечает?

А, может, не хочет замечать?

Внезапно девушка обратила внимание на кинжалы и заверещала тоненьким кукольным голоском:

— Ой, какие хорошенькие! А можно их потрогать? Я хочу их! Как думаешь, Гвейни, отдадут мне хотя бы один в счет папочкиного наследства?

Нет, вы только послушайте! Гвейни, значит. Ну-ну.

— Не думаю, что это хорошая идея... — начал было Гвейн, но девушка уже протянула руку к кинжалу с ящеркой.

Дальше все произошло очень быстро, я даже не успела среагировать. Нахалка схватила

кинжал, пронзительно закричала, выронила его и принялась дуть на ладонь. Потом потрясла ею и зло взглянула на меня.

— Что это такое? — с девицы мигом слетел весь шарм, лицо ее перекошилось. — Ты специально его раскалила, да?

Мне очень хотелось ответить: да, специально. Сидели, тебя дожидались и клинки калили. Но я лишь пожала плечами.

Гвейн вскочил, схватил Ариенну за локоть и потащил из комнаты, приговаривая:

— У тебя, наверное, аллергия на этот сплав. Ничего страшного, сейчас найдем нужную мазь, кажется, у меня в машине есть...

В дверях он на мгновение остановился, оглянулся и бросил мне довольно сухо:

— А ты, Мира, пожалуйста, переоденься к ужину и спускайся в столовую.

— Хорошо, Гвейни, — ехидно отозвалась я и спародировала подмигивание девицы.

Гвейн неодобрительно покачал головой.

Наверное, мне должно быть стыдно, поскольку нахалку не жаль ни чуточки.

Но две странности, комими были заняты мысли, не позволили стыду зародиться, затоптав его на корню.

Итак, странность первая. Рука, обожженная холодным кинжалом. В аллергию мне верилось с трудом. Если быть точной, не зафиксирован ни один случай аллергии на могулий и магические артефакты. Однако подобную реакцию могли вызвать некоторые изделия магов-отступников. Работая в музее, я сталкивалась с некоторыми из них. Например, сторожа-ловушки, при соприкосновении с ними оставляющие на коже вечный ожог — штуку неприятную, но вполне терпимую. Обжигает всех, кроме хозяина, который в случае покушения на его собственность легко вычислит преступника по характерному пятну на руке. Но были ли кинжалы ловушками? Определенно, нет. Иначе мы с Гвейном пострадали бы первыми. К тому же, сторожа-ловушки светились не белым, а пурпурным светом. Что же в таком случае произошло? Я не понимала.

Странность вторая. Ариенна назвала меня Мирохардой-Юргрией. Однако никому из наследников я не называла своего полного имени, тем более, ей. Я вообще не люблю вторую часть имени и стараюсь его не упоминать. Но, допустим, произошло чудо. Каким-то непостижимым образом она узнала мое полное имя. Но ведь она не раз слышала, как все называют меня Мирой. Зачем же выпендриваться? Решила продемонстрировать потрясающую эрудицию? Однако мне казалось, дело тут совсем в другом. А вот в чем именно, пока не могла понять.

Но, пока я одевалась, обе странности отступили перед единственным вопросом.

Неужели на ужин снова будут яблоки?!

В коридоре я столкнулась с Танти, выходящей из своей комнаты. Девушка, увидев меня, съежилась и чуть отпрянула в сторону. Что с ней такое? Не такой уж я монстр, чтобы от меня шарахаться.

— Желая радоваться! — радушно сказала я. — Как устроилась? Все в порядке?

Девушка, чуть помедлив, осторожно кивнула.

— Вы прибыли рано утром, — продолжила я светскую беседу, — а путь от города весьма долгий. Неужели всю ночь провели в пути?

— Нет, — голос Танти звучал еле-еле, так что мне пришлось напрячь слух, — мы приехали вчера вечером, очень поздно. Наш кучер отказался подниматься на холм в темноте.

Я мысленно похвалила кучера. Если бы нападению и обстрелу яблоками подверглась бы

повозка, она бы развалилась на месте. Что случилось бы с экзальтированной мамашей, страшно даже представить.

— Пришлось заночевать в деревне, на постоялом дворе.

— Наверное, вам удалось хотя бы нормально позавтракать, — не без зависти проговорила я.

— Если бы, — вздохнула Танти. — Как сказал трактирщик, у него нет ничего съестного, кроме овощного рагу. Но его мы не осилили. Оно очень, очень перченое.

— Вы обедали у трех ослов? — догадалась я.

— Да, — кивнула Танти. — Какой-то путник заказал яичницу из десяти яиц.

Это я уже знала. Значит, не только мы остались голодными по вине яйцезора.

— Поэтому, — продолжала она, — мы вернулись на постоялый двор, забрали вещи и поехали сюда.

— Ну, тут кормят ненамного лучше, — заметила я и улыбнулась. — Боюсь, скоро нас всех начнет тошнить от яблочной диеты.

— Точно, — кивнула она. — Меня в детстве от этих яблок тошнило, и не раз. Папа Макер говорил, что это выходят шлаки.

— Шлаки?! Он издевался, что ли?! Ох, как я бы хотела посмотреть, как они выходят из него!

Представив картину: Макер-тот давится яблоком, я хмыкнула.

Неожиданно для меня Танти тоже улыбнулась. Ее лицо сразу преобразилось, стало открытым и приветливым.

А девчонка-то ничего, симпатичная. Я от души ей посочувствовала. С такой мамашей как Аквинтия, ей, наверное, приходится туго. Ни погулять одной, ни развлечься. Про парней и речи быть не может.

Эх, найдет ей матушка заплесневелого гриба преклонных лет и выдаст замуж. Что-то мне подсказывало — с самой Аквинтией именно так и поступили в свое время, из благих, естественно, побуждений. И теперь матушка намеревается повторить тот же сценарий, но уже в жизни дочери.

Вдруг Танти сказала то, чего я никак не ожидала услышать:

— На постоялом дворе мы видели Ариенну.

— Кого? Где?

Вот это новость! Светская девица тоже ночевала в деревне! Невероятно!

Танти перешла на шепот:

— Только никому не говори, иначе она меня убьет, — не уверена, что девушка говорила про нахалку, скорее, про матушку. — Я видела, как Ариенна выходит из соседнего номера.

Она помолчала и добавила:

— А перед тем в ее номер заходил какой-то мужчина.

Ну и ну! А наша девица не так-то и проста! Решила совместить приятное с полезным, то бишь свидание с получением наследства. Шустра малышка! Представляю, как вытянется физиономия Гвейна, когда я ему об этом расскажу. Но, заметив умоляющий взгляд Танти, отказалась от этой затеи.

Мои опасения насчет ужина подтвердились. Трапеза на этот раз проходила под девизом "Пять яблок на ужин — и завтрак не нужен". Мне и ужин-то такой не был нужен, но за неимением чего-либо другого пришлось удовольствоваться очередными печёниками. Меню

разнообразили пирожки с яблочным повидлом. Правда, тесто раскатали очень тонким слоем, и его почти не чувствовалось — я даже подивилась мастерству кухарки, сэкономившей таким образом море муки из хозяйских запасов. И хотя мне досталось всего два пирожка, это казалось знатным угощением по сравнению с завтраком и обедом.

За столом царила атмосфера благодушия и взаимного уважения. Аквинтия ворчала, Танти уныло ковырялась в яблоке, Крадиф листал "Маг-инфо", зачитывая вслух особо пикантные фразы, нахалка со страдальческим видом рассматривала распухшую ладонь и стонала, что ей очень, очень больно и вообще она ни одного дня не останется в этом ужасном замке. Гвейнард сочувственно поглаживал ее по плечу. Фу, смотреть противно. Обязательно нужно нежничать за столом? А вдруг кого-нибудь нечаянно стошнит?

Сварт решил поддержать светскую беседу.

— Как продвигается выбор наследства? — спросил он, обращаясь ко всем сразу. Кроме нас с Гвейном, конечно.

На лице Крадифа явно читалось: какое дело садовнику до дележа замкового богатства? Он только хмыкнул и перевернул страницу.

— Не представляю, что можно выбрать из этой рухляди, — буркнула Аквинтия.

— Это не рухлядь, а антиквариат, — возразил садовник. — К тому же, некоторые вещи не только прекрасно сохранились, но и имеют немалую ценность. Взять, например, столовый серебряный сервиз. Он будет прекрасным приданым для вашей дочери.

— Приданым, — фыркнул Крадиф из-за газеты. — А жених-то для этого приданого есть?

По тому, как покраснела Танти, я поняла — нет, и не ожидается. Собственно, это и так было ясно. Не всякий заплесневелый гриб захочет иметь тещу, подобную Аквинтии.

Тут у меня родилась прекрасная идея. Чтобы ее осуществить, понадобится помощь Сварта. Может, ничего и не получится, но попробовать стоило. Надо поговорить с ним наедине, потом, после ужина.

Девчонку было жаль, поэтому я решила сменить тему. И, хотя в мои планы не входило обнаружение тайных записей покойного Макера, более подходящей темы не нашлось. Поэтому я спросила:

— Скажите, Сварт, вам случайно не знакомы такие строки: "Когда затихнет старый сад, под яблоней найдешь ты клад"? Или что-то в этом роде.

Крадиф отложил газету и хихикнул:

— Дивный образчик пасторальной поэзии. Кто автор сих бессмертных виршей? Не папаша ли часом?

— Понятия не имею, — пожала я плечами, посмотрела на Сварта и поперхнулась от неожиданности.

Он стоял столбом как-то очень странно на меня смотрел. Потом прокашлялся и спросил:

— Мирохарда, вы что, видели ЕЕ?

— Кого — ее? — спросила я. — Что с вами, Сварт?

Он отмер, сказал "гм" и уже нормальным голосом ответил:

— Нет, нет, ничего, не обращайтесь внимания. Я имел в виду — книгу. Да, книгу со стихами. Любимыми стихами хозяина. Так вы о ней говорите?

— Со стихами? — теперь удивилась я. — Там вообще-то были только эти строки. По крайней мере, когда она уже почти высохла после того, как я уронила ее в ванну, на

странице было только это. А дальше, кажется, и вовсе ничего, только какие-то формулы, которые даже не успели как следует проявиться. Во всяком случае, я не помню. А ты, Гвейни?

Я произнесла последнее слово нарочито сладким голосом и посмотрела на Гвейна невинным взглядом.

— В ванной? — заинтересовался Крадиф. — А откуда это знает Гвейнард? Вы там были вдвоем? Ну-ка, ну-ка. Я требую подробности!

— Нет никаких подробностей, — отрезал Гвейнард. — Мира, опять ты со своими фантазиями!

Фантазиями? Нет, каков наглец. Я даже задохнулась от возмущения. Зато Ариенна явно заинтересовалась:

— Я так и знала, что у нее больн... богатое воображение. Это и неудивительно с ее-то внешностью.

— Оставим мою внешность в покое, — огрызнулась я и хотела добавить что-нибудь про нахалкины мозги, но передумала.

Другая мысль не давала мне покоя. Сварт, говоря "ЕЕ", имел в виду явно не книгу.

После ужина я посеCRETничала с садовником о своей идее, от которой он пришел в восторг и согласился взяться за ее осуществление, не откладывая дело в долгий ящик.

Заодно я попыталась вызнать, кто такая "ОНА". Но Сварт сделал вид, будто не понимает, о чем речь и талдычил про книгу. Ладно, пока оставим эту тему. Садовник определенно что-то знает, но не хочет говорить. Надо подумать, как заставить его стать поразговорчивее.

А пока меня интересовал еще один вопрос.

— Сварт, скажите, чем вы кормите своего кота? Не яблоками же.

— Какого кота?

Он снова сделал непонимающее выражение лица. Но тут я решила не отступать. В конце концов, для меня это было дело жизни и голодной смерти.

— Я имею в виду такое черное мохнатое животное. Оно шляется по замку, вламывается в мою комнату и орет "мяу". Так чем вы его кормите, а?

— А-а-а, я, кажется, понимаю, о ком вы говорите, — сказал Сварт. — Такой черненький, пушистый, да? Это котик бывшей хозяйки... Так мы ж его почти не кормим. Он сам себя обслуживает. Мышей промышляет, птичек.

Ага. Так я и поверила.

— Вы уж его не сильно гоняйте, — в голосе Сварта послышались скорбные нотки. — Он был очень, очень привязан к хозяйке и долго тосковал, когда ее не стало. С той поры бродит по замку. Бродит и бродит... Ищет ее, ищет...

— Прискорбно, — с металлом в голосе заметила я. — Но что ему надо от меня?

— Ничего. Просто вы остановились в комнате, где она жила до того, как покинуть нас.

Ах вот оно что! Стало быть, моя комната принадлежала супруге Макер-тота.

— Покинула? — спросила я. — И... что с ней случилось? Как она... э-э-э... ушла?

— Просто, — ответил садовник. — Очень просто. Она вообще была невероятно простая женщина. Хотя многие думали иначе.

Мне показалось, он не хочет горить о бывшей жене Макер-тота. Еле сдержавшись, чтобы не продолжить расспросы, я передала ему кольцо, за которым сбегала в комнату.

— Забавная игрушка, — заметил садовник, разглядывая его со всех сторон. —

Волшебное, не так ли?

Я машинально кивнула. И лишь потом спохватилась:

— Вы можете видеть свойтсва артефактов?

— Нет, — с легкой улыбкой ответил он. — Догадался.

Мы обсудили некоторые нюансы предстоящей операции. Я была рада, что Сварт согласился со мной по всем пунктам и стал моим сообщником. От души его поблагодарив, я снова забежала в комнату, переоделась в спортивный костюм и вышла прогуляться по саду.

И далеко не сразу призналась себе, что внимательно разглядываю землю под каждой яблоней, пытаясь угадать, под какой же именно закопан клад.

— Не ты одна, — раздался сзади низкий голос.

Это он мне? Я оглянулась. Гвейнард кивком головы указал сперва на Аквинтию с Танти, а потом на Крадифа, разгуливающих неподалеку от нас. Вся троица упорно вглядывалась в землю.

— Нет, ты определенно читаешь мысли, — возмутилась я. — Прекрати немедленно!

— Во-первых, только твои, а во-вторых, прекратил, — покорно согласился мой водитель. — Тогда окажи ответную любезность и перестань заниматься глупостями.

— Что ты имеешь в виду? — вспыхнула я.

— Не уподобляйся идиотам, которые и правда верят, что клад зарыт где-то здесь.

— Но помечтать-то можно? — спросила я. — Кстати, я не вижу еще одной, самой законченной идиотки. Как тебе удалось ее нейтрализовать?

Он посмотрел на меня осуждающе:

— Ей действительно очень больно. Мазь, увы, не помогла. Значит, это не аллергия на металл.

— Думаю, это защитная реакция металла на бесстыжих девиц, — усмехнулась я.

— Давай без этого, Мира, — его взгляд стал прохладным. — Прекрати язвить. Я чувствую себя отчасти виноватым, поскольку не успел перехватить ее руку.

Вот и хорошо, что не успел, подумала я. Но вслух говорить не стала. Просто пожала плечами — бывает, мол.

— Ты никогда не слышала про подобное воздействие на кожу? — спросил он.

— Ну, как тебе сказать... Если схватить голый рукой куст крапивы...

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Не было ли подобной реакции при взаимодействии с какими-либо магическими артефактами?

— Ну... ты прав, что-то подобное случалось. Так могут, например, реагировать охранные амулеты в случае угрозы хозяину.

— Охранные амулеты? И что мог охранять наш кинжал?

— Скорее, кого. Тебя или меня. Но... Была ли с ее стороны угроза? Хм. Не знаю. Может, она намеревалась меня пырнуть?

— Нет, это вряд ли. Ариенна не агрессивна. И потом, нож, как мне кажется, все-таки не охранный амулет.

Тут он прав. Защитники имеют бордовое или красное свечение. Кинжалы же светились ярким серебристым светом.

Но Ариенна! Какова идиотка, а? Она прожила тут как минимум три года! И должна была уяснить — сама или с помощью папочки — что с магическими вещами ей соприкасаться нельзя, если организм выдает такую реакцию. Ну, допустим, она не знала о свойствах ножей. Но хватать что ни попадя, особенно в замке ее папаши, которые был ни

много, ни мало Магистром Ордена Святого Улии, значит совсем не иметь мозгов. Я, не особо выбирая выражения, сказала все это вслух.

— Почему ты так на нее злишься? — спросил Гвейн, глядя поверх моей головы.

— Вообще не злюсь.

Последнюю фразу я процедила сквозь зубы, потому что к нам приближался Крадиф, и мне не хотелось, чтобы он думал, будто я придаю слишком большое значение сюзюканью Гвейна с нахалкой.

Парень показался мне каким-то задумчиво-мечтательным. Что это с ним? Обчитался бульварной прессы?

Подойдя к нам вплотную, Крадиф сделал загадочно-большие глаза и смущенно прошептал:

— Слушайте. Вы ведь не очень заняты? Хорошо. Можно у вас спросить...

Мы с Гвейном переглянулись. Я великодушно разрешила:

— Спрашивай.

Он глотнул слегка нервно. Шепнул:

— Вы заметили, что Танти... Это... Ну...

— Что — ну? — спросила я. — Встала не с той ноги?

— Да нет же, — он оглянулся и заговорил чуть громче. — Как вы считаете, она ничего?

— Ничего? — я недоуменно посмотрела на Гвейна.

Тот пожал плечами. Кивнул и полувопросительно ответил:

— Ничего.

— Вот, — глаза Крадифа вспыхнули. — Вы тоже заметили, да? Ничего так девчонка, а?

У Гвейна открылся рот.

— Ага, — выдавила я.

Только тут до меня дошло: наш со Свартом план удался.

Впрочем, такого быстрого развития событий я не ожидала.

И уж тем более не предполагала, что первой жертвой Танти падет именно Крадиф.

А то, что он пал, не было сомнений. Куда подевался нагловатый, бесцеремонный и циничный тип? Сейчас перед нами стоял робеющий влюбленный, который больше всего на свете боится быть отвергнутым.

— Интересно, есть у нее кто-нибудь?

Мы синхронно пожали плечами.

Не далее как утром тот же Крадиф язвительно высмеивал отсутствие жениха у несчастной Танти. И что мы слышим сейчас? А вот что:

— Если бы не ее противная мамаша, я бы прямо сейчас начал за ней ухаживать. Пока не набежали другие охотники.

Тут он подозрительно покосился на Гвейна.

Я хмыкнула. Моему водителю по уши хватало Ариенны. Впрочем, мужчины — существа полигамные. Ухлестывать одновременно за несколькими девицами — самое обычное дело.

— Могу помочь, — поспешно заявил Гвейнард, бросив на меня уничтожающий взгляд. — Отвлеку старую калошу, а ты начинай действовать.

Крадиф просиял, и парни ударили по рукам.

Глава 13. Второй странный вызов, привидение, ночь, еда и сад

Глава 13. Второй странный вызов, привидение, ночь, еда и сад

«Пока по окрестностям бродят враги,

Бери языка, но язык береги!»

Из наставлений Великих Подпор

Оставив коварных соблазнительей в саду и все еще ликуя в душе, я вернулась в спальню. И вовремя. Лампа заливалась переливами. Рядом с ней сидел давешний черный кот и подвывал, стараясь попасть в тональность.

Когда номер высветился и исчез, к горлу подступила дурнота.

— Ты все-таки не послушалась и поехала, — проскрипел голос, тот же самый, что предупреждал накануне отъезда. — Глупая, глупая девица.

— Вы кто? — прохрипела я, охваченная паническим страхом.

— Слушай меня. Слышишь? Никуда не влезай, сиди тихо в своей норке. Может быть, тогда останешься жива.

— Почему не влезать?

— Потому что ты мне нужна.

— Зачем?

Он не ответил. Лампа погасла. Разговор прервался.

Пришлось некоторое время посидеть на кровати, чтобы прекратился озноб. Я сидела, гладила кота и никак не могла сосредоточиться. Пыталась успокоить себя мыслью, что кто-то все-таки перепутал номера, а моя поездка — просто дурацкое совпадение.

В конце концов, это удалось. Успокоила.

Но на всякий случай решила никуда не выходить. До утра.

И долго потом ругала себя, что так и не смогла претворить в жизнь сие мудрое решение. А что делать? Уснуть на голодный желудок не так-то просто. Я промучилась довольно долго. Крутилась на кровати без сна. Слушала жалобное поскуливание недокормленного организма и шаги в коридоре. Скорей бы все разошлись по комнатам, что ли. Но они все бродили и бродили. Сперва прошли Гвейн со старой гримзой. Она болтала не переставая. Голос ее был уже не ворчливый, а весьма дружелюбный; речь лилась нескончаемым потоком. Я хмыкнула: вот ведь может Аквинтия нормально разговаривать, а не только ворчать без конца.

Когда их шаги удалились, послышался голос Крадифа. Он обаял Танти на всю катушку. Соловьем разливался. Правда, из-за двери слов было не разобрать. Я, соскочив с кровати, подбежала к двери и прильнула ухом к замочной скважине.

Парень рассказывал Танти о своей работе в министерстве магии. Врал так правдоподобно и вдохновенно, что я на пару минут забыла о своих проблемах, восхищаясь талантом рассказчика. Танти то охала, то ахала, то заливалась тихим счастливым смехом.

Может, выйти и пристыдить Крадифа?

Впрочем, не мое это дело. Главное — девчонка перестала чувствовать себя уязвимой и никому не нужной.

Тут желужок заурчал так громко, что я отскочила от двери, испугавшись, что его могут

услышать.

Мне бы порадоваться за Крадифа и Танти, а я только зубами скрипела, ожидая, пока они разойдутся по комнатам.

Наконец замок угомонился. Я уже намеревалась отправиться на кухню, чтобы найти нормальную еду.

Но тут ужас сковал все мое тело.

Потому что прямо из стены в комнату шагнул призрак.

Да, я знаю, как они устроены, откуда берутся и что собой представляют. Знаю, как с ними бороться. И что бояться их абсолютно не нужно. Однако, когда они появляются вот так, тихо, внезапно и зловеще, кровь стынет в жилах.

Это была девушка. Вернее, когда-то была девушкой. Теперь же передо мной висел в воздухе полупрозрачный силуэт, от которого исходило ровное сияние. Тонкий слой могуллия, нанесенный на тело и отделившийся от него после смерти хозяйки.

Призрак покачивался, длинное платье слегка колыхалось, точно обдуваемое легким ветерком. Одна рука поднялась и указала на меня. Я вскрикнула. Кот злобно зашипел.

Будто в ответ на это шипение призрак нарушил тишину и тихим голосом, от которого я еще больше похолодела, произнес:

— Когда задремлет старый сад, под яблоней отыщешь клад.

С меня тут же слетело оцепенение:

— Чего? А ну повтори!

Разговаривать с призраками, конечно, не имело ни малейшего смысла, но очень уж неожиданной была произнесенная ей фраза. Опять этот клад в задремавшем саду!

Призрак не стал повторять, однако продолжил развивать тему:

— Под черной крышкой во тьме откроется судьба тебе.

Ну да, ну да. Знать бы, где эта черная крышка находится.

Светящийся силуэт покачался еще немного, потом продолжил:

— Настанет скоро звездный час, не медли, двигайся сейчас.

Кот взвыл. Должно быть, его покоробили корявые рифмы.

Мне вдруг стало любопытно, что еще выдаст моя ночная гостья. Наверное, дальше пойдет описание несметных сокровищ.

Но на этом выступление закончилось. Призрак опустил руку и плавно вошел в стену, противоположную той, откуда вышел. Двинулся оповещать о кладе остальных обитателей и гостей замка.

Чья комната у нас на очереди?

Судя по визгу, в ней остановилась Ариенна. Нет, я не пойду успокаивать нахалку, предоставлю это Гвейну. У меня есть другие дела, более неотложные.

Я накинула халатик, сгребла кота в охапку, шепнув ему на ухо: «Пойдем, покажешь, где тут кухня» и осторожно выглянула в коридор.

Странно. Никого не было. Я-то предполагала увидеть толпу мужчин, бросившихся на помощь бедной испуганной девушке. Но то ли все крепко спали, то ли им было глубоко наплевать на душевный покой прекрасной наследницы. Так или иначе, нас с котом никто не остановил, и мы беспрепятственно спустились с лестницы, прошли через обеденный зал и проникли в кухню.

И очутились в полной тьме.

На лестнице, в коридорах и залах всю ночь горят факелы — на случай, ежели кому из

гостей вздумается совершить полночный променад — например, в поисках клада. В кухне же никаких сокровищ не предусмотрено, поэтому и света не было никакого. Пришлось возвращаться за факелом.

В большом каминном зале их три. Подумав, что двух вполне достаточно — в случае чего, страждущий может подсветить себе призраком, предварительно заманив его сюда обещанием непременно броситься на поиски клада с первой же оказией — я выдернула третий.

Тут мое внимание привлекло родовое древо Макеров. Раскинув ветви на всю стену, в полутьме оно казалось величественным и даже грозным. Яблоки с портретами предков светились в полутьме, сами же лики смотрели на меня осуждающе. Я подошла ближе. Нашла портрет последнего хозяина замка. Чуть не выронила факел, когда он улыбнулся и подмигнул. С живыми картинами я, конечно же, сталкивалась, но каждый раз это было неожиданно и слегка пугающе. Отдельные мастера писали полотна до того реалистично, что можно было запросто ухнуть в изображенное море или заблудиться в нарисованном лесу. Что, кстати, и произошло с одной сотрудницей нашего музея.

Я ответила портрету осторожной улыбкой. Тот расцвел еще больше и принялся гримасничать, вращая глазами.

— Что? — спросила я одними губами.

Портрет, кажется, слегка рассердился. Глаза завращались с удвоенной скоростью. Эк его разобрало. Как бы вовсе из орбит не выскочили.

Висевшая на соседней ветке дама скривила губы. Кажется, это была покойная супруга последнего хозяина. Неужели ревнует даже после смерти? Еще один мист, чуть пониже, то ли дядюшка, то ли прадедушка, показал мне язык. В перемигивание и поддразнивание включились все яблоки, раскачиваясь, будто под ветром. Эй-эй, смотрите, не оторвитесь вовсе!

Кот отвлек меня от сошедшей с ума яблони, вцепившись когтями в плечо. Я ойкнула, извинилась перед предками за нарушение покоя и вернулась в кухню.

Кот вывернулся из моих рук и уверенно затрусил в дальний угол. Ну, он-то здесь завсегдатай и наверняка знает, где хранится нормальная еда. Не кормят же его яблоками. Да и Сварт с супругой, поди, не на подножном корме сидят.

Я двинулась за котом, оглядываясь по сторонам.

На стенах висели шкафчики и полочки с банками, под потолком уютно пристроились букетики сушеных трав. Аромат специй дразнил и манил на свидание со съестными припасами.

Я отчетливо осознавала, что поступаю ужас как нехорошо. Но поделаться с собой ничего не могла. Старый сад уже задремал. Мне было ясно сказано: не медли, иди сейчас. Я просто обязана найти клад под черной крышкой.

И крышка эта могла находиться только в холодильнике.

Последняя отыскалась в самом дальнем углу кухни, куда и направился кот. Длинный, во всю стену ящик с продуктами, на дне которого лежат специальные коробочки со льдом. Ого, да тут несколько отделений, и у каждого своя крышка.

Надо заметить, все черные.

Я откинула первую.

В лицо повеяло холодом. Здесь хранились окорока и прочие части туш невинно

убиенных животных. Все покрыты белесым налетом инея. Нет, это точно не клад. Потому что жарить или тушить мясо я не буду — процесс займет слишком много времени, и когда он будет готов, я точно умру от голода.

Под второй крышкой находились молочные продукты. Вот это уже лучше. Пристроив факел в скобу над холодильней, я достала круг сыра и отнесла его на стол. Кот понюхал сыр и презрительно дернул хвостом. Э, да ты, приятель, гурман! Абы что не жрешь.

— Погоди, может, и колбаса найдется, — успокоила я его, отрезая от сыра значительный кус.

О, сыр был просто восхитительным! Давненько я не чувствовала такого удовольствия от еды. Что там пончики, что пирожные! Кусок соленого сыра с зелеными прожилками — вот настоящее лакомство!

Постойте, с какими такими прожилками? Я взгляделась и обнаружила, что зелень — это не что иное, как плесень. Ужас! Я бросила недоеденный сыр. Как Лания может хранить в ящике несвежие продукты? Они ж наверняка лежат здесь со дня смерти хозяина. Понятно, почему кот не стал это есть.

Я подняла крышку следующего ящика холодильни и с недоумением посмотрела на содержимое. Внутри лежала... лопата.

Они что, издеваются, что ли? Может, прикажете ее сварить?

Захлопнув крышку, перешла к последнему ящику.

Ура! Вот они, дорогие мои колбасы! Кот, учуяв запах копченостей, тут же вскочил на торец откинутой крышки и забалансировал, издавая утробное урчание. Пришлось достать кусок колбасы и кинуть обжоре. Потом я достала колечко для себя.

И поняла, что не смогу проглотить ни кусочка. Тошнота, подступившая к горлу после поедания испорченного сыра, не позволяла это сделать. С сожалением положив кольцо обратно, я пообещала ему вернуться, как только действие отравы закончится.

Почему я совершила все последующие действия, я не смогла потом объяснить ни себе, ни другим. На кой мне понадобилось возвращаться к предыдущему ящику и вынимать из него лопату? А потом двигаться подобно сомнамбуле в задремавший старый сад? Зачем я копала землю под яблоней — сперва под одной, потом под другой? Я, если честно, была даже немного благодарна тому незнакомцу, который, застав меня за этим занятием, двинул по затылку. И было это не столько больно, сколько неожиданно.

Видимо, от неожиданности я и провалилась во тьму...

Несносные призраки, зачем вы тревожите меня? Зачем поливаете магией? Фу, как мокро! Разве вы умеете плевать? Да уберите же свою лейку!

Я приоткрыла глаза и увидела знакомую физиономию, которая почему-то расплывалась и слабо светилась.

— А, Гвейн, — простонала я. — Я и не знала, что ты тоже привидение.

— Перестань глупить, — прорычал призрак. — Какое я тебе привидение?

— Ну... очень симпатичное, — смущенно призналась я.

— Не дожدهшься, — твердо ответил он. — Я пока еще не умер и не собираюсь. В отличие от тебя.

— А я умерла? — уточнила я.

— Нет, но кажется, делаешь для этого все возможное.

— Не-а, — я отрицательно помотала головой, которая почему-то дико болела. — Не делаю.

— Да? Тогда объясни, за каким дьяволом ты потащишься ночью в сад. Да еще с лопатой.

— Ни за что не угадаешь, — простионала я. — Очень хотелось есть, и я решила перекусить яблочком. Кстати, это ты треснул меня по темечку?

— Нет, не я, хотя очень об этом сожалею.

Тут только я окончательно пришла в себя и осознала происходящее. Во-первых, меня до костей пробрал холод, поскольку я все еще находилась в саду, а именно — полулежала на зябкой земле в одном легком халатике. Во-вторых, рядом находился не призрак, а вполне живой Гвейн — он-то и поддерживал мою спину, брызгая в лицо водой. В-третьих, вдруг стало очень стыдно.

— Можешь идти? — спросил парень.

Подняться бы сперва. Он помог мне это сделать и, поддерживая за локоть, отвел в замок. И как я не дрожала от холода, все же старалась идти помедленнее, потому что очень хотелось, чтобы в этот момент из окна своей комнаты выглянула нахалка и увидела нас с Гейном.

Но если кто подумает, будто он мне нравится, то будет глубоко неправ!

— Интересно, каждую ли ночь в замке так весело? — спросил Гвейн после того, как усадил меня на кровать.

— Сварт говорит, бывало веселее.

— И даже когда тебя здесь не было? Невероятно!

Он еще смеется, негодник! На меня, можно сказать, еженощно нападают, а ему смешно.

— Между прочим, меня стукнули по голове!

Я ощупала затылок. Нигде ничего не болело. Странно.

Хотя, почему странно. Отсутствие боли могло означать только одно — я подверглась магическому удару. Примерно, как вчера с яблочным градом. Больно, но синяков не оставляет.

— И поделом, — уже спокойнее произнес Гвейнард. — Вот скажи, зачем ты потащишься в сад?

— Ну, я же объясняла. Захотелось яблочка.

— А мне почему-то кажется, откапывать клад. Неужто повелась на стишки прозрачной фифы? Они так тебя взволновали?

— Ого, так она и к тебе приходила?

— Похоже, девица прогулялась по всем комнатам. Во всяком случае, к Ариенне заходила точно.

Я подозрительно прищурилась:

— А ты откуда знаешь? Уж не было ли тебя в этот момент рядом?

— Нет, — твердо ответил Гвейн. — Но ее визг разнесся по всему этажу.

Он слышал, как она визжала и не поспешил на помощь?

— Я в это время сидел в ванной, — пояснил он. — А ты чем занималась?

Страдала от голода, чем же еще, хотелось сказать. Но ответила совсем другое:

— Ты заметил, что в стихах появилось продолжение? Конечно, стишки так себе. Рифма «тьме-тебе» — это просто ужас, а не рифма. Интересно, какой доморощенный пиит сочинял сей опус? Жаль, нет способа разговорить призрак. Узнать, кем он был, почему рассказывает стишки...

Разговорить?!

Тут только до меня дошло. Призраки вообще не умеют разговаривать! Ну, то есть, те, о

которых я читала.

Значит, передо мной вовсе не матрица умершей девушки, а специально созданный морок вроде того же ушача. Но для чего? Чтобы донести до обитателей замка некое послание про клад в... под яблоней и (или) под черной крышкой? Или с другой целью? Например, послать всех в сад и там угрохать?

— Ничего не понимаю в призраках, — заявил Гвейн, когда я сказала о своих подозрениях. — Считаю, на них не стоит обращать внимания. И тем более вытворять по ночам всякие глупости. Обещай, что больше не пойдешь на раскопки.

— Обещаю, — вздохнула я.

— Тогда спокойной ночи.

Но заснула я еще не скоро. Потому что все еще очень хотелось есть, а на кухню я больше идти не рискнула.

Глава 14. Завтрак; кабинет, его поиски и уборка

Глава 14. Завтрак; кабинет, его поиски и уборка

Глава 14. Завтрак; кабинет, его поиски и уборка

«Ты на завтрак получай

Полукофе-получай»

Из стихотворных виршей Кайнана

Утром я спустилась к завтраку последней. Вся компания уже сидела за столом и обсуждала появление привидения. Как и предполагал Гвейн, прозрачная девица не оставила без внимания ни одного гостя.

Естественно, у всех накопилось много вопросов к Сварту.

— Почему вы нас сразу не предупредили? — возмущалась Аквинтия. — Так же можно умереть от разрыва сердца!

— Я думала, меня пришли грабить. Или убивать, — страдальческим голосом сообщала Ариенна.

Даже Танти укоризненно посмотрела на садовника. Лишь Крадиф оставался невозмутимым:

— А, по-моему, неплохой розыгрыш. Уверен, девицу сляпал любимый папаша, чтобы повеселить на сон грядущий непрошенных гостей.

— Вы совершенно правы, — ответил садовник. — Это всего лишь невинная шутка бывшего хозяина. Я очень прошу всех присутствующих не обращать внимания на призраки.

— Ничего себе не обращать внимания! — взвилась Аквинтия. — Когда к тебе посреди ночи врывается посторонний и загробным голосом начинает вещать... Кстати, кто-нибудь помнит, что она говорила?

— Тот самый идиотский стишок, — ответил Крадиф. — Про клад под яблоней. Там еще было какое-то продолжение про черную крышку. Не гроб ли имеется в виду?

Аквинтия закатила глаза и сделала вид, что собирается рухнуть в обморок. Но поскольку никто не спешил ее откачивать, резко передумала.

— И еще очень вас прошу, — продолжал Сварт, — не делать подкопы под яблоневые деревья. Это портит их корневую систему.

— А что, кто-то подкапывался? — заинтересовался Крадиф.

— Весь сад ночью перерыли, — пояснил садовник.

— Это не я, — поспешно заявила Ариенна. — У меня рука болит. Вот!

Она протянула руку и покрутила ею, демонстрируя красноту и опухоль. Крадиф отвернулся и сделал вид, будто его вот-вот вывернет наизнанку. Сварт осуждающе посмотрел на девицу. Ну, тут садовник прав. Всех мало того, что тошнит от яблок, так еще и созерцание больной конечности не способствует аппетиту.

— Не будем уточнять, кто уподобился ночному кроту, — сказал Гвейнард. — Пусть ему — или ей — будет стыдно.

— Не-е-т, постойте, — сказала Аквинтия. — Я все-таки требую объяснений. Что за девица бродит по ночам в замке? Почему не отзывается и не отвечает на поставленные вопросы?

Крадиф вытаращился на даму:

— Где это вы слышали, чтобы призраки беседовали с людьми?

— Нигде не слышала, — огрызнулась та. — Но уверена, эти пройдохи все понимают. Просто прикидываются идиотами. А ведут себя как? Невоспитанно и грубо! Заходить в комнату предварительно не постучавшись, да еще и через стену совершенно недопустимо! Долго это будет продолжаться, Сварт?

— Боюсь, миста Аквинтия, до того времени, пока вы не выберете свою долю наследства и не покинете замок, — сказал садовник.

— Мы уже выбрали, — сказала дама. — Вот это.

Она взяла руку дочери и подняла ее вверх. Все увидели на пальце зардевшейся Танти кольцо.

Еще вчера оно лежало в моем комодке. То самое колечко, делающее хозяйку привлекательной. То самое, которое я обещала носить не снимая. Пусть извинит меня Данни, но, если честно, рассталась я с ним с легким сердцем — девушке оно нужнее. Уговорить Сварта подсунуть его мамаше с дочкой не составило большого труда. Зато теперь у Танти появился шанс не только почувствовать себя привлекательной, но и выйти замуж.

Чтобы Танти не отказалась от «наследства», мы со Свартом сочинили вполне правдоподобное послание от лица миста Макер-тота (думаю, он бы нас простил), где описывались свойства сего магического украшения, как то: придание красоты, улучшение характера, избавление от кучи болезней (следовал подробный список хворей). А также привлечение всевозможных материальных благ. В общем, именно то, что было необходимо молодой, не очень красивой и очень затурканной девице на выданье. И попробовала бы мамаша отказаться!

Судя по тому, как благосклонно она поглядывала на скороспелого избранника дочери, та успела поведать родительнице о службе Крадифа в министерстве магии. Ну и что же, что характер у будущего зятя скверный? Зато каковы перспективы!

Даже не представляю, что случится с обеими дамами, когда они узнают правду.

Впрочем, я ведь и сама про Крадифа ничего толком не знаю. Только то, что рассказала Данни. А вдруг он и правда занимает неплохой пост? Ведь пробрался же он как-то в минмаг!

— Мы уедем уже сегодня, — сказала Аквинтия, все еще любуясь дочкиным колечком.

— Невозможно, — покачал головой Сварт. — Все наследники должны сделать выбор. Все до одного. И только после этого миста Мира как представительница э-э-э... наследницы вызовет поверенного. Он должным образом оформит наследство, а потом скатертью... э-э-э... пожалуйста, уезжайте...

— Ну что за формальности, честное слово! Оформим все после!

— Увы, по закону вы не имеете права покидать замок до оформления. Это будет считаться кражей чужого имущества. И миста Мира... как представительница имеет права затеять с вами тяжбу...

— Да понятно, понятно, — пробурчала Аквинтия и обратилась к Крадифу и Ариенне. — Можете вы двое ускориться, нет? Выберете побыстрее хоть что-нибудь! Невозможно жить в замке, где по ночам к тебе может завалиться неизвестно что!

— Что-нибудь? — спросил Крадиф, глядя на будущую тещу с выражением «ты, блин, одна такая умная, да?». — Почему это я должен выбирать ЧТО-НИБУДЬ? Я хочу совершенно определенную вещичку. И пока не получу, не уеду, будьте уверены. Пусть бы мне пришлось прожить тут полгода.

— Полгода нельзя, — вмешалась я. — Максимум месяц. Потом ты потеряешь право наследования.

— Сама придумала? — осведомился Крадиф.

— Нет, конечно. Была бы моя воля, сократила срок до трех дней. Но закон, увы, не на моей стороне.

— Можно узнать, что за вещь ты намереваешься получить? — спросила Ариенна у Крадифа.

— Нельзя, — нагло отозвался парень. — Тебе скажи, и ты захочешь.

Сварт вздохнул:

— А вы, миста Ариенна?

Нахалка закатила глаза:

— Даже не знаю... У меня очень болела рука, и я как-то не думала о выборе... Однако подумала о другом. В случае, когда наследники выбирают вещи на выбор, должен быть перечень этих вещей, так? Никто не в курсе, почему нам его не предоставили?

Сварт кивнул и заверил, что после завтрака предоставит. По крайней мере, постарается.

— Эй! — воскликнул Крадиф. — Что за список, почему не знаю? Может, я захочу другую безделушку! Как считаешь, дорогая, стоит ли нам подумать еще?

Дорогая, она же Танти, покраснела и неуверенно кивнула. Я смотрела на нее и просто диву давалась. Девчонка-то и правда стала прехорошенькой. Неужели это всего лишь действие кольца? Интересно, предупредил ли ее Сварт, чтобы носила украшение, не снимая?

По крайней мере, до свадьбы.

За завтраком, который хотелось назвать «пытка яблоками», я так ничего и не съела. Лучше схожу в ближайший Тумутук и куплю еды у кого-нибудь из местных жителей. Гвейна, оживленно болтающего с Ариенной, решила не тревожить. Спущусь с холма самостоятельно, прогуляюсь, благо, погода стояла прекрасная.

Однако спуск показался долгим и утомительным.

Нет, сначала радовало все — и свежий ветерок, и запах прелых трав, и прекрасные виды, открывающиеся с высоты. Но примерно на середине холма я почувствовала, что устаю. А к концу ругала себя последними словами — надо было оторвать Гвейна от нахалки силой и поехать в деревню вместе с ним.

И лишь когда в самом конце спуска передо мной появилась треугольная башня, я совершенно забыла об усталости.

При тщательном осмотре башни не осталось никаких сомнений — она источала магию, причем, до сих пор мне неизвестную. Что это было? Некий вид охранной магии, часть ауры хозяина или нечто третье?

Я подошла поближе и принялась рассматривать стены, обходя башню по кругу. Точнее — по треугольнику.

В легенде, которую рассказал Сварт, наверняка имелась доля правды. Однако строили башню явно не ангелы, а люди. Издали она и впрямь казалась творением нерукотворным, однако вблизи стали видны следы инструментов, которыми каменотесы обрабатывали камни. Столбы, молочно-белые на первый взгляд, имели вкрапления, к тому же не были монолитами, а состояли из отдельных блоков. Кому и зачем понадобилось морочить людям головы историями про небесных созданий, заточивших злой дух в этой башне? Наверное, тому, кто избрал ее своей обителью. Возможно, чтобы не нарушали покой.

Как я ни старалась, не смогла обнаружить ни двери, ни единого окошка. Видимо, проход был защищен магией невидимости.

Впрочем, кроме легенды неизвестный хозяин обеспечил защиту башни еще одним

способом. Его, если я ничего не путаю, использовали отступники еще до эры безмагии. Когда до башни оставалось шагов десять, меня начало крутить. Сперва я не поняла, в чем дело, решив, что от голода темнеет в глазах. Потом догадалась. Защитная магия самого низшего пошиба. Сначала крутит, потом мутит сознание, потом нагоняет страх. Теперь понятно, отчего Гвейн не хотел подъезжать к башне. Видимо, почувствовал защиту на расстоянии, хотя и не сознавал, что именно на него действует.

Конечно, на любую защиту существует антизащита, но у меня-то ее не было. Поэтому рисковать здоровьем я не стала и повернула обратно к дороге.

увидела, что с холма съезжает быстроходка. Ну, сейчас я покажу Гвейну, как бросать одинокую голодную девушку, лучшую подругу его работодателя. Но вовремя разглядела за рулем Ариенну. Девица, не замечая меня, пронеслась мимо. Ах, вот, значит как. То она ложку держать не в состоянии, то рулит машиной почему зря.

На миг я было обрадовалась — показалось, что быстроходка повернула в сторону города. Увы, ошиблась. Машина ехала напрямик в Тукумук. Видимо, нахалке тоже опротивела яблочная диета.

Тукумук, как и вчера, выглядел безлюдным. Стукнувшись в пару дворов и не получив ответа, я было совершенно отчаялась. Однако в третьем доме дверь открылась, и приятная женщина средних лет вынесла кружку молока и кусок хлеба.

Я проглотила их почти мгновенно. Женщина вытаращила глаза и принесла вторую порцию.

— Это божественно, — простонала я, дожевывая последний кусочек. — Вкуснее пирожных и пончиков. Признайтесь, вы наместница Святого Улии в Тукумуке?

Хозяйка крикнула и осторожно поинтересовалась, не нужно ли мне что-нибудь из одежды или обуви. Только тут я догадалась вытащить кошелек и расплатиться за еду.

— Если вы дадите мне с собой еще пару кусочков хлеба... — начала я, но женщина ответила, что в таком случае сама останется без провизии, и посоветовала купить еду в «Трех ослах».

В конце концов, может, сегодня у них есть яйца, подумала я и направила свои стопы к трактиру.

Но хозяин огорчил меня, заявив, что недавно, буквально полчаса назад, продал все яйца вчерашнему мисту, тому самому яйцежору. И снова попытался накормить меня овощным рагу. Я подозревала: мне будет подано то, что мы не доели вчера, и отказалась. Эх, встретился бы мне этот яйцежор, я бы точно отбила у него несколько штук.

Кстати, а почему бы не попробовать перекупить?

— Скажите, — обратилась я к хозяину «Трех ослов», — тот самый мист, что купил яйца, он ведь не местный?

— Нет, — уверенно ответил трактирщик. — Местные сюда, как я уже говорил, заходят лишь вечером. Утром только чужаки. Кто проездом останавливается или работу ищет. Стало быть, и тот, про кого вы спрашиваете, тоже не здешний.

— А он проездом или ищет работу?

Трактирщик задумался. Потом сказал:

— Вот если честно — не знаю. Был бы проездом, так не приходил бы два завтрака подряд. Коли приходит, значит, живет на постоянном дворе, верно? На искателя работы не похож. Одет прилично, выглядит тоже солидно. Тут для него и не найдется ничего. У нас работа тяжелая, тюки там с сеном ворочать, со скотиной опять же...

— Может, встречается с кем-нибудь? С друзьями, женщинами?

— Да нет, не видал ничего такого. Какие тут женщины? Да и друзья у него, поди, все сплошь городские да знатные. Не, не встречается. Придет, поест, уходит.

— Почему знатные?

— Ну... не знаю. Подумалось почему-то. Одежда на нем явно не самотканая. Да и ботинки — не наши сапоги. Дорогие, не для загородной грязи.

Хм. Что такому типу делать в захолустном постоялом дворе?

Разве что встречаться тайком ото всех с любимой девушкой.

С Ариенной.

— А ничего такого особенного вы в нем не замечали? — без надежды на положительный ответ спросила я.

— Как же, как же. Он, когда ждет заказ, вот так ухо себе дергает.

Ухо. Дергает.

Отлично. Теперь я почти уверена — сюда за каким-то демоном заявился мой начальник.

Но неужели Банкин встречается с Ариенной?!

Подъем оказался гораздо тяжелее, чем спуск. Когда я дошла до ворот замка и без сил опустилась на траву, поняла, что не смогу сделать больше ни одного шага.

Но буквально тут же оказалось — смогу. Ко мне подошел Сварт и сообщил: список вещей для наследников находится предположительно в кабинете хозяина, потому что в других местах искали и ничего не нашли. Ключи от кабинета есть только у меня. И чем быстрее отыщется список, тем скорее отсюда уберется сами понимаете кто.

— Где кабинет? — спросила я, вскакивая на ноги и обретая второе дыхание. — В какой башне?

Сварт помолчал и скорбно ответил, что не знает.

— То есть как — не знаете? — опешила я.

— Так ведь кабинет не стоит на одном месте. Разве я не говорил? Он все время перемещается. Из одной башни в другую. А иногда, — садовник перешел на шепот, — его и вовсе нигде нет.

Ясно. Блуждающая комната.

Маги создавали их, чтобы прятаться от недругов, в том числе от безмагов. Говорят, подобная комната есть и в нашем музее, где, по слухам, все еще обитает то ли маг, то ли его дух. Правда, комнату эту никто никогда не видел, так же, как и духа с магом.

Вздыхнув, я пошла разыскивать кабинет. В каждой башне имелась высоченная винтовая лестница, и попасть в святая святых можно было только забравшись на самый верх.

В первой башне меня постигла неудача. Там, где я ожидала увидеть дверь, оказалась глухая каменная стена.

Спустившись вниз, я уже еле передвигала ноги. В каминном зале сидели в мягких креслах Гвейн и Ариенна. Кажется, мое появление прервало их милую беседу.

Но мне было не до них. Я плюхнулась на диванчик и объявила, что не двинусь с места, пока не отдохну.

— От чего это она устала? — громко спросила нахалка своего кавалера. — Наверное, занималась гимнастикой. Давно пора.

— Не твое дело, — огрызнулась я.

— Помощь нужна? — осведомился Гвейнард.

— Обойдусь.

Я поднялась, гордо вскинула голову и заковыляла ко второй башне.

— Надо же, все-таки встала, — полетело мне в спину.

Ну почему хозяин не придумал какого-нибудь подъемника? Может, специально, чтобы никто не добрался до кабинета? Желал умотать до смерти отыскивающих его безмагов, то поднимающихся, то спускающихся вниз?

Естественно, во второй башне кабинета тоже не отказалось.

После третьей попытки я без сил опустилась на верхнюю ступеньку и прислонилась головой к железным перилам. Холодный металл остужал лоб и смирял гнев, готовый вот-вот вырваться и разнести глухую стену голыми руками.

Что-то подсказывало: здесь не обошлось без магии, и пока я взбираюсь на одну башню, кабинет уматывает в другую. Определенно, чтобы добраться до заветной комнаты, надо знать какой-то секрет.

Но какой?

Так, хорошо. Что у меня есть? Во-первых, ключи.

А вдруг здесь есть замочная скважина, просто я ее не вижу? Я вытащила связку, поднялась и повернулась к стене. Нашла ключ с надписью «кабинет» и принялась высматривать отверстие, похожее на скважину. Ничего похожего. Я бесцельно поскребла ключом по камням. Может, дверь отзовется? Увы. Отозвалась лишь какая-то летучая тварь, живущая под самой крышей. Она мерзко заверещала и сбросила мне под ноги кучку балласта.

Видимо, от усталости у меня совершенно отключились мозги. Потому что я далеко не сразу догадалась активизировать маго-взор. Посмотреть, есть ли за стеной кабинет — что могло быть логичнее?

В обычном состоянии я бы только глазом моргнула, но для уставшего организма это оказалось последней каплей. Глаза будто подернуло пленкой, и перед тем, как потерять сознание, я успела увидеть светящуюся в стене дверь.

— Вы только посмотрите на это чудо, — донесся голос, звучащий, как мне показалось, где-то очень далеко. — Она опять во что-то вляпалась.

Мне тоже захотелось посмотреть на чудо, и я с трудом разлепила глаза. Надо мной склонились Гвейн и Сварт.

— Где? — прохрипела я.

— Что — где? — спросил Гвейн.

— Где чудо?

— Только что очнулось, — пояснил парень.

Похлопав глазами, я обнаружила: лежу там же, где и упала — возле каменной стены.

Ой, нет, не стены. Дверь, которую я успела заметить в процессе падения, никуда не исчезла. Вот это да! Я тут же поспешила подняться, но пошатнулась и снова чуть не упала, потому что все еще была очень слаба.

Гвейн крепко ухватил меня за локоть:

— Послушай, Мира, прекращай свои эксперименты. Не знаю, что ты учудила на этот раз, но я боюсь, что однажды могу не успеть.

— Опасаешься лишиться работы? — ехидно заметила я, отряхивая платье.

— Миста Мира, — подал голос Сварт, — вам действительно нужно вести себя

осмотрительно. Я ведь уже предупреждал, замок полон всяких ловушек.

— Он полон яблок. Не беспокойтесь, у меня просто случился голодный обморок.

— Но почему вы не позвали с собой миста Гвейнарда? — пропустив мимо ушей последнее замечание, спросил садовник.

— Он был очень занят, — пожала я плечами. — Они с Ариенной сидели внизу и потешались надо мной. Не правда ли, это важнее, чем помочь в поисках комнаты?

— Пойдем вниз, — процедил Гвейнард сквозь зубы и потянул меня за локоть.

— Ни за что, — сказала я, вырываясь. — Предлагаешь потом снова искать эту треклятую комнату? Я спущусь не раньше, чем найду список, чтобы кое-кто смылся отсюда как можно скорее.

Связка ключей валялась возле двери. Я подняла ее, вставила ключ в замочную скважину и повернула.

Внутри оказалось темно. Ни факела, ни магического светильника я, конечно, не захватила. Неужели и правда придется снова топтать вниз, а потом вверх?

От отчаяния у меня потекли слезы.

— Я сейчас, — сказал Гвейн и поскакал вниз через три ступеньки.

Вернулся он довольно скоро и протянул факел:

— Не думай, что я одобряю твои действия, но в одном ты права: чем быстрее мы с этим покончим, тем всем нам будет лучше.

Я взяла факел и шагнула в кабинет.

Внутри, насколько можно было разглядеть при неровном свете, царил беспорядок. На полу валялись какие-то бумаги и свитки, а также черепки разбитой посуды. Посреди комнаты лежало перевернутое кресло. На столе, сваленные как попало, горкой возвышались книги.

В дальней стене обнаружилось окно, закрытое ставнями. Я осторожно, стараясь не наступать на бумаги и черепки, подошла к окну и раздвинула тяжелые створки ставень.

Из окна открывался великолепный вид. Бесконечная даль, сливающаяся с горизонтом, деревеньки с крохотными домиками. Озеро теперь не выглядывало сквозь деревья, а сияло целиком — большое, гладкое, с вытянутым островком посередине. На островке тоже были какие-то домишки.

— Мира! Долго будешь любоваться? Заканчивай здесь и пошли!

Легко сказать — заканчивай. Да ведь я еще и не начинала.

Повернувшись на голос, я невольно вздрогнула. При свете дня разгром в кабинете выглядел поистине ужасающим. Какой варвар сотворил такое? Неужели сам хозяин?

Гвейн и Сварт стояли на пороге и выжидающе смотрели на меня.

— Я не могу уйти вот так, сразу, — с вызовом сказала я. — Надо убраться.

— Убраться, но не здесь, а отсюда, — буркнул Гвейн.

— Если вы поможете, дело пойдет быстрее!

Я ждала, что мужчины тут же бросятся разбирать мусор, но они почему-то не двигались с места. Наконец молчание нарушил Сварт:

— Видите ли, миста Мира. Мы не можем сюда войти.

Вот еще новости! Ну, хорошо, допустим, садовник боится всяких магических штучек, хотя живя столько лет бок о бок с Магистром, мог бы и привыкнуть. Но Гвейн! Он-то чего застыл?

— Вам не стыдно? — спросила я. — Неужели бросите бедную девушку в одиночестве

разгрести весь этот бардак?

— Мира, ты что, не поняла? — Гвейн, похоже, начал злиться. — Мы не в состоянии переступить порог. Нас что-то не пускает!

Никогда не слышала более глупой отговорки. Ну, ладно, не хотят и не надо. Управлюсь одна.

Мужчины потоптались еще немного и удалились.

Я потушила факел, воткнула его в скобу на стене и принялась за работу.

Не знаю, кто здесь так насвинячил, но более неубранной комнаты я еще не видела. Иногда в нашем музее устраивали массовую уборку, сгоняя сотрудников на чердак и в неисследованные помещения. Посторонних старались к этому делу не привлекать — мало ли какие артефакты валяются под толстым-толстым слоем пыли и грязи, мало ли какие привидения обитают на месте смерти их хозяев. Но, честно слово, даже там я не встречала такого количества мусора.

Нет, это не был мусор в полном смысле слова. Скорее, последствия погрома. Я пожелала незнакомому вандалу, чтобы об его голову разбили красивую вазу, примерно такую же, черепки которой валялись на полу. Старинная, явно добезмаговой работы ваза была не просто разбита — на черепках потоптались, раскрошив некоторые в пыль. Безумно жалко. Я умела склеивать разбитые изделия, и если бы осколки были большие, могла бы заняться на досуге.

Шорох, заставивший меня прерваться, доносился со стороны лестницы. Я подошла к двери, уверенная, что это поднимается либо Гвейн, либо Сварт, а то и оба вместе.

Странно. Никого не было.

— Эй! — крикнула я, высматривая в полумраке знакомые силуэты.

Ответа не последовало.

Наверно, показалось, решила я и вернулась было к работе, но шорох повторился.

Крыс мне только не хватало. По спине пробежал неприятный холодок.

Не решаясь переступить порог, я уже тише крикнула:

— Эй! Есть кто?

И чуть не заорала от ужаса, когда услышала тихие осторожные шаги.

Кто-то поднимался по лестнице. Он не был ни Гвейном, ни Свартом. У Гвейна шаги были тяжелые, уверенные. У Сварта — спокойные, твердые. Но не крадущиеся же! Хотя, изменить походку, чтобы застать меня врасплох, может и Гвейн.

Я вспомнила предостережения садовника, и мне поплохело еще больше. Что я знаю о кабинете? О башне? О замке вообще? Уверена, даже Макер-тот не подозревал обо всех тайнах и ловушках, расставленных здесь его предками.

Тут же предательски задрожали колени. А вдруг это привидение? Или тот же ушач? Их вполне может притянуть колдовская аура кабинета или остаточная магия от бывшего хозяина. Хотя, нет, они ведь передвигаются практически бесшумно. Однако гримзики могут создавать звуковые эффекты. Но они не станут подкрадываться или пугать. Нападение на противника или агрессивная защита — вот их основные функции.

Поднимающийся тем временем замер, а потом стал так же тихо спускаться. Мной снова овладела слабость. Пришлось поднять с пола кресло, посидеть с четверть часа, прийти в себя и только затем начать уборку.

Через некоторое время комната обрела более-менее приличный вид. Мусор и черепки сложены в найденные здесь же мешки; бумажные обрывки стопочкой возвышались на столе

с целью дальнейшего склеивания и изучения; книги поставлены на полки. Ни веника, ни тряпок я не обнаружила, поэтому пыль и мелкий мусор придется убрать чуть позже. А пока я сделала все, что на данный момент в моих силах.

Снова затопали по лестнице, уже не крадучись, а твердо и уверенно, и вскоре в дверях возник Гвейnard с подносом:

— Не желает ли подкрепиться миста привратница?

Я вздрогнула:

— Почему ты меня так назвал?

— Как? — не понял он.

— Привратницей.

— Ну... просто назвал, и все. Ты очень ловко справилась с дверью. Разве это оскорбление?

Он не знает, кто такие Привратники? Что ж, тем лучше. Я решила не акцентировать этот момент и сменила тему:

— А что ты мне принес? Десять яблок на обед вместо супа и котлет?

— На этот раз яблочная запеканка, — гордо заявил Гвейн. — Отбил самый большой кусок!

Ура! Я, если честно, была безмерно благодарна Гвейnardу. Еще бы! Ведь он не побоялся вступить в схватку с голодными наследничками. И решила проявить великодушие:

— Ладно, давай свою запеканку. Да не стой в дверях, я подаю только по утрам. Заходи.

— Но я правда не могу, Мира! Сам не понимаю, почему. Будто передо мной невидимая стена. Хотя, нет. Стена жесткая, а это... упругое. Вот смотри, я шагаю, а оно отбрасывает назад.

В доказательство он сделал шаг в мою сторону, покачнулся, чуть не потерял равновесие и вынужден был отступить.

Пришлось подойти и взять из его рук поднос. Несмотря на развившееся за пару дней отвращение к яблокам, запеканка показалась мне аппетитной — румяная корочка и небольшой слой теста очень обрадовали изголодавшуюся меня.

Я отнесла поднос с запеканкой к столу, вернулась и несколько раз вышла и вошла. Никакого сопротивления.

— Наверное, оно пропускает только женщин, — не без ехидства предположил Гвейн.

— А как же хозяин?

— Хозяина и женщин, — поправился он.

Ладно, примем это за гипотезу. Хотя мне казалось, тут что-то другое. Например, кабинет признал хозяйкой меня, являющуюся официальной представительницей Данни.

— Спасибо за обед, — искренне поблагодарила я.

— Не за что. Кстати, а где ты пропадала после завтрака? Я тебя искал.

— Гуляла, — огрызнулась я. — Ходила проветриться в Тукумук.

— И как ветерок? Попутный?

— Более чем. Кстати, мимо меня промчалась твоя ненаглядная Ариенна.

— Вовсе она не моя, — Гвейн почему-то обиделся.

— Ну да, ну да. Тоже, наверное, искала альтернативу яблокам.

— Как и ты?

— Естественно. Хотела закупиться в «Трех ослах», но вчерашний яйцежор снова все подмел.

— Бедолага. Нет, не ты, а он. Столько яиц слопать. Значит, тоже голодает.

Голодает?

Тут меня поразила странная мысль.

Ариенна ездила утром вниз. И я готова была поклясться — на встречу с моим начальником. Но почему я решила, что их свидания носят любовный характер? Скорее уж деловой, поскольку адюльтер возможен и в городе. Нет, Банкин как пить дать что-то вынюхивает, а нахалка ему помогает. Или эта парочка задумала какую-то авантюру...

— Ладно, давай обедай, — сказал Гвейн, видя, что я вдруг застыла столбом. — Не буду тебе мешать.

— Постой минуточку, — я вспомнила про тихие шаги на лестнице, напугавшие меня до полуобморока. — Гвейн, скажи, а ты не поднимался сюда... чуть ранее?

Он посмотрел на меня изумленно:

— Поднимался, конечно. Ты что, забыла, кто вернул тебя к жизни?

— Нет, я не о том... Ты не поднимался в промежутке между возвращением меня к жизни и притаскиванием подноса?

— Чего?

Он уставился на меня как на ненормальную.

— Мира, ты считаешь, по этой лестнице так приятно забираться, что я только этим и занимаюсь?

— Нет, так нет. Я просто спросила.

— А почему ты спросила?

— Захотела и спросила. Ну, все, вот тебе заслуженный приз, выкинь его где-нибудь на заднем дворе.

Я всучила Гвейну мешок с мусором, затем с удовольствием умяла запеканку и принялась за десерт — разбор и сортировку книг и рукописей.

Как я любила возиться с магическими книгами! Блинчиками не корми, дай вместо них с десяток старинных манускриптов. Впрочем, книги вкупе с блинчиками я любила больше

После сортировки выяснилось следующее. Часть книг была авторства незнакомых мне магов, знахарей и летописцев и содержала неизвестные заклинания, заговоры и рецепты. Покойный хозяин, судя по измочаленным страницам и пометкам на полях, работал с ними довольно плотно. Еще несколько книг написаны на древнем языке — их я сразу убрала на полки книжного шкафа, решив, что для меня они никакого интереса не представляют. Возможно, если разрешит Данни, отберу кое-что для музея. Еще тут были рукописи, кои являлись дневниковыми записями — то ли самого хозяина, то ли его предшественников, то ли и того и других.

Глава 15. Рукописи и Яблоко Света

Глава 15. Рукописи и Яблоко Света

«Совершенно недопустимо раннее приобщение к магии; она лишь конечное завершение глубокой всесторонней любви к самому процессу колдовства, лишь осознание своей магической миссии и желания приносить пользу Данетии именно на магическом поприще»

(Из «Кодекса истинного мага»)

Я уселась за стол. Начать изучение хозяйского наследия решила с рукописей.

Передо мной разворачивалась жизнь Макер-тота, начиная с пятнадцатилетнего возраста.

Его отцом двенадцать-пятнадцать был прежний хозяин замка, Вигрен-тот, маг-экспериментатор. Неудивительно, что юный Макер решил пойти по его стопам. Отец посвящал юношу в тайнства магии, учил заклинаниям и владением артефактами. В дневнике упоминались неизвестные мне маго-штучки, такие как обруч невидимости, пояс силы, жезл огня и кружка-неопустошайка.

Кто лучший жизни регулятор? Маг-экспериментатор!

Макер следовал этому принципу неуклонно. Зная, как плохо отражается на организме неумеренное употребление могуллия, он решил отыскать способ воздействия волшебного порошка, при котором пагубное его воздействие будет минимизировано. В дневнике описывались опыты, проводимые юношей над крысами. Он кормил несчастных животных порошком, смешанным с различными продуктами. В ход шли колбасы, сыры, хлеб, молоко, яйца — в общем, все съестное, что могло найтись в замке. Увы, крысы гибли через месяц-другой.

Тот день, когда волшебный продукт был найден, Макер запомнил на всю оставшуюся жизнь. Если бы он потщательнее изучал наследие Великих Подпор, то, возможно, догадался бы раньше. Яблоки! Про них не раз упоминала Инея, да и яблоковчежец, в котором хранилась некая драгоценная реликвия, был, оказывается, сделан в форме этого замечательного плода. Крысы, откушавшие порошок, обильно посыпанный на яблочные дольки, не только не погибли, но и окрепли, как телесно, так и духовно. Это открытие Макер сделал, когда однажды утром обнаружил, что клетка, где содержались подопытные животинки, оказалась разодрана буквально в клочья, и это несмотря на мощное охранное заклинание. Более того, с тех пор крыс никто не видел, но зато из подвала время от времени доносился странный скрежет. Источник звуков, впрочем, никому обнаружить не удалось. Крысословки и ловушки, расставленные по всему замку, через некоторое время постигала участь клетки. Отраву животинки, похоже, сжирали без ущерба для себя, потому что последняя исчезала, а скрежет — нет. Иногда крысы появлялись в кухне, но при виде человека мгновенно пропадали вместе со значительным запасом продуктов.

Следующее упоминание о жертвах эксперимента шло лишь через два года. Макер писал, что скрежет наконец прекратился, и Вигрен разрешил юноше продолжить занятия магией. Хм, суров же был папенька последнего хозяина! Не представляю, что должен испытывать мальчишка, находясь рядом с сокровищницей артефактов и не имея возможности к ней

прикоснуться в течение двух лет!

Дальше шли описания занятий. Заклинания, тренировки, снова и снова. Я сделала несколько закладок, чтобы позднее к ним вернуться и изучить более детально. Юноша писал так доступно, что очень захотелось попробовать самой. Конечно, в моем распоряжении не было мудрого наставника, но это я сочла несущественной мелочью.

В конце концов, когда умер Вигрен, Макеру было всего двадцать лет — меньше, чем мне сейчас, но он же в отсутствии учителя не прекратил занятий. Впрочем, старый маг приходил к юноше в виде привидения еще с полгода и продолжал наставлять на путь истинный. Увы, призрак не вечен, и в одну прекрасную (или, вернее, несчастную) ночь растаял окончательно и бесповоротно. Молодой человек сожалел, что отец не внял его уговорам и не стал употреблять яблочно-могуллиевую смесь, могущую не только продлить жизнь, но и восстановить подорванное экспериментами здоровье. Но ушедшего не воротишь, и на плечи юноши легли замок, его управление, руководство персоналом и еще множество забот, о которых он и понятия не имел.

Макер, надо отдать должное Вигрену, стал единственным наследником мага. Нет, конечно, время от времени появлялись лже-наследники, предъявлявшие права на замок и все имущество покойного. Однако юноше удавалось выводить их на чистую воду. Почти все они оказались безмагами, мечтавшими сравнять с землей оплот нечисти.

Официальное же правительство не трогало ни замок, ни его хозяина. На то были причины, о которых молодой наследник узнал далеко не сразу.

Когда к нему прибыл посланник из столицы и потребовал внести ежегодный налог, Макер, естественно поинтересовался — сколько. Папочка был не беден, и любую сумму наследник мог внести в казну без особого труда. Посланник нервно похихикал над наивностью новоиспеченного владельца, но пояснил, мол, налог надлежит вносить не деньгами, а особым веществом.

Тут только до Макера дошло, отчего замок до сих пор не снесли и вообще обходили стороной, будто тот не существовал вовсе. Естественно, какое бы антимагическое правительство не стояло во главе государства, оно не могло отказаться от использования волшебного порошка — разумеется, нелегально и тайно, поддерживая безмаговый режим всеми возможными средствами. Почему почивший в бозе папенька не открыл сыну столь важный аспект своей деятельности, оставалось только гадать. Что Макер, собственно, и сделал. Погадал на магическом оракуле, вопрошая: где может храниться могуллий, кроме собственно, кабинета — там была всего лишь небольшая коробочка, а негласный договор предписывал сдавать ежегодно раз в десять больше.

Оракул, естественно, помог, и молодой человек обнаружил: он буквально сидит на источнике магии. Тут я стала читать внимательнее, надеясь, что мне вот-вот откроется тайна нахождения источника. Увы, эту тайну Макер благоразумно решил не доверять дневнику.

Единственное, что в связи с этим упоминалось, — некое Яблоко Света, единственный действительно ценный артефакт во всем замке. Макер описывал его, захлебываясь от восторга, возносил гениальных создателей и магов, которым удалось сохранить в темные века безмагии подобное чудо. Что представляет из себя данное чудо, опять же не пояснялось.

Тут я прервала чтение и задумалась. Совсем недавно где-то прозвучало это самое Яблоко Света. Но где? Может, его упоминал Сварт? Когда рассказывал легенду, например. Ни с кем другим, жившим в замке, я не разговаривала.

Тут я вспомнила. Ну конечно! Одна из книг, принесенных противным Ербиным. Она так и называлась «Яблоко Света — легенда или миф?» Ну, или примерно так.

Ничего себе! Выходит, мой лже-женишок не совсем безнадежен, если принес столь ценный труд в музей. Эх, как бы я хотела прочитать сейчас этот опус. Не факт, что в нем содержатся сведения, имеющие отношение к сути загадочного артефакта, но исключать такую возможность не стоило.

Что ж, придется разыскать книгу.

Напевая детскую песенку «Была у мага палочка», я закрыла кабинет и поскакала вниз.

В зале, как и ожидалось, сидела нахалка в обществе Гвейнарда и Крадифа.

— Да она совсем как молоденькая резвая козочка! — ехидно заметила Ариенна.

Только вид забинтованной кисти остудил мое желание заехать ей копытом в лоб.

Поэтому я ограничилась заявлением, мол, сейчас мне некогда, а потом, когда буду посвободнее, посмотрим, кто из нас коза.

— Список нашла? — осведомился Крадиф.

Список! Я совсем про него забыла! Но не признаваться же в собственной растяпистости. Поэтому бодро ответила:

— Пока только половину!

— Это как? — изумился парень.

— А вот так! Все бумаги в кабинете кто-то порвал. На много-много мелких клочков. Поэтому придется приложить массу усилий, чтобы восстановить документы. Искать, склеивать. Так что извините, я тороплюсь. Мне необходимо взять одну вещь для продолжения работы.

На самом деле, я подозревала: упомянутый список был передан мной Гвейнарду в мешке от мусора в виде бумажных обрывков, отнесен на задний двор и, скорее всего, восстановлению не подлежал.

Лампа стояла все там же — на комодке. Я бы с удовольствием захватила ее с собой наверх и продолжила изучение дневников, однако вызов надо сделать незамедлительно.

Но, едва я принялась набирать код музея, в дверь постучали, и в комнату просунулся Гвейн:

— Помнишь, я дал кратонку твоей соседке?

— Когда напропалую с ней кокетничал? — проворчала я.

Он кивнул:

— Именно, когда кокетничал. Но ты не волнуйся, у меня с ней ничего серьезного.

— Правда? Неужели вся эта авантюра — я имею в виду поступление к Данни на работу и знакомство со мной — затеяна не для того, чтобы закрутить со старушкой роман?

— Была такая мысль, — ухмыльнулся он.

— Кстати, я давно хотела спросить. Откуда у тебя, простого помощника владелицы магазина, личная картонка? Может, ты и правда служишь в...

Я покрутила пальцем, указывая вверх.

— Не исключено, — он снова ухмыльнулся. — Вообще-то там написано «Мист Гвейнард, ст. пом.», что означает старший помощник. Заметь, не простой, как ты предположила, а старший. А если кто-то и принял ст. пом. за статского помещика или стильного поморника, то я-то здесь причем?

— Что ты сказал? — я обалдело уставилась на него. — Что еще за статский помещик?

Он пожал плечами:

— Сам не знаю. Вырвалось случайно. Придумал, наверное.

Это «вырвалось случайно» меня озадачило. Все-таки странный он.

— Но мы отвлеклись. Твоя милая бабушка...

— Не моя и не милая, — процедила я.

— Хорошо. Чужая противная бабушка вызвала меня сегодня и сообщила о странных звуках в твоей квартире.

— Каких еще звуках? — нахмурилась я. — Может, они ей приснились?

— Не думаю. Говорит, сначала кто-то то ли квакал, то ли хрюкал.

Сторожа заело, чтоб его! Но почему квакал или хрюкал? Обычно на чужих он кукует. Впрочем, возможно, у старушки нелады со слухом.

— Потом принялись двигать мебель.

Двигать мебель?! А это что еще за демон?

— Мне кажется, ты придаешь ее бредням слишком большое значение, — сказала я.

— Ничуть. Напротив, мне кажется, не мешало бы съездить и посмотреть, все ли там в порядке.

— И оставить замок на разграбление оголтелым наследникам? Позволить им заниматься членовредительством, хватая опасные для жизни артефакты? Шататься по ночам в саду, разрушая нежную корневую систему яблонь? Кто потом будет отвечать перед Данни?

— Я отвечу, — серьезно сказал он. — Давай сделаем так. Ты поедешь одна, а я посторожу оголтелых. Договорились?

Потакать сумасшедшей бабке не хотелось, но, несмотря на скептическое отношение, я встревожилась. Красть в квартире было решительно нечего, а если кто-то утащит рояль, я еще и спасибо скажу. Однако мысль, что могут пострадать вещи, принадлежащие маме и папе, неприятно царапала.

— Хорошо, — наконец сдалась я. — Сейчас сделаю вызов, и договоримся.

Гвейnard удовлетворенно кивнул и вышел, а я присела к лампе и принялась вызывать начальника.

— Радуйтесь, — ответил сонный голос. — Кто это?

— Желаю радоваться, — сказала я. — Это Мирохарда. Позовите Банкин-тонса!

Хоть я и была уверена, что мой начальник находится в Тукумуке, лишний раз проверить не помешает.

— Банкин-тонса нет, — отозвались чуть удивленно.

Я возликовала. Что и требовалось!

— А вы тогда кто?

— Это Истан-тонс. Временно замещаю миста Банкин-тонса, который удалился по срочному делу.

— А какому именно делу, не сказал?

— Нет, не сказал. Записку оставил, что уезжает, и все.

Видать, сильно припекло. На носу открытие музея, а он удалился. Интересно, что за уважительная причина привела его в Тукумук? Неужели и впрямь чтобы встретиться с нахалкой? Им что, не хватило места в Ойлине? Странно все это.

Ладно, Банкин подождет. Пока надо выяснить другой вопрос.

— Мист Истан-тонс! Мне необходима ваша помощь. В тот день, когда я уехала,

приходил Ербин-тонс, вы должны его помнить. Он принес несколько книг. Книги остались в архиве. Мне срочно нужна одна из них.

— Мирохарда! — воскликнул Истан. — Это вы?

Проснулся, слава Святому!

— Да, да. Так что насчет книг?

— Почему вы до сих пор не вернулись? — голос Истана стал недовольным. — Работы полон архив, все загружены по самую крышу, а вы где-то прохлаждаетесь! Немедленно возвращайтесь!

— Вернусь. Но не раньше, чем отгуляю положенный отпуск. Между прочим, я тут работаю. Собственно, поэтому и звоню. Эта книга...

— Да нету там никаких книг, — сердито сказал Истан. — Вечером, уже довольно поздно, явился ваш женишок, закатил скандал, потому что мы, видите ли, прячем от него невесту, забрал книги и ушел.

— Как ушел? Куда? И потом, он мне не жених!

— Вам лучше знать, — огрызнулся он.

— А не могли бы вы найти его? Или хотя бы книги, которые он унес? В одной из них может содержаться весьма ценная информация. Меня интересует все о Яблоке Света.

Я постаралась говорить очень, очень убедительно. Истан задумался, потом сказал:

— Давайте не сегодня.

И прервал связь.

Неужели придется и в самом деле ехать в город, искать Ербина и просить у него книгу про Яблоко Света? Ах, да, еще и разобраться с сумасшедшей соседкой.

Давай не сегодня, сказала я сама себе и спустилась к ужину.

Глава 16. Ужин, которого не было

Глава 16. Ужин, которого не было

— Когда едем? — Гвейн поднялся мне навстречу, стряхивая с руки нахалку.

— Пока не знаю, — ответила я. — Ты же помнишь, я не могу отлучаться из замка до улаживания всех дел с наследством.

— И что же делать?

— Думаю попросить Данни оказать мне небольшую услугу. У нее есть ключи от квартиры. Может же она в благодарность за мою слежку за ее родней проверить показания сумасшедшей бабули, правда?

— И давно у нее твои ключи? — нахмурился парень.

— Всегда, — пожалала я плечами. — Она ведь с нами жила, ты забыл? Замки я не меняла, ключи у Данни не отбирала, так что...

— Но почему не отобрала?! — Гвейнард почти кричал. — Кто угодно мог взять их на время и сделать дубликат!

— Что такое дубликат? — промурлыкала Ариенна, вновь вцепляясь в Гвейна.

— Копия ключей, что же еще, — Гвейн перевел взгляд на нахалку и слегка смягчился. — Делается ворами и грабителями с целью незаконного проникновения в дом, офис или иное помещение.

— У него такое часто бывает? — спросил меня Крадиф, нацеливая указательный палец на Гвейна.

— Показывать пальцем нехорошо, — Ариенна манерно искривила губки. — И очень вредно. Если кто-то вздумает на тебя донести...

— Но я же не собирался палить в него молниями! — отозвался Крадиф, меняясь в лице. — Не надо на меня доносить. Пожалуйста.

В один миг он из развязного самоуверенного типа сделался жалким и умоляющим, чем вызвал удивление не только у меня.

— Никто не собирается на тебя стучать, — как можно мягче сказала я. — Ариенна шутит. А если не шутит и тебя загребут, то мы, по крайней мере будем знать, кто именно настучал.

— Может, я могу что-то для тебя сделать? — парень с надеждой смотрел на Ариенну. — Ты только скажи. Не надо доносить, а?

— Ничего мне от тебя не нужно, — ледяным голосом сказала нахалка. — Прекрати истерику. Немедленно.

Тут я еще раз удивилась. Голос у девицы оказался не только жесткий, но и властный. Очевидно, она прикидывается капризной куколкой, пытаясь убедить всех в своей наивности. Ну-ну. Что же тебе нужно на самом деле, детка?

— Я совершенно ничего не понимаю, — Гвейн удрученно качал головой. — Что такого я сказал? И почему нельзя показывать пальцем?

— Гвейни, душка, — Ариенна погладила парня по руке. — Это же очевидно. Копию ключей сделать можно, вот только открыть ими ты не сможешь ни-че-го!

— Это еще почему?

— Да потому что каждый комплект настраивается на одного конкретного человека, —

сказал Крадиф. — Ты этого не знал?

— Не знал... — Гвейн пожал плечами. — Но тогда... Тогда выходит, что комплект ключей от комнат замка, который есть у Миры, настроен на нее? Так?

— Так, — кивнула я. — Данни об этом позаботилась. Иначе как бы я смогла открывать все двери? Второй комплект есть у Сварта. Он настроен на садовника и его жену.

— А почему, собственно, он не знает о настройке ключей? — подозрительно спросил Крадиф.

— Он не данетянин, — поспешно сказала я. — Ты ведь из Ухтындии, Гвейн?

— Почти, — буркнул он. — Я действительно много чего не знаю, извините меня. Наверное, я кажусь вам неотесанным дикарем, который еще вчера слез с пальмы...

— Откуда? — хором спросили мы.

— Неважно, — отмахнулся Гвейн. — У нас в Ухтындии есть такое дерево, на вершине которого очень удобно сидеть... Лучше объясните, почему нельзя показывать пальцем и... Хотя нет, я, кажется, понял. Это вроде как предупреждение о нападении, да? Мол, сейчас из пальца вырвется огонь и всех вас спалит. Или что-то в этом роде, да?

— Если бы только огонь, — вздохнула я. — Иногда такое вырвется... Буря, смерч, водопад, стрела, разящая без промаха... Все зависит от силы и могущества конкретного мага.

— В безмагову эпоху он мигом остался бы без пальца! — встряла Ариенна. — Городские стражники считают подобный жест подготовкой к э-э-э... провокационным действиям и сажают в подвалы без разбирательства.

Гвейн внимательно посмотрел на свою ладонь:

— Но ведь иногда палец — это просто палец, верно?

— Верно, — кивнула я. — Однако показывать им на другого человека — вредная и очень, очень опасная привычка. В Ухтындии и об этом не знают?

— Догадываются, — вздохнул Гвейнард.

— Пожалуйте к столу! — объявил Сварт, входя в зал и распахивая двери, ведущие в столовую.

Он проделал это с таким торжественным и важным видом, будто приглашал нас на званый ужин к Верховным магам, где последние собирались сложить свои полномочия в нашу пользу.

— Неужели не яблоки? — тихо спросил Крадиф, вышедший из ступора.

— Бу-га-га, — ответил Гвейн, довольный, что тему разговора наконец-то сменили. — Другого тут, похоже, не держат.

— Ну почему же, — громко сказала я, проходя в столовую мимо Сварта. — Еще как держат. В холодильнике имеется довольно объемный запас сыров, окороков, мяса, молока...

— Что?!

Кто-то взвизгнул прямо в мое ухо, чрезвычайно громко и пронзительно. От испуга я подпрыгнула и наступила на ногу шедшей сзади Ариенне. Та не осталась в долгу и пихнула меня в спину. Я, чтобы удержать равновесие, сделала несколько быстрых шагов вперед и налетела на стол.

Неудачно, надо сказать, налетела.

Хотя — как посмотреть. Потому что стол пошатнулся, и два блюда с яблоками, тонувшими в какой-то розовой пене, оказались на полу.

Визжала, как выяснилось, Аквинтия. Во время нашего разговора в зале ни ее, ни Танти не было. Откуда и почему она возникла столь внезапно, да еще так противно-визгливо,

осталось загадкой.

Сейчас она злобной фурией надвигалась на Сварта:

— Почему нам не дают нормальной еды? Я требую, чтобы вы немедленно отправились на кухню и приготовили съедобный ужин!

Сварт, изо всех сил сохраняя невозмутимый вид, произнес:

— Это невозможно, дорогая миста.

— Невозможно?! Тогда мы сами пойдем в кладовку и отыщем все ваши запасы!

— Не делайте этого, прошу вас.

Сварт смотрел на даму почти умоляюще.

— Вам жалко? — грозно спросила та.

— Нет, не жалко. Но... такова воля хозяина.

— Хозяина здесь давно нет!

— Хозяина нет, однако воля осталась. Он завещал всех гостей кормить яблоками, иначе... Я не знаю, что за ужасное проклятие наложил он на замок, но если я подам что-то другое, здесь начнется светопреставление.

— Чушь какая, — уже спокойнее, но все еще сердито сказала Аквинтия.

— Конкретнее, — потребовал Крадиф. — Что именно начнется? В какой форме будет выражаться? Каковы предполагаемые последствия?

— Помню, однажды сюда заехал бывший друг бывшего хозяина, — начал Сварт. — То есть, я хочу сказать, когда хозяин был жив, они дружили. Ему понадобилось переночевать, просто переночевать, а потом ехать дальше. Он совершал какой-то вояж. Так вот. Он потребовал подать вина и мяса. Я, помятуя о воле хозяина, попытался возразить. Но он сказал, что иначе поджарит сначала меня, потом мою жену. И съест. Знаете, он был очень, очень убедителен. Между проклятием и жизнью я все-таки выбрал жизнь. Сам не знаю, почему. Может, он и не поджарил бы никого. Ну, потопал ногами, покричал. Но я не стал полагаться на случай и вынес все, что он просил. Едва он откусил кусок мяса, как началось... Сперва послышался вой. Гость не придавал этому значения и продолжал трапезничать. Вой перешел в стон. Пол под столом вспучился, все угощение разлетелось по столовой. Стул, на котором сидел мист, поехал сперва в одну сторону, потом в другую... Я никогда не видел, чтобы кто-то так быстро бегал... Знаете, я уже не молодой, чтобы заново восстанавливать пол. Одного раза мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Пожалейте меня.

Мы пожалели. В основном молча, а Танти даже погладила садовника по руке. Он благодарно улыбнулся.

— Предлагаю съездить в деревню и поужинать там, — предложил Гвейнард. — Быстроходка к вашим услугам! Ужина-то все равно уже нет.

Мы посмотрели на розово-яблочную пену, густо устилавшую пол. Я уверена, никто из гостей замка не осуждал меня за неуклюжесть.

Поворчав, Аквинтия вслед за остальными нехотя согласилась на поездку. Я не присоединилась к компании — хотелось провести вечер в одиночестве, продолжить разбор документов Макер-тота. Кроме того, надо было связаться с Данни на предмет странного сообщения от соседки.

— Как думаешь, мог кто-нибудь пробраться через окно? — спросила я Данни, когда установила с ней связь.

— Не знаю, — ответила подруга несколько рассеяно. — Вряд ли. Зачем? Разве у тебя

есть что украсть?

— Нет, конечно, но вдруг... Гвейн посоветовал мне вернуться в город... Мало ли кто забрался в квартиру.

— О, не стоит! — воскликнула Данни. — Я уверена, старушке померещилось. Твой сторож частенько заедает. Под окнами постоянно дежурит магический патруль. А соседка из тех противных зануд, что вечно на кого-нибудь жалуются. Они уверены, будто их хотят сжить со света. Разве не так?

— Так, — согласилась я, и от сердца отлегло. — Но ты все-таки сходи, проверь, ладно?

— Без проблем, схожу! А как у вас? Все нормально?

— В общем-то, да. Мы до их пор не нашли список вещей для наследников. В кабинете твоего папы его, как мне кажется, нет. Не знаешь, где он может быть?

Я все-таки надеялась, что склеивать обрывки бумаг нам не придется.

— Ты поднималась в кабинет? — в голосе подружки слышалось изумление.

Я была удивлена не меньше:

— Ну да, ты ведь сама советовала поискать нужные книги.

— Однако не была уверена, что ты туда войдешь. Так он тебя впустил?

— Как ни странно, да. А не должен был?

— В папином замке много загадок, — туманно ответила Данни. — Мог и не впустить. Надеюсь, ты не снимаешь кольцо?

— Не-е-ет, что ты, — уверила я подругу. Далось ей это кольцо.

— Отлично! Носи, не снимай. Возможно, именно оно помогло тебе зайти в кабинет. Хотя, почему «возможно»? Я абсолютно уверена — так оно и есть.

Кольцо все еще было на пальце Танти. Как ни хотелось мне поверить подруге в кабинетопроходные свойства артефакта, увы, не получалось. Если бы Данни оказалась права, то я точно так же застряла бы на пороге, как Гвейн, а рукописи пришлось бы разбирать невесте Крадифа.

Где еще может храниться список, Данни не знала, так как возлагала надежды именно на кабинет. Посоветовала поискать в библиотеке. Нет, в папиной спальне вряд ли, хотя... А что по этому поводу говорит Сварт? Неужели ни разу не встречал список? Он или его жена должны были знать, они ведь убирают все комнаты.

Я попросилась с Данни и задумалась. Сварт и в самом деле вел себя несколько странно. Взять хотя бы кабинет. Сначала садовник аж трясся от страха при одном упоминании о перемещающейся комнате, а потом сам посоветовал мне в нее заглянуть. Дальше. Он пичкает нас одними яблоками, якобы таков наказ хозяина. Однако холодильник чуть не доверху забита окороками, сыром и прочей нормальной снедью. Для кого столько припасов? Неужели только для садовника и его жены? До чего же хорошо живут слуги в яблочном доме! Ну просто как сыр в масле катаются.

Кстати. Я ведь до сих пор не знаю, что ест сам садовник. То же самое, что подает нам, или вполне нормальную еду. Сдается мне, второе.

И тут же вспомнилось прочитанное накануне. А именно, результат долгих экспериментов Макер-тота. Могуллий очень хорошо усваивался организмом именно с яблоками. Только абсолютный идиот не обнаружил бы связь этого факта со странным меню, завещанным старым хозяином. Значит ли это, что в яблоки добавляется могуллий? Я жаждала получить разъяснение, поэтому отправилась на поиски садовника. Он обнаружился в столовой, где наводил порядок после несостоявшегося ужина. Увидев меня, улыбнулся:

— Вы все-таки решили перекусить, миста Мира?

— Я решила кое-что выяснить.

Вид у меня был суровый, потому что Сварт тут же прервал свое занятие:

— Что выяснить?

— Добавляете ли вы в яблоки какое-то зелье?

Сварт ответил очень осторожно:

— Вы решили, я хочу вас отравить? Миста, как вы могли такое...

— Могла и не такое, — отрезала я, все больше уверяясь в своей догадке. —

Рассказывайте, Сварт. И не вздумайте что-либо утаить.

Садовник устало опустил на стул.

— Это действительно наказ хозяина, — сказал он.

— Какой именно?

— Подвергать яблоки обработке с помощью настойки... Но это не яд!

— Почему вы так уверены?

— Так ведь сам хозяин употреблял ее регулярно, и именно с яблоками. Он утверждал, что это эликсир жизни, и чтобы гости жили долго и счастливо, то...

Я невежливо перебила:

— Сам-то он как жил? Долго и счастливо?

Сварт кивнул:

— Хозяин покинул нас в весьма почтенном возрасте. И мог бы жить еще...

Я насторожилась:

— Что вы имеете в виду? Его убили?

Садовник замялся:

— Не то, чтобы убили... Скорее, вынудили покинуть этот мир.

Вот это новости! Вынудили покинуть мир — это как понимать? Он что, покончил жизнь самоубийством?

— Расскажите, — потребовала я. — Все, что вам известно.

— Не могу, — вздохнул Сварт. — Поверьте, не могу. Это не моя тайна. Возможно, вы сами потом все узнаете.

— Ну, хорошо, — я не стала настаивать; в конце концов, скоро мы все отсюда уедем, и, надеюсь, живыми и здоровыми. — Тогда ответьте на один вопрос. Вся эта история с заезжим гостем, который отказался от яблок, выдумка?

Сварт уныло кивнул.

— В общем, так, — сказала я решительно. — Как бы то ни было, вы не можете без конца пичкать нас яблоками. Я, как представительница мисты Данни прошу, чтобы в дальнейшем нам подавали нормальную еду. Слышите, Сварт?

В его глазах я прочла тоску. И поспешно добавила:

— По крайней мере, вы ведь можете кормить меня отдельно.

Он затосковал еще больше.

Мне это не понравилось.

— Если нет, мне придется рассказать остальным про эликсир. Уверяю, наследники воспримут мое сообщение без восторга.

— Это не яд, Мира! Я могу поклясться чем угодно: моим здоровьем, благополучием, здоровьем жены, наших детей...

— Все, дальше не надо, — поспешно сказала я. — Если не яд, то что?

— Я же говорю, эликсир!

— А если мы не хотим его принимать, этот ваш эликсир?

Он замялся:

— Ну, это не только эликсир. Это еще и катализатор... гм... индикатор...

— Катализатор? Индикатор?! Вы чего несете, Сварт? Немедленно признавайтесь, что вы подмешиваете в еду!

— Ладно, — сдался он и оглянулся. — Скажу, но только вам. Перед тем, как подать яблоки, мы с женой вымачиваем их в специальном сиропе. Он не может повредить ни вам, ни другим наследникам.

— А кому может?

— Тем, кто настроен против Макер-тота враждебно, — сказал он шепотом.

Я искренне изумилась:

— Но... помилуйте, Сварт. Кто же может быть настроен враждебно против человека, который... которого вынудили покинуть мир?

— Да уж есть такие, не сомневайтесь. Но, как вы убедились, ни с вами, ни с вашими друзьями ничего плохого не случилось.

Если не считать больной руки Ариенны.

— А что с ними может случиться?

Сварт пожал плечами:

— Много чего. Расстройство желудка, отравление, усыхание конечностей. Все зависит от степени враждебности. Таким людям не место в яблочном доме. Простите, миста Мира, что пришлось подвергнуть вас такому испытанию...

Садовник смотрел на меня виноватым взглядом, и я сдалась.

— Ну, хорошо. Но все-таки я прошу иногда подавать мне к столу что-нибудь кроме яблок. Вы ведь можете, правда?

— Могу, — уныло произнес он. — Но как это воспримут остальные?

— А мы им ничего не скажем, — заговорщически сказала я. — Вы будете приносить мне еду в кабинет.

— Куда? — изумился Сварт.

— Вы не ослышались. В ближайшее время я собираюсь работать, и не где-нибудь, а в блуждающей комнате. Много работать. Остальным мы скажем, что я на правах представительницы хозяйки ищу тот самый список. Кстати, странно, что его нет. Но это неважно. Поиски ведь могут затянуться, правда?

Сварт пожал плечами:

— Ваша воля, миста, но в торчать в кабинете постоянно я бы вам не советовал.

— Ага, — кивнула я, — однако именно вы показали мне туда дорогу.

— Это была вынужденная мера.

— Я вас не вынуждала.

С минуту мы смотрели друг на друга, наконец садовник произнес:

— Будьте осторожны, миста Мира. Пожалуйста.

— Буду, — кивнула я и отправилась в свою комнату.

Очень хотелось вновь подняться в святая святых Макер-тота, однако усталость взяла свое. Я уже подходила к дверям спальни, когда увидела в глубине коридора неясное свечение. Кто бы это мог быть? Наследнички и Гвейнард укатили в деревню. Садовника я

оставила внизу. Его жена?

Тем временем свечение приближалось. Прямо на меня наплывала ночная визитерша. Такая же полупрозрачная, с развевающимися волосами, она глядела безумным взглядом, а губы ее беззвучно шевелились. Я поспешно отступила, давая ей пройти.

Можно подумать, в этом был какой-то смысл. Она прекрасно могла пролететь сквозь любое препятствие. Даже через живого человека.

Однако она неожиданно остановилась и повернулась ко мне. Призрак может видеть? Готова поклясться, она точно знала, где стоит человек! Невозможно, невероятно!

Глядя мне в глаза, низким тихим голосом она произнесла:

— Колдовской отведай плод, и любовь к тебе придет.

Потом приблизилась вплотную. Увернуться было совершенно невозможно, да я и не пыталась, потому что меня, как давеча ночью, сковал ужас. Она прошла сквозь меня, и это было еще более кошмарно — на мгновение я вся заледенела, а потом долго стояла, прижавшись к стене, не в силах пошевелиться.

Уже в комнате, усевшись в кресло с вязанием и набирая дрожащими руками петли, я спрашивала себя: что такого ужасного она мне сказала? Смолола очередную чушь. Колдовской отведай плод! Да я их тут уже столько отведала, что от одного вида воротит. И любовь к тебе придет. Ага, жди, дожидайся. Вот прямо сейчас возьмет и явится.

И чуть не заорала, когда в дверь постучали. Я не смогла даже выдавить «войдите», и только облегченно выдохнула «как хорошо, что это ты», когда дверь открылась.

— Почему? — озадаченно спросил Гвейн.

И поспешно добавил:

— Нет-нет, я согласен, это, конечно, хорошо. Но... ты ждала кого-то другого?

— Никого не ждала, — отрезала я. — Немного позанимаюсь рукоделием, успокою нервы и пойду спать.

Гвейн взъерошил волосы:

— Может, разрешишь и мне повязать, если это такое хорошее успокоительное?

Я окончательно расслабилась:

— Чувствую, после ужина в «Трех ослах» вас с новой силой потянет на яблоки.

— Напрасно иронизируешь. И зря не поехала с нами. Ужин был очень неплох.

— Неужели в «Ослах» вам предложили что-то отличное от позавчерашнего рагу?

— Представь себе, да. Мы ели свежий салат, отбивные с зеленью и хрустящие молочные булочки. Нам даже предложили поджарить яичницу.

Видимо яйцезор проспал завтрак. Я ухмыльнулась.

— Кстати, тот самый мужик, что завтракал яичницей, — сказала я. — Кажется, я его знаю.

— Не может быть, — усомнился Гвейн.

— Очень даже может. Я еще тогда подумала: кого-то он мне напоминает. Теперь уверена — моего начальника. Что самое странное, Банкин на самом деле куда-то уехал.

— Приедет, — успокоил меня Гвейн. — Не маленький же он.

— Ты не понял! Я имею в виду, не уехал ли он сюда. То есть, приехал. То есть, это он и есть!

— Ну и что?

— А то! Зачем он сюда приехал?

— Мира, — Гвейн стал раздражаться. — Иногда от голода случаются галлюцинации.

Твой Банкин наверняка проводит время в более приличном месте, чем занюханый Тукумук.

Очень хотелось рассказать про предполагаемую связь Ариенны и Банкина. Но ведь я дала слово Танти. Поэтому туманно возразила:

— Однако хозяин «Трех ослов» навел меня на мысль, что это именно Банкин.

— Даже если и так, что с того? У нас и без него масса проблем.

— Еще что-нибудь? — насторожилась я.

— Именно. Когда мы вернулись, нас снова забросали яблоками.

— То есть? — изумилась я.

— То есть, ворота оказались запертыми, и все повторилось, как в ту ночь, когда мы приехали. Снова брань изнури, яблочный град на наши головы и негодяй ушач за воротами.

— Погоди-погоди, — я удивилась еще больше. — Но как?

— Как он там снова оказался? Спроси чего попроще.

— Как оказался — это я более-менее поняла. Видишь ли, скорее всего, бывший хозяин еще при жизни создал стража. Во времена безмагии замок мог подвергаться нападениям. ВотMaker и подстраховался. Не факт, конечно, что один ушач смог бы сдержать натиск оголтелых сектантов, но какое-то время он бы определенно продержался. Например, до прихода хозяина. Кое-что на это счет есть в дневниках покойного. Теперь все легенды о нападениях на замок и отражение атак с помощью все тех же плодов видятся мне совсем в другом свете. Я расскажу об этом, но чуть позже. Интересует другое. Как вы смогли открыть ворота? У вас же не было кинжалов.

Гвейн довольно улыбнулся:

— Кинжалов не было, а мозги всегда со мной. Ты забыла, кто налаживал ворота?

Ого, да мой провожатый — парень не промах!

— И что же, ты сделал для себя отмычку?

— Ну, отмычку, конечно, нет. Зато я знал: чтобы ворота открылись, надо вытащить всего один гвоздь.

— Молодец! Ну просто Святой О-Фрари! — похвалила я и притворно вздохнула. — Увы, я не могу похвастаться столь же продуктивным времяпрепровождением, да и общества Ариенны была лишена. Впрочем, о последнем я ничуть не жалею.

— Ну что ты взъелась? — спросил Гвейн. — Она очень страдает. Рука так и не проходит. Я уже предлагал вернуться в город, но она ни в какую. Стоически переносит боль. По-моему, Ариенна заслуживает уважения.

Я не стала говорить, чего она заслуживает, а поведала Гвейну про встречу с призраком. Правда, пришлось соврать, мол, не помню, что сказала прозрачная девица, потому что была очень напугана.

— А в твоей вымытой книжке что по этому поводу пишут? — спросил Гвейн.

Совсем из головы вылетело! Я ведь действительно собиралась заглянуть в книгу. Вдруг там появилось что-то новое.

Книга так и лежала на подоконнике в ванной комнате, где мы оставили ее сушиться. К счастью, она уже высохла.

Я взяла ее и вернулась в комнату. Поворошила страницы. Еще раз прочитала странное двестише. Поизучала непонятные формулы.

Ничего нового, к нашему большому разочарованию, не появилось.

— Видно, он про нас забыл, — сказал Гвейн. — Не хочет разговаривать.

— Кто? — вскинулась я.

— Хозяин книжки, кто же еще.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я оторопела:

— Погоди-погоди. Но ведь хозяин — это никто иной, как Макер-тот, мне Данни говорила. Как же он может с нами разговаривать, если умер?

— Ну-у-у, — протянул Гвейн. — Через какого-нибудь духа.

— Какого еще духа?

— Потустороннего, — он помахал в воздухе рукой.

— Не городи ерунды, — огрызнулась я. — Вот что значит проводить время в странной компании. Всякие потусторонние духи начинают мерещиться.

— И то верно, — согласился парень — А пойду-ка я спать. Завтра вставать рано, ворота на место ставить.

Он пошел к двери, открыл ее и удивленно произнес:

— К тебе еще один посетитель, Мира.

Только этого не хватало, чуть не сказала я, но успокоилась, увидев черного котяру. Тот, не обращая внимания на Гвейна, прошествовал к кровати, прыгнул на нее и, немного потоптавшись, свернулся клубком.

Что ж, если он был любимцем бывшей хозяйки, то, вероятно, и сам чувствует себя тут хозяином. Лет ему немало, пусть спит где захочет.

Я не стала прогонять кота. Заперла за ушедшим приятелем дверь и отправилась на боковую.

Глава 17. Разговор с хулиганом и ночной вор

Глава 17. Разговор с хулиганом и ночной вор

«Уважаемые абоненты! Наша компания не осуществляет запрещенную услугу «вызов демона». Если вас интересует, как именно мы ее не осуществляем, вы можете подойти в нашу компанию для частной беседы с главным настройщиком».

Из памятки для абонентов переговорной компании «Маг Улия».

Мне приснился Банкин-тонс. Он разносил меня на совещании, и голос его звенел от напряжения:

— Почему вы таскаете на рабочее место кого попало? Вчера привели жениха, сегодня — папашу! Завтра кого приведете? Бабушку?

— Какого папашу? — лепетала я.

— А вот какого!

В дверях показался смущенный Сварт.

— У меня закончились яблоки, — бормотал он. — А хозяин велел тебя усыновить. Иди ко мне, дочка.

— Нет! — вопил Банкин. — Она никуда не пойдет! Потому что вы самозванец, а отец — я! И бабушка тоже я!

Он залился смехом, да таким противным, что я проснулась.

Верещал переговорник, озаря неярким светом темную комнату.

Я похлопала глазами, окончательно проснулась и взвизгнула.

В комнате, кроме меня и кота, находился кто-то еще.

Этот кто-то стоял рядом с кроватью, нависал надо мной черной тенью. Поняв, что я не сплю, он метнулся к окну. Что-то, звякнув, упало на пол. Испугалась я намного позже, а пока поняла: необходимо задержать ночного вора. Поэтому вскочила и попыталась ухватить полу длинного плаща.

Но негодяй оказался проворнее. Он запрыгнул на подоконник и спрыгнул вниз. Со второго этажа, между прочим.

— Чтоб ты ногу подвернул, — крикнула я ему вслед.

Кот возмущенно шипел и замахивался на лампу лапой.

Интересно, кто мог вызывать меня среди ночи? Ой, мамочки! Я вспомнила, что совсем забыла поговорить с мамой. Наверняка это она.

Потерла поверхность лампы и спросила:

— Мамочка?

— Гы-ы-ы, — радостно пробасил мужской голос. — Что, с перепугу уже мамочку зовешь?

Я недоуменно уставилась на переговорник. Номер был не мамин, но очень похож.

— Вы кто? — спросила я.

— Не узнаешь? — к радости примешалось притворное недоумение.

— Не узнаю.

— Ну, еще бы! Я тебя тоже не сразу узнал, когда ты меня позавчера разбудила.

А, так это тот самый тип, которого я случайно вызвала во время ночной поездки с Гвейном

— Чего надо-то? — не очень любезно поинтересовалась я.

— Да так, ничего. Узнать, что делаешь. Небось, спишь? Или чем другим занимаешься?

Может, я не вовремя?

М-да. Если бы этот тип не разбудил меня вызовом, неизвестно что бы со мной было.

Поэтому я постаралась вложить в голос максимум благодарности:

— Как нельзя более вовремя! Вы мне, можно сказать, жизнь спасли.

— Чего? — озадачился мужик.

— Меня тут, знаете ли, приходили убивать. Но ваш вызов спугнул убийцу. Так что я вам очень, очень признательна. Можно узнать имя и адрес спасителя, чтобы поблагодарить лично?

— Чего? Зачем адрес? Не надо.

Мужик, похоже, смешался окончательно и отключился.

Все ясно. Случайно вызванный мной дядечка решил совершить ужасную месть — прервать мой сладкий сон. Интересно, если бы он не совершил сей акт возмездия, утром здесь нашли бы мой хладный трупик?

А почему, собственно, я решила, что приходили меня убивать? Может, хотели просто ограбить?

Я внимательно осмотрела все вокруг. Ну вот, пожалуйста!

На полу возле кровати лежал один из кинжалов Великих Подпор.

Значит, вероятны оба предположения. Либо хотели спереть артефакт, либо пырнуть им меня. Ни то, ни другое не радовало. И кто, скажите на милость, посреди ночи забрался на холм, а потом и в замок?

Очередная мысль будто холодной водой окатила. Да никто не забирался, конечно же! Через забор перелезть невозможно. К тому же, по ночам во дворе бродит ушач, который ни за что не пропустил бы посторонних.

Значит, воришка — из своих.

И кто? Гости? Сварт? Его жена?

Я представила каждого из наследников расчленяющим несчастную меня. Начало казаться, что каждый — за исключением разве что Свартовой жены — имеет на меня зуб. Узнать бы еще, за что.

Впрочем, если поразмыслить, причины напасть на меня имел почти каждый.

Сварт запросто мог пожадничать припасы из кладовой. Или испугался, что я выдам страшную тайну о сиропе истины, в котором вымачивают яблоки... Способен ли он за это убить? Вряд ли. Да и к чему ему лазать в окно, у него же есть ключи от всех комнат.

Гвейnard. Его я подозревала в тот самом первом ночном вызове с угрозами и предупреждением никуда не ехать. Конечно, по словам самого Гвейна, у него нет переговорника, а, стало быть, и вызвать меня он не мог. Но что, если он не совсем честен? То есть, совсем не честен? Кроме нас с Данни о предстоящей поездке знал только он... Но опять же — лазать в окно? Зачем так сложно? Постучал бы, а я впустила.

Ариенна. Странная девица. Так и кажется, что каждое ее слово — вранье, каждый жест фальшив. Корчит из себя великосветскую львицу. На деле же — невоспитанная кривляка. Ни капельки лоска. Да и связь с Банкиным, в которой я теперь уже была почти уверена... Но за что ей на меня нападать? Зачем снова хвататься за кинжал, рискуя получить еще один ожог?

Крадиф. Тоже весьма странный персонаж. Врет, что служит в минмаге. А кто он на самом деле? Непонятно.

Танти. Тихая, славная. Но это на первый взгляд. А вообще, в тихом омуте, как говорится...

Аквинтия. Наверное, единственный человек, которого я не подозревала. Да и знала ли она о кинжалах? Точно нет.

А, может, ночной гость вовсе не за кинжалом приходил? И не по мою душу? Вдруг он искал что-то другое.

Или кого-то.

Я тряхнула головой. Так, все. Рассуждения отложим на потом. А пока — предпримем какие-нибудь действия по горячим следам.

Например, не мешало бы проверить, чем сейчас занимается каждый из находящихся в замке.

Идея была не лучшей, ведь пока я болтала с переговорным хулиганом, прошло уже некоторое время, и безобразник мог десять раз вернуться в комнату.

Но вряд ли он уже спит!

И уж точно не знает, что я могу видеть сквозь стены.

Накинув халат, я выскользнула в коридор. Ночное освещение могло по тусклости соперничать с нарождавшейся луной, но мне хватило и его.

Итак, наша бедняжка Ариенна. Я чуть не вскрикнула от радости, потому что девица не спала. Впрочем, на то была причина — она прижимала к груди больную руку и раскачивалась, сидя на постели. Кажется, даже стонала. В этот момент в моей душе шевельнулось нечто, похожее на жалость. Но я быстро ее подавила, мысленно убедив себя, что она это заслужила. Природа справедлива и воздает каждому по деяниям его. А вот не надо быть такой надменной стервой, таскающейся на свидание к Банкину.

Не спала и Аквинтия. Она читала книгу. Я проморгалась и разглядела название. «Жаркие ночи страсти: вернуть их в вашей власти». То ли любовный роман, то ли пособие по соращению. Да-а-а, матушка, эвон куда вас занесло.

Уже не удивляясь, я обнаружила, что ее дочурка тоже бодрствует. Но в отличие от маменьки, Танти не читала дурацких книжек. Она... делала себе прическу! Девушка сидела перед зеркалом в легком платьице из шелка. Я снова проморгалась, огляделась по сторонам. Да нет же, утро еще не наступило. Тогда... зачем она все это проделывает? Может быть, чтобы не терять времени, когда проснется? Бред какой-то.

Все разъяснилось, когда из-за угла показалась крадущаяся фигура. Я едва успела нырнуть в альков и пригнуться. Стараясь ступать как можно тише, по коридору шел Крадиф. Естественно, на свидание к Танти. Тихо поскребся в дверь, девушка тут же открыла, и парень скользнул внутрь комнаты. Что ж, с ними все ясно. Я поборолась с искушением посмотреть, как будут развиваться события. Искушение оказалось слабеньким — было бы на что смотреть — поэтому я победила.

А вот Гвейнарда в комнате не было.

Я потрясла головой и вновь просканировала комнату приятеля маго-взором. Потом ванную. Никого. Где он мог шататься посреди ночи, хотела бы я знать. Неужели это и есть таинственный визитер в плаще?

Пытаясь отогнать непрошенные мысли, я волей-неволей возвращалась к возникшему подозрению. Кто он вообще такой, этот Гвейнард? Что про него известно? Да вообще ничего! Где он жил до приезда в Данетию? С кем имел связи? Почему нанялся к моей

подруге? Не знаю, не знаю, не знаю! А я доверчивая дурочка, посвящала его во все события, обсуждала планы, рассказывала такое, о чем никому и никогда раньше. Ловко же он втерся в доверие! Ну, коварный тип, погоди!

Неудивительно, что, занятая планом отмщения, я не услышала шагов. Очнулась от мыслей, лишь когда почувствовала, как меня тронули за плечо. Подскочила и взвизгнула.

Сзади стоял Гвейнард.

— Объясните мне, милая Мира, что вы делаете в столь поздний час возле моей спальни, — холодным тоном произнес он.

Ну, каков наглец? Я взъярилась:

— Нет, это ты мне объясни! Во-первых, почему не спишь, во-вторых, где шляешься ночью, в-третьих... В-третьих, зачем влез в мою комнату!

— Влез в комнату? — его глаза расширились от изумления. — Ты в своем уме?

— Да! — рявкнула я. — В своем, представь себе! Меня пытались убить! А теперь попробуй доказать, что это не ты!

— Убить?! А ну-ка, рассказывай все по порядку.

— Не раньше, чем услышу объяснения по поводу твоих ночных шастаний!

— Ну, пожалуйста, — сдался парень. — Я ремонтировал ворота.

— Ночью? — недоверчиво сощурилась я.

— А что такого? Начал вечером, но дело затянулось. Только что закончил.

— До утра, конечно, ты подождать не мог?

Он развел руками:

— Слушай, ну не дело, когда ворота стоят открытыми. Кто-нибудь запросто мог зайти, залезть в замок...

А ведь и правда. Мог. Сначала войти в открытые ворота, потом забраться ко мне... А я-то начала подозревать всех подряд, даже Гвейна.

Но ведь не факт, что он говорит правду!

И потом — кому понадобилось тащиться в гору, чтобы залезть ко мне в спальню?

— У меня предложение. Давай зайдём в мою комнату, где ты все подробно расскажешь, — сказал Гвейн. — Иначе разбудим всех наследничков.

— А никто и так не спит, — буркнула я.

— Откуда ты... А, понял. Применяешь маго-взор? Глядишь сквозь стены? Мира, подглядывать нехорошо.

Он еще смеет меня осуждать! Я фыркнула. Сказала:

— Залезать в чужие комнаты — еще хуже!

— Согласен. Так что же случилось?

— Я расскажу. Но все-таки давай не здесь. В спальне? Нет. Мало ли что про нас подумают. Не будем превращать приличный замок в вертеп. Пойдем в каминный зал.

Мы спустились вниз, в каминный зал. Уселись на диван. В полутьме пространство зала выглядело таинственно и загадочно.

Мой взгляд остановился на родовом древе. Вот ветка хозяина, его портрет, рядом — супруга. Почему-то мне вдруг показалось, что ее лицо я давно и хорошо знаю. Но откуда?

Я потрясла головой. Мира, сказала я себе, прекрати сейчас же. Надо жить в реальности. Ну и что же, что она странная и непостижимая? Уж какая есть. С этим придется смириться.

Рядом сидел Гвейн и ждал моего рассказа. Так и не решив окончательно, можно ему доверять или нет, я принялась рассказывать. В конце концов, если это он влез через окно, то

и так все знает. Поэтому ничего страшного все равно не случится.

Или случится? А если он меня вот прямо сейчас пристукнет?

Я прервалась на полуслове.

— Что случилось? — встревожено спросил Гвейн и взял меня за руку.

— Нет, ничего. Голова закружилась... Гвейн. Я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Какой?

Он смотрел в этот момент так заботливо, так внимательно... Так нежно сжмал мою руку...

Я снова тонула в его голубых глазах, в которых дьявольскими огоньками плясали искорки от одинокого факела...

— Так какой же? — нетерпеливо спросил Гвейн и моргнул.

Очарование мгновения бесследно испарилось.

Да ведь он точно так же смотрит на Ариенну!

Я выдернула руку и непререкаемым тоном сказала:

— Дай номер твоего переговорника.

Он вытаращился:

— Что?

— Плохо слышишь? Я прошу дать мне картонку. Такую же, как у моей бабушки-соседки, с которой ты напропалую кокетничал!

Покачав головой, Гвейн посмотрел на меня с упреком:

— Ты все еще сердисься за это, да?

— За что?

— Ну... За то, что я дал ей картонку.

Я фыркнула:

— Точно. Именно за это. А теперь дай такую же мне!

— Зачем?

— Чтобы у меня был номер твоего переговорника!

— Но ведь я же и так здесь, рядом. Зачем тебе номер?

— Чтобы был!

Я уже кричала, не в силах сдержать злость. Он что, тупой или прикидывается?

— Чтобы я могла позвать тебя, если в комнату снова кто-то влезет! — продолжала я кричать. — Ты ведь был во дворе! А этот тип спрыгнул из окна как раз во двор! Ну, то есть, конечно, в сад. Но все равно! Ты мог бы его увидеть! И догнать!

Неожиданно для себя я почувствовала, как защипало в носу, а глаза наполнились слезами.

Только этого не хватало! Глупо разреветься на виду у Гвейна!

Я отвернулась и, изо всех сил сдерживаясь, стала смотреть вверх, не позволяя слезам перерасти в бурные рыдания.

— Хорошо, хорошо, — Гвейн ласково погладил меня по плечу и тут же отдернул руку, потому что я вздрогнула. — Хорошо, милая Мира. Прекрасно, мирная Мира. Я, конечно же, дам тебе картонку. Вот только мне придется топтать за ней в комнату, а потом спускаться обратно. А я уже так устал.

Голос его звучал обреченно и глухо. Я, всхлипнув, взгляделась в лицо парня. Прекрасные его глаза — голубые озера, в которых я периодически тонула, — теперь выглядели устало и обреченно.

Во мне проснулась совесть. Я опустила глаза и съежилась, втянув голову в плечи.

— Мира, — Гвейн притянул меня к себе, слегка приобняв за плечи. — Ты тоже устала, я понимаю. На нас в этом демоновом замке навалилось столько всего... Надо отдохнуть, ты не находишь? Прости, что на этот раз меня не оказалось рядом. Кто бы к тебе не влез, сегодня он вряд ли повторит попытку. А теперь... теперь давай пойдём спать. Может, у нас все-таки получится, а?

— Что получится? — спросила я, перевела взгляд на Гвена и снова стала тонуть в его глазах.

Мне вовсе не хотелось никуда идти. Сидеть рядом было так приятно. Вот честно, я бы могла так просидеть до самого рассвета.

— Заснуть, — ответил он и сладко зевнул. — А завтра... Завтра на свежую голову мы все-все хорошенько обмозгуем.

Он был прав. И хотя я подумала, что у нас может получиться что-нибудь кроме «заснуть» (например, найти сокровище, заныканное под черную крышку), пришлось подчиниться.

Глава 18. Дневники Макер-тота. Двигающийся шкаф

Глава 18. Дневники Макер-тота. Двигающийся шкаф

«Не все греет, что светит.

Обратное, вообще говоря, верно».

Парадокс О-Фрари

Назавтра я проспала почти до обеда. Сквозь сон слышала: кто-то стучался, куда-то звал, но я в ответ бурчала «пошли вон» и снова проваливалась в сон. Когда же наконец проснулась и встала, обнаружила: все, кроме Сварта и его жены укатили в Тукумук. Стыдно сказать, но я обрадовалась — наконец-то смогу спокойно поработать. Выпросила у садовника кусок хлеба с сыром (и без плесени, пожалуйста), перекусила и поднялась в башню, захватив ведро с водой и тряпку.

Кабинета на месте не было.

Я посмотрела маго-взором. Ничего, только каменная стена. Стукнула по стене кулаком. Неужели не существует способа призвать эту блуждающую бесстыдницу? Трудно представить, что хозяин полдня карабкался по лестницам. Маг он или не маг, в конце концов? Наверняка ведь знал, как приманить беглянку.

Ничего умного в мой мозг, уставший от призраков, странных вызовов и лазающих в окно типов не приходило.

Я стукнула по стене еще раз. И еще. И еще.

— Яб... Яб... Яблоневого дом, всю вашу маго-родню так-растак! — произнесла с чувством, продолжая долбиться в каменную кладку. — Яб-блоневый дом, демон тебя подери! Яблоневого жратва, вымоченная в отраве и не лезущая в горло! Группа придурков-наследников, из-за которых я вынуждена торчать тут как идиотка!

Гнев поднимался во мне волной. Нет, ну в самом деле! Где груды артефактов, обещанная подругой? Где старинные манускрипты и книги заговоров? Пока в моем активе числился лишь дневник Макер-тота и странная рукопись, смытая водой, то есть, практически ничего. Мы подверглись нападению ушача. Дверь быстросходки продырявили, воткнув шесть странных кинжалов.

И еще — в мою городскую квартиру кто-то вломился.

— Ну, если что-то там украли, — я погрозила стене кулаком, — ты мне ответишь.

Стена сконфуженно молчала.

Вот тот-то же.

Выпустив таким образом пар и порядком отбив ребро ладони, я плюхнулась на ступеньку. Озлобленная, решила ждать, пока комната не соизволит явиться сама. Посмотрим, кто кого переупрямит, я ее или она меня.

Ну и что же, что процесс кабинетного блуждания может затянуться до вечера, а то и до завтра? Значит, умру на пороге. Но ведь вчера комната меня впустила. Означает ли это признание меня... гм... кем? Хозяйкой? Кстати, интересно, заходила ли в кабинет Данни?

Сзади раздался тихий свист. Я обернулась. И, конечно, обнаружила дверь. Та-а-к. Явилась, голубушка.

— С-скотина, — с чувством произнесла я. — Прячешься, значит? Издеваешься над бедной девушкой?

Дверь согласно молчала.

Я достала ключи, отомкнула замок. Потянула дверь. Ну, здравствуй, кабинет. С удивлением поймала себя на мысли, что за ночь я успела соскучиться.

Ух, как бы мне хотелось иметь такой же в музее! Не уголок в пропахшем крысами сыром подвале, а светлое рабочее пространство с притоком свежего воздуха. И чтобы туда не могли бы ни с того, ни с сего вваливаться начальники и псевдо-женишки.

Для начала прошлась влажной тряпкой по полкам, шкафам и столу. Собрала с пола более крупную грязь, оставшуюся после вчерашней уборки. Ну вот, уже почти идеально.

Задумалась. Кто же все-таки учинил погром в кабинете? Сам ли хозяин, кто-то из его гостей или родственников? Ключи были до этого у Данни, она получила их вместе с замком в наследство. Даже если подруга и заходила в кабинет, то вряд ли стала тут все громить. Значит, разборки происходили еще при жизни Макер-тота? Тогда что бы тут ни произошло, я никогда об этом не узнаю.

Что ж, теперь можно взяться за дневники. Прочитанные я отложила в сторону. Открыла следующий и погрузилась в чтение.

Итак, через некоторое время после того, как замок перешел в его руки, Макер-тот отправился путешествовать. Куда и зачем — прямо не пояснял, но по прозрачным намекам я поняла: в Орден Святого Улии. Логично. Присвоить звание Магистра ему могли только в Ордене.

До сих пор неизвестно, где располагается штаб-квартира Ордена. Ну, еще бы! После стольких лет гонения его адепты не очень доверяют нынешней власти. Что уж говорить про времена безмагии. Все, касающееся деятельности Ордена, было в течение трехсот лет покрыто тремя слоями невидимости.

Про странствия Макер не пишет ничего, и возобновляет записи после прибытия домой. Сообщает, как счастлив, что в его доме наконец-то появилась хозяйка. Ага, Макер обзавелся женой! Означало ли, что он привез ее из странствий? Принадлежала ли она к Ордону? Никаких объяснений Макер не дает. Просто сообщает факт: я, мол, женился и счастлив. А потом возвращается к описанию бесконечных опытов. Ну, к ним я вернусь позже. Сейчас же интересно проследить судьбу молодого мага и его семьи.

Итак, молодую жену звали Файле. Еще недавно пылко влюбленный, Макер, кажется, слегка остыл — он сетует на бесплодие своей супруги, огорчается из-за невозможности иметь родных наследников и затевает с женой разборки. Я усмехнулась. Странная привычка все валить с больной головы на здоровую. Очевидно же — бедная женщина ни в чем не виновата, а отсутствие детей есть результат бесконечных опытов главы семейства с волшебным порошком могуллием. Экспериментатор хренов.

Через некоторое время супруги решили подать документы в попечительский совет. Конечно, отказать им не посмели. Поставщику могуллия вообще рискованно возражать.

К сожалению, Макер не пишет о детях подробно. И вообще, называет их «дитя номер один», «дитя номер два» и так далее. Ничего удивительного, папаши вообще редко вплотную занимаются воспитанием детей, тем более, если речь идет о детях три-шесть, шесть девять и старше. Мой первый папа был редким исключением, и, хотя я его почти не помню, мама часто рассказывала, как он читал мне книжки, играл в мага-безмага, гулял и вообще почти все свободное время проводил со мной. Здесь же роль воспитателя отводилась Файле и

нанятым воспитательницам. Макера дети интересовали разве что наличием потенциальных магических способностей. Увы, кажется, ни один из отпрысков не страдал столь тяжким заболеванием, какое наблюдалось у папочки.

Уже дальше Макер-тот с негодованием отмечает: один его ребенок был в дальнейшем усыновлен магами-отступниками, а другой пошел по скользкой дорожке безмагов. Это почему-то привело его в бешенство, и он решил порвать с ними навсегда. Хотя потом все-таки одумался и помиловал непутевых отпрысков.

Но самое удивительное произошло позже. Файле все-таки родила долгожданного ребенка! Естественно, Макер приписал сие достижение себе, так как нашел способ вылечиться от бесплодия. Далее приводится сложная формула состава магического зелья. Многие ингредиенты оказались незнакомыми, поэтому я решила вернуться к ней позже.

Макер души не чаял в собственном ребенке. У последнего, кстати, оказались неплохие задатки к магии. Однако вскоре процесс воспитания пошел наперекосяк. Обожание молодого папаши вдруг перешло буквально в ненависть. Увы, о причинах такого изменения в отношениях к дитятку Макер ничего не писал. Только упомянул, что больше не собирается заниматься детьми, кто бы они ни были.

Чуть позже есть запись о каком-то давнем друге по имени Нутти, оказавшимся не просто отступником, но и весьма коварным отступником. Правда, его удалось изолировать, но все может случиться, и встреча с ним грозит закончиться весьма плачевно. Макер сожалел, что связался с этим человеком и доверился ему.

Тут я задумалась. Сварт буквально вчера упомянул, мол, хозяина вынудили покинуть сей мир. Уж не этот ли коварный друг и вынудил? Заставил принять яд, например. Вдруг этот самый Нутти вырвался из места изоляции (кстати, интересно, где это место находится — в тюрьме, в подземелье?) и отомстил старому другу?

Дальше я прочитала то, что показалось мне доказательством своих догадок. Макеру удалось выяснить: один из детей имеет связь с Нутти, и связь эта представляет нешуточную опасность. И не только для Макер-тота, но и для магии вообще. Интересно, что имеется в виду под опасностью для магии вообще? Это как? Непонятно.

Я отложила чтение и снова задумалась. Нет ли среди наследников, гостивших в замке, тех, о которых писал Макер? Наверняка есть. Очень не хотелось находиться в одной компании с другом коварного Нутти, сыном отступников и дочкой безмагов. И я еще удивляюсь, что на меня кто-то покушался!

Но, возможно, у Макера были и другие дети, не упомянутые ни в одном из завещаний. Про одного из таких обделенных деток упоминал Крадиф во время первого обеда. Надо бы уточнить у Сварта.

Отложив дневники, я решила воплотить в жизнь вчерашние намерение и начать упражняться в магии. В замке все равно никого из гостей нет, а со Свартом поговорить успею всегда.

На полках книжных шкафов имелось большое количество всевозможных пособий и даже самоучителей по магии. Я достала один из них — «Магия для начинающих». И вскоре с разочарованием убрала на место. Потому что каждый урок начинался словами: «Возьмите небольшое количество чистого могуллия». Но ни чистого, ни грязного под рукой не было. Так, что тут у нас еще? «В помощь молодому улианину», «Десять шагов для овладения заговорами» и все в таком духе.

Одна их книг почему-то никак не хотела вытаскиваться. Совершенно очевидно: именно

в ней и содержатся все самые-самые интересные сведения и сокровенные знания. Я покрепче ухватила за корешок и потянула.

Раздался противный скрип, и от изумления я разжала руку.

Вот это да! Хотела взять всего одну книгу, а сдвинула с места целый шкаф! Этого никак не могло быть. Однако, вот оно, неопровержимое доказательство — шкаф слегка повернулся и теперь стоял под углом к стене. Неужели книга прилеплена к полке намертво?

А вот все равно тебя оторву, подумала я со злорадством и повторила попытку вытащить книгу. И снова с тем же результатом — зловредный том остался на месте, а шкаф сдвинулся еще немного.

Ладно, сказала я книге, если не хочешь, сиди на месте. Наверное, ты таишь в себе очень секретные материалы, не предназначенные для непосвященных. Но зачем же мебель двигать?

Выдвинутый шкаф почему-то вносил в пространство кабинета определенную дисгармонию. Я попыталась поставить его на место. Куда там! Чтобы его переместить, надо было, наверное, вытащить сперва все книги. Ну, хорошо, тогда хоть за шкафом вымою, наверняка ведь там накопилась куча пыли. Я заглянула за упрямый предмет мебели и ахнула.

В стене оказалась дверь.

Протиснувшись в образовавшуюся между задней стенкой шкафа и дверью щель я, увы, не могла. Но сообразила — та самая книга, которую я безуспешно пыталась вытащить, являлась рычагом, двигавшим шкаф. И только взялась за корешок, чтобы потянуть, как услышала шаги на лестнице.

Ну да, дверь в башню я не закрывала. Во-первых, в кабинет все равно никто кроме меня не войдет (до сих пор не понимаю, почему), во-вторых, полагала: пока дверь стоит открытой, комната никуда не удерет, а мне больше всего на свете не хотелось переместиться вместе с ней в какой-нибудь подвал или вообще неизвестно куда. Вдруг потом не выберусь!

Гвейн возник по ту сторону двери, когда я предусмотрительно уселась за стол, открыла первую попавшуюся книгу и сделала вид, будто поглощена чтением. Может, не заметит отодвинутый шкаф.

Он и не заметил.

— Обед принес, — сказал он мрачно, ставя на порог поднос с тарелками.

— А, это ты, — я зевнула, поднимая на него взгляд.

— Скучная книга? — все так же мрачно осведомился парень.

— Почти все книги по магии скучноваты, но эта особенно, — объяснила и приподняла книгу, демонстрируя Гвейну обложку.

— Эта — особенно, — подтвердил он, хмыкнув.

Я посмотрела на фолиант, что держала в руках. «Некоторые аспекты магического зачатия». Смутилась и покраснела. Пробормотала:

— Тут так много непонятного.

— Подобные знания получают не из книг, а на практике, — заявил Гвейн уже не таким мрачным голосом. — Чем всякую ерунду читать, нашла бы рецепты первой магической помощи при болезнях.

Теперь все ясно. Он заболел. Переел яблок, наверное. Или отравился в «Трех ослах».

Глава 19. Прогрессирование болезни Ариенны и целительский сеанс

Глава 19. Прогрессирование болезни Ариенны и целительский сеанс

— Вот это да!

— А вот это — нет.

Но оказалось, он печется вовсе не о себе:

— Ариенне становится все хуже и хуже. Рука распухла. Так болит, что невозможно дотронуться.

Я развела руками:

— Не знаю, чем тут помочь. Пусть едет в город.

— Отказывается, — вздохнул парень и опустил на ступеньку. — Вот скажи, Мира. Зачем нужна вся эта ваша магия, если ты элементарно не в состоянии помочь больному человеку?

— Извини, Гвейн, но ты несешь полную чушь, — холодно отозвалась я. — Сам прекрасно понимаешь, тут нужен квалифицированный целитель. Я таковым не являюсь. Отвези ее в город.

Он хотел что-то ответить, но на лестнице снова послышался топот. Кто-то очень быстро поднимался.

Этим кем-то оказался Крадиф. Опустившись рядом с Гвейном, он отдышался и сказал:

— Твоей пассии стало совсем худо.

Ого! Она уже его пассия! Видимо, со своими изысканиями я что-то пропустила.

— Мало того, что опухоль растет, — продолжал Крадиф, — так еще ладонь покрылась мелкими волдырями. Может, съездить в город и привезти целителя сюда? Или по Тукумукам о знахаре поспрашивать.

— Волдырями? — громко спросила я. — Ты сказал — волдырями?

Оба молодых человека обернулись ко мне.

— Ну да. А что?

— А то! Я, кажется, знаю, что происходит с твоей пассией. И если я права, то с минуты на минуту волдыри станут лопаться. Тогда ей мало не покажется.

Я была права. Вопль, донесшийся из недр замка, заставил нас вздрогнуть.

— Гвейн, ты, насколько я помню, сомневался в целительной силе магии, — сказала я, поднимаясь и выходя из кабинета. — Думаю, пришло время показать тебе всю ее мощь. Кстати, ты можешь мне помочь. Точнее, твоя помощь просто необходима. Понимаешь, это будет не совсем обычное лечение. Крадиф, ты тоже понадобишься. Да, и позовите, пожалуйста, Сварта.

— Что ты задумала? — с подозрением спросил Гвейн.

— Я же говорю — выздоровительный сеанс. Магия, одна лишь магия и никакого мошенства. Излечение гарантировано. Правда, пациентке будет... нет, не больно, скорее, неприятно.

Еще один вопль, намного громче и страшнее первого, казалось, потряс стены башни.

Мы втроем ринулись вниз. В гостиной стоял ничего не понимающий Сварт. Мы, не объясняя, захватили его с собой.

Ариенна, как и предполагалось, находилась в своей комнате. Она металась по комнате, стена, будто раненый зверь. Увидев нас, остановилась.

— Что? — закричала злобно. — Пришли полюбоваться на мои мучения, да? Что ж, любуйтесь!

Она протянула к нам больную руку. Как я и думала, волдыри начали лопаться, обнажая голое мясо.

— Нельзя терять ни минуты, — твердо сказала я. — Гвейн, ты за правую, Крадиф за левую. Сварт, держите ноги, только очень крепко, она станет брыкаться.

— На кровать! — скомандовал Крадиф.

Мужчины набросились на Ариенну. Схватили, повалили на ложе.

Девушка, как и ожидалось, заорала и выпучила глаза, в которых читалось не столько страх, сколько боль и злоба.

— Быстрее, Мира! — крикнул Гвейн.

Как же, быстрее. Знать бы еще, что за артефакт она скрывает.

— А ну заткнись, — сказала я Ариенне.

Та замолчала — видимо, от неожиданности. Потом оглядела нас и вспомнила, что она — утонченная благовоспитанная девушка и дрожащим голосом спросила:

— Что вы хотите со мной сделать? Убить?

— Хотели бы убить — уже убили бы, — ответил Крадиф.

— Где он? — спросила я.

— Кто? — она недоуменно захлопала глазами.

— Артефакт, — ответила я. — Запрещенный артефакт. Он должен быть на тебе. Сама подскажешь или мне поискать?

А вот теперь в ее глазах загорелась настоящая, неприкрытая злоба:

— Какой еще артефакт? Вы с ума сошли, что ли? А ну отпустите меня и пошли все вон! Иначе я пожалуюсь папочке и он разнесет весь этот замок по камушку!

— Не хочешь признаваться — придется применить силу, — сказала я.

Подошла вплотную к кровати и вытащила из-за пояса кинжал. Тот самый, с черепашкой.

Увидев оружие, девушка дернула головой. Лицо ее перекошилось от ужаса. Потом она задергалась вся.

— Мира, ну быстрее же! — снова крикнул Гвейн.

Мне и самой хотелось поскорее со всем этим покончить. Еще бы знать, что именно из надетого на девушку является артефактом.

Я начала с пояса. Не утруждая себя возней с застежкой, просто перерезала его кинжалом и бросила на пол. Посмотрела на девушку. Она прекратила дергаться и ухмыльнулась. Я поднесла острие кинжала к ее горлу. Ариенна замерла, а потом сильно дрыгнула ногами. Сварт схватился за лицо.

— Миста Мира, я не очень хорошо понимаю, в чем заключается лечение, — забормотал он, пытаясь поймать мелькавшие в воздухе ноги девушки, — но мне оно кажется очень странным.

— Да она просто хочет меня прирезать! — взвизгнула Ариенна. — Приревновала к Гвейну, а теперь отыгрывается. Вы ей поверили, да? Ну признайтесь, поверили? И вам не жалко бедную больную девушку?

— Мира, — процедил Гвейн сквозь зубы. — Если все, что она говорит, правда...

— Тогда ты меня убьешь, — спокойно продолжила я. — Но это потом, хорошо? А пока

я завешу начатое. Клянусь, я сниму с нее этот дьявольский артефакт, пусть даже мне придется раздеть ее догола!

Я срезала с Ариенного платья верхнюю пуговицу.

— Вы что, не понимаете? — взвизгнула она. — Толстая корова хочет избавиться от соперницы! Она меня зарежет, а потом скажет, что это случайность! А ну, пошла от меня вон!

Я не пошла.

Вслед за первой пуговицей последовала вторая. Ариенна снова задержалась, но уже не так активно — видимо, боялась напороться на кинжал.

— Толстая глупая корова! — надрывалась нахалка. — Быстро отойди от меня! Не трогай, я кому говорю! Оставь в покое папин подарок! Не сносить тебе дурной головы, если посмеешь сделать с ним что-нибудь. Брысь отсюда!

Папиным подарком оказалась тонкая цепочка. Ариенна носила ее под платьем, поэтому до сих пор никто из нас ее не замечал. Я глянула на украшение маго-взором. Ну, так и есть. Артефакт. Я даже не стала искать застежку. Как и в случае с поясом, просто поддела цепочку кинжалом, рассекла ее и, быстро дернув за один конец, бросила к поясу.

Во все стороны брызнули искры. Я заметила, что Крадиф замотал головой, Гвейн охнул, а Сварт от неожиданности отпустил Ариенны ноги. Потому что из тонких девичьих они превратились в волосатые мужские.

— А вот теперь, ребята, держите так крепко, как только возможно, — сказала я и лишь после этого внимательно посмотрела на того, кто лежал на девичьей кровати.

— Что это? — хрипло спросил Сварт. — Вы ее заколдовали, миста Мира?

— Наоборот, расколдовала, — ответила я, отступая на пару шагов. — Исчезло действие запретного артефакта. Она... он... носил цепочку все время, пока был в замке. Артефакт, подменяющий личину, — вот, что она собой представляет.

Если честно, я была готова увидеть кого угодно на месте Ариенны, но только не его. Вид у мужчины был поистине жалкий. Тонкая ткань платья треснула, обнажив голый вздымавшийся живот. Его обладатель тяжело дышал, пытаясь вырваться из сковывавших запястья цепких рук. Но те и не думали отпускать лежавшего. Лишь Гвейн судорожно выдохнул. Он тоже выглядел не лучшим образом. Еще бы! Воочию убедиться, что ухаживал вовсе не за прелестной барышней, а за обрюзгшим дядькой, скрывавшимся под чужой личиной — сюрприз не из приятных.

А я-то была уверена, что он встречается с Ариенной! Ну что мне стоило подумать и прийти к правильному выводу: Банкин скрывался под личиной несносной девицы! Это объясняло и то, что нахалка назвала меня Мирохардой-Юргрией. Также стало понятным исчезновение некоторых артефактов из хранилища. Никто, кроме начальства, не смог бы вынести магические предметы из музея.

Лицо мужчины исказила гримаса. Он с ненавистью посмотрел мне в глаза и рявкнул:

— Ты уволена, Мирохарда!

— Ничего подобного, мист Банкин! — нахально ответила я. — Еще посмотрим, кто из нас уволен. Я немедленно составлю докладную записку на имя директора музея о незаконных и преступных действиях начальника архива.

— Докладную записку? — взревел Банкин. — Да пиши что угодно! Кому в конце концов поверят, тебе или мне?

Я ухмыльнулась:

— Вам ли не знать, как директор реагирует на применение запрещенного артефакта.

— Какого еще артефакта? — уже менее грозно осведомился он. — Понятия не имею, о чем ты тут лопочешь.

— Все вы прекрасно понимаете! Покраснение ладони, никак не желающее проходить, а затем и пузырьки, вот-вот готовые лопнуть. Такое возможно лишь при соприкосновении с чистым могуллием, при условии, что человек носит запрещенную маго-штучку. Или вы про это не знали?

По выражению его лица я поняла — не знал. Ну и ну. И под началом этого человека я работала три года?

— Подумаешь, — буркнул он. — Ну, получил ожог, что тут такого?

— Да, в общем-то, ничего, — сказала я. — Вот только сам по себе он не пройдет. Кожа с руки начнет облезать, обнажая плоть, затем отпадет и она. И в этом случае уже ничего не поможет. Вам как можно скорее надо обратиться к магу-целителю. Но тут тоже есть неприятное для вас обстоятельство. Целителям известно происхождение подобных увечий. Как вы думаете, станут ли они покрывать вас, рискуя остаться без практики? Очень сомневаюсь. Им придется доложить о произошедшем в службу контроля магов и безмагов. Что за этим последует, остается лишь догадываться. Но для вас ничего хорошего, будьте покойны.

— Пусть так, но до этого я успею раздавить тебя, как клопа, — пообещал он.

Потом изо всех сил дернулся:

— Прикройте меня, идиоты! Долго я буду лежать в таком виде?

— Столько, сколько понадобится, чтобы вы рассказали нам причину вашего здесь появления, — сказала я.

Похоже, мой начальник не собирался ничего рассказывать. Он ухмыльнулся, напрягся и лягнул ногами державшего его за лодыжки Сварта. Тот не выдержал удара и отлетел в угол. Ну, еще бы, по сравнению с Банкиным садовник выглядел как котенок рядом с волкодавом.

Сварт рванулся было, чтобы задержать преступника, но тот, упершись ногами в кровать, дернул руками и освободился от Крадифа и Гвейна. Потом резво вскочил, отпихнул меня в сторону и выскочил из комнаты.

Не ожидавшие от бывшей дамочки такой прыти, парни рванули было следом, но я остановила их жестом:

— Далеко не убежит.

— Ты так уверена? — спросил Гвейн.

— Ага.

Естественно, я не была уверена, зато готова к такому повороту дел, поэтому, когда Банкин выскочил в коридор, тут же глянула сквозь стену маго-взором.

Навстречу моему начальнику неспешно шествовала Аквинтия с зонтиком в руке — на улице начинался дождь, а она, судя по всему, намеревалась прогуляться по саду. Увидев перед собой возникшего буквально ниоткуда незнакомого мужика в разорванном дамском платье, Аквинтия завизжала. Уж не знаю, за кого она его приняла, за насильника или извращенца, но соответствующая и тому, и другому реакция последовала незамедлительно. Как я успела понять, мамочка была дамой решительной, в чем я в очередной раз убедилась. С душераздирающим криком «ах ты, поганец!» Аквинтия обрушила на голову Банкина ни в

чем не повинный зонт. Раздался оглушительный треск — то ли голова не выдержала удара, то ли зонтик получил боевое ранение. Банкин попытался прикрыться руками, и даже, кажется, бормотал извинения — в обычной жизни он был довольно приличным человеком, а иногда и вежливым — но Тантина мамочка провела еще серию ударов. Досталось и плечам, и груди, и даже животу. Ручаюсь: она метила чуть ниже. Несомненно, Аквинтия решила: сей коварный субъект явился в замок, дабы покуситься на ее честь.

Мужики недоуменно смотрели на меня, покатывающуюся со смеху, и только Гвейн, кажется, понял — я применила маго-взор. Естественно, всем троим захотелось узнать причину моего веселья, и они двинулись к двери, но та распахнулась сама и внутрь влетел Банкн, красный, как помидор — то ли от смущения, то ли от побоев. Следом появилась Аквинтия, все еще пытающаяся огреть охальника зонтом, но увидела нас и остановилась. Оглядела всю компанию, как бы решая, по кому бы еще пройтись. Потом грозно сказала:

— Все понятно. Этот замок — натуральный вертеп. Сборище маньяков и идиотов. Ну, про некоторых, — она почему-то кивнула на меня, — все понятно с первого взгляда. Но ты, Крадиф! О тебе я была лучшего мнения.

Парень остолбенел, поморгал глазами. Наконец выдавил:

— В смысле?

— В смысле, думала, ты не принимаешь участие в коллективных развратных игрищах. Как я ошиблась! Не смей больше приближаться к моей дочери!

— Не принимаю я никакого участия! — воскликнул оскорбленный Крадиф. — И вообще, где вы видите развратные игры?

— Как — где? А кто напустил на меня извращенца?! — ее голос сорвался на визг.

— И правда, кто? — вмешалась я, строго оглядев компанию.

Банкин тем временем нырнул под кровать и лежал там тихо-тихо. Ну просто котик, скрывшийся от хозяйки, что застала любимца за поеданием мяса.

Аквинтия посмотрела на меня, и ее взгляд, казалось, прожигает насквозь:

— Разве не ты?

— А чего сразу я? — мне захотелось прикинуться дурочкой, и я быстро-быстро заморгала.

— А того! — прошипела дама. — Не делай вид, будто не знаешь, что я имею в виду. Если тебе удалось одурачить этих болванов и скрыться под чужим именем, то я сразу тебя узнала. Вся в мамашу, такая же невоспитанная и беспардонная!

Тут я не выдержала:

— Как вы смеете оскорблять маму! Вы ведь даже с ней не знакомы! И вообще, кто бы говорил! Сами вы беспардонная! Небось, по ночам тоже принимаете мужиков, как ваша дочурка!

Последнее вырвалось помимо моей воли, и я уже прикусила язык, но поздно. Аквинтия вмиг побелела и произнесла, будто через силу:

— Повтори, что ты сказала.

— Что слышали, — огрызнулась я.

— Ты врешь, — дама попыталась взять себя в руки. — Танти не такая. Она не может...

— Идите и спросите у нее сами, может или нет, — отпарировала я.

Несколько мгновений она все еще смотрела на меня, а потом произнесла:

— Уверена, ты ошибаешься. А вот я нет. С твоей мамашей мы действительно знакомы. Встретились здесь же, в замке, много-много лет назад. Оторва была еще та. Я очень, очень

сильно сомневаюсь, что ты его дочь.

Вслед за этим она повернулась и медленно вышла.

— Моя мама сюда вообще не приезжала! — крикнула я ей вслед. — Не знаете, так и молчите!

И только тут заметила, как на меня смотрят мужчины.

— Что? — недоуменно спросила я, обведя их взглядом.

Гвейн пожал плечами, Крадиф отвернулся, и только Сварт тихо сказал:

— Знаете, миста Мира, я думал, что один уловил сходство. Решил, подсознание играет злую шутку, или же память никак не успокоится, но теперь, именно сейчас понял: Аквинтия наверняка права.

— Да в чем?! — заорала я.

Но тут краем глаза заметила движение и обернулась. Банкин, обрадовавшись, что внимание оппонентов переключилось на другой объект, выбрался из-под кровати и ползком подбирался к окну. Вот ведь жук!

— А ну хватай его! — крикнул Гвейн, тоже заметив маневр моего начальника.

На этот раз я поступила по-другому. Едва только мужики схватили и повалили Банкина на ковер, подскочила, обернула его шею цепочкой и провела по ее свободным концам кинжалом. Украшение вновь стало целым, а Банкин — Ариенной. Весьма потасканной Ариенной, надо сказать.

— Молодец, Мира, — похвалил Гвейн. — Правильно сделала. С девицей управляться намного проще.

Я хотела добавить — особенно тебе, но решила промолчать. Вертеп вертепом, но напоминать приятелю, что он ухаживал за толстым старым мужиком, не хотелось. По крайней мере, не сейчас.

— Немедленно отпустите меня, грубые мужланы! — заверещал Банкин тонким голосом Ариенны. — А ты, негодька, сними цепочку!

— А вот хрен тебе, — зло сказал Крадиф. — Сиганешь в окошко, и поминай как звали. Кстати, как его зовут Мира? Я что-то не уловил.

— Банкин его зовут, — отозвалась я.

— Ну и сиганет, — сказал Гвейн. — Далеко все равно не убежит.

— А ему далеко и не надо, — отозвалась я. — В Тукумуке видели человека, похожего на моего начальника. Это и в самом деле был Банкин. Так?

Я ткнула девицу под ребра. Она оскалилась.

— Молчание — знак согласия, — перевела я ее гримасу. — Значит, Банкин приехал — кстати, уверена, следак к машине прицепил именно он — снял комнату в постоялом дворе, сменил личину и заявился сюда под видом наследницы.

— Так это он каждое утро сжирал по десять яиц у «Трех ослов»? — изумился Гвейн. — И нам ничего не оставлял? Ну, ты и эгоист, приятель!

— Никакой следак я не цеплял! — огрызнулся Банкин. — Нечего на меня всех собак вешать!

— Но яичницу ведь ел? — уточнил Гвейн.

Банкин захихикал противным девичьим смехом:

— «Три осла» — конечно, еще тот гадюшник, но яишенка у них знатная. Очень жаль, мои юные друзья, что вам так и не пришлось ее отведать!

— Ничего, еще отведаем, — успокоила его я.

— А давайте я вам помогу, — кокетливо заявила девица, стрельнув глазами поочередно во всех мужчин. — Гвейни, тебе ведь нравилась моя компания, правда? Может, снова скатаемся вниз вдвоем?

Она вновь захихикала. Гвейн побагровел.

— А ну заткнись, — сказала я, помахивая кинжалом у ее лица. — Лучше скажи, зачем ты сюда явилась... явился... вы явились.

Я окончательно запугалась, так и не определившись, как мне обращаться к этому оборотню. Потом решила — раз ему захотелось обернуться девицей, то и я буду принимать его за особу женского пола.

— Ничего я вам не скажу, — заявила она. — Если вы олухи и сами ничего не понимаете, оставайтесь олухами и дальше.

— Это как-то связано с кладом? Ну, который под яблоней? — спросил Крадиф.

— Пошел вон, дурень, — капризно заявила Ариенна.

Я смотрела на нее и поражалась все больше. С ней, вернее, с Банкиным произошла какая-то перемена. Он не старался вырваться, вел себя весьма развязно и вызывающе. В общем, ни капли страха. С чего бы это?

— И тем не менее, — сказала я. — Рассказать придется. Иначе я поведаю плохим дядям из охраны музея, что кое-кто кое-что стырил из хранилища!

— Потому что кое-кто прозевал вора, — нежно ответила Аниенна и показала мне язык. — А еще этот кое-кто настолько глуп, что не знает, куда приехал и что надо искать. Хотя кое у кого кое-что находится прямо под носом!

— Под носом? — озадачено спросила я, посмотрела на кинжал, и тут меня осенило. — Слушай, а ведь это ты залезала ко мне ночью. Да?

Девица снова захихикала.

— Вертеп, — сказал Гвейн и закатил глаза. — Нет, вы как хотите, а я согласен с Аквинтией. Мы — извращенцы, участвующие в одной большой оргии.

— Погоди, Гвейн, — остановила я его и обратилась к Ариенне. — Значит, точно ты. Залезла, чтобы стащить кинжал, о который обожглась. Пыталась понять природу воздействия. Ты ведь сразу поняла, что это магическое воздействие, правда?

— А вот и нет, а вот и нет, — радостно защебетала она. — Я хотела предаться с тобой любви. Разве ты, Мирохарда-Юргрия, никогда не замечала, что я к тебе равнодушен?

Ну да. Мне следовало бы догадаться раньше, что под маской Ариенны скрывается кто-то другой. Потому что подлинная Ариенна уж точно не могла знать мое второе имя.

— Нехорошо вы себя ведете, мист, — укоризненно заметил Сварт. — Не гоже так кривляться в вашем-то возрасте, поверьте.

— Вы все идиоты, — устало проговорила Ариенна. — Кривляться или нет, какая разница, если я не могу его найти. Оно находится здесь, я точно знаю. Вместо того, чтобы искать, вы мечетесь, подкапываете яблони, мечтаете, где бы что сожрать повкуснее... Да я бы не ел, наверное, целый год, только чтобы его обнаружить. И найду. Вернее, вы меня к нему приведете.

— К чему? — воскликнули мы хором.

— К Яблоку Света.

Я не успела удивиться, снова услышав про странное яблоко. Потому что заметила, как Ариенна быстро сжала кулак здоровой руки.

— Гвейн! — закричала я, потому что он держал девицу именно за эту руку.

Поздно. Что-то хрустнуло, в воздухе разлился приторный запах фиалки, и Ариенна обмякла, закрыв глаза. Гвейн разжал ее кулак. Вниз посыпались осколки раздавленной капсулы.

— Что за дела? — недоуменно спросил парень. — Он отравился?

— Только этого не хватало, — проворчал Сварт. — Чувствую, следующим трупом буду я. Потому что наследница свернет мне голову.

— О, я, кажется, знаю, — сказал Крадиф. — Он не помер, всего лишь спит. В капсуле было магическое снадобье. Как бишь его? Летаргин, кажется.

— Летаргин? — переспросил Гвейнард.

— Ну, такая штука, которая вроде как усыпляет, а на самом деле замедляет процессы в организме. Я однажды спер у папочки несколько капсул, и мы с тукумукскими мальчишками раздавили по одной...

— В результате чего у двух мам случился сердечный приступ, а еще одна лишилась чувств, — сухо заметил Сварт.

Крадиф виновато вздохнул:

— Ну мы же не знали... Не могли предвидеть.

— Так ведь хозяин не напрасно запретил красть из кабинета все, что плохо лежит.

— Чего сразу красть-то? — возмутился парень, и я поняла, какой он еще в сущности мальчишка. — Я просто взял. Ариенна тоже где-то взяла. Наверняка ведь в кабинете. Ей, значит, можно?

— Вполне вероятно, мист Банкин купил летаргин в городе и привез с собой, — вмешалась я. — Несмотря на то, что это довольно редкое снадобье, да к тому же дорогое, его все-таки можно найти в продаже. Думаю, в чемодане нашей красотки найдется еще много интересного.

Крадиф без промедления нырнул под кровать, вытащил чемодан и откинул крышку.

Мы глянули на содержимое и присвистнули.

Чего там только не было! Я опознала как минимум пять предметов из украденных в музейном архиве. Ну, щипцы универсальные (используются как для завивки локонов, так и в качестве пыточного инструмента) Ариенне-Банкину пригодились бы в любой ипостаси. Но скажите, зачем таскать с собой ложку-непроливайку, из которой суп не вытекает при любом положении? Или для чего могут понадобиться привораживающие пилюли? Хотя насчет последних я, кажется, догадываюсь. Заморочить голову какому-нибудь простачку и заставить плясать под свою дудку в деле отыскания ценного артефакта. Вот интересно, сколько таблеток успел слопать Гвейнард? Я подняла упаковку. Не хватало двух штук. Что ж, пусть Гвейни скажет спасибо, что так легко отделался.

— И долго она... он так... пролетаргирует? — спросил Гвейн, не догадываясь о моих подозрениях на его счет.

— В зависимости от дозы, — ответила я. — Может, час. Может, день. А, возможно, и месяц. Меня больше волнует, зачем она... он это сделал.

— Хотел, чтобы на время про нее забыли? — предположил Гвейн.

— Но ведь ей нужно какое-то яблоко, — сказал Крадиф. — А если мы отыщем его раньше?

— Главное здесь — не «раньше», а «отыщем», — сказал Сварт. — Ох уж мне это яблоко

света. После смерти Макер-тота оно вдруг почему-то всем срочно понадобилось. Я подозревал, что среди наследников обнаружится подставное лицо, но чтобы вот такое...

Он кивнул на лежащую Ариенну. Видок у нее был, прямо сказать, не лучший. Бледное, почти белое личико, торчащий подобно клюву нос, разорванное на груди платье, тощие голые ноги.

— Давайте ее прикроем, что ли, — предложила я.

На кресле валялся плед. Гвейн протянул руку, но взять не успел. Потому что именно в этот момент в комнату зашли Аквинтия и Танти.

Если до этого момента у мамыши еще оставались сомнения в нечистоплотности наших намерений, то теперь они развеялись, как легкий дымок под порывом ветра. Вид лежащей без движения и, судя по всему, замученной девушке в разорванном платье ясно давал понять, чем мы тут, собственно, занимаемся.

— Ну, что я тебе говорила? — со злобным торжеством в голове спросила мамаша, обращаясь к своей дочурке, но глядя почему-то на меня. — Сперва натравили на меня маньяка-извращенца, потом замучили бедную девочку. Да еще и в вещичках ее копаются. Хороша банда, нечего сказать. Мне страшно находиться с ними под одной крышей.

— Вы все неправильно поняли, — поспешно сказал Крадиф. — Бедную девочку мы замучили перед тем, как натравили. То есть, не то, чтобы натравили. Это он сам, по собственной инициативе. Сбежал от нас, когда осознал, что его карта бита. А потом случайно на вас наткнулся. И уже после этого снова стал девочкой.

По мере того, как он говорил, лицо дамы вытягивалось, а его выражение из злобного становилось испуганным. В конце концов, на нем проступил такой ужас, что Сварт не выдержал:

— Крадиф, помолчите, будьте так добры. Необдуманной болтовней вы не только испортите отношения с мистой Танти и ее матушкой, но и создадите себе дурную репутацию. А вас, уважаемая Аквинтия, я прошу не реагировать на происходящее столь эмоционально и тем более не делать поспешных выводов. Все это может выглядеть ужасно, но поверьте, никаких извращенцев здесь нет. Перед вами лежит самый настоящий преступник, принявший облик девушки, дабы незаконным путем проникнуть в замок и обокрасть его. К счастью, благодаря смелости и отваге мисты Миры нам удалось нейтрализовать негодяя. Он, как и следовало ожидать, стал сопротивляться, а потом попытался сбежать. К счастью, наткнулся на вас, и вы своими умелыми действиями не дали ему ускользнуть.

Определенно, Сварт польстил Аквинтии, и та заметно смягчилась.

— Сейчас он пытается выиграть время, притворяясь мертвым, — продолжал садовник. — Поэтому прошу вас: будьте начеку. Возможно, нам еще понадобится ваша смекалка и быстрота реакции.

При последних словах дама, кажется, слегка улыбнулась, но тут снова посмотрела на меня:

— И все-таки, Сварт, сдается мне, Мира приложила руку ко всему происходящему. Зная, кто она такая, кто ее родители...

— Еще раз настоятельно прошу не делать поспешных выводов, — начал Сварт, но я его перебила:

— Погодите, я ничего не понимаю. Откуда вы знаете моих родителей, Аквинтия? И почему позволяете себе отзывать о них столь пренебрежительно?

Она открыла было рот, но снова смешался садовник:

— Уверен, миста Аквинтия ошибается и принимает вас за кого-то другого. Все, давайте на этом закончим нашу дискуссию.

Дама поджала губы. Тут подала голос Танти. Тонким испуганным голосом она спросила:

— Но почему вы не вызовете следователя? Если в доме преступник, может случиться все, что угодно.

— Не волнуйтесь, вызовем, — заверил Сварт.

На этом дискуссия была прекращена, но, выходя из комнаты, я поймала на себе подозрительный взгляд Аквинтии. Интересно, в чем она меня все-таки обвиняет?

Глава 20. Что скрывает потайная дверца

Глава 20. Что скрывает потайная дверца

«Я бы сформулировала, но формуляр сегодня не работает»

Афоризм, приписываемой святой Аненаде

Мужчины задержались, чтобы привязать Банкина-Ариенну к кровати.

— И не жалко бедную девушку? — спросила я Гвейна, когда он нашел меня, сидящую в каминном зале и разглядывающую родовое древо Макер-тота. — Кажется, она тебе когда-то нравилась.

Гвейн уселся рядом и присоединился к любованию яблоней:

— Мира. Я понимаю, что отныне стану предметом твоих насмешек. Но уверяю, с моей стороны это была всего лишь любезность.

— Мне-то что, — пожала я плечами. — Любезничай сколько влезет и с кем пожелаешь. Однако смею заметить, форма не всегда соответствует содержанию. В чем ты и сам, наверное, успел убедиться.

Он только вздохнул. Потом внезапно встал и, не отрывая взгляда от яблони, подошел к ней почти вплотную. Оглянулся, поманил меня.

— Что ты там увидел? — спросила я, подходя.

Он указывал на портрет женщины, находившейся рядом с изображением Макер-тота. Покойной супруги хозяина. Как бишь ее? Файле, кажется.

— Никого не напоминает, как считаешь?

Я пожала плечами:

— Никого.

Хотя не была в этом так уверена. Она действительно напоминала мне...

— Тебя, — озвучил мои мысли Гвейнард.

— Меня? — непритворно изумилась я. — Хочешь сказать, мы с ней родственницы?

— Я хочу сказать только то, что сказал. Ваше сходство бросилось мне в глаза только сейчас. Может, после того, как Аквинтия упорно намекала, что знает твоих родителей. У хозяйки... бывшей хозяйки замка была сестра, как думаешь?

— Если и была, то уж точно не моя мама, — отрезала я, переводя взгляд на Макер-тота.

Едва я на него посмотрела, как портрет снова ожил, как прошлой ночью. Снова показалось, что хозяин хочет сообщить нечто важное. Глаза его завращались, рот беззвучно открывался. Зрелище не для слабонервных.

— Не понимаю, — жалобно сказала я.

— Чего? Вашего сходства? — спросил Гвейн.

— Да ну тебя с твоим сходством, — разозлилась я. — Макер-тот хочет нам что-то сказать.

Парень тоже взглянул на портрет:

— Он показывает глазами вниз. А что у нас внизу?

— Пол, — сказала я.

— А еще ниже?

— Понятия не имею. Подвал, наверное.

— Гм. Может, он призывает поискать в подвале?

— Что поискать?

— Ну, это самое. Яблоко фонаря.

И он туда же. Когда любовь к тебе придет, магический отведай плод. И всякое такое проклад под яблоней.

Тут меня осенило.

— Ну конечно! — воскликнула я. — Ведь и призрак говорил про магический плод! Гвейн, я уверена — в виду имелось Яблоко Света!

— И что? — меланхолично отозвался мой приятель. — Ну, допустим, ты права. Легче тебе от этого стало? Сад уже весь перекопан, никакого клада там нет. Можно, конечно, пройтись по второму разу, но, думаю, Сварт уколошит нас прежде, чем мы дотронемся до лопат.

— Это точно, — согласилась я. — Чтобы не подкапывали корни особо ценных деревьев. Как думаешь, это он пульнул в меня силовым импульсом?

Гвейн усмехнулся:

— Даже если и он, осуждать его я не буду. Он ведь все-таки садовник. Поэтому беречь и преумножать урожай обязан. Так или нет?

— Так, — согласилась я.

— К тому же, он утверждает, что не узнал тебя в странном балахоне.

— Это все-таки был он?!

— Не знаю, — тут же пошел на попятную Гвейн. — Я этого не говорил. Я вообще ничего не говорил.

Он поспешно вернулся к созерцанию родового дерева:

— А давай спросим Макер-тота, что он думает по поводу странного призрака, Светлейшего Яблока и прочих странностей.

— Зачем? — поразились я. — Он ведь не может говорить.

— Говорить не может, — согласился Сварт, — зато может кивать головой. Так ведь, папочка?

Человек на портрете сморщил нос и замер, глядя в одну точку.

— Не хочет, — разочарованно сказала я. — А почему ты назвал его папочкой?

— Сам не знаю, — пожал плечами Гвейн. — Возможно, потому что он годится по возрасту нам в отцы.

— Тогда уж в деда, — сказала я. — Ладно, ты как знаешь, а я пойду в папочкин кабинет. Интересно, в связи с выбыванием из игры одной из наследниц список вещей уже можно не искать? Подозреваю, его по какой-то причине разорвали. В кабинете я нашла множество обрывков. Их придется очень аккуратно склеить, чтобы понять, чем это было раньше. Может быть, там хранились действительно важные документы. Вот только у меня на это совсем нет времени.

— В чем же дело? — сказал Гвейн. — Давай я посклеиваю. Заняться-то все равно нечем.

— Ах да, разделяю твою скорбь, ведь дама твоего сердца забылась летаргическим сном.

Я произнесла последнюю фразу очень спокойно, даже немного сочувственно, однако для Гвейна она оказалась последней соломинкой. Он больно схватил меня за руку:

— Еще раз скажешь что-либо подобное...

— И что? — ледяным тоном произнесла я, вырывая руку.

— Пожалеешь.

Он хотел добавить еще что-то, но тут в каминном зале появился Сварт.

— Миста Мира, — обратился он ко мне, — как вы считаете, можем мы вызвать поверенного для окончательного разрешения вопроса о завещании?

Я задумалась. Конечно, Банкин только изображал нежную девицу. Но где в это время находилась настоящая Ариенна? Ведь она была наследницей, поэтому ей надлежало присутствовать в замке. Жуткая мысль поразила меня: а вдруг девушка лежит в каком-нибудь холодном подземелье, полном крысами, связанная, с кляпом во рту и умирает от голода и холода...

Садовник, перехватив мой встревоженный взгляд, видимо, догадался, о чем я думаю, и ответил:

— Подлинная миста Ариенна сейчас находится дома, в столице. Я связался с ней по вашему переговорнику. И знаете, она поведала мне довольно забавную историю. Не так давно к ним пришел один мист, представившийся дальним родственником Макер-тота, по огромному недоразумению оставшимся без наследства. Он очень, очень, ну просто чрезвычайно хотел получить что-нибудь на память о почившем дядюшке. Думаю, вы догадываетесь, кто это был. Он предложил пару безделушек за документ о передачи права на получение наследства.

— Странно, почему он приехал сюда под видом девицы, — задумчиво сказал Гвейн. — Имея доверенность, мог бы не менять ни внешность, ни пол.

— Не скажите, — покачал головой садовник. — Посторонний человек неминуемо вызвал бы подозрение. А он хотел добраться до Яблока Света, не привлекая внимания. А потом предстал бы перед нами в своем истинном облики, потрясая доверенностью и утверждая, что девушка только что уехала. Поскольку Ариенна и вправду не собиралась никуда ехать, то выдала сей документ без лишних раздумий.

— Идиотка, — пробормотал Гвейн.

— Не сказал бы, — возразил Сварт. — За него она получила защитный амулет и чашку-непроливайку.

— Вот гад, — с чувством сказала я. — И то, и другое спер из музея. Своими бы руками придушила.

— Так иди и придуши, пока есть такая возможность, — разрешил Гвейн. — Или нет, лучше напиши заявление о музейной краже. Его потом без тебя придушат.

— Бесполезно, — махнула я рукой. — Банкин ото всего отопрется, экспертиза и охрана ничего не покажут — он ведь, поди, пользовался какой-то дырой в защитном контуре. Приметы, выданные поисковиком, можно присобачить к доброй сотне сотрудников. Так что привлечь Банкаина, увы, невозможно. Единственное, надо найти ту самую дыру в защите. Я обязательно сообщу о ней своему начальнику... то есть, его заместителю. Хотя, наверное, они и сами об этом знают, я же оставила записку в архиве!

— Записку наверняка уничтожили, — грустно сказал садовник. — Это довольно весомая улика.

— Не уверена, — возразила я. — А вдруг Банкин ее не заметил?

— Тогда уничтожил другой воришка. Миста Мира, я думаю, во всем вашем музее вы — едва ли не единственный работник, который не стащил ни одной маго-штучки.

Я нахмурилась:

— Что вы хотите этим сказать, Сварт? Вообще-то поисковик, которого я просила выявить недостающие предметы в архиве, описал приметы всего лишь троих воришек. Это

говорит о том, что честных людей на самом деле гораздо больше, чем вам хотелось бы думать.

— Это говорит лишь о том, что остальные крали не из архива, а из других помещений, — резонно возразил садовник. — Мира, вы еще достаточно молоды, верите в альтруизм и великодушие. И это правильно, это хорошо. Однако не мешало бы видеть вещи в их истинном свете. Как вы полагаете, работникам музея платят за их труд достаточно?

— Ну-у-у... — протянула я. — С голоду пока еще никто не умер.

— То есть, жизнь чуть лучше чем у нищих, получающих дотацию от правительства, вы считаете нормой? Не отвечайте, вижу, вы не думали на эту тему. Вам денег в принципе хватает, и ладно. Не шикуете, конечно, но, как правильно заметили, с голоду умирать не собираетесь. А вот, скажем, у одного из вашего коллег жена не работает, сидит дома с ребенком. И на свою зарплату он должен содержать трех человек. Ему никак, ни при каких раскладах не хватит денег. Но он не уходит из музея на высокооплачиваемую работу. Почему?

— Вы хотите сказать, у нас все, кроме меня, ворюги?

Мне вдруг стало так горько и обидно, что к горлу подступил комок.

— Нет, ну что вы, — возразил садовник. — Вовсе нет. Кому-то, как и вам, хватает жалованья, у иных есть богатые родственники, могущие содержать великовозрастных балбесов. Третьи подрабатывают по вечерам. Но их, я уверен, меньшинство. Зато четвертые запросто могут сливать информацию. О местах хранения артефактов, об их перемещениях. Переписывать и продавать священные заговоры, рецепты. Ну, про пятых я молчу. Вы и сами уже поняли, что в защитном контуре есть дыра. И в надлежащем состоянии ее поддерживает кто-то из охранников, которому за его услуги тоже отстегивают.

— Вы, наверное, правы, — сказала я севшим голосом, припомнив вечно клюющего носом начальника охраны. Он постоянно брал ночные дежурства, чему никто особо не удивлялся.

От полученной информации стало не по себе. Неужели теперь до конца жизни придется относиться к своим коллегам с предубеждением?

Я внезапно вспомнила, о чем хотела спросить Сварта, но, вовлеченная в суматоху с Ариенной, совершенно забыла.

— Сварт, мне нужна ваша помощь. Насколько я поняла, вы живете здесь очень давно, знаете историю замка едва ли не с основания. Скажите, у митса Макер-тота были дети кроме Данни, Ариенны, Крадифа и Танти?

— Ну... это сложный вопрос, — замялся садовник. — С одной стороны, конечно... но с другой — оно вроде как и не совсем...

Я уставилась на него с недоумением:

— С какой другой стороны? Что значит — не совсем? Был не совсем ребенок, что ли? Или умер в раннем возрасте?

— Ну что вы, миста Данни! — возразил Сварт. — Никто тут в раннем возрасте не умирал. Но... Был еще один сын, сбежавший из замка в возрасте семи лет; с тех пор о нем никто ничего не слышал. А еще бывшая хозяйка родила мисту Макеру ребенка, и...

— Постойте-ка, — сказал Гвейн. — Мира, не ты ли мне рассказывала, что у магов не может быть детей? Их удел — бесплодие как последствие усердного занятия магией. Разве не так?

— В обще-то так, — начала было я, но садовник перебил:

— Нет, не так.

Я удивилась:

— Что вы хотите сказать, Сварт? То есть, я, конечно, прочитала в записях вашего бывшего хозяина, как именно он избавился от бесплодия, но... Но ведь это лишь исключение из общего правила, разве нет?

— Нет, — снова довольно уверенно возразил садовник.

— Поясните, — попросила я.

Садовник тяжело вздохнул:

— Дело в том, миста Мира, что бесплодие у магов — это и в самом деле распространенное явление. Вот только появляется оно не вследствие контакта с могуллием, как нас уверяет Высший Сход уже на протяжении нескольких веков.

— Тогда... почему же? — я все еще ничего не понимала.

— Потому что на посвящении каждый маг обязан пройти некий обряд и принять специальный препарат...

— ...порождающий невозможность продолжить род, — закончила я, осененная внезапной догадкой. — Неслыханно! Зверство какое!

— Ну... в какой-то степени можно сказать и так, — согласился Сварт.

— Чудовищно! Но зачем кому-то делать магов бесплодными?

— Видите ли, миста Мира, доподлинно об этом сейчас никому не известно. Маги постарались стереть память обо всем, что могло бы пролить негативный свет на пятиотцовство. Однако мист Макер-тот узнал истинную причину бесчеловечного обряда.

— И? — я все еще ничего не понимала.

— К сожалению, он узнал о ней уже после рождения малышки. Причина и послужила выдворению дочки из замка и практически полной замены ее памяти. К счастью, хозяин нашел для девочки отличных родителей.

— Так в чем же причина?

Я уже почти кричала.

— В том, что дети магов рождаются дебилами, — сказал Сварт.

Я остолбенела:

— Вы хотите сказать, что магия порождает в организме необратимые процессы, которые сказываются на умственных способностях наследников?

— Именно, — кивнул Сварт. — Поэтому Высший Сход и решил: бесплодие лучше вырождения народа.

— Так ведь в случае бесплодия вырождение тоже происходит, разве нет? — воскликнула я. — Сами посудите. Лучшие умы, вместо того, чтобы передавать гены детям, добровольно отказываются иметь последних?

— Не удивляйтесь, миста Мира, — грустно сказал садовник. — Каждый маг во время обряда посвящения волен выбирать, что ему дороже — дети или любимое занятие. И порой молодые люди отказывались от занятий магией, выбирая семью.

Я почувствовала, будто привычный мир встал с ног на голову. То, что рассказал Сварт, потрясло меня до основания. Неужели для кого-то магия могла значить больше, чем родное дитя? Конечно, пятиотцовство как-то решало проблему, однако теперь я почему-то — не знаю, почему — склонялась к мнению, высказанному Гвейном: родная семья дороже всего.

— А что случилось с родной дочкой? — спросила я. — Она действительно... того? Дебилка?

Если честно, мне было жаль девочку. Я представила ребенка с бессмысленным выражением глаз, пускающего слюни и бормочущего неразборчивые слова. Его, словно кутенка, подбросили другой семье.

Впрочем, так поступают со всеми детьми.

— Миста Мира, — Сварт смотрел на меня так жалостливо, будто самолично отдал ребенка в чужие руки и теперь в это раскаивался. — Не принимайте эту историю так близко к сердцу. С девочкой все хорошо.

Хорошо, как же. Чем изобретать крутые артефакты, взяли бы да и создали лекарство против магического дебилизма!

— А вы откуда знаете?

— Мист Макер-тот создал ей все условия... Возможно, у новых родителей ей жилось намного лучше, чем в замке.

Я хотела сказать — лучше бы оставил девочку у себя и любил бы, но тут вмешался Гвейн. Он, ни слова не говоря, взял меня за руку и потащил к лестнице, ведущей в ближайшую башню.

— Эй! — сказала я. — Мы что, разве туда собирались?

— Мы — нет. Ты — да.

— А ты куда собрался? Кто будет охранять Ариенну-Банкин?

— Сейчас охраняет Крадиф. Я сменю его позже. А тебе надо отвлечься. Потому что ничто не отвлечет мисту Миру так хорошо, как получение новых магических знаний. Я прав?

— Ну... наверное, да.

— Тогда вперед! Точнее, наверх. Не волнуйся, обед я принесу. Работай спокойно. Проводить тебя до кабинета?

— Не надо, — ответила я, удивляясь, с чего вдруг Гвейн стал обо мне заботиться без напоминаний со стороны.

Он же, будто для усиления эффекта, добавил:

— Я бы мог, конечно, взбежать на башню и посмотреть, на месте ли кабинет, но боюсь, этот негодник слушается только тебя.

Опасаясь, что он вдруг скажет «я тебя разыграл, а ты и поверила», я повернулась и стала подниматься по лестнице, стараясь не оглядываться. Но все-таки не выдержала, оглянулась.

Он стоял на том же самом месте и смотрел мне вслед своими бездонно-голубыми глазами. Поймав мой взгляд, улыбнулся.

Ну да, конечно. Ему просто скучно без Ариенны. Вот и строит мне глазки.

Больше я не оглядывалась.

Кабинет, как ни странно, нашелся сразу же. Мне почему-то подумалось — а вдруг он заранее чувствует мое приближение. Я пожалела, что не поднялась в другую башню, но проверять свою теорию не стала. Просто не было сил. История с Банкиным вымотала всех до предела.

Первым делом, конечно же, собралась двигать шкаф, но с изумлением поняла, что могу протиснуться к заветной дверке и так. Он сам, что ли, подвинулся, без моей помощи?

И тут до меня дошло. Яблочная диета.

Я похудела настолько, что оказалась способна пролезть в небольшую щель между двумя шкафами. Еще вчера не могла, но поголодала вечером — и вот вам результат. То-то я смотрю, ремешок на спортивных брюках приходится затягивать все туже и туже, а мамыны

кофточки болтаются на мне, как на вешалке.

Приободренная одним приятным открытием, я поспешила совершить другое — той самой зашкафной двери.

Шагнула внутрь и остановилась, пораженная.

В маленькой комнатке, куда я попала, царил полумрак — свет проникал сюда лишь из узенького окошка в стене. Тем не менее, я ясно различила человека, сидящего в дальнем от меня углу. Он склонил голову на руки, сложенные на поджатых коленях, однако, при моем появлении поднял ее.

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Это был мой папа.

Конечно, живым я его видела в последний раз, когда мне было три года, и я совсем его не помнила, а потом меня навещала одна мама... Однако вся наша квартира была пропитана воспоминаниями о папе, его портретами, вещами. Памятью о нем. Я просто не могла его не узнать. Тем более, он очень часто снился мне, и во сне представлял именно такой, какой сидел сейчас в углу комнаты.

— Мира, — тихо сказал он.

— Папа, — всхлипнула я.

Мне хотелось подойти к нему, поднять, повиснуть у него на шее, вывести отсюда, сесть с ним рядом на диван и слушать, не перебивая, все, что он расскажет — где был, чем занимался, как попал в эту башню...

А действительно, как он сюда попал?

— Ты выросла, дочка, — сказал папа. — Стала такая красивая. Очень похожа на маму. Кстати, как она?

— Она... нормально. После того, как ты пропал, долго болела, но потом вылечилась.

— Я знаю, это потому что ты была рядом.

— А... ты? Где был ты? Как сюда попал?

Он покрутил головой, оглядываясь:

— Не знаю. Не помню. Я мало что помню, дочка. Сначала долго летел, потом эта авария. Потерял сознание, когда падал. Очнулся в полной темноте. Потом пришла ты.

— Но... ведь прошло столько времени. И ты совсем ничего не помнишь?

— Совсем ничего.

— Папа, вставай, пойдем отсюда.

Я сделала шаг в его сторону, но он предостерегающе поднял руку:

— Не подходи ко мне. Я болен, очень болен. Ты можешь заразиться.

— Болен? Но чем?

— У меня лихорадка.

В подтверждении этих слов его начала бить дрожь.

Я стояла, не зная, что предпринять. Позвать на помощь Сварта? А вдруг, пока я бегаю, с папой что-нибудь случится? Надо его накормить, но чем?

Вдруг раздалось истошное мяуканье, и в комнатку влетел черный кот. Он, не раздумывая, побежал в тот угол, где сидел папа. Я хотела его остановить, но не успела.

— Уберите его! — крикнул папа, замахиваясь рукой.

Кот прыгнул. В тот момент, когда он коснулся лапой сидящего человека, папа вдруг исчез.

— Ничего себе, — только и смогла выдавить я. — Киса, что ты с ним сделал?

В углу, где только что сидел папа, стоял небольшой сундучок. Крышка его была откинута. Кот подошел, сунул в сундучок нос, понюхал и оглушительно чихнул. Потом повернулся ко мне и довольно внятно сказал:

— Ничего не сделал. Он сам развеялся.

Я остолбенела. Котяра разговаривает?! Не может быть. Это наверняка последствия перенесенного шока.

— Мороки только и могут, что пугать людей, — продолжил кот. — Должен же был кто-то защитить тебя.

— Мороки? — непонимающе уставилась я на кота.

— Да ты, похоже, не в себе, — сказал кот. — Мороки, кто ж еще.

— А... почему ты разговариваешь?

— А почему нет? Я всегда разговариваю, только ты не понимаешь.

Значит, кот сам не понял, что разговаривает не на своем кошачьем, а на датнетском языке. Но как это могло произойти? С чего он вдруг перешел на человеческий?

Ага, он понюхал содержимое сундука.

Я подошла ближе.

Сундук до верху был наполнен сверкающим серебристым порошком.

Неужели чистый могуллий?

— Мороки, они такие, — продолжил кот. — Охраняют от посторонних ценные вещи.

Ну конечно. Это был всего лишь морок, не дававший мне подойти к сундуку. Он принял облик папы, потому что каким-то образом почувствовал: именно папу я не смогу послушаться и не подойду к заветному сундуку. Именно папа мог приказать мне, заставить, затуманить мозги.

— Ты теперь всегда будешь разговаривать? — спросила я кота.

— Пока не сдохну, — заверил меня кот.

Ну да, по кошачьи. А по-данетски — только пока длится действие могуллия.

— Но ты это... на всякий случай не болтай при посторонних, ладно? — попросила я.

— Как скажешь, — кот дернул хвостом.

Нелегко было смириться с мыслью, что больше я не увижу своего папу. Пусть даже в виде морока. А если выйти и снова зайти? Появится он снова или нет? Скорее всего, не появится, кот ведь его разогнал.

Что ж, зато теперь я вволю смогу поэкспериментировать с могуллием, освоить заклинания, подучиться магии. Как говорится, нет худа без добра.

— Пошли отсюда, — сказала я коту. — Сундук мы вряд ли поднимем. Надо найти какую-нибудь посудину для порошка.

— Не трогай его, — сказал кот. — Чую, не простой это порошок.

— Ты прав, не простой. Волшебный. Но ты не бойся, я постараюсь не причинить вреда ни себе, ни другим. Я ведь не маг-отступник, черными экспериментами заниматься не собираюсь.

— То, что днем кажется белым, ночью становится черным, — изрек кот.

— Ого, да ты философ, — усмехнулась я. — Что ж, по ночам колдовать не буду.

Глава 21. Самообучение колдовству

Глава 21. Самообучение колдовству

«Говорящих котом не бывает»
(говорящая собака)

Порошок я зачерпнула найденной в кабинете каменной чашей. Последняя оказалось хоть и небольшая, но довольно тяжелая. Видимо, служила скорее декоративным целям, нежели практическим, потому что пить из нее мог только очень-очень сильный человек, да и то сломался бы на пятом глотке и выпустил ее из вдруг ослабевшей руки.

Я водрузила чашу на стол, села в кресло и открыла книгу с заклинаниями. Теперь у меня был чистый могуллий, как и требовали все рецепты. Ух, как мне не терпелось поколдовать! Я пробежалась по оглавлению. Ну-с, с чего начнем?

Ага, защитная стена. Очень полезная штука. К примеру, очнется мой начальник, полезет в драку или, напротив, целоваться, а я — опа — стену ему вместо объятий. Он мордой об нее — хрясь! Отскочит, и еще раз, уже затылком — шмяк! А потом: «Мира, пиши заявление по собственному желанию». М-да...

Или вот — световой шар. Если, скажем, нет поблизости факела, а ночь уже наступила, и какая-то скотина лезет в окно, ты быстренько запускаешь руку в ночной горшок, где, чтобы сбить противника с толку, хранится запас могуллия, формируешь светящийся шар, и скотине в морду — н-на! Он мгновенно слепнет, орет диким голосом, вываливается из окна, но успевает крикнуть: «Нет, не по собственному! Я тя сам уволю за покушение на жизнь начальника-а-а-а!»

М-да, с такими мыслями ни одно заклинание не выучишь и магом не станешь. Может, конечно, оно и к лучшему. Я ведь даже не знаю, отчего умер бывший владелец замка. Вполне возможно, это был несчастный случай на производстве.

Хм. Производстве? Производстве чего? Откуда это странное выражение? Ладно, не будем отвлекаться. И увлекаться тоже. Я только немножечко потренируюсь, и все.

Тут со стороны лестницы донесся тихий шорох. Кто-то, стараясь не шуметь, поднимался к кабинету. Наверняка давешний посетитель. И если раньше я была уверена, что это Банкинтонс, то теперь отмела эту мысль. Даже если он скинул стягивающие его веревки, соскочил с постели и почесал сюда (что маловероятно, но вдруг), его наверняка должны были перехватить по дороге. Значит, не он. Тогда кто?

Дверь на лестницу не была закрыта, так и стояла нараспашку. Полагаю, открытая дверь не позволит блуждать кабинету по всем четырем башням, а тем более забредать неведомо куда. Что наверх может подняться некто с дурными намерениями, я, конечно, допускала, но ведь кабинет не позволил войти ни Гвейну, ни Сварту. Отчего-то казалось — это достаточно хорошо доказывало, что сюда не сможет проникнуть никто, кроме меня. Однако сейчас моя уверенность о своей защищенности дала трещину. Замок огромен, в нем множество комнат и закоулков. Кто знает, что они таят, кого прячут?

Я снова пробежала глазами оглавление. Ага, вот то, что надо. Заклинание обездвиживания. Конечно, оно не сработает против привидений и ушача, но их я почему-то боялась меньше всего. Да, неприятные создания. Да, могут напугать. Но и только. От людей можно ожидать гораздо худших пакостей.

Взяв в одну руку книгу, другой я почерпнула из чаши немного порошка. Стараясь идти как можно тише, вышла из кабинета. Ступив на верхнюю ступеньку, шепотом прочитала нужное заклинание и кинула вниз могуллий. Прислушалась. Все было тихо. Интересно, поразила ли я противника или он просто затаился? Чтобы проверить, надо было спуститься вниз, но делать это решительно не хотелось.

Я вернулась в кабинет.

— Как думаешь, — спросила я у кота, — кто там был?

— Мыши, — равнодушно ответил он.

— Мыши?

— Ну, да, серенькие такие, с лапками. На кухне их полным-полно.

Меня передернуло. Не люблю мышей.

— А ну, признайся, усатый пройдоха, ты на них охотился?

— Попробовал один раз. Они невкусные. Как и вы, яблоки жрут. Печенка вкуснее.

Так и знала. Котов здесь кормят мясом, а людей — всякой дрянью.

— Киса, как тебя зовут? — спросила я.

— Пуфф, — ответил он.

— Будь здоров, — машинально сказала я. — А зовут-то как?

— Пуфф, — повторил кот. — Пуфф меня зовут. И я здоров.

Пуфик, значит. Что ж, хорошее имя.

Снизу снова донесся звук шагов, уверенных и твердых, и возле двери нарисовался сердитый Гвейн:

— Мира! Мира, ты меня слышишь?

Вот незадача! Неужели я покушалась на него?

— Слышу!

— С кем это ты тут разговаривала? — Подозрительно спросил он, окидывая взглядом кабинет.

— Ни с кем! Не видишь, читаю книгу. Вслух.

— Не ври! Я слышал два голоса!

— Тоже мне сыщик-любитель! Просто книга попалась специализированная, по чревовещанию. Читаю и тренируюсь.

Он недоверчиво хмыкнул:

— Если начревовещалась, выйди из кабинета и спустись вниз!

— Зачем? — я попробовала прикинуться непонимающей.

— Спускайся, говорю!

Пришлось подчиниться. Зачем-то взяла книгу, спустилась. И двумя пролетами ниже в полутьме различила фигуру. Она показалась мне знакомой.

— Крадиф!

Парень стоял неподвижно, замерев, прижимаясь к стене. Что это с ним? Почему он не шевелится?

И только тут пришло озарение. Вот кого поразило мое заклинание!

— Ничего не пойму, — сказал Гвейн, показывая на неподвижную фигуру. — Он как будто меня не слышит. Стоит так и не реагирует. Попробовал его потрясти — никакого эффекта. Ты что-нибудь понимаешь?

— Ну-у-у... — неопределенно протянула я. Признаться в содеянном не хотелось.

— Уснул, что ли? — продолжал мой приятель. — Или его заколдовали?

— Не знаю, — неуверенно произнесла я.

Он подозрительно взглянул на меня:

— Точно не знаешь?

— Э-э-э...

— Дай-ка сюда!

Он выхватил у меня из руки книгу, взглянул на открытую страницу:

— Мира, признайся, это ты его обездвжила?

Я виновато вздохнула:

— Все произошло случайно.

— Случайно? А ну, рассказывай.

Пришлось вкратце рассказать, как я второй раз слышала чьи-то крадущиеся шаги, испугалась и попробовала остановить незваного гостя.

— Я же не знала, что это Крадиф, — оправдывалась я. — Думала, вдруг Банкин очнулся и идет меня убивать. Сам виноват. Нечего было подкрадываться.

— М-да, нехорошо получилось. Что ж, давай его того, обратно оживляй. Надеюсь, он еще жив.

Я тоже на это надеялась. Вид неподвижного Крадифа пугал больше, чем Банкин в разодранном платье.

— Вот, — полистав книгу, сказал Гвейн. — Нужное заклинание. Снятие обездживания.

— Придется топать вверх за порошком, — сказала я.

— Давай, топай. А я пока посторожу.

— Зачем? Он никуда не сбежит.

— Чтобы мыши не погрызли, — мрачно ответил Гвейн. — Шагай, и пошустрее. Мы ведь не знаем, как долго он может выдержать. Вдруг заболит или...

Про «или» мне думать не хотелось. Я уже неслась к кабинету. Вот же магичка-недоучка. Не зная последствий, шуранула в человека порошком. Не-е-ет, впредь надо быть осторожнее.

На мое счастье, с Крадифом ничего не случилось. После очередной порции могуллия он потряс головой, судорожно вдохнул и с недоумением уставился на нас:

— Вы чего?

— Мы чего? — взвилась я. — Это ты чего! Зачем вздумал нас пугать?

— Да не думал я никого пугать!

— А для чего подкрадывался к кабинету? Уже второй раз, между прочим.

Он стоял, хлопая глазами.

— Крадиф, — сказал Гвейн. — Лучше сам признайся, что тебе здесь понадобилось.

— А чего, нельзя, что ли? — огрызнулся парень. — Это, между прочим, замок моего папочки, где хочу, там и хожу. А вы тут вообще кто?

— Вообще, я тут представительница наследницы, — ответила я. — Официальная. Отвечаю перед Данни за все, что происходит в замке. И очень хочу знать, для чего тебе понадобилось тайком подниматься в башню.

— Не твое дело, — огрызнулся он.

— Так, все, — решительно сказал Гвейн. — Давайте спустимся вниз и спокойно поговорим.

— По-моему, он не хочет с нами откровенничать, — сказала я. — Думаю, стоит послать запрос в магический комитет. Пусть расскажут, что представляет из себя Крадиф и каково

его прошлое.

Я сказала это просто так, бросила, что называется, пробный шар, поэтому не ожидала, что он попадет в цель. Парень сразу как-то сморщился, поник и тихо произнес:

— Не надо комитет. Не надо запрос. Пойдемте, я все расскажу.

Мы сели в каминном зале на диванчик — Крадиф посередине, мы с Гвейном по бокам.

— Не бойтесь, не сбегу, — невесело усмехнулся парень. — Бежать отсюда мне просто некуда.

— Чего так? — спросила я.

— Набегался уже.

Как оказалось, непутевый сынок Магистра в детстве имел большие способности к магии. Вот только все попытки папаши Макер-тота приучить дитяtko к колдовству оканчивались неудачей. Имея довольно непоседливый нрав, Крадиф умудрялся то опрокинуть емкость с порошком, то порвать книгу заклинаний. Он обездвигивал няньку и удирал вниз, к тукумукским пацанам, где демонстрировал фокусы с вызыванием демонов, увеличением носов и ушей, устраиванием пожаров. В общем, развлекался, как мог. Нетрудно догадаться, что Макер облегченно вздохнул, спровадив пацана очередному папеньке, жителю Ойлина.

К несчастью для новой семьи, парнишка прихватил с собой небольшое количество могуллия, и продолжил развлечения на новом месте. Однако, то, что сходило ему с рук в деревне, никоим образом не могло пройти мимо столичных безмагов.

Счастье еще, что не осудили всю семью. Однако Крадифу досталось по полной. Он попал в зловещие подвалы, где сначала допрашивали, а потом принялись производить над ним эксперименты. Ученые-безмаги изучали последствия воздействия волшебного порошка на организм магов, и были рады заполучить такой молодой и еще не очень испорченный могуллием экземпляр.

После недели издевательств Крадиф сломался. Он написал заявление с просьбой принять его в ряды безмагов и торжественно поклялся преследовать проклятых колдунов до конца своих дней.

— Я стал провокатором, — сказал парень. — Понимаете? Опыты — это очень, очень страшно и больно, это когда тебя режут заживо, посыпают порошком и смотрят, как гноятся и пузырятся раны. Правда, через некоторое время они заживают. А еще через некоторое прямо из-под кожи начинают вырастать цветы. Розы с очень-очень колючими шипами. Вам никогда не приходилось становиться живой клумбой? Мне — да. А один мой сосед культивировал в своем животе натуральный жемчуг. Представляете? Как вы думаете, откуда на ярмарках множество уродцев со сквозными дырами в животах и головах, с десятью пальцам и ушами на пятках? Не могу на них смотреть, сразу тошнить начинает. Не понимаю тех, кто платит за просмотр уродцев деньги. Сотворившее такое безмаги-экспериментаторы ничуть не лучше магов-отступников. Как по мне, даже хуже. Я не буду всего рассказывать, ладно? Просто поверьте. Я больше не мог. Не мог, и все.

Поэтому я подписал соглашение и стал охотиться за магами. К моему счастью, их осталось очень мало. То ли научились хорошо прятаться, то ли старались не показываться в столице. Ну, и я не очень-то усердствовал, работал больше для отвода глаз. Я и поймал-то всего одного. Да и не хотел его сдавать, если честно, но тогда меня заподозрили бы в лояльном отношении к преступникам. Он зачем-то явился в Ойлин, говорил, мол, навестить

родственников. На самом деле, искал могуллий, конечно. Они все приезжали в поисках могуллия. Как будто им в столице улицы посыпают. Если бы он был отступником, я бы не чувствовал себя так паршиво, правда. Нет, это был молодой еще парень, довольно симпатичный, открытый. Я даже имя его запомнил. Кассур.

Я вскрикнула и невольно отшатнулась от Крадифа, а сердце заныло. Кассур! Моя первая любовь. Человек, открывший для меня чудеса всего мира с помощью маго-взора. Значит, его все-таки поймали.

— Мира, — обеспокоено сказал Гвейнард. — Что с тобой?

Как будто он не понимает, что со мной! Я не могла больше слушать рассказ Крадифа. Я вообще не могла находиться с ним в одной комнате, с человеком, обречшим на смерть прекрасного, замечательного Кассура. Будь моя воля, уехала бы из замка прямо сейчас.

Я уже встала, чтобы уйти, но меня волновал один вопрос. И я его задала:

— Так зачем же ты поднимался в башню?

— Не ваше дело, — огрызнулся Крадиф.

Вот как. Не мое, значит.

— Отлично, — зверея, сказала я. — Значит, ты, будучи провокатором, уничтожил молодого мага. Но так как этот маг не был мне чужим человеком, то, видимо, пришло время для ответного хода. Все-таки мне придется выдать тебя магам. Я очень, очень не завидую тебе, парень.

— Так ты его знала? — ахнул Крадиф. — Мира, прости, но что я мог поделать?

— Тогда — ничего. А сейчас, если не хочешь снова попасть в лапы экспериментаторов, на этого раз магов, расскажешь нам все до конца.

— Это был твой брат?

— Крадиф! Мое терпение не безгранично!

— Ну, хорошо, хорошо. Я расскажу. Но, боюсь, мне придется заплатить за свою откровенность.

Мы с Гвейном переглянулись.

— Ты все еще работаешь на безмагов? Тайно?

— Я работаю на них, конечно, да. Но...

Приплыли. Так он шпионит для нынешней оппозиции.

— Почему бы тебе всех их не выдать Сходу магов и не освободиться? — продолжил расспрашивать Гвейн. — Я так понял, ты их боишься и ненавидишь. Порви с ними, и дело с концом. Тебя держат на крючке? Шантажируют?

— Шантажируют, да, — Крадиф. — Держат на крючке. Они все могут. Но...

— Что — но?

— Обещали отпустить, если я достану одну вещь.

— Какую?

— Очень важную. Они сказали, если я ее принесу, то вся магия в стране закончится, и мне не надо будет больше бояться проклятых магов!

— Так, — сказала я. — Ты можешь выражаться яснее?

— Я и так выражаюсь яснее некуда! Мира, разве еще что-то непонятно? Да мы тут все одну и ту же вещь ищем. Если бы ее нашел твой начальник, я бы... я бы его голыми руками...

Он показал, как сворачивает шею невидимому Банкину.

— Ты тоже охотишься за Яблоком Света? — недоуменно спросила я.

— Естественно! — воскликнул он.

— Но почему? Чем это самое Яблоко так ценно?

— Ого! Чем! Мира, ты что, на самом деле ничего не знаешь?

— Крадиф, — я начала злиться и наставила на него острое кинжала. — Или ты все рассказываешь, или...

— Рассказываю, — поспешно заявил парень.

Оказалось, безмаги, на которых до сих пор работает Крадиф, поручили ему найти (купить, украсть) артефакт под названием Яблоко Света, что находится в замке не так давно умершего Макер-тота. Крадиф даже обрадовался — поскольку покойный приходился ему папашей, то, собственно, красть не было необходимости. Просто приехать и получить нужную вещичку в качестве наследства. Он-то был уверен, что проделает все просто и легко. Пошарахается по замку, поищет по углам, в кабинете — наверняка где-нибудь да это самое Яблоко валяется.

— Да чтоб тебя, Крадиф! Объясни, в чем ценность Яблока!

Он посмотрел на меня ошарашено:

— Так ведь Яблоко Света — это ключ к Блуждающей, Мира! Единственный ключ к пещере, где находятся несметные залежи могоуллия!

— И если его уничтожить, — продолжил Гвейн, — то пещера никогда не откроется, и вся магия рано или поздно сойдет на нет.

— Точно, — кивнул Крадиф. — Ключ хранится у Магистра Ордена Святого Улии, коим и являлся папаша. Нового, как говорят, еще не назначили, а, значит, и ключ никому не передали.

— А ты уверен, что Макер-тот не передал ключ Ордену перед кончиной? — спросила я.

— Еще бы, — ухмыльнулся парень. — Он, видишь ли...

Тут лицо парня перекошилось, он попытался подняться, но сделал это неуклюже, а потом и вовсе повалился на пол.

— Что это с ним? — с тревогой спросил Гвейн.

— То ли действие яблоч, — задумчиво ответила я, — то ли еще один запрещенный артефакт.

Я бросилась в свою комнату и вскоре вернулась с кинжалом.

Крадиф с ужасом смотрел на кинжал и, не в силах произнести ни слова, только слабо махал рукой.

— Нет, — твердо сказала я. — Не уберу. Гвейн, поддержи-ка нашего дорогого друга. А я буду исследовать его тело, чтобы обнаружить вшитый артефакт. Тот самый, что передает мысли на расстоянии. Тебе ведь не разрешили никому рассказывать про ключ, так? А для верности прицепили запретник. Чтобы быть всегда на связи... Гвейн, держи крепче.

Последняя просьба не была лишней. Потому что парень вдруг забился, как давеча Ариенна. Глаза его закатились, изо рта пошла пена, а сам он, выгнувшись дугой, тихо завыл.

— Эге, да юноша-то припадочный, — озадаченно пробормотал Гвейн. — Лишь бы Танти не увидала.

Будто услышав последние слова Гвейна, по лестнице сбежала Крадифова невеста. Из тихой и забитой девицы она вдруг превратилась в злобную фурию и набросилась почему-то на меня:

— Что вы с ним сделали? Убили, да? Зарезали? Замучили?

— Эй, потише, — сказала я. — У меня, между прочим, в руках острый инструмент. Могу ведь и порезать нечаянно.

Она слегка приутихла. Опустилась перед Крадифом на колени, шепча что-то нежное. Как раз в этот момент парня скрутила очередная судорога, он дернулся и заехал своей нареченной локтем прямо в лоб. Та отшатнулась и, потирая ушибленное место, поднялась. В глазах ее я прочитала сомнение — а того ли я любила?

— Все в порядке, Танти, — попытался успокоить ее Гвейnard. — Видишь ли, нехорошие безмаги вшили в тело Крадифа какую-то штучку. Она вызывает приступы падучей. Ты ведь хочешь ему помочь, правда?

Танти неуверенно кивнула.

— Тогда не мешай! — рявкнул Гвейн, крепко схватил Крадифа за запястья и кивнул мне.

Я приступила к лечебной процедуре. Прежде всего предстояло обнаружить местонахождение артефакта. Не уверена в безболезненности и безопасности предстоящей процедуры, да и, что там скрывать, в ее эффективности. Но попробовать стоило.

Что бы там не говорил Крадиф о количестве вшитых в него артефактов, кинжал ничего не обнаружил. Однако среагировал на колечко, украшавшее мизинец левой руки парнишки. Я присмотрелась. Ба! Да ведь это то самое, что мне подарила Данни, а потом я — Танти. Едва я поднесла кончик кинжала к камушку, украшавшему кольцо, как Крадиф заорал, затряс кистью и резво вскочил на ноги.

— А ну сымай кольцо, — приказала я.

— Между прочим, это мой подарок! — тонким от возмущения голосом сказала Танти.

— Между прочим, это опасный артефакт! — отпарировала я.

Если честно, я не предполагала коварства в придающем очарование колечке. Но, поскольку все остальное на и в Крадифе не излучало ничего запретного, приходилось принять тот факт, что именно кольцо и передавало кому-то мысли парня, а то и весь наш разговор.

Конечно, я знала о двойном свойстве некоторых артефактов. Заметить второе, спрятанное под первым, находящимся на поверхности свойством, обычным маго-взором нереально. Тут нужны специальные приборы. Поэтому неудивительно, что и я, и Данни прозевали запретник. Очень хорошо, кстати, что я его не носила. А вот Крадифа искренне жаль. Интересно, кому же колечко передавало наши разговоры, а?

Избавившись от кольца и отбросив его от себя подальше, Крадиф опустился на диван, закрыл голову руками и горестно заплакал. Танти бросилась его утешать. Мы с Гвейном присели над кольцом. И тут услышали до боли знакомый голос:

— Что здесь происходит, миленькие мои?

У входа стояла Ариенна, изумленно глядя на нашу живописную группу. В розовом с цветочками платье, свеженькая и миленькая, она ничем не напоминала ту побитую и замученную нахалку, что мы буквально час назад оставили спящей. Неужели успела переодеться и привести себя в порядок так быстро? Хоть это и казалось невероятным, я уже ничему не удивлялась.

Первым опомнился Гвейн:

— Крадиф, насколько я помню, именно ты должен был его охранять! — кивок в сторону девицы.

Несчастная жертва кольца отлепила от себя скорбящую Танти и изумленно уставилась на Ариенну:

— Вообще-то он... она была связана по рукам и ногам. И крепко спала. Летаргин —

довольно мощное снотворное. Эй, крошка, призывайся, кто тебя разбудил!

Взгляд его стал сердитым — еще бы, наглый мужик в лице не менее наглой девицы посмел-таки обвести его вокруг пальца! Крадиф, весьма довольный, что есть на кого сорвать дурное настроение, крикнул:

— А ну, марш обратно в кровать!

Ариенна остолбенела. Побледнела и дрожащим голосом произнесла:

— Я не поняла. Кто в кровать?

— Ты, кто же еще? Марш быстро! Как вообще умудрилась отвязаться? Я же тебя чуть не канатами прикрутил!

Девушка отступила на пару шагов от надвигающегося Крадифа. Но парень твердо решил реабилитироваться в наших глазах, поэтому действовал жестко. Он схватил Ариенну за руку и потащил к лестнице.

— Отпусти немедленно! — закричала та.

— Скажи еще, что пожалуешься папочке и он нам всем тут устроит, — отпарировал Крадиф.

— Пожалуюсь, — согласилась девица. — Еще как устроит!

Сказала она это не очень уверенно. То ли папочка не одобрял жалоб доченьки, то ли последняя просто растерялась и еще не решила, как реагировать на происходящее безобразие.

— Не успеет, — ухмыльнулся Крадиф. — Мы тебя раньше сдадим в магический комитет за кражу ценных артефактов.

— За кражу чего? Да как ты смеешь!

Тут во мне впервые шевельнулось подозрение.

— Крадиф, подожди, пожалуйста, — попросила я.

Он остановился. Девица одним рывком выдернула руку и потеряла запястье.

— Чего? — недовольно спросил парень.

— Тебе не кажется, что это не совсем Банкин-тонс?

Он оглядел Ариенну с ног до головы:

— А кто тогда? Очередной оборотень с артефактом?

— От оборотня слышу, — сердито зыркнула на него девица.

— А вот мы сейчас проверим.

Я долго водила вдоль девичьего тела кинжалом, вызывая у нее почему-то нездоровое хихиканье и комментарии типа «ай, щекотно» и «ах, все так таинственно и загадочно». Однако никакого запрещенного артефакта не обнаружила. Цепочки под платьем тоже не оказалось.

— И что это значит? — спросил Гвейн.

— Это значит, к нам приехала истинная миста Ариенна, — объявил Сварт, входя в зал.

Крадиф при этих словах побледнел, Гвейн изумленно поднял брови, а я расхохоталась.

— Ну да, я Ариенна, — пожала плечами девица. — Но, кажется, меня принимают за кого-то другого...

Она подошла к Гвейну, изящным движением положила тонкую руку ему на плечо и, пристально глядя в глаза, попросила:

— Вы ведь расскажете мне все, что здесь происходит, правда?

Я заржала еще громче. Похоже, все Ариенны, подлинные и мнимые, тянулись отчего-то именно к Гвейнardu.

Гвейн поморщился, осуждающе посмотрел на меня, убрал руку девицы с плеча и ответил:

— Вряд ли. Видите ли, миста Ариенна, я и сам не очень хорошо понимаю. Поэтому вам придется обойтись без моей помощи.

— Гвейн, где кольцо?

Я совершенно отчетливо помнила, как Крадиф отбросил его в сторону. И, конечно, если бы не явление Ариенны, занялась бы им без промедления. Однако сейчас артефакта нигде не было.

— Понятия не имею, — сказал Гвейн.

Подозрительно оглядев всех присутствующих, я тщательно осмотрела пол, заглянула под диван и даже провела под ним кинжалом. Кольцо пропало.

— Признайтесь, кто его взял, — принялась уговаривать я. — Это очень опасная вещь. Ни надевать, ни носить его в кармане или на цепочке ни в коем случае нельзя.

— Что за кольцо? — спросила Ариенна, обращаясь на этот раз к Крадифу.

— Не твое дело, — не очень вежливо ответила Танти, оттирая девицу от своего жениха.

— Ты уверена, что не мое? — Ариенна обошла долговязую девицу и пристроилась с другого бока Крадифа. — Колечко-то поди из списка наследуемых вещиц. Я ведь, между прочим, тоже наследница и имею право выбирать любую вещицу.

— Но только не ту, что уже выбрана!

Танти снова оттеснила Ариенну, воинственно поставив руки в боки.

— Так, стоп, — устало произнесла я. — Танти, кольцо у тебя?

— Нет, — быстро ответила та.

— Мне проверить кинжалом?

Танти засопела. Наклонила голову и посмотрела на меня исподлобья:

— Чем хочешь проверять, только оно все равно мое. Не отнимешь.

Мне уже было почти безразлично, у кого находится артефакт. Конечно, девицу жалко. Однако, она считает, что кольцо принесло ей счастье в лице Крадифа — да что там, не так давно я тоже так считала. И если бы не оплошность ее жениха, давшего себя обнаружить, никто бы даже не заподозрил неладного.

— Отдай кольцо, — тихо сказал Крадиф.

— Что?

Танти изумленно воззрилась на своего жениха.

— Отдай кольцо, — повторил парень. — Танти, оно действительно очень опасно.

Девица вытащила из кармана колечко и с презрительной гримасой кинула мне под ноги. Я наклонилась и подцепила его кончиком кинжала.

Артефакт тут же, в одно мгновение разлетелся на части, которые, попадав на пол, с громким шипением задымились и вскоре исчезли вовсе.

Танти стояла как громом пораженная.

Тут на лестнице появилась еще одна Ариенна — в драном платье, с красной раздутой кистью правой руки. Она зевала и терла глаза здоровой левой ладонью:

— Опять фейерверки устраиваете? — недовольно спросила она. — Даже с летаргином в этом дурдоме не уснешь.

Подлинная Ариенна разинула рот, увидев своего двойника. Потом взяла себя в руки и поскакала вверх по лестнице — к самозванке. Схватила ее за грудки и принялась трясти, приговаривая:

— А ну признавайся, кто ты такая!

Банкин-тонс, не ожидавший увидеть свой прототип, не сумел придумать достойный ответ и только открывал и закрывал рот.

В довершении всего на лестнице появилась Аквинтия.

— Мира! — закричала она. — Лампа в вашей комнате ведет себя просто неприлично! Она постоянно что-то напевает! Угмоните ее, пожалуйста.

Я с удовлетворением заметила, что дама в первый раз за все время пребывания в замке разговаривает со мной исключительно вежливо. Однако, как она узнала про лампу? Заглянула в мою комнату? Ай-яй-яй, как нехорошо, миста Аквинтия. Впрочем, я лишь благодарно кивнула — кто-то очень срочно хочет со мной связаться. И это может быть как Данни, так и мама.

Но тут взгляд Аквинтии упал на двух одинаковых девушек, выясняющих отношения. Глаза дамы округлились, нервы не выдержали, и она потеряла сознание.

Оставив всю честную компанию на попечение Сварта и Гвейна, я поскакала в свою комнату. Аквинтия оказалась права — лампа заливалась на все голоса, слышно было аж с лестницы. От создаваемой ею какофонии у меня занули зубы. Захотелось немедленно выбросить ее в окно, и я подивилась мужеству пожилой дамы, нашедшей в себе силы позвать хозяйку, а не запустить волшебным прибором в стену.

Я потеряла лампу. Ничего не произошло. То есть, все осталось, как и прежде — лампа заливалась, никто не отзывался. Потерла еще. Потом еще.

Безрезультатно. Мой переговорник, похоже, заело. Та же история, что и со сторожем. Если так, то поможет только одно — долбануть изо всех сил кулаком. Действительно, помогло. Лампа заткнулась и перестала работать вообще. М-да, вот вам и гарантия переговорной компании «Маг Улия». И попробуйте привлечь их к ответу. Скажут, мол, а нечего было лупить кулаком по столь нежному прибору, надо было вызывать настройщика! Они, конечно, не учитывают: пока он доедет до яблочного дома, его обитатели посходят с ума от столь нежных трелей.

Оставшись таким образом без средства для дальнейшей связи, я решила продолжить магическое самообразование в кабинете. Спустившись по лестнице, с удивлением обнаружила, что в зале никого не было. Интересно, куда все так стремительно разошлись и как разобрались с двумя Ариеннами? Да, и как я теперь поведаю обо всем случившемся своей подруге, законной владелице замка? Может, в Тукумуке есть переговорник? Спрошу у Сварта, но позже, позже. Сейчас — наверх, в кабинет.

Глава 22. Нежданный гость

Глава 22. Нежданный гость

— Я его простила. Но что с ним станет после этого?
(Высказывание приписывается Святой Подпоре Инее)

Он оказался на месте. Но это была единственная хорошая новость. Все остальное еще больше испортило и так не слишком радужное настроение. Во-первых, убегая вниз, я заперла дверь, забыв про кота. И это неудивительно — найдя Крадифа на лестнице, я, похоже, забыла вообще обо всем.

А во-вторых, пока мы разбирались с очередными насущными проблемами, в кабинете появился гость. Правда, держался он очень по-хозяйски. Я, остановившись в дверном проеме, некоторое время разглядывала его, очень внимательно читающего один из дневников бывшего хозяина замка. Вот наглец! Он ведь не мог не слышать мои шаги.

Я громко потопала, стоя на месте. Из-под стола выглянула черная усатая морда, повела ушами, посмотрела недоуменно. Человек оторвался от чтения и сделал вид, будто только что заметил мое появление:

— А, Мира. Тебя-то я и жду.

Он ослепительно улыбнулся. Я нахмурилась. Определенно, мы с ним виделись раньше. Вот только где и когда, вспомнить не удавалось. Поэтому пришлось спросить без обиняков:

— Ты кто?

Этот нахал улыбнулся еще ослепительнее:

— Много кто. Для удвоенной пятерки родителей — сын, для учителей — воспитанник, для друзей — друг, для врагов — враг, для двух десятков дам — неверный любовник, для одной — любовник, но верный...

— Ага, понятно, — оборвала я и продолжила: — для продавцов — покупатель, для лошади — наездник, для зеркала — отражение, для земли — потенциальный прах.

— Умница, — похвалил он. — А для парочки глупцов, застрявших на дороге — отвергнутая помощь.

Вот теперь я его вспомнила. Немудрено, что не сразу — та ночь хоть и освещалась луной, все же не была светлым днем. Да и собеседник мой сидел тогда на коне, что скрадывало его истинные габариты. Сейчас он казался шире в плечах, да и вообще крупнее, чем тогда.

Я вошла в кабинет и уселась на диванчик:

— Так ты — Даш Медаль?

Он поморщился:

— Даш Меднель, дорогуша. Неужели трудно запомнить такое простое имя?

— Прошу прощения. Кстати, а как ты сюда попал, Даш Мендаль? Ни я, ни остальные обитатели замка не видели человека, входящего в двери и направившегося в башню. Разве сюда ведет еще какая-то лестница?

— Меднель, — снова поправил он. — Даш Меднель. Меднель Даш. Сколько раз повторить, чтобы ты запомнила?

— Не утруждайся, — сказала я. — Все равно не запомню. У меня, видишь ли, с детства

память дырявая.

Отчего-то мне очень хотелось его дразнить. Подкалывать, подначивать, задевать, насмехаться. Неужели потому, что он проехал мимо, не оказав нам помощи? Так ведь мы и не просили. Напротив — сказали, справимся сами. И все же. Было такое ощущение, что мы знакомы немного дольше.

— Вижу, — ответил он, внимательно и неторопливо разглядывая меня с ног до головы, отчего мурашки побежали по коже. — Вижу, что дырявая, да не очень. Просто сейчас тебя одолевает множество забот, вот ты и защищаешься, как можешь, ото всего остального. Поэтому и мне дерзишь, и не можешь сообразить, как я сюда попал. Хотя, если бы хорошенько подумала, то непременно догадалась бы.

Он меня жутко раздражал. То ли выпендренностью, то ли каким-то неведомым мне превосходством. Ясно одно — моему уединению и самообучению магии пришел конец.

— Пуфик, — я заглянула под стол. — Откуда взялся этот тип? У него, что, есть ключ?

Кот зевнул:

— Не знаю. Может да, может, нет.

Я посмотрела на дверь в чуланчик, где мы обнаружили призрак отца и сундучок с могуллием.

— Не оттуда, — словно прочитав мои мысли, заметил кот. — Ясно, да?

Ну, не то, чтобы очень ясно.

За моим поясом все еще торчал один из кинжалов. Если кинжалы помогали обнаружить запретные артефакты, может, найдут и спрятанные? Еще одну потаенную дверцу, например. Я не была уверена в ее наличии, но попробовать-то можно. Под насмешливым взглядом Даша вытащила серебристый клинок. На рукоятке, блестя глазками, улыбалась маленьким ртом смешная ящерка.

Ящерка?!

Когда я брала кинжал, это была черепаха.

Ничего не понимаю. То ли кинжал каким-то образом подменили, то ли... животные меняются местами?

Я застонала. Ну ничегошеньки не понятно. Зачем кому-то подменять кинжал? И кто вообще мог это сделать? Гвейн? Крадиф? Сварт? Да нет же, они все время находились рядом, в зале. Хотя нет, Сварт появился позже. Но что это дает? Абсолютно ничего. Если бы садовник сперва исчез, а потом появился, тогда можно было предположить, что он бегал за кинжалом. Допустим, увидел, что кинжал не тот, и метнулся за тем.

Но что значит — тот или не тот? Увы, я до сих пор не знаю, чем один кинжал отличается от другого. Посидеть бы в тиши кабинета, поизучать книги и рукописи, вдруг где-то найдется приемлемое объяснение. Эй, ящерка, может, расскажешь про себя?

Кажется, последний вопрос я задала вслух. От созерцания блестящих глазок отвлек недоуменный взглас. Я повернулась.

Вид у моего нежданного гостя был донельзя удивленный. Округлившимися глазами он уставился на кинжал. Потом посмотрел на меня и произнес:

— Не думал, что она существует в действительности. Столько слышал про нее и вот...

— Кто — она? — спросила я. — Ящерка, что ли?

Он усмехнулся, но уже без былого выпендрежа:

— Милая Мира. Неужели ты не знаешь, что держишь в руках?

— Кинжал, что же еще.

— А, ну да. Конечно, кинжал. Жаль, что пока не смогу забрать его у тебя. Еще не пришло время. Оно ведь приходит только тогда, когда очень-очень необходимо, не раньше и не позже. Как считаешь?

Я никак не считала. Очень хотелось спровадить куда-нибудь непрошеного гостя.

— Помнится, ты говорил, что живешь где-то рядом? — спросила я. — Почему бы тебе не отправиться домой? При чем не через час или два, а немедленно? Твой конь, надеюсь, бьет от нетерпения копытом?

Он смотрел на меня как-то очень странно, то ли жалобно, то ли жалеючи.

— Ты очень, очень интересная девушка. Но, тем не менее, думаю, в одиночку продвинешься не слишком далеко. Совершенно очевидно, мы еще встретимся, и, думается, ты пожалеешь, что отнеслась ко мне столь небрежно.

От кого-то я уже слышала похожие слова. Но не смогла вспомнить, от кого.

— И в чем ты видишь небрежность?

— Ну как же. В кабинете, куда нет хода практически никому, появляется человек. Если тебя это и удивляет, то не очень. Вместо того, чтобы заинтересоваться, кто это такой, ты пытаешься его выставить. Милая Мира. Пора начать серьезнее относиться к знакам судьбы. Мы встречаемся не в первый и даже не во второй раз, но ты упорно от меня отмахиваешься.

— Не во второй? — удивилась я.

Как не напрягалась, я не могла вспомнить, где могла видеть его раньше. Хотя про «пожалеею, что отнеслась небрежно», определенно слышала. Я прикрыла глаза и попыталась вспомнить обстоятельства, при которых были произнесены эти слова.

Не может быть!

Я открыла глаза и изумленно уставилась на Даша. Потом пробежалась взглядом по его фигуре. Неужели и он нацепил на себя запретный артефакт, меняющий внешность?

Он рассмеялся:

— Вижу, вспомнила. Нет, не ищи на мне ничего запретного. Будь я обвешан артефактами, вряд ли смог бы сюда попасть. А вот тогда, в архиве, на мне был запретник, признаю. Но неужели тебе так неприятно мое второе я? По-моему, очаровательный типаж. Не находишь?

— Не нахожу. И совсем ничего не понимаю. Зачем ты приходил в музей в личине Ербина? Для чего втюхивал всякий хлам под видом артефактов? Ты на самом деле маг или просто используешь артефакты в своих целях? Что делаешь в кабинете и как сюда попал?

Он снова коротко рассмеялся:

— Очень много вопросов, не находишь?

— Вообще-то нет. Необходимый минимум.

— Необходимый? Для чего? — изумился гость.

— Для продолжения знакомства. Или ты на нем не настаиваешь?

— Думаю, продолжение полезно для нас обоих. В принципе, ты права, я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне. Ладно, слушай. Постараюсь утолить твое любопытство, как могу. Итак, начну с того, что в своем истинном облике я стараюсь появляться как можно реже. Слишком много магов меня знают, и с большинством у нас довольно натянутые отношения. Почему — об этом я, возможно, поведаю как-нибудь потом. Нет, я не безмаг. Запретной магией не занимаюсь. Но по ряду причин приходится надевать личину. Особенно в столице. Здесь, в глуши, я снимаю запретник. Все-таки носить его постоянно довольно-таки утомительно для организма. Однако ради знакомства с тобой пришлось сделать

исключение... О, не спрашивайте меня, прекрасная Мира, не стырил ли я что-нибудь из вашего архива. Такое подозрение ведь было, правда? Нет, моя хорошая миста, не стырил, чего там тырить-то? Все, что есть — бытовая мелочь, и не стоит внимания хорошего мага. Наиболее ценные экспонаты даже не доходят до твоего подвала, потому что растаскиваются еще на подходе к куранте. У них, знаешь ли, очень сильная аура, ну, то самое свечение, что видно мага-взором. Видно, кстати, его издалека. А у вашего начальства есть среди охранников свой человек, который сигнализирует о приближении к музею сильного артефакта, а потом, после соответствующего распоряжения, сей артефакт перехватывает и доставляет прямо в дирекцию... О, не расстраивайтесь так, прекрасная Мира! Безделушки, коими набивают сундуки ваши начальники, ничто по сравнению с самым главным артефактом! Я имею в виду, конечно, Яблоко Света!

— Стоп, — сказала я. — Кажется, я догадалась, как ты проникал в музей. Накидывал личину директора, да?

Он пожал плечами:

— Ну разве что иногда. Потому что жалобный рассказ об отвергнутом женихе плюс несколько монет вызывают гораздо меньше подозрений, чем директор, два раза вошедший и ни разу не вышедший.

— Хорошо, пусть будет жених. Но почему именно мой? У нас в других отделах такие девчонки работают. И симпатичные, и до парней охочие. Не пришлось бы попусту расточать комплименты и строить глазки.

— Мира! Ну какие еще девчонки? Мне просто необходимо было познакомиться именно с тобой. И исключительно по поводу Яблока Света. Помнишь, я тебе даже книжку про него подсунул? А ты так презрительно ее отвергла!

Он скорчил жалобную гримасу, хотя глаза смеялись. Я не выдержала и тоже фыркнула. Потом сказала:

— Признаю, была не права. И очень-очень жажду услышать все, что ты знаешь про сей важный артефакт. Кстати, в замок проник мой непосредственный начальник. И тоже, представь себе, с целью отыскать это самое Яблоко. Да, а еще по ночам тут разгуливает миленькое привидение и зудит, чтобы мы как можно скорее отыскали некий колдовской плод. Видимо, все то же Яблоко. Как думаешь?

— Оно самое, — кивнул Даш. — Конечно, я расскажу, но чуть позже, хорошо? Сперва закончу свою биографию. Как, я еще не начинал? Впрочем, детство и отрочество предлагаю опустить, и начать с юности, когда я вступил в самостоятельную жизнь и устроился на службу в анти-магический комитет. Нет, меня не заманивали лживыми речами и коварным обманом. Честно говоря, я сначала даже не понял, куда пришел работать. Это называлось «Особая служба при правительстве». Служба занималась доставкой ценных грузов, обеспечением охраны различных объектов, сопровождением высокородных особ, ну и так далее. После нескольких несложных поручений меня отправили сюда, в логово Макер-тота... С момента нашей встречи вся моя жизнь переменялась. Мира, ты была с ним знакома?

Я кивнула.

— Значит, понимаешь, какой это был выдающийся, необыкновенный человек.

Нет, не понимаю. Чего в нем выдающегося-то?

— Во-первых, он сразу определил во мне потенциального мага. Потом открыл мне третий глаз.

— Чего?

Я вытаращилась, пытаюсь отыскать на его лице упомянутый орган. Даш коротко рассмеялся:

— То, что вы называете маго-взором, только и всего. У тебя ведь он тоже есть, да? Все ваши охранники твердили мне про мою необыкновенную невесту, способную единым взглядом просвечивать всех без специальных устройств. Слышала бы ты, как они уговаривали меня не изменять мисте Мире, потому что она ка-а-ак взглянет, да ка-а-ак увидит все подробности! А знаешь, их предупреждения оказались не лишены смысла. Я, как только заходил в твой подвал, сразу представлял семейную сцену, где ты стоишь, грозно на меня глядя, а я отбиваюсь от порхающей вокруг меня скалки.

Мы рассмеялись оба. Ну вот, а я считала Ербина занудой и пустозвоном. Впрочем, Ербин — не совсем Даш, как Ариенна не совсем Банкин. Очень хорошая личина, что и говорить.

Тем временем он продолжил:

— Потом Макер проделал со мной еще какие-то манипуляции. Не скажу, что очень неприятные, но я не понимал, зачем они нужны. Он сказал, что это всего лишь проверка и мера предосторожности, иначе, мол, ни за что не доверит мне ценный груз. Ты, наверное, уже догадалась, какой именно. Конечно, могуллий. Думаю, ни для кого не секрет, что правительство безмагов точно так же не могло обходиться без волшебного порошка, как и магическое. Взять хотя бы куранту. Ну не останавливать же все часы в стране только потому, что безмаги взяли верх! Да что там куранты! Безмаги не продержались бы ни дня, если бы не могуллий и не антимаговские заклинания. А единственный, кто в состоянии пополнить резерв магического порошка, и был Макер-тот, как Магистр Ордена Святого Улии.

— Понятно, — кивнула я. — Ты получил маго-взор, мешок могуллия и... все? А при чем тут Яблоко?

— Представь себе, при всем. Наш дорогой хозяин был, как ты сама понимаешь, Привратником, тем, перед кем открываются двери в Блуждающую. Но вот теперь он умер. И кто, как ты думаешь, стал его преемником на столь неблагодарном, но благородном поприще?

— Почему же я знаю?

— Удивила, — сказал он. — Вот сейчас — удивила. Мира, неужели тебе неизвестно, что нового Привратника... или Привратницы пока еще нет?

— Да мне-то что? Ну, нет и нет.

— Но тогда откуда вот это?

Он показал на чашу с порошком.

— Из чулана, — просто ответила я.

— Дивно, — кивнул он. — Значит, Макер хранил здесь определенное количество порошка. Это упрощает дело.

— Какое?

— Правительственное. Рано или поздно сюда заявится посланник высших магов и потребует порошок. Что ты будешь делать?

— Ничего не буду. Я тут вообще ни при чем и случайно. Наследницей является моя подруга Данни. Вот пусть она со всем этим и разбирается.

— Мира, не ерунди, — голос Даша стал раздраженным. — Она является наследницей, но не Привратницей. Она не откроет Блуждающую, она ее даже не найдет!

— А кто откроет-то? Может, ты знаешь, кто станет Привратником?

— В том-то и дело, Мира. В том-то и дело. Привратника должно признать Яблоко Света. Макер назвал мне несколько кандидатур. В том числе, меня и... тебя.

— Чего?!

Я буквально окаменела. Потом потрясла головой. Конечно, такого не могло быть, Даш ошибается.

— Тебя, Мира, — подтвердил он. — Поэтому мне и хотелось с тобой познакомиться.

— Ерунда, — прокашлявшись, сказала я. — Сам Макер не говорил мне ничего такого. И вообще, кто я такая, чтобы стать Привратницей?

— Во-первых, ты можешь ей не стать, — успокоил меня Даш. — Но тот факт, что кабинет тебя впустил, уже говорит о многом, не так ли?

Я задумалась. Действительно, кроме меня он никого не впускал. Ну, разве что... Даша.

— Забавная история, — раздался голос от двери.

Я повернулась. В дверном проеме стоял Гвейnard. Он выглядел очень, очень сердитым.

— Что ты хочешь от девушки? — голос его звучал твердо. — Рассказал сказочку про Привратницу, чтобы усыпить бдительность, и что будешь делать потом? Стащишь запас могуллия? Кабинет впустил ее, потому что она — официальная представительница хозяйки.

— Так, — сказал Даш, обращаясь ко мне. — Кажется, явился недреманный страж. Мира, мне пора, но мы еще встретимся.

Он шагнул к окну и занес ногу на подоконник. Потом обернулся и протянул ко мне руку:

— А может, вместе? Если кому-то из нас суждено стать Привратником, рано или поздно это выяснится. Искать Блуждающую пещеру вдвоем будет намного проще.

Я отрицательно покачала головой:

— Извини, я еще не отрастила крыльев, поэтому шагнуть в окно, чтобы разбиться, не готова.

— Так и я не готов. Иди сюда.

Я подошла, выглянула наружу и ахнула. Прямо возле окна парил в воздухе великолепный летун! Точно такой же, как у моего папы. На котором он отправился в свой последний полет.

Воспоминание об отце тотчас наполнило меня грустью. Я снова покачала головой. Даш заметил, пожал плечами и сказал:

— Ну, как знаешь. Не скучай, Мира. Хотя я, наверное, буду. Знаешь, ты стала какая-то... другая. Симпатичнее, чем раньше. Жаль, не я причина твоих изменений.

Последнюю фразу он сказал довольно громко. Чтобы услышал Гвейnard. Я вздохнула. А он добавил:

— Эй, не надо вздыхать. Мы еще увидимся. Я обещаю.

А потом он поцеловал меня. Просто чмокнул в щеку. Ничего такого. Перешагнув через подоконник, прошел по крылу в кабину, устроился в ней, нацепил круглые стрекозиные очки с толстыми стеклами, натянул длинные перчатки с широкими раструбами. Потом, не оборачиваясь, махнул рукой и взмыл в вечернее небо.

— Будь осторожен, — прошептала я, глядя на улетающую машину.

Мне, конечно же, хотелось улететь вместе с ним. Просто полетать немного, почувствовать то же, что и папа ощущал когда-то: упругий ветер в лицо, замирание в груди, когда машина то резко снижается, то взмывает почти вертикально вверх. Восторг от

покорения стихии, от чувства всевластия, от увиденных внизу пейзажей, лежащих будто на ладони...

Сзади слышался странный звук — то ли приглушенный рык, то ли громкий всхлип. Я обернулась. Гвейнард спускался вниз по лестнице. Обиделся, что ли? Хотелось его окликнуть, побежать, все объяснить. Нет, не буду. Потом. А пока надо хоть немного позаниматься.

— Эй, — я заглянула под стол. — Ты ведь, поди, голодный. А, киса?

— Не, — Пуфф шевельнул кончиком хвоста, — совсем не голодный.

— Неужели Сварт доставляет печенку прямо сюда?

Мне представился садовник, испуганно носящийся по замку и держащий в вытянутой руке кусок ливера, из которого на паркет капает кровь. Я фыркнула.

— Не, — хвост снова чуть приподнялся. — После вашего порошка есть совсем не хочется.

Нюхнули порошка — покушали слегка. Так, все ясно. Могуллий ко всем прочим свойствам притупляет чувство голода. Вот я, например, уже и не помню, когда в последний раз ела. Ладно, будем надеяться, пользы от голодания больше, чем вреда.

Пуфф закрыл глаза и тихонечко засопел. Я затворила дверь, чтобы посторонние не мешали заниматься, и взялась за самоучитель.

Первое, что решила освоить — неубиваемый огонь. Очень полезная штука, особенно в темную-темную ночь на пустынной дороге, когда внезапно глохнет мотор, а помощи ждать неоткуда.

«Возьмите немного чистого могуллия»... Беру. Совсем немного, маленькую щепоточку. Ага. Теперь произношу заклинание... Опа! А дальше автор самоучителя просит рассчитать какой-то вектор, сопоставить его с энергетическими полями и сделать сонаправленным с основным ортом одного из полей.

Я высыпала могуллий обратно в чашу и сердито подперла голову кулаками. Про расчеты вектора и энергетические поля я абсолютно ничего не знала. То есть получается, самоучитель все-таки требует каких-то знаний, полученных от наставника?

Но позвольте, я же буквально недавно смогла по этой самой книжке, с помощью заклинания из нее, обездвижить Крадифа! Где же оно... Ага, вот. Могуллий, заклинание... И опять вектор и энергетические поля. Однако я ничего такого не рассчитывала и не сонаправляла. Но ведь заклинание сработало! Почему?

Меня прошиб холодный пот. А что, если я, не дочитав до конца, неверно составила заклинание, и теперь жизни Крадифа угрожает опасность? Вдруг этот самый вектор окажет негативное влияние на его дальнейшую жизнь?

Идиотка несчастная, магиня недоученная! Я ругала себя последними словами. Люди становятся магами не за час-другой, они учатся, постигают науку годами, обращаются к Магистрам из Ордена... А я? Ну, куда я полезла?

Внезапно раздался тихий свист и стало темно, и вот тут-то я испугалась не на шутку. Только что был белый день, я провожала в полет Даша, и вдруг...

Глава 23. Бродячий кабинет

— Чего это вы такие скованные? -

спросил палач жертву, подтягивая цепи.

Факелы на стенах вспыхнули сами по себе, озаряя кабинет неровным светом. Иллюминация оказалась как нельзя более кстати. Значит, они загораются при наступлении

темноты, сообразила я.

Теперь понятно, почему в окне башни горел свет, когда мы в первый раз подъехали к замку.

Недовольно мявкнул кот. Я посмотрела в окно. За ним была непроглядная чернота. Резко же тут наступает ночь, однако.

Пуфф запрыгнул ко мне на колени и потянул носом. Потом изрек:

— Мы переместились.

— Переместились? Ты хочешь сказать, кабинет вместе с нами переехал в другое место? В другую башню? Но почему темно? В другой башне уже ночь, что ли?

— Мы не в башне.

— А... где?

— Сыро. Холодно. Не, не в башне. Ясно, да?

Вскочив и сбросив с колен кота, я вытащила из скобы один из факелов. Подскочила к двери. Рывком распахнула.

За ней тоже была темнота. И — кот оказался прав — тянуло сыростью. Точнее, сырой землей. Никакой лестницы, ведущей вниз или хотя бы вверх. Под ногами был темный земляной пол. Дальше ничего видно не было.

— Будем ждать, пока он переместится обратно? — неуверенно спросила я.

— Подождем, — лениво отозвался Пуфф.

Мне уже не хотелось изучать фолианты и заниматься самообразованием. Попасть обратно, наверх, в башню — вот чего я желала больше всего. Однако время шло, а противный кабинет даже и не думал перемещаться.

— Может, выйдем и осмотримся? — спросила я.

— Можем и выйти, — флегматично отозвался кот. — Там водятся мыши. Я бы поохотился.

Мыши?! Не хватало только мышей для полного счастья.

Здраво поразмыслив, я пришла к выводу: зачем-то кабинет перенес нас сюда. Может, надо все-таки выйти и что-то сделать? Не трусь, велела я себе и с факелом в руке шагнула за дверь.

— Идем, — твердым голосом сказала коту. Тот, не торопясь, вышел следом.

Дверь за нами захлопнулась. Ладно, открою после, а теперь неплохо бы понять, где мы все-таки оказались.

Я сделала несколько шагов в сторону и наткнулась на стену. Каменную замшелую стену. Решила пойти вдоль нее — куда-нибудь наверняка приду, а если и нет — вернусь сюда же.

Долго идти не пришлось, через несколько шагов стена делала поворот направо. Странный угол какой-то, не прямой, а острый. Разве такие бывают в нормальных зданиях? Я протопала еще немного вдоль каменной стены, покрытой слизью и кое-где мхом, и снова наткнулась на угол, тоже острый. И снова поворот направо. И снова. Я поняла, что хожу по кругу, точнее, по треугольнику. Что за чудеса? Странное помещение, похоже, замкнутое. Подвал? Жаль, что так и не выяснила, есть ли в замке подземелье. Хотя нет, на полноценное подземелье не тянет, очень уж небольшое тут пространство.

И тут только стало понятно, куда мы с Пуфиком залетели по милости бродячего кабинета. Сразу подкосились колени и закружилась голова.

— Это треугольная башня, — прошептала я.

— Угум, — глухо ответил кот. Он что, действительно мышей ловит, что ли?

— Пуфф, пошли отсюда. Быстро.

Кот зашипел:

— Тут полно норок. Ну дай поохотиться. Давненько мышатину не ел. Печенка надоела, ужас.

Ужас. Он прав. Ужас скрутил мне желудок, когда я зачем-то глянула вокруг маговзором.

Такого я не видела еще никогда. Плесень на пупырчатых коричневых стенах, которую я сперва приняла за мох, отливала болотно-зеленым и беспрерывно шевелилась, протягивая ко мне тонкие мерзкие щупальца. Некоторые уже касались лодыжек, оставляя ощущение чего-то липкого и холодного, и я взвизгнула, отпрыгивая и тыча в зеленоватую тварь факелом. Несколько щупалец неторопливо, будто обиженно, втянулись в стены, но с десятков новых потянулись к моим рукам, животу, лицу...

— Быстро, я сказала! Где дверь? Кот, ищи дверь кабинета!

Тут я услышала тихий свист. И застонала. Кабинет смылся, бросив нас в жуткой сырой башне без окон и дверей.

Кот разразился удивленным мявом:

— Улетел? Без нас? Вот собака!

— Собака, — согласилась я, отбивая очередную атаку щупалец. — Только не он, а ты. Я говорила — пошли, а ты — мышь, мышь. Вот и охоться теперь за мышатиной.

— Между прочим, на ней можно протянуть довольно долго. Мы будем ждать, пока не вернется кабинет, да? Могу и на твою долю наловить.

— С ума сошел? Да я лучше сто яблок съем, чем одну сырую мышь.

— Поджаришь на факеле. Если к тому времени не потухнет.

Только тут я обратила внимание, что огонь и в самом деле горит уже не так ярко. Возможно, его гасит ополчившаяся на меня плесень. К коту она не проявляла, кстати, ни малейшего интереса.

Остаться без огня в крошечной тьме не хотелось совершенно.

Жаль, не догадалась захватить немного порошка и книжку с заклинаниями, сейчас бы костерок развела — в башне было холодновато.

— Пуфик, иди сюда, — жалобно попросила я, опускаясь на земляной пол в центре башни, подальше от стен с их страшными щупальцами; сюда они, по крайней мере, не дотягиваются. Но и без того вид пульсирующих будто в агонии стен не доставлял мне ни капли удовольствия. Я моргнула и потрясла головой. Накатила усталость. Все-таки маговзор или, как его назвал Даш, третий глаз отнимает много сил. И совершенно непонятно, как их восстанавливать.

Пуфф, будто не слыша, все еще сидел и смотрел в одну точку. Подкарауливал мышь. Нашел время и место! Печенка ему, видишь ли, надоела.

Как же отсюда выбраться-то? График передвижений кабинета мне неизвестен, коту наверняка тоже. По стене не заберешься — во-первых, она скользкая и противная, во-вторых, гадкая плесень свяжет меня по рукам и ногам в два счета, в-третьих, башня достаточно высокая, чтобы мы смогли добраться до крыши. Я запрокинула голову. Наверху был точно такой же мрак, как и в двух шагах от меня.

Становилось все холоднее. Я воткнула факел в землю и обхватила себя руками. Он уже еле теплился. Я смотрела на угасающий огонек и думала: наверняка Данни, обнаружив мое исчезновение, решит, будто я сбежала. С Дашем-Ербиным. А тем временем документы о

наследстве так и не будут подписаны, и моей бедной подруге предстоит многомесячная тяжба с Ариенной, Крадифом и Танти. Замок будет разобран по камушку, и единственное, что уцелеет после такой катавасии — рояль, черное чудовище о трех ногах, занимающее половину моей квартиры...

Пронзительно запищал кот. Я подпрыгнула.

Уф. Это, оказывается, пищала мышь, которую охотник умудрился-таки изловить. Он, гордый собой, подошел и положил добычу к моим ногам.

— Убери немедленно! — приказала я. — Можешь съесть, но только чтобы я не видела.

— Вот сейчас обидела, — буркнул Пуфф. — Я же для тебя старался. Ну, хорошо, если ты всю ешь не будешь, я тебе самое вкусное оставлю. Голову.

— Я тебе оставлю, — возмутилась я, краем глаза подмечая, как серая мышка подгребает лапками, стараясь незаметно отползти подальше.

— Зря тут сидишь, — заметил кот. — Если кабинет появится, он грохнется тебе на голову.

— Какая разница, — отмахнулась я, следя за перемещением мыши. — Если я сяду возле стены, то меня слопают зеленая плесень.

— Разница есть, — резонно заметил кот. — Плесень будет есть долго, а кабинет раздавит сразу.

Мышь таки рванула. Но я оказалась проворней и сцапала беглянку за хвост. Меня кабинет раздавит, но коту-то за что страдать?

Полевка отчаянно заверещала. Мне почему-то стало ее жалко.

— Ты правда очень хочешь мышатины?

— Не очень, — признался кот. — Инстинкт. Ясно, да?

— Ясно. Может, тогда, отпустим, а ты попробуешь поймать ее еще разик? Слышишь, как жалобно она пищит.

— Тихо, — вдруг сказал кот. — Она не просто пищит. Она что-то говорит.

Я прислушалась. Может, кот что-то понимает, но я, увы, не разобрала ни слова.

— Просит ее отпустить к деткам, — перевел кот с мышиноного. — Обещает за это показать, где есть другая еда.

— Другая еда — это что? — спросила я с подозрением. — Змеи, червяки, лягушки?

— Я не очень силен в мышиноном, — признался кот. — Зато понял: ты сидишь на входе в какой-то то ли склад, то ли тайник.

О! Это меняет дело! Мне очень хотелось убраться отсюда как можно скорее, сбежать подальше от зеленой плесени. Я вскочила, отбросила в сторону мышь и принялась шарить по земле.

Кот бросился было за добычей, но не догнал и вернулся.

— Помогай, — велела я, отгребая в сторону комья земли. Под ними действительно что-то было, какие-то доски.

Доски оказались крышкой. Квадратной, деревянной, с металлическим кольцом. У моей третьей мамы в доме похожая крышка называлась «творило» и использовалась не для того, чтобы творить, а чтобы затворять погреб.

Я дернула кольцо.

Снизу потянуло затхлым воздухом. Я посветила тусклым светом угасающего факела. Разглядела ступени, ведущие вниз. Глянула маго-взором. Ничего опасного не обнаружила.

— Пошли, — сказала коту и начала спускаться по ступеням. Если это подземный ход,

он выведет нас хоть куда-нибудь.

Это и правда оказался подземный ход. Как мне показалось, давно заброшенный — об этом свидетельствовали и кое-где осыпавшиеся камни, укрепляющие стены, и подгнившие деревянные столбы, и огромное количество паутины, что лезла в лицо и трещала в факельном огне.

Едва мы отошли от башни, как услышали знакомый свист и громкое бух — кабинет опустился на творило. У меня сложилось такое впечатление, что это негодное помещение, имея вредный характер, за что-то на меня обиделось и задалось целью делать гадости. Уж не за то ли, что я любезничала с Дашем?

Как бы то ни было, стучать в творило и орать «а ну выпусти и забери нас отсюда» не имело смысла. Он (кабинет, то есть) лишь посмеется своей удачной шутке. Поэтому мы с котом, стараясь не отчаиваться, двинулись дальше.

А дальше ничего хорошего не просматривалось. Коридор подземного хода пошел вверх, идти стало труднее. К тому же то тут, то там обнаруживались боковые ответвления. Кто знает, вдруг именно они ведут к складу, полному еды, про которую пищала мышь? Или на худой конец выведут нас на поверхность?

Я просматривала каждый боковой коридорчик маго-взором, насколько хватало силы. Но ничего стоящего внимания не замечала. Пуфф бодро трусил вперед по главному коридору. Я едва поспевала за ним. Факел мигал, предвещая скорую кончину. Ну потерпи еще немного, уговаривала я его, еще чуть-чуть...

Он все-таки погас. Теперь передо мной встал выбор — либо продвигаться с включенным третьим глазом, но быстро вырубиться, либо плестись еле-еле в крошечной тьме, держась за стены. Я решила комбинировать оба способа.

— Пуфф, — позвала я, — если тебе не очень сложно, пожалуйста, иди рядом.

Милый котик тут же прижался к моей ноге. Идти в темноте очень, очень трудно, а когда под ногами вьется кошка — еще труднее. Однако, не будь Пуффа, я бы точно забрела в какое-нибудь ответвление.

Я уже потеряла счет времени и едва стояла на ногах, когда кот наконец радостно мякнул:

— Чую запах еды.

А вот это очень кстати. Мой желудок уже давно издавал утробные звуки, требуя хоть что-нибудь, хоть сто яблок (только не мышь!). Я активировала маго-взор. Никакой еды не увидела, все те же стены, земляной пол, подгнившие балки...

— Где твоя еда?

Кот рванул в один из коридорчиков. Я едва поспевала за ним.

На последнем издыхании увидела деревянную лестницу, ведущую наверх, к такому же творилу, что мы оставили в башне. Пришли туда, откуда ушли, подумала я, осела на пол и потеряла сознание.

— Да что ж это такое!

Голос доносился до меня как сквозь пелену. Знакомый, кстати, голосок-то.

— Мира! Ты меня слышишь? Ну, скажи на милость, куда тебя понесло на этот раз? Наказание мое, ни на секунду нельзя одну оставить!

Секунду? А что такое секунда?

Я уже собиралась открыть глаза и спросить, как на меня вылили хорошую порцию воды.

Пришлось откашляться и отплеиваться. И лишь потом открывать глаза.

Конечно же, надо мной нависал Гвейнард. Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— Очнулась наконец-то, — буркнул он. — Ну, и за каким демоном тебя потащило в подвал?

— В подвал? Ни за каким...

Тут я все вспомнила. Прилет и отлет Даша, перемещение в башню, исчезновение кабинета, мышь, предназначенная к употреблению не то мной, не то котом, подземный ход и... И что дальше?

— Скажи спасибо коту. Он так орал, что перепугал бедного Сварта до колик в желудке. Сварт, конечно, поднял притвор, но вытащить тебя уже не смог. Как ты там оказалась, признавайся! Опять искала свой колдовской плод? Мира, да нет его там! И нигде нет, понимаешь? Макер был знатный инсценировщик, разыгрывал всех подряд! Сварт мне все объяснил. Наверняка и этот розыгрыш для кого-то из своих друзей-магов придумал, вот только не успел осуществить при жизни. Сварта-то зачем разыгрывать? Он всего насмотрелся, еще при жизни хозяина. А вот мы — новенькие, поэтому и стали жертвами розыгрыша.

Капли все еще бежали по моему лицу. Я вытерла их тыльной стороной ладони и огляделась.

Я сидела на полу кухни, рядом с холодильней, откуда так удачно утащила испорченный сыр. А между мной и холодильней зияла черная дыра. Гвейн, присевший рядом на корточки, утверждал, будто это подвал. Ну да, место, где, по словам Пуффа, много-много еды.

— А где кот? — спросила я.

Гвейн почему-то разозлился еще больше:

— Я ей про Фому, она мне — про Ерему. Спит твой котяра. Нажрался и спит.

— Хорошо, — выдохнула я с облегчением. — Может, и мне найдется, что поесть?

— Яблоки устроят? — съехидничал Гвейнард.

— Да. Но не менее сотни.

Он сначала удивился, потом посмотрел подозрительно:

— Ты меня разыгрываешь, да? Терпеть ведь не можешь яблоки, даже видеть их не в состоянии.

— Понимаешь, — я улыбнулась, — когда альтернативой служит мышь, пусть даже и запеченная на факеле, начинаешь ценить то, на что не мог смотреть раньше.

Гвейн посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Потрогал лоб. Я поморщилась и дернула головой. Тогда он встал, наклонился и взял меня на руки.

— Эй, — сказала я. — Ты что делаешь? Я ведь тяжелая. Надорвешься.

— Вовсе не тяжелая, — крикнув, он пошел к выходу из кухни. — Неужели сама не заметила, как похудела?

Хм. А ведь и правда не заметила. Ну, как не заметила. Понятно, что поясок стал затягиваться туже, но в череде последних событий этот факт показался столь незначительным, что абсолютно не обратил на себя внимания.

Мы устроились на диванчике в каминном зале, где еще недавно разыгралась сцена признания Крадифа. Мне хотелось спросить, что произошло дальше, и для чего Гвейн поднимался в башню. Может, собирался о чем-нибудь сообщить? Но начинать разговор не решалась. Боялась того, что услышу в ответ.

После непродолжительно молчания Гвейн осторожно спросил:

— Правильно ли я понял, что в подвал ты полезла за мышью?

Я представила, как крадучись пробираюсь в кухню, воровато оглядываюсь, поднимаю притвор и на четвереньках ползу к норке. И расхохоталась.

То ли подействовали события последних часов, то ли нервы сдали окончательно, но я хохотала и никак не могла остановиться. Слезы текли по щекам, капая на и без того мокрую рубашу. Как и следовало ожидать, смех в конце концов обернулся рыданиями. Самыми настоящими, бурными, со всхлипами и ревом в голос. Гвейн, кажется, не на шутку испугался, прижал мою голову к своей груди и начал ласково гладить по голове.

— Ну-ну, спокойно, Мира. Все уже прошло, — бормотал он.

Прошло. Как бы не так. По-моему, еще даже и не начиналось.

Продолжая потихоньку всхлипывать, я рассказала Гвейну про наши с котом путешествия в кабинете, башне и под землей.

— Не понимаю, — сказала я наконец. — Для чего предназначена треугольная башня? Снаружи она защищена охранным контуром, причем самого низшего пошиба. Казалось бы, внутри должны храниться сокровища. Или находиться тайная лаборатория мага. Но в ней ничего, ничего нет! Земляной пол, сырость, да еще противная зеленая плесень на стенах. И, тем не менее, кабинет за каким-то демоном туда перемещается! Для чего? Что там такого, в этой башне?

— А ты спроси у своего знакомого, может, он объяснит.

Я непонимающе взглянула на Гвейна:

— Какого еще знакомого?

— Того самого, с которым ты так мило ворковала.

Он произнес это как можно равнодушнее. Однако жевлаки на щеках так и играли.

— Ты рехнулся? Мило ворковали? Да мы просто разговаривали. Он рассказал много интересного. Например, что...

— Не сомневаюсь, — перебил Гвейн. — Наверняка и ты ему поведала все секреты.

— Ну, не все... — неуверенно сказала я, припоминая, что именно я наболтала Дашу.

Гвейnard взвился:

— Как ты вообще могла с ним откровенничать? Да еще и это... целоваться!

Я рассердилась и даже слегка отодвинулась:

— А тебе какое дело? С кем хочу, с тем и... откровенничаю!

— Он напел тебе с три короба, а ты и уши развесила. Ну, давай, слушай теперь всех подряд. У соблазнительей, между прочим, есть один особый приемчик, знаешь? Внушить тебе, что ты... ну, например, потерянная в детстве принцесса. Или великая волшебница. Или... неважно, кто, но особа высокого ранга. И все. Ты его с потрохами. Он тебя проглотил, поглотил, не помиловал.

— Вовсе он меня не глотал.

— Ну, конечно. А то я не слышал! Ты даже не знаешь, кто он такой, этот твой Даш! А если он ворюга и спер какую-нибудь важную вещь из кабинета? И вообще, как он туда проник? Что ты про него знаешь?

— Но я и про тебя ничего не знаю. Может, расскажешь, кто ты такой и почему я могу доверять тебе?

Гвейн неожиданно смутился, отвернулся и забормотал что-то неразборчивое.

— Э, нет, — решительно сказала я. — А ну, выкладывай, кто ты такой!

Он, не поворачиваясь, ответил:

— Мира, если честно, я сам не знаю, кто я такой.

— Это как? — удивилась я.

— А вот так.

Он повернулся, и в глазах его было такое отчаяние, что я сразу же его пожалела.

— Не знаю, и все. Не помню. Родины своей не помню, города, где жил раньше, родителей, друзей. Ничего не помню. Будто бы и не было у меня ничего раньше.

— Так, погоди. А с какого момента помнишь?

Я ему сразу поверила. Вот сейчас он говорил правду, а не тужился, якобы вспоминая название своей страны.

— С какого момента? — он задумался. — Первое, что помню — сижу возле дороги. Кто-то проезжает мимо, пыль поднимает. Лошади, телеги, всадники. Никто не останавливается, даже внимания не обращает.

— Значит, дорога была проселочная, а не городская?

— Ну да. Город — как я потом узнал, Ойлин — виднелся вдали, очень далеко от меня... Я с трудом поднялся... У меня почему-то все тело болело, не знаю, почему. Ноги подгобались, дрожали, будто я до того пробежал огромную дистанцию. Тем не менее, я поднялся и пошел к городу. Шел медленно, и город никак не желал приближаться. Но я все шел. Мне зачем-то очень надо было добраться до людей... Очень хотелось есть и пить. Больше, наверное, пить, во рту пересохло и глотать было больно. Меня мутило, перед глазами прыгали темные пятна... Не знаю, сколько прошло времени, когда меня догнала быстроходка. Это я позже узнал, как называется сия конструкция, а тогда подумал: надо же, какая странная штука. Вроде не телега, но и не автомобиль...

— Чего? Какой еще автомобиль? — удивилась я. Никогда не слышала этого слова.

— Ну... это машина вроде быстроходки. Перевозит грузы и людей. Только ездит не на магическом элементе, а на бензине... Такая жутко вонючая штука. Извини, не могу лучше объяснить.

Жутко вонючая штука? Хм. Неужели кто-то стал бы ездить на такой?

— Быстроходку вела очень симпатичная девушка. Машина сначала поравнялась со мной, потом замедлила ход и, наконец, остановилась. Девушка открыла дверцу, махнула рукой и показала на соседнее сиденье. Я смотрю и думаю: чего она хочет? Ну, ведь явно же хочет чего-то, а я как дурак стою столбом и не понимаю. И слов ее тоже не понимаю, ни одного. Вернее, я потом уже сообразил насчет слов, а тогда думал: она зачем-то произносит какие-то звуки. Красивые такие, я аж заслушался. Она замолчала и некоторое время внимательно на меня смотрела, вроде бы тоже к чему-то прислушивалась. Тогда я сказал, что хочу пить. Или может просто промычал. Она не понимала меня, как и я ее не понимал. Тогда она вышла из машины, подошла и надела мне на шею цепочку. Вот эту.

Гвейн слегка распахнул ворот рубахи, и я увидела на его шее тонкую ниточку, почти незаметную.

Значит, я не ошиблась, у него действительно была цепь. Все время. Все то время, пока он был здесь, в замке.

— Она сказала — садись, поехали, и я сразу понял. И ее слова, и что сам, похоже, из другой страны. Попросил пить. Она достала бутылку с водой. Я пил жадно, выпил всю воду из бутылки. Девушка смотрела на меня внимательно и испытующе, как на какого-то дикаря. Наверное, я тогда и выглядел как дикарь... А потом мы поехали в город.

Он помолчал и добавил:

— Это была Данни.

Конечно, Данни, кто же еще. И на шее у него не простая цепочка, а цепь раба.

Подобные артефакты изготавливались магами-отступниками, которым требовались дармовые работники. Рабами становились беженцы из соседних стран, привлеченные в Данетию слухами о колдовских штучках.

Итак, полное подчинение хозяину, подавление собственной воли, блокировка памяти, связанной с прошлой жизнью, считывание мыслей, невозможность избавиться от артефакта самостоятельно — вот то немногое, что я смогла сходу вспомнить про цепь раба. Ну, конечно, имелись и положительные свойства, как то: автопереводчик, быстрое восстановление жизненных ресурсов, физическая выносливость.

Ну вот, теперь его странное поведение стало более-менее понятно.

Интересно, неужели Данни не знала, что именно нацепляет работнику на шею? Или была уверена — это всего лишь переводчик?

И еще — откуда у нее цепь раба? И почему она возила ее с собой?

Я подумала и решила — наверняка купила у людей, понятия не имеющих о свойствах цепи.

— Какая интересная цепочка, — сказала я как можно более равнодушно и протянула руку. — Гвейни, милый, ты хотя бы приблизительно представляешь, что это такое?

— Переводчик, что же еще, — он пожал плечами.

— И сколько ты за нее не заплатил?

— Мира, да что с тобой? Конечно, нисколько. Ты меня плохо слушала? У меня ж не было ничего. Данни дала ее просто так. Сказала, я бы без нее пропал. Мне показалось неудобным принимать такую ценную вещь в качестве подарка. Поэтому я спросил, могу ли ее отблагодарить, и если да, то как. Она сказала, было бы здорово, если бы ты — ну, я, то есть — поступил бы к ней на работу и выполнял некоторые поручения. Для начала обучила водить быстроходку. Это оказалось нетрудно. Хотя сначала я управлялся с ней не очень уверенно...

— О да, я отлично помню нашу первую встречу. — ухмыльнулась я.

— Ну, ты сама была виновата, — с вызовом ответил он. — Нечего было бросаться под колеса. Данни, кстати, меня очень хвалила. Я несколько раз отвез ее туда-сюда, и все было в порядке. Мы даже ездили в ближайшие деревни. Она ведь по всей стране мотается в поисках артефактов для своего магазина.

Мотается по всей стране. А вот это интересно. По ее словам, замок по самые башни забит всякими артефактами. А она по стране мотается. Странно? Еще как.

Хотя, истинных любителей старины и искателей приключений, к коим относилась Данни, всегда тянет на поиски чего-то особенного.

— А ты не пробовал снять эту цепочку? — спросила я.

— Нет. Зачем? Данни сказала, чтобы не снимал. Иначе перестану понимать речь окружающих.

— Мне так не кажется, — ответила я и выхватила из-за пояса кинжал.

Гвейnard, наверное, не ожидал ничего подобного, поэтому даже не дернулся, когда я коснулась цепочки кончиком кинжала и легко перерезала звенья.

Цепь соскользнула сперва на его колено, а потом стекла на пол. Красивая штучка, изящная. Но и я, и кинжал, нестерпимо горевший в моей руке, справедливо считали, что она опасна.

И все-таки. Странно, что Данни не знала ее истинном назначении. Она, державшая магазин еще во времена безмагии!

Но странным было и другое.

Гвейnard, носивший запретник, запросто брал в руки кинжалы. При этом его руки не прокрылись волдырями. Он даже боли не чувствовал. Почему?

— Не так-то просто определить, запретный артефакт или нет, — задумчиво сказала я. — Особенно если он красив, полезен и его дарит интересная девушка.

— Да ты никак ревнуешь? — усмехнулся Гвейnard и тут же ойкнул. — Слушай, а ведь я понимаю по-данетски. И сам прекрасно говорю. Но почему?

— Научился, — ответила я. — Выучил язык. Быстроходку тоже раньше не водил, научился же. Ну и вот. С языком произошло то же самое.

— Сравнила! Быстроходку водить просто. А тут целый язык!

— У тебя просто была временная потеря памяти, вплоть до речевого отклонения. Артефакт дал толчок, восстановил утраченные связи... Да, и чтобы не было дальнейшего развития темы. Нет, я тебя не ревную. А вот у Данни есть очень-очень ревнивый жених! Ты, кстати, с ним знаком?

— Нет. Он вечно по заграницам мотается, как она сама утверждает.

— М-да, и мне говорит то же самое... Я даже начала сомневаться, есть ли он на самом деле.

— Так давай спросим! Не хочешь с ней поговорить?

Я хотела. Очень. У меня накопилось к подруге много вопросов. К тому же, я до сих пор не узнала, все ли в порядке в моей квартире.

— А, да, — спохватился Гвейн. — Твой переговорник заело, я забыл. Ну тогда я сам... Ох, нет!

Гвейн вдруг сделался таким испуганным, что и я тоже испугалась:

— Что — нет?

— Мира, что мы... что ты наделала! Ведь мой переговорник — вот эта самая цепочка!

— Да ты что? — сказала я. — Ничего себе.

Я точно идиотка. Ведь говорил же он мне, что соседка связывалась с ним по переговорнику. А я пропустила мимо ушей. И даже не спросила, где его переговорник и как выглядит. Потому что мозги тогда были заняты другим.

— Ну да, — продолжал Гвейн. — Данни, помнится, сказала, мол, хочу, чтобы ты всегда был на связи. Вот и оформили цепочку в качестве связующего устройства.

— На связи или на привязи, — задумчиво сказала я.

— Нет, ты все-таки ревнуешь, — заключил Гвейн.

— Совсем не ревную.

Я имела в виду нечто другое, говоря «на привязи». Постоянно держать абонента в районе слышимости, даже если он находится далеко — отличная задумка. Правда, это было очень не похоже на мою подругу. Но идея с переговорником, находящимся всегда под рукой (в нашем случае — под головой) мне очень понравилась.

— А... как часто она с тобой связывалась?

Он пожал плечами:

— Совсем редко. Я звонил ей намного чаще.

— Что ты делал? Звонил?!

— Ну... вызывал ее. Извини, Мира, иногда со мной происходят странные вещи.

Конечно, переговорник не может звонить, если не настроить соответствующий сигнал. Ну, я не знаю, перезвон колокольчиков, что ли. Но почему-то мне кажется, правильнее говорить «звонить», чем «вызывать». Может быть, так говорили в моей стране?

— Не думаю, что в других странах пользуются переговорниками. Для этого надо как минимум иметь часовую башню. Но такое сооружение имеется лишь в Данетии.

— Ты уверена?

— Абсолютно. О строительстве другой куранты стало бы известно министерству магии. А значит, прошло бы по новостным сводкам. Мы в музее их регулярно получаем.

Я вспомнила про заляпанные жиром документы и вздохнула: получать-то получаем, но вот все ли они доходят до сотрудников? Сомневаюсь.

— И, потом, в других странах все, что касается магии, отсутствует...

Глава 24. Наследство как оно есть

Глава 24. Наследство как оно есть

— Чего это вы такие скованные? -
спросил палач жертву, подтягивая цепи.

— Кхе-кхе, — раздалось позади.

Мы резко обернулись. У двери стоял благообразный кругленький человечек.

— Желая радоваться, — продребезжал он. — Кто из вас будет миста Мирохарда?

Мы переглянулись.

— Я, — ответил Гвейн.

— Очень хорошо, — серьезно сказал человечек и вприпрыжку подбежал к Гвейну. —
Значит, так. Вы, как хозяйка, соберите здесь всех наследников. И, пожалуйста, побыстрее, я
очень спешу!

Мы глядели на него с открытыми ртами. Он смеется над нами, что ли? Или слепой?

Я толкнула Гвенарада в бок:

— Чего сидим, миста Мирохарда? Слышала, что сказал мист... Э-э-э, простите, вы кто?

— Поверенный Макер-тота, мист Лувик-тонс. Извините, молодые люди, сразу не
представился. Очень, знаете ли, устал в дороге. Поэтому хотелось бы закончить с делами и
откланяться. Ну, заверяем завещания или нет?

— Давайте не сегодня, — сказала я, поднимаясь навстречу гостю. — Ночь ведь на
дворе. Может, подождем до завтра, а утром решим все дела с наследством? Вы поужинаете,
отдохнете... Кстати, где Сварт? Он наш... э-э-э... садовник. Встречает всех прибывших,
кормит — правда, исключительно яблоками... Ужин вам не повредит... Так что, ждем до
завтра? Думаю, наследники подождут.

— С какой это стати ты думаешь за всех? — услышали мы надменный голос.

По лестнице спускалась Ариенна. Сразу понятно — настоящая Ариенна, а вовсе не
Банкин в женском платье.

— Я, между прочим, вовсе не горю желанием тут ночевать, — продолжала она, подходя
к нам. — Поэтому и вызвала Лувик-тонса, как только поняла, что здесь происходит нечто
странное. Зовите остальных, будем заверять документы.

— Но погодите, — запротестовала я. — Еще не все выбрали свою часть наследства. То
есть, не выбрал никто. Да и список, к моему большому сожалению, до сих пор не найден.

— К демону список! — повысила голос девица. — Я, например, давно знаю, чего хочу.
И мне плевать, есть оно в вашем списке или нет! Я все равно это получу. Быстро несите
Яблоко Света!

И она туда же! Бедное Яблоко, как бы не пришлось пилить его на несколько частей.

— Мы бы принесли, — сказала я, стараясь не растерять остатки терпения, — если бы
знали, где оно находится.

— То есть как? — удивилась она. — Вы не знаете?

— Нет, — хором сказали мы с Гвенардом.

Значит, Ариенна тоже осведомлена о существовании ценного артефакта. Но тогда
почему она отдала право получения наследства Банкин-тонсу?

Об этом я ее и спросила.

— Никому я ничего не отдавала, — раздраженно пожала плечами Ариенна. — Вы меня за идиотку считаете, что ли? Ну да, приходил какой-то тип с подобным предложением, но я его выставила.

Все ясно. Банкин явился к Ариенне, чтобы снять отпечаток личины. Однако, вот же пройдоха, не побоялся встретиться в замке с истинной наследницей! Что ж, когда на кону такой приз, как ключ к Блуждающей, стоит рискнуть не только карьерой, но и здоровьем.

Банкин и рискнул.

Увы, не выиграл.

— Так получу я свою часть наследства или нет? — Ариенна набычилась и посмотрела на меня исподлобья.

А в зал уже спускались двое других наследников — Танти и Крадиф. Кажется, они ладили друг с другом и без приворотного колечка, потому что шли рука об руку с одинаковым выражением на лице. И выражение это не сулило ничего хорошего. Для меня, по крайней мере.

— Не знаю, — ответила я на вопрос Ариенны, отступая от надвигавшейся на меня парочки.

— А кто знает? — спросила она.

— Все она знает, — тихо, но как-то очень зловеще сказал Крадиф.

— С чего ты взял? — спросила я, делая еще один шаг назад.

— Никто, кроме тебя, не переступал порог кабинета Макер-тота! А Яблоко Света могло храниться только там. Значит, либо оно до сих пор в кабинете, либо ты его оттуда забрала.

— Да я вообще его не видела!

Теперь уже все трое наследников надвигались на меня, загоняя в угол.

— Неси, кому сказано! — приказала Ариенна. — Или пошли в кабинет, вместе поищем.

— Пойти-то можно, — отозвался Крадиф, — да только кабинет никого не впускает, кроме этой... Я бы давным-давно все там перевернул.

— Молодые люди, молодые люди, давайте не будем конфликтовать, — забормотал Лувик, то и дело всплескивая короткими пухлыми ручками. — Я уверен, все недоразумения разрешатся.

— Естественно, разрешатся, — фыркнула Ариенна. — Вы Яблоко принесите, и сразу же разрешатся.

— Вы трое! Ведите себя в рамках приличия!

Гвейн, до сих пор молчаливо наблюдавший сошествие наследников, поднялся и встал рядом со мной.

— А ты кто такой? — ощерился Крадиф. — Приживалка, прислужник, хранитель портков? А ну, иди отсюда! Без тебя разберемся, как себя вести!

Странно, но Крадиф в первую нашу встречу показался мне вполне приличным молодым человеком. Сейчас от светских манер не осталось и следа. Он стремительно шагнул к Гвейну и отшвырнул его с дороги, так что мой приятель полетел на каменный пол. Я сжала зубы. Ну, Крадиф, ну, погоди!

Видя, что Крадиф, Танти и Ариенна продолжают наступать, я выставила перед собой кинжал. Ариенна фыркнула:

— Ножичек-то убери. А то как бы не порезалась в пылу страсти.

— Не убери, — спокойно сказала я. — Если не прекратите валять дурака. Иначе даже не надейтесь, что я пойду искать это ваше Яблоко!

Танти в это время резко дернулась и вскинула руку, видимо, чтобы нанести мне удар. Я направила кинжал на нее. И сейчас же Крадиф, которого я упустила из виду, схватил меня за запястье и резко крутанул. Острая боль пронзила правую руку. Кинжал, звеня, упал на пол.

— Отпустите ее, мист Крадиф, — раздался еще один голос. — Я полагаю, вы ищите именно это.

Ох, как я рада была его услышать. Сварт! Единственный, кто может разрулить ситуацию, успокоить наследников и удовлетворить жаждущих — это наш садовник.

От неожиданности Крадиф сразу же послушался и резко отпустил. Я повалилась на колени, потирая запястье. Подскочил Гвейн, помогая мне подняться.

На нас перестали обращать внимание, потому что теперь все смотрели на Сварта, который держал в руках...

Я почему-то сразу поняла, что Яблоко Света должно выглядеть именно так. Ковчежец в виде ярко светящегося красно-желтого плода, размером примерно раза в четыре больше любого натурального фрукта. Желанный плод для всех здесь собравшихся. Включая и меня, разумеется. Потому что не было ни малейшего желания отдавать ценный артефакт в руки кому-то из этой троицы.

Но откуда он у садовника?!

Тут только до меня дошло — дворецкий Сварт не зря называется садовником. Он вовсе не ухаживает за кучей деревьев в саду за замком, он разводит и хранит очень непростые яблочки. Да и те, которыми нас обстрелял гримзик, наверняка дело рук все того же Сварта. Кто же он такой, этот садовник-дворецкий на самом-то деле?

Тем временем оголтелые наследники ринулись к ковчежцу, однако за пару шагов до него резко остановились, будто налетели на невидимую стену.

— Тихо, — сказал Сварт. — Спокойно. Наследнику достанется то, чего он достоин, не больше и не меньше. Итак. К каждому из вас у меня будет несколько вопросов. Не возражаете?

Почему-то никто не спросил «А ты кто такой?». Возможно потому, что всем стало ясно: главный здесь садовник. А вовсе не я, официальная представительница наследницы.

— Сначала вопрос ко всем. Как вы, возможно, слышали, управлять Яблоком Света может лишь тот, кто прошел специальное обучение в монастыре Ордена Святого Улия. Кто знает, где расположен монастырь?

Молчание.

— Кто имеет благословление прелата монастыря на работу с Яблоком?

Молчание.

— Является ли хотя бы один из вас кандидатом в Привратники?

Медленно и неуверенно поднялась единственная рука.

Моя.

— Вот как? — поднял брови Сварт. — Миста Мира, вы в этом уверены?

— Нет, но...

— Я так и думал, — кивнул садовник. — Знаете ли вы, что за все время, прошедшее с открытия пещеры, Привратником не становилась ни одна женщина?

— Нет, но...

— Вот именно, — снова кивнул садовник. — Все когда-то случается впервые.

Что он хотел этим сказать? Я все-таки могу стать Привратницей?

— Нельзя ли все это, — нетерпеливо произнес поверенный и обвел рукой нашу

компанию, — закончить побыстрее? Я, право слово, погостил бы в вашем чудесном замке пару дней, но очень тороплюсь!

Садовник кивнул и вновь обратился к наследникам:

— Я понял, никто из вас не имеет представления, как обращаться с веретенцем. Тогда для чего же вам нужен сей артефакт?

— Лично я собираюсь посетить монастырь, — дерзко ответил Крадиф. — Вместе с невестой. Надеюсь, монахам ничего не останется, как обучить меня на Привратника, когда они увидят в моих руках ковчежец. Кстати, отдавая Яблоко нам, вы удовлетворите сразу двух наследников. Ведь так, дорогая?

Танти кивнула.

— Вы о себе хорошего мнения, Крадиф, — заметил Сварт. — Осталось лишь выяснить местонахождения монастыря, верно? А теперь я бы хотел услышать вас, миста Ариенна.

— Зачем это вам меня слушать? — вспыхнула девица. — Мое наследство, что с ним хочу, то и делаю!

— Вы не учитываете, что не только вы, но и оно может сделать с вами все, что захочет. Ариенна нахмурилась. По всей видимости, ее не очень устраивало происходящее.

— Ковчежец, как и Блуждающая, очень важны для государства, — продолжал Сварт. — Это не игрушка и не сувенир. Им необходимо управлять, иначе силы, в нем заключенные, сотрут обладателя в порошок.

— Да вам-то какое дело? — вскипела Ариенна. — Если и сотрут, то не вас же!

— Ну, как знаете, — сказал Сварт. — Я сделал все, что мог. Обо всем предупредил.

Он поставил ковчежец на столик, вышел и тут же вернулся с точно таким же.

Я разинула рот. Значит, их два?! Два Яблока Света, открывающих проход в Блуждающую?

Кажется, все присутствующие тоже пооткрывали рты.

— Получите каждый свою часть наследства, — торжественно произнес Сварт. — Мист Лувик, зафиксируйте передачу, пожалуйста!

— С удовольствием, — очнулся поверенный и разложил рядом с ковчежцами пачку документов.

— Я все-таки не понял, — Крадиф почесал затылок. — А почему их два-то?

— А почему нет? — резонно заметил садовник. — Один может сломаться, потеряться, утратить магические свойства, осесть в частной коллекции. Орден не имеет права допустить исчезновения ковчежца. На такой случай надо обязательно иметь хотя бы один запасной. Однако использоваться по назначению он будет лишь в руках Привратника. Или Привратницы.

Он бросил быстрый взгляд в мою сторону. Но что мне теперь его взгляды! Я с тоской смотрела, как оба артефакта уплывают к ненадежным и крайне сомнительным хозяевам.

В тот самый момент, когда все завещания были зафиксированы, и мист Лувик, вполне удовлетворенный окончанием процедуры, собирал документы, в каминный зал прямо из камина всплыло привидение.

Ариенна взвизгнула. Поверенный уронил бумаги и разинул рот.

— Ну, опять, — простонал Крадиф.

Полупрозрачная девица — а это, конечно же, была она — подплыла к нашей компании, немного помедлила и обернулась ко мне. Медленно, певуче она произнесла следующие

строки:

— Скрывают очертанья веток
Тех, кто навечно стар и юн.
Здесь королева яблок света
Покоится меж звонких струн.
Для утоленья тайной жажды
Покров над струнами открой,
Как это сделали однажды
Три мага раннею порой.

Произнеся сии вирши, прозрачная дама вдруг зашипела, закрутилась на месте и рассыпалась множеством разноцветных искр. Все смотрели на это чудо, разинув рты. Фейерверк и правда получился красивым.

— Что это было? — шепотом спросил Лувик, когда искры угасли.

— Здешний призрак, — охотно пояснил Сварт. — Бывший хозяин считал замок без призраков непригодным для жилья. Вот и поселил тут парочку. Эта девица, кстати, моя жена.

Все уставились на Сварта, как на сумасшедшего.

— Нет, это не то, что вы подумали, — с досадой произнес он. — Ну что вы, право. Когда жена была совсем юной, Макер-тот экспериментировал с утра до вечера со всем, что подвернется под руку.

— Было такое, — кивнул Крадиф. — Сам все подряд поджигал, а нам запрещал.

— Именно. Так вот, на основе моей жены он и создал сей призрак. Обмазал ее каким-то магическим составом, создав таким образом оболочку, а после разделил. Последнюю вы только что видели.

— А... она потом вернется? — спросил Гвейн. — Я имею в виду — призрак восстановится?

— Вряд ли, — покачал головой Сварт. — Оболочка сгорела, выполнив свою миссию.

— Какую миссию? — раздраженно спросила Ариенна. — Услаждать гостей примитивными виршами? Надо же додуматься. Три мага раннею порой! Это, насколько я помню, какая-то фривольная песенка.

Именно в этот момент раздался такой громкий щелчок, что я даже заозиралась. Потом сообразила — щелкнуло в моей голове. В ней включилась лампочка и вспыхнул свет, озарив то, о чем я уже давным-давно могла сообразить и безо всяких привидений.

Три мага раннею порой. Песенка, которую разучивал со мной Макер-тот. Он еще тогда сказал — она тебе пригодится, или нечто в этом роде.

Я взглянула на Сварта. Он тоже посмотрел на меня, еле заметно кивнул и улыбнулся.

Мы поняли друг друга.

— Пошли, — сказала я Гвейнарду, схватила его за руку и потащила прочь из зала.

— Куда? — недоуменно спросил он. — Разве ты не обязана присутствовать до конца?

— Так уже все, конец, разве ты не понял?

— Ну, может, стоит доложить об этом мисте Данни?

— Мы и поедем в город, чтобы доложить. Здесь у нас все равно нет средств связи. Мой переговорник заело, твой распался на куски, а в замке, по утверждению Сварта, ничего похожего нет и никогда не было. Так что поехали. Ну же, Гвейн!

— Сейчас?! — ужаснулся он.

— Именно сейчас. И чем скорее, тем лучше. Пошли, иначе мне придется выволакивать тебя силой!

— Но... Ведь уже ночь!

— Нам не привыкать, правда?

Я подмигнула ему. Он покорился и нехотя поплелся за мной. Мы уже почти вышли из зала, когда я обернулась, подбежала к Сварту и крепко-крепко его обняла.

— Спасибо, — шепнула я ему.

— Не за что, — так же тихо ответил он. — Удачи, девочка. Думаю, у тебя все получится.

Потом я посмотрела на родовое дерево. Нашла портрет Макера. Одними губами сказала ему «спасибо». Он в ответ показал язык и беззвучно захохотал. Я тоже хихикнула, несколько не обидевшись за язык. Ни на кого я, кажется, обижаться не могла. По крайней мере, не в этот вечер.

Глава 25. Погром в квартире

Глава 25. Погром в квартире

«Подруга — это человек, знающий,
что тебе необходимо и, как следствие,
всегда готовый облегчить твою жизнь
от непомерной тяжести отдыха»

Афоризм, приписываемой святой Аненаде

Теперь я абсолютно точно знала, где находится королева Яблок Света. И что все ищут именно ее, а два ковчежца, стоящие на столе... Ну, возможно, они тоже имеют какие-то магические свойства, но до королевы им ой как далеко.

— Может, все-таки объяснишь, почему мы так стремительно удрали? — спросил Гвейн, вырывая со двора.

— Потому что я все поняла.

— Что именно?

— Где хранится настоящее веретене.

Он на несколько мгновений замолчал, потом спросил:

— То есть, те два — подделка? Муляж?

— Понятия не имею. Возможно, они обладают какими-то магическими свойствами. Ни одно из них не является настоящим, истинным Яблоком Света, тем, которое проливает свет на местонахождение Блуждающей.

— А где же в таком случае настоящее, позволь тебя спросить?

— У меня дома.

— ГДЕ?

Он даже притормозил и остановился.

— Ну, ты чего? Давай, давай, поехали.

Гвейн обрел дар речи, только когда мы спустились с холма и проехали мимо треугольной башни. Я бросила на нее прощальный маго-взор. В темноте языки коричневого пламени отливали бледно-болотным. Мороз пробежал по коже, едва я вспомнила слизь на внутренней поверхности стен. Наверное, это частицы духа павшего Апукнутута, навечно заточенные внутри... Но вот ведь загадка — для чего из замка проложен подземный ход акуурат в эту башню? Кто его проложил? С какой целью? Мне почему-то стало жаль уезжать, не разгадав эту загадку. И почему я не спросила Сварта? Теперь-то я была точно уверена — этот садовник — не совсем садовник. Или совсем не садовник. Короче, не тот, за кого себя выдает. И, безусловно, знает гораздо, гораздо больше, нежели говорит.

— Мира! — сказал Гвейн. — Я думаю, нам следует вернуться.

— Не следует, — возразила я.

— Яблоко у тебя дома?! Ха! Это абсурд!

— Это правда!

— Слушай, Мира. Если ты об этом знала, то почему делала вид, что не знаешь?

— Я не знала!

— Да? Хм. И когда на тебя снизошло откровение?

— Ничего на меня не сниходило! Я просто поняла! После трех магов раннею порой!

— Чего? Ты сама-то понимаешь, что несешь?

— Я не несу, я говорю то, что есть!

Мы уже почти кричали друг на друга. Опомнившись, разом замолчали и перевели дух. Наверное, Гвейнард подумал то же, что и я — ночь ночью, но ведь и по ночам на дорогах встречаются путники. Мне, как и Гвейну, вовсе не улыбалось, чтобы наш разговор подслушали.

— Хорошо, — спокойно сказал Гвейн, — пусть так. Но вспомни сама, в какие дурацкие и опасные ситуации ты влипала по собственной глупости. И меня, между прочим, в них втягивала. Начнем с того, что сюда мы ехали ночью, а в результате подверглись нападению мнимого брата Сварта и обстрелу псевдо-яблоками. Потом тебя потащило на ночные раскопки, вследствие чего я нашел тебя бездыханной в яблочном саду.

— Бездыханной? — озадаченно спросила я. — То есть, мертвой, что ли?

— Это я образно, — слегка смутился мой спутник. — Я имел в виду — обездвиженной. Не перебивай. Ехать нам еще долго, успеешь выяснить все вопросы после того, как я закончу. Значит, на чем я остановился? Да, на ночных раскопках. До сих пор не понимаю, чего тебя туда понесло. Потом постирала ценную книгу. Оставила открытым окно, наверное, специально для убийц и воров, чем, собственно, и не преминул воспользоваться последний. Заморозила Крадифа, совершенно не подумав о последствиях. На твоё счастье, с ним ничего не случилось. Забралась в подвал. То есть, сначала в башню, а уже оттуда в подвал. Зачем?

— Я не забиралась! В башню нас с котом перенес кабинет!

— Перенес, — ехидно отозвался Гвейн. — Кабинет. Ну да. У него ведь есть ноги. Или не ноги, а крылья. Знаешь, бреднями про блуждающий кабинет, равно как про блуждающую пещеру, я сыт по горло.

— Но это не бредни! — возмутилась я. — Разве ты забыл, как долго я его искала, пока он прятался от меня по всем башням?

— Ты говоришь о своем новом знакомом? Как его бишь? Даш Дембель?

— Меднель, — поправила я. — Я не поняла. Ты мне совсем не веришь? Ты правда считаешь, что я тебя обманываю? Но зачем мне это?

— А низачем, — спокойно ответил он. — Предполагаю, тебе, как и большинству не пользующимся успехом девушкам очень нравится придумывать всякие якобы опасные ситуации, дабы привлечь к себе внимание. Теперь вот понадобилось убедить меня о существовании в твоей квартире особо ценного артефакта. Что ж, давай я поверю твоим рассказам. В конце концов, это часть моей работы.

— Что? — я медленно повернулась к нему. — Повтори, что ты сказал.

Этот наглец и бровью не повел:

— Я сказал, это часть моей работы. Миста Данни предупреждала о буйной фантазии своей лучшей подруги. Собственно, она и отправила меня, дабы я вытаскивал тебя из всякой ерунды, в которую ты, неуклюжая и неумелая, то и дело умудряешься вляпываться.

— Ты врешь, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Врешь про Данни и ее поручение. Она не могла сказать ничего подобного.

— Не хочешь — не верь, — равнодушно отозвался водитель. — Ты в своем праве.

Я не верила. Не могла поверить. Данни дала поручение вытаскивать меня из всякой ерунды? Меня, которую до недавнего времени интересовал всего один маршрут: дом-работадом, не посещающую ни сомнительных кафе, ни маго-игрищных заведений, не имеющую друзей с подмоченной репутацией, которые могли бы вдохновить меня на подвиги. Да что

там — у меня вообще не было на этом свете никого, кроме Данни и мамы. И ни в какую ерунду я, естественно, никогда не влипала.

Или Данни — это вовсе не Данни, а тоже некто совершенно незнакомый, скрытый за личиной подруги? Нет, невозможно. Под какой бы маской не скрывалась моя милая Данни, я всегда ее узнаю — по странной манере задумываться, замирать посреди разговора, к чему-то прислушиваясь.

Но как объяснить поручение, данное Гвейну? А вдруг моей подруге самой приглянулся молодой человек и, боясь, как бы он не увлекся мной (что, конечно, смешно и сомнительно, но в мире, как известно, нет ничего невозможного), предпочла исключить такую возможность, наговорив про меня невероятные вещи?

Стоп, сказала я себе, не торопись с поспешными выводами, Мира. У Данни есть жених, и она ни за что не позволит себе увлечься кем-то другим. Возможно, подруга убедила своего нового работника в моей... гм... неадекватности лишь для того, чтобы он не терял бдительности и находился всегда рядом? А что, вполне возможно. Зная или предполагая, как много в замке ловушек, Данни постаралась обезопасить меня, приставив Гвейна в качестве соглядатая. По крайней мере, теперь понятно, каким образом он возникал рядом в те моменты и в тех местах, где и когда ожидать его появления не приходилось.

Тем не менее, меня задело, как он сам отнесся к поручению работодателя. По его словам — как к тяжелой обязанности. А меня, значит, считал за полусумасшедшую девицу, куда-то там постоянно влипающую.

Что ж, пусть считает. Его право.

На самом же деле, больше всего меня оскорбили слова «не пользующуюся успехом». То есть, он предполагает, будто я нарочно выделываюсь, дабы привлечь к себе внимание? Нет, это уж слишком!

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. На особо крутых поворотах и кочках меня подбрасывало и швыряло из стороны в сторону, но я только стискивала зубы и старалась не ойкать.

Наконец мы подъехали к моему дому и остановились. Я распахнула дверцу и, пошатываясь, вывалилась из быстроходки.

— Счастливо оставаться, — буркнул Гвейн, не глядя на меня.

— И тебе не грустить, — ответила я.

Машина еще немного постояла, потом медленно тронулась с места и вскоре скрылась в темноте. Мне стало грустно. Вот все и закончилось. Ну и что с того, что я знаю, где находится таинственное Яблоко Света, за которым охотится так много людей?

Но я не знаю этого точно, а лишь предполагаю. А вдруг мои выводы ошибочны, и я зря погнала Гвейна в город среди ночи?

Вот сейчас и проверим.

Открыв дверь, я сразу почувствовала: что-то не так. Во-первых, сторож не отозвался, потому что был сломан. И не просто сломан — его разбили, расколошматили чем-то тяжелым. Обломки валялись по всей прихожей. Значит, и правда, здесь кто-то побывал в мое отсутствие. Может быть, и хорошо, что я была в отъезде. А то ведь могли бы и меня вот так, по голове.

Очень осторожно, на цыпочках, я прошла в комнату. Увиденное уже не так сильно поразило меня, хотя, безусловно, огорчило. Конечно, было очень жалко диван — ему вспороли живот, и теперь жертва разбойников щетинился выскочившими наружу

пружинами. Из шкафа вывалили всю одежду и зачем-то порезали на кусочки. Мой и так небольшой гардероб уменьшился до неприличных размеров. Журналы и книги валялись на полу, разодранные в клочья.

Весь этот бардак живо напомнил мне разгром в кабинете Макер-тота. Значит, там тоже что-то искали. И теперь я абсолютно точно знала, что именно.

Подойдя к роялю, на котором, несмотря на разбойное нападение, не обнаружилось ни царапины, я придвинула к нему чудом уцелевший стул. Села, откинула с клавиш крышку. Провела по ним пальцем. Они ожили, будто только и ожидали прикосновения, и отозвались тихими звуками. Затаив дыхание, я взяла несколько аккордов и, решившись, заиграла «Три веселых мага».

Не знаю, какого чуда я ожидала, но когда отзвучал последний аккорд, едва не вскрикнула, потому что прямо на моих глазах крышка рояля, тяжелая черная крышка, медленно поднялась. Я привстала и заглянула внутрь.

Наверное, я ожидала увидеть нечто грандиозное. Например, такой же ларец, как те два, что принес Сварт. Но меня ждало глубокое разочарование. Над струнами висел в воздухе небольшой квадратный ящичек, ничего общего не имеющий с теми двумя яблоками, что отдали наследникам. Простой ящик величиной примерно со средних размеров фолиант, выполненный из дерева, безо всяких украшений, резьбы, драгоценных камней и прочих блестящих штучек, с нарисованным на крышке зеленым яблоком. Мне показалось весьма странным, что он не светился под маго-взором. И этот факт поверг меня в недоумение. Что, из-за этого вот ларца разгромили мою квартиру? Ради обладания им Банкин-тонс рискнул своей работой в музее, нацепив личину взбалмошной девицы? Да полноте! Неужели за ним охотились и Крадиф, и Меднель-Ербин? Тем не менее, я не сомневалась: это и есть истинный ковчежец.

На вес он оказался довольно легким. Очень хотелось открыть его, но я почему-то не решалась — боялась разочароваться. А ну как внутри ничего не окажется?

— Ты все-таки его нашла, — раздался за спиной знакомый голос. — Наконец-то.

Я резко повернулась и, увидев подругу, расплылась в улыбке:

— Данни, дорогая! Желаю радоваться!

Она не ответила. Ее взгляд был прикован к ларцу.

— Как ты тут оказалась, милая? — спросила я. — Ночь на дворе.

— Ночь? — она потрясла головой, будто стараясь сбросить наваждение.

Потом к чему-то прислушалась и кивнула:

— Да, уже довольно поздно. Или, если хочешь, рано. Скоро утро, знаешь ли. Я еще успею немного поспать. Так что давай его сюда.

— Кого — его?

— Ты идиотка?

— Данни!

Я не узнавала любимую подругу. Ни разу в жизни она не называла меня идиоткой. Мы всегда были как сестры, нежно любящие друг друга.

Теперь же взгляд ее стал жестким, в голосе слышался металл, а лицо перекосила презрительная усмешка. Нет, это определенно не моя дорогая Данни.

— Данни, что с тобой? — испуганно спросила я.

— Точно идиотка, — усмешка стала еще более презрительной. — Ладно, нечего впустую сотрясать воздух. Дай сюда ларец. Ну, быстро!

Она сделала шаг ко мне. Я инстинктивно подалась назад и уперлась в рояль. Больше отступать было некуда.

Дании сделала еще один шаг:

— Думаешь убежать? Нет, толстая дурочка, ты не убежишь. Ты даже не протиснешься в узкую щель между роялем и стеной, чтобы добраться до окна. Не зря же я столько лет подсовывала тебе сладкие булочки и жирные пирожные. Мои усилия оправдались с лихвой. Ты стала неповоротливой и неуклюжей. Как раз то, что и требовалось.

Она расплылась в довольной улыбке.

— Ты не Данни. Кто ты? — спросила я, чувствуя, как холод ужаса разливается в груди.

— Да я это, я. Не дури.

Все больше леденя, я осознала: это действительно Данни. Та самая Данни, которую я любила. С которой делила одну комнату. Та самая Данни, что была мне как сестра.

Однако я ее совсем не узнавала. Неужели можно измениться вот так, в одну минуту? Или это какой-то жуткий розыгрыш?

— Нет, — сказала я. — Моя Данни не такая.

— Такая, такая, — она довольно оскалилась. — Ты владеешь маго-взором, однако самым обычным видишь не дальше своего носа. Ну, хватит. Отдай ларец!

На сей раз в ее голосе звучала угроза.

— Это ты устроила в моей квартире погром? — внезапно осенило меня.

— Нет, она определенно идиотка, — покачала головой девушка.

— Значит, ты, — обреченно сказала я. — И в кабинете своего отца тоже. Данни, но зачем? Зачем надо было разбивать все вдребезги? Рвать, ломать, крушить? Понятно, тебе нужен очень ценный артефакт. Но почему добывать его надо таким варварским способом? Мы ведь могли объединиться в своих поисках. Ты же видишь, я ничего не ломала, однако нашла. Мы всегда понимали друг друга, с самого первого дня знакомства. Думаю, поняли бы и на этот раз.

— Она думает! — Данни запрокинула голову и громко расхохоталась. — Да неужели?

Я с ужасом смотрела на нее — стройную, красивую, вызывавшую восхищение у всех ее знакомых. Про меня и говорить нечего — Данни была моим идеалом. Теперь он рушился прямо на глазах. Не передать, как мне было больно наблюдать за крушением образа, на который я разве что не молилась.

— Если бы ты думала хоть немного, — отсмеявшись, продолжила девушка, — то ни за что не привела бы к себе домой незнакомую девчонку. Разве ты знала, где и как я жила раньше? А главное — кем были мои родители.

— Но ты ведь о них рассказала, — неуверенно сказала я, догадываясь: она поведала далеко не все. — Твои тогдашние мама и папа были ученые. Они погибли при испытаниях...

— Нет, моя дорогая глупая подруженька. Они вовсе не были учеными. Точнее, учеными, но несколько в другой области. Они были магами-экспериментаторами. Ты же знаешь, их в общем-то мирные опыты до смерти пугают почтенных обывателей, что трясутся в своих ветхих домишках, запираются на десять запоров и придумывают, как бы позаковыристее извести магов, не вписывающихся в единственно правильную концепцию мироустройства. Для начала их объявили отступниками, потом развязали охоту, которая увенчалась известным успехом. Их схватили. А вот сломить и заставить выдать сообщников не удалось. К счастью, осталась та, что продолжила их дело. Нет, сперва, конечно, приходилось скрываться. Но согласись, я хорошо сыграла свою роль сиротки, чьи родители были

учеными! Прекрасная ложь, не правда ли? Обычно дети, кочующие из семьи в семью, не страдают сентиментальностью, но ты у нас, конечно же, особенная. Страдающая, жалостливая. Рассказать тебе сказочку и заставить в нее поверить не составило труда, особенно если при этом пустить слезу. Неужели передались мамочкины гены?

— Оставь в покое маму, — кровь бросилась мне в лицо, то ли от гнева, то ли от стыда за Данни, умудрившуюся вскользь пнуть мою маму, давшую дрянной девчонке кров. — Не тебе марать ее имя всеу.

— Ты говоришь о той неврастеничке, что ночами ревела, обнимая портрет сгинувшего муженька? Мира, дурочка толстая, так ты до сих пор не знаешь о своих настоящих родителях?

Я стояла как громом пораженная. Что она имеет в виду? Что мой папа ноль-три вовсе не папа мне? И мама — не мама?

— Конечно же, ты не знаешь, — продолжила Данни. — Он ведь вычистил воспоминания о тех годах и заменил их другими. Как он сам говорил — накинул на тебя базис беспамятства, а затем — базис ложной памяти.

— Кто — он? — я уже совершенно ничего не понимала. — Зачем вычистил?

— Понятия не имею. Вероятно, потому, что ты была скверным ребенком. Совершенно отвратительным. И по характеру, и по внешности. Дебилка, одним словом. И, тем не менее, тем не менее... Удивительны причуды истинной магии. Каким-то образом ему все-таки удалось узнать о твоих задатках Привратницы.

Так. Про Привратницу мне поведал Даш Меднель. Данни говорит про него, что ли?

— Кому — ему?

— Неважно. Теперь уже неважно. Для тебя. Если бы ты сообразила обо всем сама и чуть-чуть пораньше, то, возможно, могла бы что-то изменить. А теперь уже нет. Давай сюда ковчежец, и покончим.

Мне совсем не понравилось последнее слово. Что значит — покончим? С чем именно она собралась кончать? Или — с кем?

— погоди, Данни. погоди минуточку. Скажи сперва, зачем он тебе нужен.

— Я ничего не собираюсь тебе говорить. Давай сюда, я сказала!

Последние слова она прокричала мне в лицо. Я была уверена — Данни сейчас вцепится в ларец и просто-напросто вырвет его из моих рук. Однако она не сделала ничего подобного. Почему? Несмотря на худобу, она явно сильнее меня. Я решила проверить свою догадку, спокойно и даже слегка нахально заявив:

— Отбери.

Она закусила губу и посмотрела задумчиво. Постучала каблучком об пол. Потом спокойно сказала:

— Мира. Ты неверно меня поняла. Извини. Я немного взвинчена, поэтому и наговорила всякой ерунды. Понимаешь?

— Нет, — ответила я. — Объясни. Например, про меня и маму. За что ты назвала ее неврастеничкой. Толстую дуру в свой адрес я, так и быть, прощаю.

— Да все очень просто, — в глазах Данни появилось виноватое выражение. — Пока родителей не арестовали, я и сама не знала, чем они занимались. Даже не представляешь, какой был удар, когда я узнала всю правду. И уж тем более не могла ничего рассказать ни тебе, ни твоей маме. Потому что не хотела вас подставлять. Каждый раз, когда вспоминаю те страшные дни, мне и самой становится жутко. Ничего удивительного, что наговорила

лишнего. Прости, Мира.

— Неубедительно, — покачала я головой.

— Зато правда, — вздохнула девушка.

Я не могла поверить ни глазам, ни ушам. Да что же происходит-то? Двойная перемена за столь короткое время. Невероятно!

— Зачем тебе ковчежец?

— Мира, — Данни вздохнула. — Он мне очень-очень нужен. Это вопрос жизни и смерти.

— Чьей?

— Не поверишь — моего жениха.

— Вот как? И что с ним такое?

— Понимаешь, Мира. У меня никого нет, кроме него, и у него — только я. Но мы с ним очень давным-давно не виделись. Он попал в довольно сложную ситуацию. Ему нужна большая сумма. Ну, я не могу сказать, в чем там дело, потому что замешаны государственные интересы... Помочь ему возможно единственным способом — достав нужную сумму. Поскольку ее у меня нет и не может быть, я решила найти ковчежец. Ты же знаешь, за него обещано хорошее вознаграждение...

— Не прокатывает, — покачала я головой.

— Неужели? — искренне удивилась подруга. — По-моему, я была весьма убедительна.

— Ты всегда убедительна. Однако противоречишь сама себе. Финансовая яма твоего жениха никак не согласуется с подарками, которые он тебе постоянно делает. Неужели за быстройходку нельзя выручить нужную сумму?

— Увы, нет.

Данни попыталась сесть на диван, но тут же вскочила, напоровшись на одну из пружин. Потерев уколотое место, укоризненно взглянула на ухмылявшуюся меня:

— Мира, представь, что есть возможность выручить твоего папу... Я имею в виду, первого и последнего. Что бы ты для этого сделала?

— Все, — не раздумывая, ответила я.

— Ну вот. И я для своего жениха готова на все.

— Кстати. Ты никогда не говорила, как его зовут и где он работает. И даже не собиралась нас с ним познакомить. Не назовешь причину?

— Мирочка! Но ведь я говорила, почему не говорю! Он секретный агент! И очень-очень просил не разглашать ничего, что может ему навредить. Я, конечно, могу соврать, но обманывать лучшую подругу не позволяет совесть.

Ты и так врешь, подумала я. Но в чем именно? А главное — зачем?

— Пожалуйста, милая, отдай мне ларец.

Голос у подруги сделался ласковым, елейным.

— Отбери, — снова предложила я.

— Как ты мне надоела, — окрысилась она. — Ну, по-хорошему ты, видно, не понимаешь. Да? Что ж, ты сама этого хотела.

Я даже не поняла, как она это сделала. Ярko блеснул медальон, висящий на ее груди, и меня окутало белое облако. Стало заметно холоднее. А потом температура стала опускаться все ниже и ниже, словно я погружалась в ледяной океан. По коже пробежали мурашки, меня зазнобило.

— Не замерзла? — ласково спросила Данни.

— Нет, — ответила я, стуча зубами.

— Ну, еще бы, жира в тебе полно. Но даже такой толстухе долго выдержать не удастся. Отдай ларец, дефектная.

— Отбери, — снова предложила я. — Не можешь?

— А вот не хочу, — сказала она с вызовом. — Снизойди к старой подруге, подари ларчик на память о проведенных вместе годах.

— Не можешь, — едва выдавила я, так как губы совершенно отказывались слушаться. Меня уже ощутимо потряхивало.

— Да, не могу, — наконец согласилась она. — Ты должна передать его мне сама. Поняла?

— Н-н-нет.

— Вот же дубина, — процедила она. — Если ты передашь ларец добровольно, вместе с ним к получающему перейдет функция Привратницы.

То есть, я все-таки Привратница? Могу открывать проход в Блуждающую, заниматься добычей могулия, снабжать им правительство и магический совет? До сих пор я не до конца осознавала значение находки. Ларец казался мне очень важным артефактом, который, впрочем, был сам по себе, отдельно от меня.

Теперь же, после заявления Данни, на меня будто навалился груз ответственности.

Оказалось, я не могу, не имею права вручить ковчежец кому попало, а тем паче какой-то авантюристке, по чистой случайности занявшей место моей подруги. Безусловно, передать ларец придется, но только человеку достойному, способному выдержать непростое бремя Привратника, не опустившись при этом до должностных преступлений, шантажа и вымогательств.

Увы, Данни, похоже, решила сделать все, дабы Привратницей стала она.

Пальцы свело от мороза, и я больше всего боялась, что драгоценная находка упадет и разобьется. Видимо, эта простая мысль дошла и до Данни. Мороз ощутимо ослаб, хотя и не исчез совсем.

— У тебя есть свободное время? — спросила Данни. — У меня — завались. Я терпеливая. Столько лет ждала, подожду еще.

Она сняла меховую жилетку, кинула на пол и невыразимо грациозно опустилась на нее. И если раньше за изяществом своей подруги я наблюдала с огромным удовольствием, то теперь все ее движения казались неестественными. И почему раньше я не замечала фальши? Находилась под влиянием и очарованием прелестной девушки, которая к тому же делала все, чтобы более ничье влияние ни меня не действовало.

Почему бы тоже не присесть? Может, Данни надоест ждать и она уйдет? Или уснет, и тогда уйду я?

Сесть, увы, не получилось. Сойти с места — тоже. Видимо, Данни наложила на меня заклятие недвижимости, причем какое-то очень избирательное. Руками я двигать могла, говорить тоже, а вот ноги не повиновались, как я не старалась ими шевельнуть.

— Не получится, — заметив мои старания, сказала Данни. — Ты освободишься, когда выпустишь из рук ларец. То есть, отдашь мне. Добровольно.

Значит, выйти из квартиры я не смогу в любом случае. Что ж, попробую разговорить бывшую подругу, может, порядок дальнейших действий сформируется в процессе или результате общения — исходя из полученной от Данни информации.

— Зачем он тебе? — спросила я.

— Умение открывать Блуждающую — это и деньги, и власть, — пожалала она плечами.

— Ты что, правда хочешь стать Привратницей?

Данни заложила руки за голову и смотрела теперь в потолок:

— Хотеть можно по нужде. Или, как ты, постоянно жрать. Привратница же — это призвание. Мое призвание, ясно тебе? Цель моей жизни. Ее смысл.

— погоди, я, наверное, чего-то не понимаю. Если это действительно так, неужели о твоём призвании не знал Макер-тот? Для чего ему понадобилось прятать ларец в рояль вместо того, чтобы завещать тебе?

— Увы, я тоже не понимаю, — вздохнула Данни как-то особенно жалобно, и в этот миг мне показалось — передо мной снова моя любимая подруга, с которой я столько времени занимала одну на двоих комнату, делила радости и горести.

К сожалению, только показалось.

— Не понимаю, почему он назначил Привратником того, кто найдет этот дурацкий ящик, — продолжила она. — Так что можешь особо не обольщаться, тебе просто повезло, вот и все. Жаль только, что его не нашла я, хотя так старалась, искала долго и тщательно. Сперва, сразу после смерти папаши, перерыла кабинет. Ты ведь видела бардак, правда?

— Я навела там порядок, не волнуйся.

— Еще чего! Волноваться? Теперь? Не стану, конечно. Поволноваться пришлось тогда.

Интересно, добралась ли она до маленькой комнатки за книжным шкафом?

— Кого ты увидела в потайном чуланчике, Данни? Своих родителей?

Она вздрогнула. Впервые за весь этот странный разговор в ее глазах промелькнуло нечто, похожее то ли на испуг, то ли на неуверенность.

— Не твое дело, — грубо отрезала она.

Не мое, конечно. Но почему-то мне казалось — узнай я, кто привиделся Данни, многое прояснилось бы. Мне почему-то не верилось, что она могла оттуда уйти, не захватив сундучок с могуллием. Однако же он оказался нетронутым. Значит, мою подругу... бывшую, конечно... смутило то, что находилось в углу. Испугало. Остановило. Впрочем, если бы не кот, я бы, скорее всего, тоже не решилась подойти к папе. Точнее, к его призраку. А она... Нет, не своих последних родителей она увидела. Макер-тота, вот кого. И, конечно же, испугалась. Да так, что выскочила из чуланчика и поплотнее закрыла дверь, боясь, что покойник или его призрак бросится в погоню...

— Я была уверена, что ларец там, среди его глупых книжонок и никому не нужных дневников, — продолжила Данни. — И кабинет перерыла, и твою квартиру. Рояль я, кстати, тоже пыталась открыть. Но не смогла, как ни старалась. И заклинаниями пробовала, и артефактами-открывашками, и пилой. Ага, самой обычно пилой. На нем не осталось ни царапины. Я ведь тоже догадалась, где находится Яблоко Света.

— Догадалась? Но как?

— Очень просто. Все остальное в замке я буквально перевернула. Видела бы ты этого старого неврастеника Сварта после моих ночных вылазок! Ух, как он поводил бровями! Наверное, думал, я тут же от его взгляда и окочурюсь. То и дело пытался накормить яблоками. Будто я не знала, что меня после них вывернет наизнанку. Это ведь еще папаша Макер придумал вымачивать спелые яблочки в сиропе с могуллием.

— То есть, яблоки на самом деле выполняют защитную функцию?

Я все пыталась разговорить Данни. Может, она все-таки вспомнит, что мы когда-то крепко дружили...

— Было бы чего защищать, — хмыкнула она. — Давно было пора отобрать у папочки ключ. А его самого выгнать под за...

— Кстати, как он умер? — торопливо перебила я.

— Понятия не имею, — она скривилась. — Если ты думаешь, это я приложила к его смерти руку — ошибаешься. Я бы с БОльшим удовольствием пообщалась с живым. Собственно, я и хотела это сделать. Приехала в замок — и НА тебе, папаша окочурился. Старый пенек сказал, мол, от обычной старческой болезни, то ли сердечный приступ, то ли в мозг кровоизлияние. Вот и пришлось самой крутиться, чтобы найти ковчежец... Ух, как я старалась! Но как меня задолбали папочкины предосторожности! Грымзик этот, демон его подери, чуть что, давай яблоками швыряться! После полуночи в сад не выйти! Старый маразматик, перед тем, как дать дуба, установил на каждой башне по метателю магических шаров. Не больно, но эффективно — шляющихся где попало лупит по башке. Кажется, однажды прилетело и тебе?

— Было такое, — призналась я.

— Ну, так тебе и надо. Была бы я рядом, еще бы и добавила. Нет, ты пойми, я, в общем-то, не злюсь на тебя. Но все-таки немного обидно. Почему я не смогла открыть крышку рояля, а ты — смогла? Ты, насколько я знаю, хоть и жирная, но отнюдь не силачка.

— Все довольно просто, — я решила признаться, хотя и понимала, что делать этого не следует, потому что неизвестно, как отреагирует Данни. — Помнишь, мы приезжали в яблочный дом вдвоем, будучи детьми? Ты тогда много гуляла, оставляя меня наедине с Макер-тотом...

— И ты что, его соблазнила? — Данни, казалось, очень удивлена. — Фу, как мерзко.

— Он научил меня одной песенке. Ты ее знаешь. «Три мага раннею порой».

— Совершенно идиотская песня. Ненавижу ее. Мой последний папенька гнусавил ее, когда сильно напивался. А еще — после того, как заставлял меня его ублажать.

— Данни, — прошептала я.

— Чего? Ты сильно удивлена? Ну да, я мерзкая развращенная девица. Ты многого обо мне не знаешь. Но это сейчас не важно. Не отвлекайся, рассказывай дальше.

— А это все. Дальше рассказывать нечего. Песенка оказалась ключом. Едва я ее наиграла, как крышка рояля поднялась.

— И ты все знала и молчала?!

Данни, до этого лежавшая на полу, быстро поднялась, подошла ко мне и со всей силой ударила по щеке:

— Почему ты молчала, свинья? Про рояль, песню и то, что находится под крышкой? Для чего я приручала тебя столько лет? Для того, чтобы ты мне все рассказывала! Чтобы ничего, ничего не утаивала.

— Я не знала раньше, Данни.

С подругой определенно происходит что-то странное. Настолько странное, что объяснение может быть одно: ею кто-то управляет. Может, ее родители, побывавшие в застенках, бежавшие и желающие с ее помощью отомстить всему магическому сообществу. А, может, она и сама вступила в братство магов-отступников, где на нее наложили обет послушания. Или это действие какого-нибудь опасного артефакта.

В любом случае, мне не следует хамить или сопротивляться. Главное — не отдать ей ларец. Пока он в моих руках, ничего кардинально плохого со мной не произойдет. Каким-то образом он меня охраняет.

Данни снова к чему-то прислушалась. Я повторила:

— Поверь, я ничего не знала. Все вышло совершенно случайно!

— Ну, конечно! Ты случайно прикатила сюда посреди ночи, случайно села за рояль и совершенно случайно сыграла песенку, являющуюся ключом. Кого ты хочешь обмануть? Меня? Да ты себе представить не можешь, как долго я его искала! Да, я не смогла открыть рояль, когда он находился в замке. На глазах Сварта пилить его было невозможно, поэтому мне пришлось сделать тебе такой вот дорогой подарочек. Надеюсь, ты обрадовалась, когда он занял половину комнаты?

— Безумно.

— Ну, еще бы. Мне только и оставалось, чтобы спровадить тебя отсюда под каким-нибудь предлогом, а самой попытаться достать ларец.

— Погоди... Значит, не было никакой нужды в официальном представителе наследницы?

— Конечно, нет. Более того. Других завещаний, якобы всплывших неизвестно откуда, тоже не существует. Это я составила те глупейшие завещания и разослала наследникам. Неужели ты думаешь, кто-то станет оставлять ребенку одну вещицу на выбор? Самой не смешно? Но и ты, и наследнички оказались настолько глупыми, что клюнули.

Я оторопела. Прodelать гигантскую работу, заключающуюся в подделке завещаний и подкупе поверенного — зачем?

— Зачем? — спросила я. — Для чего так сложно...

— Да потому что мне кровь из носу необходимо было выведать, что известно каждому ребенку Макер-тота о наследстве. Вдруг кто-то знал о месте нахождения ларца — ну да, я не оставляла мысли, что неверно определила тайник. Я очень хорошо продумала слежку. Кстати, почему ты сняла кольцо? Я на него так надеялась! Выстрел был, что называется, в яблочко — такая страхолюдина как ты, чтобы понравиться, не упустит случая нацепить подобный артефакт.

— А я не старалась никому понравиться, — сказала я. — Слушай, Данни, может, ты хоть немного ослабишь воздействие холодом, а? Ну, пожалуйста.

— Пожалуйста — это неправильно. Правильно — отдать ларец.

— Да я меня руки от мороза судорогой свело, — жалобно простонала я. — Пальцы не могу разжать.

Подруга подозрительно на меня посмотрела:

— Врешь, поди.

— Не хочешь — не верь.

Видимо, она поверила. Потому что холод отступил. Что, впрочем, не означало возвращение мне подвижности. Несмотря на то, что тело сотрясала дрожь, двигать ногами я не могла.

— Короче, я решила убить сразу двух зайцев, — продолжала Данни. — Вот и вытурила тебя, чтобы спокойно покопаться в недрах инструмента, а также выяснить, что известно остальным деткам Макер-тота. Жаль, ничего не вышло. Откуда мне было знать, что папашка придумает ключ-песенку. Да, да, рояль — это тоже артефакт. Ты что же, за все то время, пока жила с ним бок о бок, так ни разу и не удосужилась взглянуть на него своим чудесным маго-взором?

— Ну почему же. Глядела. Но никакой ауры у него нет. Кстати, если ты знала, что ларец спрятан внутри рояля, зачем устроила такой кавардак?

Я еще не закончила вопроса, как поняла, зачем: Данни давала выход своему гневу.

— Знаешь, мне просто было приятно. Еще в то время, когда я жила здесь, мне хотелось взять топор и порушить тут все. Все! Как я ненавидела и эту квартиру, и мамочку твою истеричную. Я бы и тебя с удовольствием покромсала. Но не могу. Пока не могу. Сперва отберу у тебя ларец. Что там с твоими пальцами, согрелись?

— Еще нет, — ответила я, лихорадочно соображая, что делать. — А... скажи, Данни... свое завещание ты тоже подделала?

— Конечно, — кивнула та. — Главное вовремя подсуетиться. До оглашения подлинного завещания.

Ничего себе! Что же она могла пообещать поверенному, если решилась на подобный обман? Да что там обман — на преступление!

— А... кто настоящий наследник? Или такого нет, и все имущество должно делиться между всем детьми?

Я представила яблочный дом, лежащий в руинах, и мне стало грустно.

— Да есть он, есть. Неужели ты еще не догадалась, кто этот наследник? Точнее, наследница?

Ага. Если это не он, а она, то либо Танти, либо Ариенна. Ну, и кто же из них двоих? Я бы поставила на Танти. Все-таки Ариенна и так богата...

— А я догадался.

Данни резко оглянулась. В дверях стоял Гвейнард. Одну руку он держал за спиной, а на его шее, как и раньше, красовалась тонкая, едва различимая цепочка.

— А, Гвейн, — обернувшись, небрежно бросила Данни. — Хорошо, что пришел. Спасибо, потрудился ты замечательно. Жаль, не раскрутил ее на признание по дороге от замка досюда. Если бы ты узнал, как открыть рояль, я бы примчалась раньше нее и была бы сейчас далеко-далеко... Вместе с ларцом, разумеется.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног. Услышанное никак не желало укладываться в голове.

Значит, Гвейнард, так удачно прикидывавшийся моим другом, в одной связке с этой полусумасшедшей авантюристкой?

За одну ночь весь мой мир обратился в прах.

Те, кому я верила, на кого надеялась, оказались подлыми предателями и лжецами. А Гвейн... Он ведь выглядел таким честным, он мне даже почти понравился...

Впрочем, чему я удивляюсь? План добывания ларца и охмурения наивной меня они составляли вместе. А, может, у Данни и нет никакого жениха? То есть, он имеется, но только не далекий и важный, а очень даже близкий. И зовут его Гвейнард.

— Я, собственно, за этим и пришел, — спокойно сказал Гвейн. — Чтобы ты оказалась как можно дальше отсюда.

— Тогда чего стоишь, как дерево? — Данни начала раздражаться. — Повлияй как-нибудь на свою подружку. Пусть отдаст ларец, и я сразу же удалюсь. Если хочешь, уедем вместе, ты еще можешь пригодиться. Нет, ты наверняка пригодишься. У меня для тебя впереди много, очень много работы.

— И вся она такая же грязная? — Гвейн кивнул на пол, усеянный обрывками бумаги и такни.

— А хоть какая. Не для того я тебя подобрала на дороге, чтобы ты меня в мои дела носом тыкал, как котенка в дерьмо. Так что давай, делай с ней, что хочешь, но чтобы ларец

был в моих руках. Ты понял?

— Я-то понял, конечно. Боюсь только, Мира его не отдаст.

— Ну так заставь.

— Не могу. Я ведь ей не хозяин.

— Слушай, ну почему ты такой идиот? — разозлилась Данни. — Ясно же было сказано — нужно влюбить в себя толстуху, расположить ее к себе, по возможности соблазнить! Соблазненными девицами очень легко управлять. А ты чем занимался? Флиртовал с другой? Я тебе за что деньги плачу, не подскажешь?

— Я не стану влюблять в себя Миру помимо ее воли, — ответил Гвейн.

На меня он вообще не смотрел. Ну и ладно. Если он хочет показать, что дела Данни его не касаются, и он сам по себе в этой игре, то я все равно не поверю. Ни за что. Наверняка его последняя фраза — это очередная уловка, чтобы показать лояльность по отношению ко мне.

И что же с таком случае происходит дальше? Я ключу на его удочку, отдаю ларец, а он тут же — опа — и вручает его хозяйке.

Не дождутся.

Если честно, я плохо представляла, чем может завершиться сегодняшняя ночь. Не знаю, как Гвейн, но я была вымотана до предела. Устала, очень хотелось есть. Еще немного, и я не выдержу.

— Не хочешь — не влюбляй! — Данни уже почти кричала. — Мне все равно, как ты заставишь ее отдать мне ларец!

— Боюсь, никак. Тебе она его не отдаст.

— Ты уверен? Я — что-то не очень. Видишь ли, моя подруга с самого детства жалеет всех бедных, несчастных и угнетенных. Она тебе рассказывала, как притащила сюда оборванца, оказавшегося магом?

— И тебя, — добавил Гвейнард.

— И меня, — кивнула Данни. — А потом еще несколько лет терпела мое присутствие. Не жаловалась, не плакала, ничем не показывала, как я их стесняю.

— Но ты совсем не стесняла нас! — не выдержала я.

Гвейн обернулся ко мне:

— Ей не понять, Мира.

Данни фыркнула:

— Если честно, мне плевать. На вас всех. С высокой колокольни. Ладно, хватит болтать. Сейчас ты будешь умолять меня взять у тебя драгоценную ношу.

Она сделала рукой быстрое движение. Гвейн упал на колени и схватился за горло одной рукой — вторую он так и держал за спиной.

— Он задохнется, — сказала Данни, обернувшись ко мне. — На твоих глазах. Я постараюсь, чтобы его мучения продлились как можно дольше. Ты это согласишься?

— Нет, — твердо сказала я, глядя на покрасневшее лицо Гвейна. — Конечно ж, нет. Отпусти его, Данни. Я отдам тебе ларец.

— Отдавай, — сказала она и шагнула ко мне, протянув руки.

— Сначала отпусти Гвейнарда.

— Ты намерена торговаться? Зря.

Гвейн замотал головой и захрипел. Я, не колеблясь, протянула ларец.

Руки моей бывшей подруги дрожали. Она уже не обращала внимания на готового потерять сознания парня. Конечно, я была идиоткой, так как прекрасно понимала — ни

меня, ни его она не отпустит, скорее всего, убьет — не оставлять же свидетелей. Но казнить себя всю оставшуюся жизнь за смерть лучшего, хоть и бывшего друга я не могла.

Еще немного — и пальцы Данни коснутся ларца.

Но тут произошло нечто такое, чего я никак не ожидала. Гвейн, собрав последние силы, выбросил вперед правую руку, ту, что находилась за спиной. Яркий свет рванулся из его ладони в нашу сторону. Данни дико закричала и отскочила от меня.

Поздно. Шесть кинжалов — а летели именно они — будто послушные чьей-то посторонней воле заключили девушку в кольцо и воткнулись в пол, образовав вокруг нее треугольник.

Тут же я почувствовала долгожданное освобождение, мгновенное, будто с меня спали ледяные оковы, не дававшие двигаться. Гвейн сидел на полу и кашлял, вдыхая воздух с хрипом. Его больше не душила невидимая рука, чему я была несказанно рада.

Данни кричала. Однако, теперь крик ее слышался глухо, будто между нами и ней находилась плотная прозрачная стена. В принципе, так, наверное, и было на самом деле, потому что она металась между кинжалами, но постоянно на что-то наталкивалась, не в силах переступить некую черту, определенную для нее волшебным оружием Великих Подпор.

Гвейн поднялся и подошел ко мне:

— Как ты, Мира?

— Устала, — сказала я честно. И заплакала. Оттого, что руки мои были заняты, утереть слезы я не могла.

— Оставь ты ее, — посоветовал приятель. — Никуда она теперь не убежит.

Разжать пальцы удалось с трудом.

— Ты про коробку или про Данни? — уточнила я.

Поставила ларец обратно в рояль и потрясла занемевшими кистями.

— К обеим относится, — сказал Гвейн и потер шею. — Теперь ни за одну из них нечего волноваться. Девушка наша сейчас побесится немного, да и успокоится. Вот тогда мы ею займемся. А пока дадим время освоиться с новым положением. Мира, сядь куда-нибудь, еле на ногах ведь стоишь. Вот только куда?

Какая разница, куда? Я бы уселась даже на доску, утыканную гвоздями. Поэтому опустилась на пол там, где стояла.

Гвейн перевел спокойный взгляд на Данни, мечущуюся среди шестерки кинжалов. Я тоже наблюдала — отстраненно и равнодушно. Кричала она от боли или просто от досады, что все ее мечты теперь так и останутся мечтами? Не знаю. Да и какая разница?

— Как ты тут оказался? — спросила я у Гвейна. — Кажется, у тебя были какие-то неотложные дела. Я не права?

— Права, — ответил он. — Правда, не дела, а всего одно дело — как следует выспаться.

— И что же тебе помешало?

— Ты не поверишь, но целых два обстоятельства. Во-первых, когда я доехал до своей квартиры... ну, той, которую я снимаю... обнаружил на соседнем сиденье нашу неразлучную серебристую шестерку. Сначала сильно удивился — неужели ты их захватила их замка и забыла? Ну, во-первых, я не помню, чтобы ты поднималась к себе, а ведь кинжалы, кажется, хранились там. Или один из них все-таки был с тобой? Нет? Ну, не важно. Во-вторых, не могла же ты всю дорогу на них сидеть и не заметить, правда? Или могла?

— Нахал.

Если честно, я не помнила, куда засунула кинжал в той суматохе. Оставила на диванчике? Возможно. Но даже если машинально прихватила с собой, то остальные пять должны были до сих пор преспокойно лежать в верхнем ящике комода.

Предположим, Сварт выбежал следом за мной и кинул их в отъезжающую машину. Каким образом они переместились на переднее сиденье? И могла ли я на них сидеть, сама того не замечая? Гвейн так водит самоходку, что я сто раз должна была бы порезать себе это самое... филейную часть, в общем.

Впрочем, что касалось кинжалов, то многое в их поведении наталкивало на мысль о чем-то сверхъестественном. Взять хотя бы легенду, рассказанную Свартом. Или первое их появление в дверце быстроходки. Откуда, как?

Сейчас мне казалось, еще немного, и все части головоломки сложатся воедино, и я пойму все, что происходит... Однако, Гвейн не позволит мне это сделать:

— А потом позвонила твоя соседка.

— Что сделала?

— Ну... вызвала меня по переговорнику... Цепь-то я еще в замке поднял и положил в карман. А чуть позже обнаружил ее снова на своей шее... Так вот. Соседка сообщила, что в твоей квартире снова погром. Кто-то шумит, кричит, шурудит чем-то. И на рояле посреди ночи играет. Это ты устроила такой тарарам?

— А кто ж еще?

Я пожалала плечами и мысленно поблагодарила соседку. Оказывается, ее стержовность и гипербдительность тоже могут приносить пользу.

Тем временем Данни уже почти успокоилась. Она сидела, подтянув к подбородку колени и обхватив их руками. Лица ее мы не видели, лишь плечи вздрагивали.

— Миста Данни, — негромко позвал ее Гвейн. — Как ваше самочувствие? Что мы можем сделать?

Она подняла глаза, и оказались — они совершенно сухие. Данни не уронила ни одной слезинки.

— Убейте меня, — спокойно сказала она. — Мне все равно без него не жить.

— Без кого? — спросила я. — Без жениха?

Она посмотрела на меня очень внимательно, и я увидела, сколько боли и муки в ее глазах:

— Мира. Мира, моя хорошая. Прости меня. Я все это делала не для себя, поверь. Но ему очень-очень плохо, гораздо хуже, чем нам всем. И чем любому из магов, замученных отступниками или безмагами. Поэтому я должна была получить ларец и найти Блуждающую.

Она в эту минуту не врала, я знала это абсолютно точно. Что бы она ни говорила до того, но я хорошо знала подругу. С нее будто спала невидимая маска, и сейчас Данни была откровенна и искренна как никогда. И ей действительно было мучительно больно.

— Я не очень хорошо понимаю... Данни, но что такое приключилось с твоим женихом? И чем ему может помочь Блуждающая? Если тебе нужен могуллий, то в кабинете его достаточно для опытов всех магов страны примерно на полгода вперед.

Она покачала головой:

— Мне не нужен порошок. Мира, мне нужна пещера.

— То есть... Я не очень хорошо понимаю...

— Кажется, я понял, — медленно сказал Гвейн. — Мира, ты уверена, что в пещере есть

только могулий. И больше ничего ценного. Так?

— Ты хочешь сказать, в ней есть еще что-то? — удивленно спросила я.

— Или кто-то. Данни, я прав?

Она посмотрела на Гвейна, и только тут я заметила в ее глазах слезы.

— Прав, конечно.

— Что?! — закричала я. — Вы что, хотите сказать, в пещере живут какие-то волшебные животные?

— Мира, не тупи, — сказал Гвейн. — Не животные. Там живет человек. Самое смешное, что я тоже это знал.

— Человек?! Но... как он там живет? Это же невозможно?

— Почему? Как раз в Блуждающей — возможно. Главное, знать нужные заклинания. Тогда пещера даст тебе все, что нужно. Так, Данни?

Она кивнула.

— Погодите, — я все еще ничего не поняла. — Что за человек такой? Данни, ты его знаешь?

Она вытаращила на меня глаза и промолчала.

— Знает, но не лично, — ответил за нее Гвейн. — Это ведь тот, которого ты называешь женихом, правда, Данни?

Она снова кивнула.

— То есть, как не лично? — недоуменно спросила я. — Вы смеетесь надо мной, что ли? Как можно называть человека женихом, не зная лично?

— Никто не смеется, Мира. Давай я тебе расскажу, как примерно было дело с самого начала. Итак, когда наша Данни была подростком, ее родителей арестовали за занятие запрещенным колдовством.

— Что?! Запрещенным колдовством?

Я была поражена.

— Ну да. Как это у вас называется? Маги-отступники, кажется.

— Погоди, Гвейн. Но ведь они были магами-экспериментаторами!

— Он прав, Мира, — сказала Данни. — Они и правда много экспериментировали с магией, но не только. Свою основную деятельность им приходилось тщательно скрывать. В подвале находилась секретная лаборатория, куда мне входить запрещалось. И лишь после их ареста я сумела туда проникнуть.

— И нашла там амулет, ускользнувший от внимания патруля, так? — спросил Гвейн.

— Не совсем. Родители сами мне его оставили. Мама смогла незаметно сунуть в мою руку, перед тем, как их увели.

— И вот через этот амулет Данни общалась со своим так называемым женихом, — плодотворил Гвейн. — Правильно?

— Когда я впервые услышала голос, очень испугалась, — сказала Данни. — Сначала он называл меня Витерой, это имя мамы. Я долго не решалась отвечать, но потом решила — если он знает маму, то не может сделать мне ничего плохого. Стала с ним разговаривать. Мне ведь больше не с кем было общаться.

— Именно он предложил поселиться у Миры, правда?

Данни кивнула.

— Но почему? — вскричала я. — Разве он меня знал?

— Не лично. Тогда я не особо интересовалась, отчего он направил меня именно к тебе.

Узнала лишь позже... Кажется, он и сам узнал только тогда, когда арестовали моих родителей. Ты и правда очень похожа на свою мать.

— Что ты...

Но я уже и сама поняла, что она имеет в виду. Ведь и Аквинтия говорила о том же. Моя мама — вовсе не моя мама.

Я обхватила голову руками. Который раз за сегодняшнюю ночь мир уходил из-под ног. Но я все-таки не могла в это поверить.

— Неправда, — прошептала я.

— Твой родной отец — Макер-тот, Мира, — сказал Гвейн. — Именно тебя он назначил своей наследницей. Именно тебя пропустил его кабинет. И именно ты нашла ковчежец.

— И замок он тоже оставил тебе, — добавила Данни.

В ее голосе не было ни злости, ни зависти. Она лишь констатировала факт.

У меня защипало в глазах.

Я хотело что-то сказать, но не смогла. Горло перехватило.

Пришлось отвернуться и некоторое время бороться с подкатывающими слезами.

Не знаю, что было обиднее — предательство собственного отца, стеревшего мою память или его нежелание поинтересоваться моей дальнейшей судьбой.

— Почему? — спросила я, прокашлявшись. — Почему, когда был жив, он ничего не рассказал?

— Понятия не имею, — покачала головой Данни. — То ли обижался на свою жену, то ли разочаровался в тебе, когда ты родилась. Видимо, решил, что ты вырастешь дебилкой, как дети других магов. Он же почему-то стер твою память, заменив ее ложной. Нашел фальшивых родителей ноль-три, уговорил или подкупил их, вот в все.

Все?! У меня украли прошлое, украли родных родителей, и кто? Мой отец! Мой родной отец!

Да как он мог?

— Я, конечно, верну тебе замок, Мира, — сказала Данни. — Теперь он мне не нужен. Собственно, теперь мне уже ничего не нужно.

— погоди, — сказала я. — Но почему ты сразу ничего не рассказала? Про человека, запертого в пещере?

— Он не велел. Никому нельзя про него рассказывать.

— Видишь ли, Мира, — сказал Гвейн, — он был первым магом-отступником. Очень сильным магом.

— Но... откуда ты все это знаешь? — не выдержала я.

— Да, откуда? — подхватила Данни. — Кажется, тебе я ничего не рассказывала.

— Данни, как все сентиментальные девушки, ведет дневник, — ответил Гвейн. — Прости, хозяйка, но, услышав, как ты разговариваешь сама с собой, я решил его прочесть.

— Чушь, — фыркнула подруга. — Ты не мог. На него было наложено заклятие. Никто, кроме меня, не в силах его открыть.

— Я ничего не понимаю в ваших заклятиях, — ответил Гвейн. — Но они почему-то на меня не действуют. Может быть, потому что я не из Данетии.

— Не действуют? — спросила я. — Ты уверен? А как же кабинет Макер-тота, который тебя не пускал?

— Тут мне пришлось немного слукавить, — усмехнулся он. — Я просто поддержал Сварта, который действительно не смог перешагнуть порог. К тому же, не хотелось мешать

Мире наводит порядок.

— А цепочка? — спросила Данни. — Я ведь навесила на тебя мощнейший артефакт. Ты без него не мог даже разговаривать!

— Как выяснилось, мог. И сейчас могу. Тут, похоже, дело вовсе не в цепочке. Видимо, у меня случилась временная амнезия.

— Ох, и загадочный же ты тип, — я подозрительно посмотрела на парня. — А вдруг выяснится, что ты тоже маг-отступник?

— Вряд ли, — рассмеялся Гвейн. — Мне бы действительно очень хотелось узнать, кто я и откуда, но уверен — к магии не имею никакого отношения.

— И что же нам теперь делать? — спросила я. — Как быть с магом, находящимся в пещере? Освободить? Сообщить в магический комитет? Данни, что скажешь?

Она какое-то время молчала. Потом тихо ответила:

— Ты знаешь, долгое время он был самым близким мне человеком. Я рассказывала ему все, что со мной происходило, он советовал, как поступить в том или ином случае. Потом я полюбила его. Он очень хороший, правда. Не чета всем вам. Да, отступник. Зато сильный и умный. Больше всего на свете я хочу его увидеть. Слышите? Если мы встретимся, то уже никогда не расстанемся. Я стану его женой, сестрой, любовницей, служанкой... Всем, чем он пожелает. Лишь бы оставаться рядом...

Она говорила все тем же спокойным, бесцветным голосом.

— Это безумие, Данни, — сказала я. — Он использовал тебя. Как до того — твоих родителей. Да и наверняка не только вас. Ты столько лет ненавидела меня и даже готова была убить, когда я не отдала тебе ларец.

Она будто не слышала:

— Он очень давно заперт в Блуждающей. Ему там безумно плохо. Да, пещера дает ему все необходимое — еду и воду. Но он сходит с ума от одиночества. Неужели вы этого не понимаете?

— А как же Магистры Ордена? Насколько я знаю, они ведь входили в Блуждающую за могуллием?

— Не знаю, он не говорил.

— Но... как он туда вообще попал?

Данни молчала.

— Мира, ты помнишь легенду, рассказанную Свартом? — спросил Гвейн. — Тебе не кажется, что в ней есть доля истины?

— Это тот самый маг? — поразила я. — Данни, как его зовут?

— Апук, — ответила он.

— Сокращенно от Апукнутут, — кивнул Гвейн. — Ничего себе. Ты уверена, что он тебя не дурил? Ему же должно быть ужас сколько лет.

— Мне все это не нравится, — сказала я. — Однако, придется как-то разбираться. В конце концов, если все сказанное Данни правда, то именно я являюсь Привратницей. По крайней мере, пока не передам ларец кому-то другому.

— Мне! — тут же подскочила Данни. — Передай его мне!

— Не вздумай, — угрожающе сказал Гвейн. — Сокровище доверено тебе, Мира. Тебе не кажется, что оно само выбрало тебя? Завтра... нет, уже сегодня мы поедем обратно в замок, пороемся в документах твоего отца... гм... Макер-тота и пойдем, как найти монастырь Ордена.

— А я? — закричала Данни и молитвенно сложила на груди руки. — Я тоже хочу с вами! Ну, пожалуйста, возьмите меня!

Мы с Гвейном переглянулись и посмотрели на Данни. Она стояла все в том же треугольнике, образованном кинжалами, и казалась маленькой и несчастной. Мое сердце дрогнуло. Я уже протянула руку к ближайшему кинжалу, чтобы вытащить его и освободить подругу.

Но вдруг все шесть ярко вспыхнули.

Наверное, вспышка опалила Данни, потому что она снова закричала и забилась между невидимыми стенами. От кинжалов вверх потянулись белые сверкающие нити, потом все пространство между ними заполнилось такими же нитями, сливаясь воедино. Крик подруги вновь стал глухим, и постепенно затих совсем. Свечение пропало.

Мы с Гвейном с изумлением увидели — Данни исчезла. Лишь кинжалы оставались воткнутыми в пол.

— Ничего себе, — только и сказала я. — Интересно, куда она подевалась?

— Великим Притворам виднее, как с ней поступить, — заметил Гвейн.

— Подпорам, — поправила я. — Я очень за нее волнуюсь.

— После всего, что она рассказала? — изумился Гвейн. — Нет, ты просто ненормальная!

— Ага, — согласилась я. — И даже не немного.

Кажется, он был согласен. Потому что, угадав мои мысли, спросил:

— Когда ты собираешься вернуться в замок? Давай не сегодня.

Я рассмеялась. Сказала:

— Давай. Предлагаю немного отдохнуть перед поездкой.

— Как вариант — поспать, — кивнул Гвейн.

В прихожей затопали, и в комнате появилась сердитая соседка, наша любимая старушка Зофа Галген-тонс. Всклоченная, злая, в вывернутом наизнанку домашнем халате и тапках на босу ногу.

— Это чего тут такое?! — закричала она. — Всю ночь орут, стучат, огонь жгут!

Тут она увидела Гвейна и заулыбалась во весь свой беззубый рот:

— А, вы уже приехали, да? Арестуйте ее, — она показала на меня узловатым пальцем. — За нарушение спокойствия.

И обалдело уставилась на нас, потому что мы дружно расхохотались — то ли нервно, то ли облегченно.

— Простите, — отсмеявшись, сказал Гвейн. — Конечно, я ее арестую. Пойдем, Мира. А вы, уважаемая миста, не сочтите за труд посторожить в наше отсутствие квартиру. Здесь, как вы сами понимаете, остались улики и отпечатки пальцев.

Старушка похлопала глазами, так ничего и не поняв, и неуверенно кивнула.

Можно было уезжать. Я сняла со стены портрет папы, собрала кинжалы и подхватила коробку с артефактом.

— Кстати, Мира, — спросил Гвейн, когда мы сели в быстроходку. — Что за сокровище таится в сём ларце?

— Не знаю, — просто ответила я. — Не было времени заглянуть.

— Так давай заглянем.

Я открыла крышку, на которой не было никакого замка.

Мы глянули внутрь. Похлопали глазами, переглянулись.

Ларец был пуст. Абсолютно. Совершенно.

В нем не было ни ключа, ни веретенца, открывающего пещеру.

Вообще ничего.

Я пошарила рукой по дну, стенкам, крышке. Не нашла никакой потайной пружины.

— У меня такое чувство, — медленно сказал Гвейн, — что нас очень сильно надули.

— У меня тоже, — кивнула я, начиная злиться. — Теперь мы обязаны найти Орден и потребовать объяснений!

— А может, ну его, это Яблоко? Вдруг не существует никакого ключа и никакой пещеры? Давай забудем всю эту историю, а? Ты вернешься в музей, я наймусь к кому-нибудь на работу в качестве водителя. Будем тихо жить-поживать, никого не трогать.

— Ну уж нет! — взвилась я. — Мне разгромили квартиру! Лишили единственной подруги! Да что там подруги! Родителей — и тех лишили! Вычистили память! Эх, жаль нет в живых Макер-тота! Сдается мне, тот еще шутник был. Встреть я его сейчас, я бы ему... я бы... все ему сказала! И показала!

— Что было, то прошло, — сказал Гвейн. — Кого теперь винить, что жизнь прошла так, а не иначе?

— Никого, ты прав, — сказала я, остывая. — В принципе, твое предложение хорошее. Все забыть, погрязнуть в быте... Нет, не перебивай, ты именно это и предлагал. Но ты забыл, мой славный друг, что есть еще одна проблема. Причем глобального масштаба. Ты забыл, должно быть, что если мы не отыщем пещеру, то очень скоро страна погрузится во мрак. В прямом смысле. Во мрак домаговых времен. Не будет часов. Перестанут ездить быстроходки. Замолчат переговорники. Отключится отопление в домах... Достаточно?

Гвейн молчал.

— Окажутся неизлечимыми сотни болезней, потому что лекарства от них производится на чистом могулии. Остановится производство, ведь машины и механизмы тоже зависят от волшебного порошка. Гвейн, если мы можем найти пещеру, но не сделаем этого, если бросим все и всех на произвол судьбы... Как думаешь, кем мы тогда станем?

Он молчал.

— Немного отдохнем и поедem, — решительно сказала я. — Мне ох как не терпится узнать всю правду.

— Но сперва отдохнем, — сказал Гвейн.

И мы отправились в квартиру Гвейна. Отдыхать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net